

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Д.И. Тихонов

ХОЗЯЙСТВО
И ОБЩЕСТВЕННЫЙ
СТРОЙ
УЙГУРСКОГО
ГОСУДАРСТВА

Х—XIV вв.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Д.И. Тихонов

ХОЗЯЙСТВО
И ОБЩЕСТВЕННЫЙ
СТРОЙ
УЙГУРСКОГО
ГОСУДАРСТВА

X—XIV вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

1 9 6 6

АННОТАЦИЯ

Уйгуры являются одним из древнейших тюркских народов Центральной Азии. Их самостоятельная политическая и этническая история прослеживается довольно рано. В конце IX в. они создали в Притяньшанье свое государство, просуществовавшее около 500 лет. Уйгурское государство было одним из наиболее развитых в Центральной Азии; его поливное земледелие, ремесло, скульптура, живопись достигли в тот период высокой ступени развития. Уйгуры имели постоянные торговые и культурные связи с Востоком и Западом, причем культура западных народов оказывала большое влияние на все стороны их жизни.

В книге имеются следующие разделы: основные занятия, общественный строй (община, землевладение, классовый состав общества, формы зависимости), культура и быт.

Работа подобного характера в исторической науке предпринята впервые. На основании уйгурских источников, археологических и этнографических материалов показана история консолидации уйгурской народности, самостоятельное развитие их государственности, возникновение и развитие феодальных отношений, высокой самобытной культуры. Книга снабжена обширной библиографией.

Издание рассчитано на широкий круг востоковедов, этнографов, историков, экономистов, студентов исторических вузов и лиц, интересующихся данным вопросом.

Ответственный редактор

проф. А. П. ПОТАПОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уйгурское государство в Восточном При Тяньшанье, просуществовавшее не одно столетие, не было предметом специального исследования. Приступая к работе над этой темой, автор понимал сложность поставленной задачи вследствие неразработанности проблемы в целом и слабой изученности источников. Из-за скудости данных в некоторых случаях пришлось ограничиться кратким изложением вопроса в надежде обнаружения впоследствии дополнительных сведений. Автор рассматривает свою работу как попытку привлечь внимание историков к вопросам хозяйства и общественного строя народов Центральной Азии в средние века и частично восполнить пробел в исторической литературе, не претендуя на окончательное решение проблемы.

При написании уйгурских текстов, собственных имен и терминов автор исходил из транскрипции С. Е. Малова с незначительными отступлениями в тех случаях, когда определенное слово уже вошло в научный обиход в установившейся форме.

В заключение выражаю признательность коллективу Института этнографии АН СССР, где работа подготавливалась к печати, и всем товарищам, прочитавшим текст. Считаю своим долгом принести благодарность моему учителю С. Е. Малову, помогавшему добрыми советами, когда возникали затруднения, а также Л. П. Потапову, Б. И. Панкратову, чьи критические замечания были весьма ценны.

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

I

История уйгуров — одного из древних тюркских народов Центральной Азии — привлекала внимание многих исследователей, занимавшихся историей гуннов, монголов Китая и других народов, с которыми уйгуры жили по соседству и поддерживали постоянные связи. На основании данных летописей на китайском языке, арабских, персидских и тюркских источников были выяснены многие вопросы этногенеза, политической истории, расселения. С конца XIX в. начались археологические раскопки в провинции Синьцзян, давшие много памятников материальной культуры и письменных источников раннего времени. Появление новых источников значительно расширило научную базу уйгуроведения. Находки памятников орхонского рунического письма дали возможность проследить древний период истории уйгуров, остававшийся малоизученным.

По мере накопления фактического материала и разработки отдельных вопросов расширялся круг проблем, затрагивавшихся учеными. Некоторые ученые стремились собрать разбросанные сведения воедино и написать историю уйгуров с древнейших времен. Правда, начав изучение истории уйгуров, многие исследователи использовали преимущественно источники на китайском языке и мало привлекали труды арабских, персидских и тюркских авторов, хотя они сообщали много ценных сведений об уйгурах. Среди последних достаточно назвать сочинения Ибн ал-Асира, Джувейни, Рашид ад-Дина, чтобы представить всю значимость источников этого круга.

Первая работа по «Истории Чингис-хана и всей династии Мангу» принадлежит иезуиту Р. Гобилу.¹ Он сделал попытку в 30-е годы XVIII в. дать сводную историю монголов. Вскоре

¹ Goubil. Histoire de Gentchiscan et de toute la dinastie des Mongous.

появились в свет работы Дегиня «Историческая записка о происхождении гуннов и турков»² и четырехтомная «Всеобщая история гуннов, турков, монголов и прочих западных татар».³ Два десятилетия спустя после выхода в свет трудов Дегиня издал свою «Историю Татарии» Висделу.⁴ К этой же серии работ относится «Описание географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое китайской империи и китайской Татарии» Дю Гальда.⁵

В начале XIX в. начали выходить в свет работы Ю. Клапрота,⁶ вызвавшие длительный спор, и русские переводы китайских источников об уйгурах Н. Я. Бичурина.⁷ После Н. Я. Бичурина переводами китайских источников об уйгурах занимался Е. Бретшнейдер.⁸ Д'Оссон свой труд «История монголов от Чингис-хана до Тимур-бея или Тамерлана»⁹ писал на основании сведений ближневосточных источников и тех данных китайских авторов, которые вошли в научный обиход. Д'Оссон подробно прослеживал историю монголов, поэтому мало внимания уделял уйгурам. Однако возникшие народные волнения в XIX в. в Центральной Азии вновь пробудили интерес к уйгурам, к их далекому прошлому, и вызвали необходимость написать обстоятельную историю уйгуров с древнейших времен.

Наиболее полный свод сведений об уйгурах на русском языке для своего времени дал В. В. Григорьев.¹⁰ Он проделал исключительно большой труд, с научной добросовестностью свел воедино все доступные ему сведения по истории, этнографии и географии уйгуров с древнейших времен до 70-х годов XIX столетия. Хотя отдельные места с учетом новых данных нуждаются в дополнении, все же труд В. В. Григорьева и в наше время по полноте сведений не утратил своего значения.

Однако, несмотря на большое число работ, посвященных уйгурам, вопрос об их этнической принадлежности оставался дискуссионным. Монголисты Я. Шмидт и Д. Банзаров не считали их тюрками. В самом конце XIX в. появились две работы, после которых не высказывались мнения относительно того, что уйгуры не тюрки. В. В. Радлов уделил главное внимание изучению тюркских и ближневосточных источников,¹¹ а Д. Позднеев дал перевод китайских источников.¹² В первой части своей книги Д. Позд-

² Deguinges. Mémoire sur l'origine des Huns et de Turcs.

³ Deguinges. Histoire general des Huns, des Turcs, des Mongols.

⁴ Vissdelou. Histoire de la Tartarie.

⁵ Du Halde. Description géographique, historique.

⁶ Klapproth. Abhandlungen über die Sprache und Schrift.

⁷ Бичурин. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана.

⁸ Bretschneider. Medieval researches.

⁹ D'Osson. Histoire des Mongols.

¹⁰ Григорьев. Землеведение К. Риттера.

¹¹ Radloff. Das Kudatku-bilik; Радлов. К вопросу об уйгурах.

¹² Позднеев. Исторический очерк уйгуров.

неев подробно рассматривает вышедшую литературу по уйгурскому вопросу.

Ряд работ В. В. Бартольда также содержит много ценных сведений по истории уйгуров.¹³ Прекрасное знание широкого круга источников давало ему возможность сделать убедительные выводы по многим вопросам исторического прошлого уйгуров.

Многие русские путешественники тоже уделяли внимание вопросам истории уйгуров и других народов, населявших в далеком прошлом Восточное Притяньшанье. Г. Е. Грум-Гржимайло во втором томе отчета о путешествии в Центральную Азию посвятил специальный очерк историческому прошлому Бэй-Шаня.¹⁴ Он, как и В. В. Григорьев, сводит данные разных авторов, анализирует их, дополняет личными наблюдениями, полученными при осмотре археологических памятников, и излагает политическую историю народов, населявших Бэй-Шань. Ряд фактов, сообщаемых им, может служить дополнительным подтверждением некоторых выводов по истории общественных отношений уйгуров.

Большой вклад в изучение многих вопросов истории культуры и языка Центральной Азии сделан Э. Шаванном и П. Пеллю.¹⁵ Не только в названной ниже работе, но во многих других, они переводили источники, объясняли термины и рассматривали некоторые общие вопросы истории.

Крупный французский синолог Г. Кордые издал в четырех томах «Общую историю Китая».¹⁶ Второй том труда посвящен тюркским и монгольским народам. Огромная эрудиция позволяла Кордые использовать обширные сведения по истории Китая и Центральной Азии. Являясь основателем и редактором журнала «Тунбао», он был в курсе последних достижений науки в области китаистики, монголистики и тюркологии, именно тех областей, которые служили основой для исследования истории Центральной Азии.

История Центральной Азии занимает значительное место и в двухтомном труде Ренэ Груссе, посвященном Дальнему Востоку.¹⁷ Однако Груссе уделяет все внимание политической истории, даже последствия монгольского завоевания рассматриваются им в этом аспекте.

В 1934 г. вышло в свет исследование Б. Я. Владимирцова.¹⁸ Заслуга Б. Я. Владимирцова в том, что он преодолел традицию, господствовавшую среди многих историков, занимавшихся Средней и Центральной Азией, писать политическую историю рода Чингис-

¹³ Бартольд. 1) Очерк истории Семиречья; 2) Отчет о поездке в Среднюю Азию; 3) Туркестан; 4) О христианстве в Туркестане в домонгольский период; 5) Киргизы; 6) История турецко-монгольских народов.

¹⁴ Грум-Гржимайло. Описание путешествия в Западный Китай. Chavannes et Pelliot. Un Traité manichéen retrouvé en Chine.

¹⁶ Cordier. Histoire générale de la Chine.

¹⁷ Grousset. Histoire de l'Extrême-Orient.

¹⁸ Владимирцов. Общественный строй монголов.

хана. Он старался показать экономическое и правовое положение народа: формы порабощения его господствующим классом. Хотя Б. Я. Владимирцов в своем исследовании не касается уйгуров, однако его труд необходимо привлекать при выяснении некоторых общих вопросов развития феодализма и особенно при изучении социальных и налоговых терминов, поскольку часть их встречается как у уйгуров, так и у монголов.

В изучении раннего периода истории уйгуров после выхода в свет работ В. В. Радлова и Д. М. Позднеева наступил продолжительный перерыв, который можно назвать периодом накопления новых фактических материалов.

Наконец, в 1947 г. А. Ю. Якубовский сделал попытку осветить историю Уйгурского государства IX—X вв. по арабским и персидским источникам.¹⁹ Через десять лет, т. е. в 1958 г., вышла книга на китайском языке, авторы которой изложили историю уйгуров с древнего времени до начала XVI в.²⁰

В 1961 г. появилась в свет статья А. Г. Малявкина о китайских источниках по истории уйгуров XI—XII вв.²¹ В Японии было опубликовано несколько работ, посвященных вопросам истории, культуры и письменным памятникам уйгуров.²² В это же время А. Габен издала книгу, посвященную Уйгурскому государству со столицей в Кочо.²³

В «Истории мар Ябалахи III и раббан Саумы» нет упоминаний о городах Уйгурского государства, но называются города Тангут и Кашгар. Последний был разграблен и опустел. Упомянут также город Лутан. Некоторые комментаторы считают возможным отождествить его с Хотаном. Вероятно, это предположение является верным. Марко Поло тоже ехал через Хотан и тангутские города. Однако следует принять во внимание два обстоятельства при определении маршрута Ябалахи. Известно, что Саума был уйгуром, жившим в Ханбалыке, и приехал в свой родной город Лутан. Его встретили родные и друзья. Как известно, Хотан не был занят уйгурами, он находился в государстве караханидов, исповедовавших ислам. Возникает вопрос, как могли уйгуры — родственники и друзья Саумы — оказаться в Хотане, враждебном им городе. Ябалахи и Саума могли ехать северной дорогой из тангутских городов в Кашгар, и тогда на их пути лежал город Лукчун с уйгурским населением. Лукчун в то время был крупным городом, его ткани из льна были широко известны и ценились высоко.²⁴ Не следует ли Лутан отождествлять с Лукчуном?

¹⁹ Якубовский. Арабские и персидские источники об уйгурско-турфанском княжестве.

²⁰ Фэн Цзя-шэн. Вэйур цзю ши ляо цзянь бянь.

²¹ Малявкин. Китайские источники.

²² Takeo. History of the Uighurs; Tatsuro. A Tunhuang manuscript; Ogawara. Seiki bunka keukyū-no genjo.

²³ Gabain. Das uigurische Königreich von Chotscho.

²⁴ Пигулевская. История мар Ябалахи III и раббан Саумы.

Очень важное значение для изучения истории уйгуров имеют письменные источники на уйгурском языке. Накопление их неразрывно связано с археологическим изучением центров древней культуры уйгуров. Роль русской науки в этой области исключительно велика. Путешественники, археологи, филологи и многие другие внесли свой вклад в дело собирания и изучения древних литературных памятников на уйгурском языке, в том числе деловых документов.

Врач и ботаник А. Э. Регель еще в 1879 г. дал план бывшей столицы Уйгурского государства города Ходжо, развалины которого находятся в Турфанском оазисе.²⁵ Это первое сообщение о древних памятниках Кашгарии не осталось одиноким. Вскоре в наши музеи стали поступать материалы, собранные Н. Ф. Петровским, заслуга которого в этой области исключительно велика.²⁶ Н. Ф. Петровский хорошо знал историю и культуру уйгуров, поэтому он собирал рукописи и памятники материальной культуры с учетом интересов науки. Рукописные коллекции Н. Ф. Петровского являются серьезной базой для нашего уйгуроведения уже много лет. Некоторые сочинения считаются уникальными и представлены только в наших собраниях. Присланные им археологические материалы в Петербург пробудили интерес русских ученых к древней культуре народов Центральной Азии. В печати появились статьи, в которых рассматривались сами материалы и ставились задачи перед русской наукой в этой области. Крупный знаток буддизма и индийской культуры И. П. Минаев писал о том, что русская наука должна начать историко-археологическое изучение обширных пространств Кашгарии.²⁷ В «Записках Восточного отделения Русского археологического общества» была напечатана статья Г. Кизерицкого о хотанских древностях из собрания Н. Ф. Петровского.²⁸ Сам Н. Ф. Петровский публикует ряд небольших статей, сообщающих много ценных сведений, не утративших научного значения и в настоящее время.²⁹

²⁵ Первое известие на русском языке было опубликовано в ИРГО. Регель в докладе на заседании Русского географического общества сообщил свои наблюдения о развалинах древнего города: «Рядом с Карагуджою находится развалина громадного города, построенного будто бы 2000 лет тому назад мифическим царем Такианусом. Стены этого города чрезвычайно толсты и высоки и имеют с каждой стороны длину более версты. Внутри города помещены высокие башни со сводообразными окнами или дверями, построенные несколькими уступами, в том роде, как мы себе представляем башню Ваала, затем высокие памятники и отдельно стоящие высокие толстые стены, в которых расположено несколько этажей сводов, служащих, по-видимому, для жилища» (Регель. Путешествие в Турфан).

²⁶ Ольденбург. Памяти Николая Федоровича Петровского, стр. 1—8.

²⁷ Минаев. Забытый путь в Китай.

²⁸ Кизерицкий. Хотанские древности.

²⁹ Петровский. 1) Заметки о древностях Кашгарии; 2) Буддийский памятник близ Кашгара; 3) Ответ консула в Кашгаре.

Русское археологическое общество наметило обширную программу изучения территории Синьцзяна, даже частичное выполнение которой дало науке исключительно разнообразный и ценный в научном отношении материал. Достаточно указать на некоторые поступления в Азиатский музей Академии наук, являвшийся основным центром хранения письменных памятников на восточных языках. В 1896 г. от Русского географического общества поступил мешок, наполненный обрывками уйгурских и китайских рукописей, купленных и собранных, главным образом в Турфанском оазисе, экспедицией П. К. Козлова и В. И. Роборовского в 1894—1895 гг.

После этих поступлений, естественно, возникла мысль об экспедиции, которая имела бы целью широкое изучение древних памятников и собирание письменных документов на древнем уйгурском языке. Первая русская археологическая экспедиция во главе с Д. Клеменцем была отправлена Академией наук в Турфанский оазис в 1898 г. Хотя экспедиция имела весьма ограниченные средства и состояла из трех человек, а времени было отведено всего четыре месяца, все же она собрала большое количество различных материалов.

Нельзя не отметить исключительную добросовестность Д. А. Клеменца при собирании материала, особенно фресок.³⁰ Экспедиция не вела раскопок, ограничиваясь лишь изучением географического расположения археологических памятников, степени их сохранности, а также приобретением у населения рукописей, которые поступили затем в Азиатский музей. Среди многочисленных отрывков буддийского содержания имелись деловые документы.³¹ Вслед за Д. Клеменцем последовала целая серия различных экспедиций. С 1900 г. начал свои археологические работы А. Стейн. Частичные результаты многократных раскопок были опубликованы в отчетах и трудах. Для настоящей работы представляют интерес документы и памятники материальной культуры, позволяющие понять многие стороны жизни уйгуров в ранний период. Документы переводились Э. Шаванном, Ф. Томасом.³² Собранные материалы охватывают обширные южные области, в частности древний Хотан и города к северо-востоку от Хотана.

Т. Барроу издал с английским переводом около 750 документов карошты.³³ В течение ряда лет Ф. Томас печатал с английским переводом тибетские документы.³⁴

³⁰ K l e m e n t z. Nachrichten über die Expedition nach Turfan.

³¹ Более подробно см.: О л ь д е н б у р г. 1) Исследование памятников старинных культур; 2) Русские археологические исследования в Восточном Туркестане; 3) Экспедиция Д. А. Клеменца в Турфан.

³² S t e i n. 1) Ancient Khotan; 2) Serindia.

³³ B u r r o w. A translation of the kharosthi documents.

³⁴ T h o m a s. 1) Tibetan documents concerning Chinese Turkestan; 2) Tibetan literary texts.

Последняя публикация документов из Центральной Азии, собранных А. Стейном, сделана в фундаментальном труде крупнейшего французского синолога А. Масперо.³⁵

А. Масперо расшифровал и перевел на французский язык 607 документов, которые были найдены в Дуньхуане, Лоулане, в районе Турфана, в Таримском бассейне и в мертвом городе Хара-Хото.

Материалы, обнаруженные во время раскопок, относятся к разным эпохам. В частности, документы карошты были написаны в I—III вв., а китайские относятся ко времени господства монголов в Центральной Азии. Ряд явлений в экономической и социальной жизни прослеживается в различных районах и в разное время. Следовательно, эти явления нельзя считать случайными или имеющими местное значение. Наоборот, они дают возможность установить основные закономерности развития исторического процесса у уйгуров.

Наряду с изучением южных оазисов начались археологические раскопки северных и восточных. В 1902—1903 гг. экспедиция А. Грюнведела вела работы в Турфанском оазисе, где было найдено большое количество различных фрагментов, в числе которых оказались древние уйгурские документы.³⁶

В 1904—1905 гг. Турфанский оазис обследовала экспедиция во главе с А. Лекоком, которая, так же как и предыдущая, собрала богатый материал. Грюнвельд и Лекок повторили свои работы в Турфанском оазисе в 1906—1907 гг. и, кроме того, начали изучение других оазисов: Карашарского, Кучарского и Хамийского. Особенно много деловых документов было обнаружено в Безеклике и в руинах «К» близ Идикут-Шари. Кроме письменных памятников, экспедиции Грюнведела и Лекока вывезли большое число фресок, многие из которых хорошо сохранились.³⁷

Русскому комитету по изучению Средней и Восточной Азии удалось в 1906 г. направить экспедицию в Кучар с целью предварительного изучения оазиса в археологическом отношении. Опытный путешественник М. М. Березовский при весьма скудных средствах сумел собрать ценный материал, в том числе и рукописные документы известного в литературе языка 1. Поездка М. М. Березовского³⁸ имела целью подготовить условия для более успешной работы большой экспедиции, которая направилась под руководством С. Ф. Ольденбурга в 1909 г. Эта экспедиция посетила оазисы Кучарский, Карашарский и Турфанский. В числе

³⁵ Maspero. Les documents chinois. — А. Масперо умер 17 марта 1945 г. в концентрационном лагере Бухенвальде и не мог лично принять участие в издании своего труда. Заботы о выпуске книги в свет взял на себя Британский музей.

³⁶ Grünwedel. Bericht über die archäologischen Arbeiten in Idikutschari.

³⁷ Le Coq. Chotscho.

³⁸ Березовский. Находки уйгурских рукописей.

многочисленных фрагментов, собранных ею, оказалось несколько деловых документов. Вторая экспедиция под руководством С. Ф. Ольденбурга посетила страну в 1914—1915 гг., также собрав большой материал.³⁹

Одновременно Азиатский музей Академии наук начал получать собрания древних письменных памятников от А. А. Дьякова (1908), Н. Н. Кроткова (первая коллекция 1909), Кохановского и других лиц, проявлявших интерес к собиранию древних памятников. С. Е. Малов, посетивший страну с целью изучения языка и быта уйгуров, привез значительное число письменных памятников различного характера. Из всех поступлений Азиатского музея наиболее богатыми деловыми документами оказались коллекции Н. Н. Кроткова.

Исключительно большое научное значение имела экспедиция в Центральную Азию во главе с П. К. Козловым, установившая местонахождение развалин Хара-Хото.⁴⁰ Экспедиция собрала огромное количество письменных памятников, главным образом тангутских, среди которых имелось несколько уйгурских текстов.

Поступление в ряд книгохранилищ письменных памятников из Центральной Азии пробудило к ним живой интерес у многих ученых. В России публикацию начал В. В. Радлов, издав в 1899 г. два документа.⁴¹ Он не только сам занимался чтением и переводом, но одновременно привил интерес к документам своим ученикам, одним из которых был С. Е. Малов, продолжавший публикацию и перевод документов и других памятников уйгурской культуры.

Заслуги В. В. Радлова и С. Е. Малова в изучении уйгурских деловых документов исключительно велики. Первое большое издание текстов с переводами на немецкий язык, обширными комментариями и словарем, вышедшее в 1928 г., представляет интерес для историков.⁴² С. Е. Малов после этого продолжал публиковать документы с переводами на русский язык. Им издавались с более точным чтением и переводом не только те документы, которые уже публиковались ранее, но и новые, собранные им самим и С. Ф. Ольденбургом. В своей работе «Памятники древнетюркской письменности»⁴³ С. Е. Малов наметил широкую программу, чтобы показать историю развития письменности тюркских языков. Юридическим документам он посвятил специальный раздел. С каждой новой работой С. Е. Малова количество изданных документов возрастает. Являясь крупнейшим знатоком в области истории тюркских языков, С. Е. Малов дал коммен-

³⁹ Ольденбург. Русская туркестанская экспедиция 1909—1910 г.

⁴⁰ Козлов. Монголия и Андо и мертвый город Хара-Хото.

⁴¹ Klementz. Nachrichten über die Expedition nach Turfan, S. 55.

⁴² Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler (см.: Радлов, док.).

⁴³ Малов. 1) Памятники древнетюркской письменности (далее: Малов. Памятники); 2) Два уйгурских документа; 3) Образцы древнетюркской письменности.

тарий на широком языковом материале. Эта же особенность характеризует публикуемый в его книге словарь. Новый словарь значительно полнее изданного в 1928 г., хорошая документация дает возможность в случае необходимости обратиться непосредственно к памятнику. Библиография отличается полнотой.

Китайский исторический журнал в 1954 г. опубликовал фото двух документов и перевод их на китайский язык.⁴⁴ Издатель этих документов предпослал им историческое введение и снабдил перевод комментарием.

Раннему периоду истории Гаочана посвящены работы Хуан Вэнь-би, в которых приводятся китайские надписи на могильных плитах VI—VII вв., обнаруженные в Турфанском оазисе,⁴⁵ и уйгурские документы, относящиеся ко времени, когда Гаочан входил в состав танской империи.⁴⁶ Работы Хуан Вэнь-би снабжены комментарием.

Большое количество текстов, найденных в Турфанском оазисе, было издано В. Бангом и А. Габен. Интерес представляют не только сами тексты с переводами, но и обширный комментарий и индекс.⁴⁷

Многие ученые занимались уйгурскими документами, публиковали переводы с филологическими комментариями, пытались определить время их написания, дать палеографическую характеристику. Однако историки не использовали эти документы при изучении социальной средневековой истории уйгуров. Хотя документы стали доступны ученым с конца XIX в., лишь в 1940 г. А. Н. Бернштам напечатал статью, в которой рассматривал их как исторический источник,⁴⁸ а в 1950 г. А. К. Кибиров опубликовал автореферат кандидатской диссертации, посвященной социально-экономическому строю уйгуров в XIII—XIV вв., и статью о рабстве у уйгуров.⁴⁹ А. К. Кибиров первый использовал уйгурские документы в качестве основы своей работы, но он ограничил хронологические рамки написания их XIII—XIV вв., хотя некоторые документы могут быть отнесены к более раннему времени.

Представляют интерес публикации документов Э. Р. Тенишева совместно с Фэн Цзя-шэнем о Бинтунге.⁵⁰ О Бинтунге издал документ также и С. Е. Малов.⁵¹ Г. Рамстедт издал в 1940 г. четыре уйгурских документа, сделав перевод их и снабдив коммен-

⁴⁴ Фэн Цзя-шэн. Два типа соглашений на уйгурском языке.

⁴⁵ Хуан Вэнь-би. Гаочан.

⁴⁶ Хуан Вэнь-би. Тулуфань.

⁴⁷ Bang. Türkische Turfantexte; Bang u. Gabain. 1) Türkische Turfantexte, I—V; 2) Analytischer Index.

⁴⁸ Бернштам. Уйгурские юридические документы.

⁴⁹ Кибиров. 1) Социально-экономический строй Уйгуристана; 2) К вопросу о рабстве.

⁵⁰ Фэн Цзя-шэн, Тенишев. Три новых уйгурских документа.

⁵¹ Малов. Памятники, стр. 201—204.

тариум.⁵² В последнее время в Японии издаются уйгурские тексты, в числе которых имеются деловые документы.

Ценные сведения об Уйгурском каганате VIII—IX вв. содержатся в орхонских памятниках.⁵³ В них говорится о политических событиях, перечисляются народы, которые были подчинены Уйгурским каганатом, названы имена каганов. Рунические памятники представляют интерес для изучения языка и культуры. Два из них считаются уйгурскими: надгробный текст в честь уйгурского кагана Моюн-чура и «Суджинская надпись». Первым прочитал орхонские надписи датский ученый тюрколог Вильгельм Томсен. В изучении рунических памятников многое сделали В. В. Радлов и С. Е. Малов.

Археологическое изучение древних памятников Уйгурского государства ознаменовалось находками рунических текстов на бумаге. Эти тексты относятся к VIII в. По содержанию они отличаются от орхонских надписей. Один текст содержит поверья и приметы шаманского характера, а другие представляют отрывки деловых документов. Среди фрагментов имеются тексты маниейского содержания.

III

Древние уйгурские документы отражают многие стороны жизни уйгурского общества. Они представляют собой различные сделки между частными лицами, официальные предписания, прошения, завещания и т. д. Благодаря своему разнообразию эти документы ценны при изучении многих вопросов хозяйства и социального строя. Из них мы узнаем о формах землевладения, о продаже земельных участков, виноградников, об аренде земель, виноградников, о пожаловании во владение земель, о заповедных землях, о рабах, крепостных, заложниках, свободных крестьянах, об общине, о повинностях и налогах, о займах зерна, серебра, кунжутного масла, вина, тканей, о найме рабочего скота. Среди документов имеются различные торговые сделки, хозяйственные записи и т. п. Особенно большой интерес представляют сведения о землевладении и землепользовании. Имеется группа документов, в которых сказано о формах зависимости. Сведения о налогах и повинностях содержатся во многих документах. Однако эти сведения очень кратки и трудно установить, о каком налоге идет речь.

Документы дополняют наши крайне скудные сведения о характере общественного строя уйгуров важными и достоверными данными. Сельская община названа в них терминами будун или аль, которые встречаются вместе и раздельно в одном и том же значении.

⁵² Ramstedt. Four uigurian documents.

⁵³ Радлов. Атлас древностей Монголии; Сборник трудов Орхонской экспедиции; Малов. 1) Памятники; 2) Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии (далее: Малов. Памятники древнетюркской письменности).

Среди документов преобладают соглашения о займе. Это служит убедительным доказательством того, что ростовщичество у уйгуров получило широкое распространение. Среди текстов имеются, видимо, записи расходов. Скупые строки их содержат много интересных и важных подробностей, характеризующих быт и взаимоотношения людей. Иногда встречаются указания на то, что давалось беку, кому посланы люди для домашней работы, сколько уплачено за выполненную работу. Все эти детали существенно дополняют наши сведения о материальной культуре уйгуров раннего времени. Наконец, мы располагаем брачным контрактом. Его текст, пока единственный, сохранился не полностью, но и при наличии этого можно с уверенностью говорить о порядке оформления брачных соглашений.

В некоторых документах встречаются географические названия. Определить точное местонахождение всех географических пунктов не представляется возможным. Одно бесспорно, что все они находятся в Турфанском оазисе. Не раз упоминается Кочо. В одном документе написано Кочо Кызыл (док. № 17). Вероятно, автор, желая сказать, что Кочо необычный город, столица, прибавил Кызыл (Кочо — красный, стольный город). Говорится также и о городе Яр. Хорошо известны и развалины Яр-Хото к западу от Турфана. Относительно города Арканта нет других сведений, поэтому не представляется возможным определить его местонахождение. Но замечание С. Е. Малова, что его не следует смешивать с Яркендом, справедливо.

Несомненно документы появились в разное время. Часть из них без особого труда можно отнести ко времени господства монголов, но нет основания считать, что все они написаны не ранее XIII в. В. В. Радлов высказывал свои соображения о времени написания некоторых фрагментов и считал, что по ряду признаков их следует относить к более раннему времени — вплоть до X в. С. Е. Малов, подготавливая работу В. В. Радлова к печати, в предисловии писал, что новые материалы заставляли В. В. Радлова менять свои взгляды относительно датировки отдельных документов. Сам же С. Е. Малов относил документы к XII—XIV вв. Появление в печати новых текстов, переводов и исследований не заставило В. В. Радлова отказаться от мысли, что часть публикуемых им текстов следует относить ко времени до подчинения монголам. С. Е. Малов, продолжавший изучать древние уйгурские документы, в 1951 г. писал: «...и в изучении этих юридических документов из Турфана XI—XIV вв. В. В. Радлов идет впереди всех».⁵⁴ Из этого следует, что С. Е. Малов соглашался с мнением В. В. Радлова о датировке документов. Сам С. Е. Малов тоже пересмотрел свои взгляды на вопрос о времени написания уйгурских документов. Если

⁵⁴ Малов. Памятники, стр. 99.

в 1928 г. он писал: «Юридические документы делают нам весьма ясной хозяйственную жизнь древнего уйгура (XII—XIV вв.) в теперешнем Турфанском оазисе»,⁵⁵ то позднее в 1951 г. С. Е. Малов высказал другое мнение. Он считал, что «уйгурские юридические документы дают нам полную картину хозяйственной жизни древнего уйгура X—XIII вв. Турфанского оазиса». ⁵⁶ Попытка относить все документы к XIII в. и позднее едва ли может быть обоснована. Видимо, к более ранним следует отнести документы №№ 26, 40, 41, 43, 77, 78, 88, 113—115.

В дополнение к доводам В. В. Радлова об уйгурской палеографии, диакритических знаках и словарном составе необходимо привести некоторые соображения другого характера. Рассмотрим «Жалованную грамоту» Елик Кадыра Мурутлукскому монастырю (док. № 88). В ней имеется имя того, от кого исходит пожалование, и назван монастырь. Соображения относительно времени написания грамоты уже приходилось высказывать, поэтому здесь коротко повторим наиболее важные соображения. Документ начинается так: «В год овцы, месяца чаксапут, 28 числа. Мурутлукскому монастырю. Кадыр билга тангри елик куты...». Начнем разбор в той последовательности, в какой изложено начало грамоты.

Прежде всего определена дата. Далее назван монастырь. Сведений о топографии древних буддийских монастырей на территории современной провинции Синьцзян нет. Но сохранились развалины их. Документ был найден в Турфанском оазисе. Однако одного этого далеко недостаточно, чтобы предположить место нахождения Мурутлукского монастыря именно на территории Турфанского оазиса. Возможно, следует принять во внимание то, что к северу от Турфана протекает речка Муртук и развалины буддийского храма, расположенные на ее берегу, тоже носят название Муртук. Не произошли ли в слове Мурутлук ассимиляция, а затем сокращение, и оно дошло до нас уже в виде Муртук?

Теперь обратимся к титулу. В таком виде он встретился пока один раз. В других случаях мы находим наличие некоторых слов без полного совпадения. Так, например, в док. № 26 имеем следующий титул: «Тангри боку тэнгри камис Кул-билга тангри емискинг». В. В. Радлов в 1908 г. в докладе на заседании восточного отделения Русского археологического общества говорил, что только уйгурские ханы конца VIII и начала IX в. носили титул «Кутлук Билга ат тенгрита кут балмиш каган». ⁵⁷ Рассматривая все три титула, приходим к мнению, что они должны относиться к одному времени.

⁵⁵ Р а д л о в, док., предисловие, стр. VI.

⁵⁶ М а л о в. Памятники, стр. 20.

⁵⁷ ЗВОРАО, т. XIX, стр. XIX—XX.

Предположение о том, что «Жалованная грамота» была написана значительно раньше подчинения монголам, основано на ряде доводов. В дополнение ко всему сказанному следует добавить следующее соображение. В буддийском фрагменте № 43 говорится о распространении буддизма в уйгурском государстве среди уйгурских племен, подчиненных елику. Следовательно, титул елик имели уйгурские правители. Поскольку речь идет о распространении буддизма среди уйгур, то, вероятно, это писалось вскоре после того, как уйгуры обосновались в Притяньшанье. Позднее, когда уйгуры стали ярыми буддистами, едва ли была необходимость в подобного рода текстах.

Док. № 77, называемый условно «Обязательство общины», на основании некоторых терминов я отношу к тому же времени, когда была написана «Жалованная грамота» Елик Кадыра. В обоих документах имеется термин сангик или сангикик. Завешание о наследстве (док. № 78) тоже восходит к одному времени с ними. В нем названо лицо, ведавшее куяком. Вероятно, кувак (док. № 77) и куяк есть одно и то же слово, лишь написанное по-разному, поскольку оно не уйгурское.

Уйгурские документы написаны по определенной форме, которая уже рассматривалась в литературе довольно подробно. А. Н. Бернштам в статье «Уйгурские юридические документы» посвятил два раздела подробному разбору общих черт и происхождению их формы.⁵⁸ С. Е. Малов также уделял внимание форме деловых документов.⁵⁹ Форма документа сама по себе для социальной истории не имеет значения, и можно было бы ее не касаться здесь, но утверждение А. Н. Бернштама о том, что «до XIII в. мы в уйгурских исторических источниках почти не имели документа, тип которого мог быть положен в основу юридических документов, нами разбираемых», заставляет вновь вернуться к этому вопросу.

А. Н. Бернштам считает, что в VIII—IX вв. уйгурские документы отличаются индивидуальностью и лишь «в XIII—XIV вв. в результате развития феодальных отношений на их основе был воспринят китайский образец документа».⁶⁰ С. Е. Малов отмечал наличие китаизмов в отдельных деталях, но относительно общей формы документов писал следующее: «Видно, что время успело уже выработать технические, юридические выражения и термины, определения цен, различные сроки, количество процентов и пр., так как все документы следуют этой выработанной общей норме».⁶¹

Точка зрения С. Е. Малова является правильной. Форма документа вырабатывалась в течение продолжительного времени, и

⁵⁸ Бернштам. Уйгурские юридические документы.

⁵⁹ Малов. Два уйгурских документа.

⁶⁰ Бернштам. Уйгурские юридические документы.

⁶¹ Радлов, док., предисловие, стр. VII.

было бы ошибкой утверждать, что в уйгурских документах XIII—XIV вв. воспринят китайский образец. Если согласиться с мнением А. Н. Бернштама, то придется отбросить другие линии деловых и культурных связей уйгуров.

Прежде всего следует ответить на вопрос, была ли другая традиция развития документа, которая могла найти отражение в форме документа XIII—XIV вв.? Да, была и имела широкое распространение. Очевидно, ошибочность взгляда А. Н. Бернштама в этом вопросе вытекает из того, что он принимает во внимание лишь одну линию. Но ведь общеизвестно наличие письма карошти. На нем сохранилось многочисленное количество документов самого различного характера. Их нельзя отбрасывать в сторону при рассмотрении формы документа. Приведем несколько примеров на карошти. Датировка документа была следующая: «В 11 год, 5 месяц, 8 день...»,⁶² «в 3 год, 4 месяц, 15 день...». В ряде случаев за датой следует титул, как например: «В 5 год, 7 месяц, 6 день, его высочество великий король Амгувака...».⁶³ После даты и титула следует содержание документа. Документы карошти были найдены А. Стейном во время раскопок в Нии, Лоулане и в других местах в период 1900—1904 гг. и опубликованы в 1920—1929 гг., перевод на английский язык вышел в свет позднее — в 1940 г.

Документы карошти датированы издателями I—III вв., а отдельные из них более точно: 239—265 гг. и 269 г.⁶⁴ Возможно, более детальное изучение их в сравнении с другими материалами позволит передвинуть хронологическую границу до IV—V вв. Кроме документов карошти нам известны тибетские, которые относятся ко времени VII—IX вв.,⁶⁵ и китайские конца VIII в.

Все эти документы были написаны на территории Синьцзяна, и трудно допустить, чтобы форма документа, уже выработанная, не воспринималась в каждый последующий период времени.

Для подтверждения мнения о сходстве формы документов VIII в. на тибетском и уйгурском языках приведем текст двух арендных соглашений. Тибетский: «Весна, в год собаки. Бам Сан-шен имеет Гвегу одну пару урожайной земли, огороженную в три маленьких (участка, — *Д. Т.*), которые отданы для обработки под просо исполу Ван Бур-хдо. Это должно быть сделано как и прежним человеком (арендатором, — *Д. Т.*). Урожай проса будет разделен поровну. Свидетели с печатями: Саг Ди-лаге, Сан Хеви-хдо и др., личная подпись хозяина земли Сан-шен. Впоследствии, если какой убыток падает, то на хозяина, а Бур-хдо только пользовался землей».⁶⁶ Уйгурский: «В год лошади, во второй

⁶² Burrow. A translation of the kharosthi documents.

⁶³ Там же, док. № 187, стр. 35.

⁶⁴ Rapson. Kharosthi inscriptions discovered.

⁶⁵ Thomas. Tibetan documents concerning Chinese Turkestan.

⁶⁶ Thomas. Tibetan literary texts.

месяц, двадцать восьмого числа, когда мне, Кайымту, для обработки и пользования понадобился виноградник, то я взял виноградник. Мысыра, находящийся в Кочо. Если за этот виноградник, когда я буду [его] обрабатывать, придется какие-либо подати и налоги, то я, Мысыр, [это] ведаю, а Кайымту да не ведает. Свидетель Бег-Буга. Свидетель Ельчи. Этот знак принадлежит мне, Мысыру. Я, Кайымту, под диктовку Мысыра написал».⁶⁷

Необходимо принять во внимание и согдийские документы. Между согдийцами и уйгурами существовала длительная культурная связь, велась торговля. Уйгуры в VIII в., когда они находились на Орхоне, восприняли от согдийцев манихейство; уйгурский алфавит также восходит к согдийскому. Воспринимая алфавит и манихейство, уйгуры знакомились со всем комплексом согдийской культуры, с их письменными памятниками. После прихода в Восточное Притяньшанье они встретились с тибетскими и индийскими письменными памятниками. Переход от манихейства к буддизму заставил уйгуров познакомиться с санскритской литературой самого различного характера. Все это следует учитывать как при решении вопросов культурной истории уйгуров, так и при определении формы документа. Если же видеть в форме уйгурского документа влияние лишь одной какой-то традиции, то неизбежно можно впасть в ошибку недооценки других культурных связей.

Необходимо обратить внимание еще на одну особенность. В датировке многих документов после числа добавлено слово «нового». У уйгуров, как и ряда других народов, месяц делился на три декады. Деление на части соответствовало появлению луны, среднему периоду и уменьшению ее. К первым десяти дням, т. е. когда появлялась новая луна, добавляли слово «новый». В китайских документах это добавление отсутствует. Следовательно, некоторая особенность в датировке не дает основания для категорического утверждения о том, что уйгурский хозяйственный документ основан на форме китайского. Последнее замечание касается мнения А. Н. Бернштама о том, что на основе развития феодальных отношений у уйгуров и был воспринят китайский образец документа. Форму документа не следует ставить в зависимость от формы общественного строя. Долговая расписка или торговая сделка сохраняли свою форму в разных общественных формациях. Документ несомненно изменялся в сторону уточнения условий, но эти изменения были связаны прежде всего с развитием литературного языка и развитием культуры в целом.

Следовательно, мы имеем непрерывную линию развития формы документов разного рода (предписаний, донесений, деловых сделок и т. д.), и будет неправильно разрывать ее и искать форму уйгурского документа в какой-то другой, в том числе и в ки-

⁶⁷ Малов. Памятники.

тайской традиции. Вернее будет считать, что форма документа складывалась на основании всех предшествующих деловых бумаг на разных языках, находившихся в общении с уйгурским.

Особенность рассматриваемых документов состоит в том, что они отражают жизнь сравнительно небольшого района, где люди занимались оседлым земледелием. Это видно из географических названий, встречающихся в документах. Наиболее часто упоминается Кочо, Яр, Арканта, Лукчун, Мурутлукский монастырь, кроме того, названо несколько общин и населенных мест, которые пока не представляется возможным локализовать.

Эта особенность документов позволяет полнее проанализировать жизнь оседлого населения. Но в то же время их территориальная узость в значительной степени и затрудняет исследование основных занятий и общественного строя уйгуров. Правда, территориальная ограниченность может быть компенсирована пока логическим выводом. Поскольку Кочо, Яр, Лукчун считались наиболее развитыми в экономическом и культурном отношении оазисами, явления, отраженные в документах из этих мест, с известной долей достоверности можно распространить и на другие оазисы. Если же принять во внимание другие источники и тибетские документы, то ошибки в подобном выводе не будет. Эти документы подтверждают то, что отражено в уйгурских. Следовательно, самые различные свидетельства говорят об одном и том же процессе в области общественного и хозяйственного развития оседлых оазисов Центральной Азии.

Документы представляют большой интерес не только для изучения социальной истории уйгуров, но в равной степени и для изучения экономики хозяйства.

Из домашних животных в документах названы козы, коровы, свиньи, лошади, ишаки, волы. Сделки на продажу животных пока не обнаружены. Если продажа была, а в этом едва ли стоит сомневаться, то она могла производиться на ранках, где сделки не оформлялись. На рынок же пригоняли скот больше всего кочевники-животноводы.

Из документов видно, что основными отраслями крестьянского земледелия являлись садоводство и виноградарство. Эта особенность определялась природными условиями и малоземельем. К сожалению, в документах нет названий фруктовых деревьев и лишь по другим источникам удастся восполнить этот пробел. В садах росли яблоки, гранаты, урюк, грецкий орех. Из бахчевых культур известны дыни и арбузы, которые достигали больших размеров и отличались сладостью.

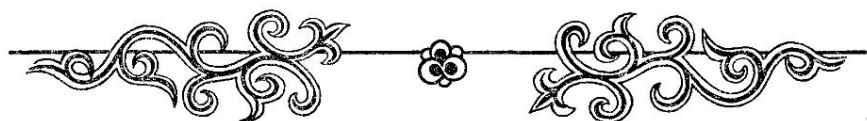
Главными продовольственными культурами в Уйгурском государстве считались просо, пшеница, ячмень, рис. Их сеяли во всех оазисах Притяньшанья. Из бобовых документы упоминают горох. Для истории земледелия будет представлять интерес термин тарыг, которым называется просо и пашня (земледелец будет

тарыгчи). Если исходить из того, что посев, пашня и просо имеют одно и то же название, то можно предполагать, что просо является очень старой культурой в Притяньшанье. Продовольственные культуры сеялись главным образом для удовлетворения внутренних потребностей страны. Несомненно, часть проса, ячменя и других продовольственных культур продавалась соседним народам, но эта хлебная торговля не оказывала существенного влияния на развитие земледелия в Уйгурском государстве.

Технические культуры играли важную роль в экономике крестьянского хозяйства. Наибольшее распространение получили хлопчатник, кунжут и лен. Они давали масло и волокно. Крестьянская семья, сеявшая хлопчатник, сама перерабатывала его. В домашних условиях изготовлялись грубые хлопчатобумажные ткани, находившие сбыт на местном рынке и у соседних народов. Лукчунский оазис славился производством льняных тканей на двойной основе. Эти ткани отличались высоким качеством. В ряде сделок ткани выступают в роли денежного эквивалента. Тканями платили за землю, за рабов. Другие виды изделий домашнего ремесла не играли такой роли, как ткани.

Краткая характеристика древних уйгурских документов показывает, какой большой круг вопросов можно рассматривать на основании имеющихся в них данных. Документы могут быть ценным источником при изучении экономики хозяйства, общественного строя, культурной истории. Обратимся к одному простому примеру и покажем, какую пользу можно извлечь из сведений, которые на первый взгляд кажутся неконкретными. Если взять всех мужчин, названных в документах, за сто единиц и выбрать из них грамотных, то окажется, что около одной трети мужского населения знало в той или иной степени грамоту. Конечно, такой метод подсчета имеет относительную точность, однако и он дает представление о грамотности населения в Уйгурском государстве. Обучение грамоте происходило в буддийских монастырях, разбросанных по всей стране. Наконец, уйгурские документы могут быть полезны при изучении социальной истории ряда сопредельных стран и народов Центральной Азии. Следовательно, данные документов существенно дополняют наши сведения, полученные из нарративных источников, и расширяют научную базу не только уйгуроведения, но и некоторых смежных дисциплин. Слабо изученный период средневековой истории уйгуров проясняется, и мы можем уверенно говорить о многих сторонах общественной жизни народа, о его культуре, хозяйственной деятельности.

Новые публикации уйгурских, тибетских и китайских документов, а также появление в печати документов карошты и привлечение других источников служат достаточным основанием для того, чтобы еще раз вернуться к рассмотрению некоторых вопросов феодализма в Центральной Азии и попытаться раскрыть сложную структуру средневекового уйгурского общества.

Глава первая

УЙГУРЫ В VI—IX вв.

I

Формирование уйгурской народности, как и других, есть длительный и сложный процесс развития не только самих уйгуров, но и тех этнических компонентов, которые ассимилировались уйгурами на протяжении многих столетий. Одни предшественники входили незначительными компонентами, тогда как другие являлись основным ядром, последовательно сменявшим свое название и представлявшим новую ступень развития этнической общности. Такими предшественниками уйгуров были: чиди-динлин-гаогюй-тейле-хуэйхэ-уйгуры.

При суйской династии (589—618) гаогюйские четыре рода юаньхэ, пугу, тунло, баего объединились в союз, возглавляемый наиболее сильным родом юаньхэ, и стали называться хуэйхэ.

Это название в свое время вызвало продолжительный спор и породило обширную литературу. Спор шел не только о самом названии хуэйхэ (оно служило исходным для решения вопроса), но и об этнической принадлежности уйгуров. Относительно происхождения названия хуэйхэ высказывались самые различные предположения, основанные на филологическом анализе и логических доводах.

Различные точки зрения подробно рассмотрены В. В. Радловым и Д. Позднеевым.¹ Поэтому здесь следует очень коротко указать лишь на основные разногласия. Спор начался после выхода работы Ю. Клапрота «Сочинение о языке и письменности уйгуров»,² в котором он считал уйгуров тюрками.

¹ Радлов. К вопросу об уйгурах; Позднеев. Исторический очерк уйгуров.

² Klapproth. Abhandlungen über die Sprache und Schrift.

Я. Шмидт, возражая Клапроту, утверждал, что уйгуры и тангуты относятся к тибетцам. Эта точка зрения об этнической принадлежности уйгуров к тибетцам не нашла сторонников.

Н. Я. Бичурин в исторической части «Записок о Монголии» правильно доказывал, что хуэйхэ и уйгуры — один и тот же народ, но, развивая это положение, он отождествлял хойху с ойхор и на основании этого считал уйгуров тоже монголами по происхождению.³

Наиболее простое и вместе с тем убедительное объяснение предложил В. П. Васильев. Оно было высказано им устно в беседе, поэтному Д. Позднеев решил его напечатать в своей работе.⁴ В. П. Васильев считает, что хуэйхэ есть уйгуры, но не фонетический переход с тюркского на китайский и не транскрипция, а просто перевод. Глагол хуэйхэ в китайском языке означает соединиться, и китайцы этим словом перевели уйгурский глагол уймак, имеющий то же самое значение. Гипотеза В. П. Васильева не была опровергнута. Если слово уйгур образовано от уймак, как пишет Рашид ад-дин, то следует согласиться с мнением Васильева о простом переводе уйгурского слова на китайский язык. Фонетического перехода слова уйгур в хуэйхэ не может быть.

В. В. Радлов писал, что «уйгуры не только принадлежали к числу древнейших тюркских племен, но это был весьма распространенный тюркский народ».⁵

Д. Позднеев, не возражая против утверждения В. В. Радлова о тюркском происхождении уйгуров, счел нужным сделать оговорку о том, что вопрос об уйгурах остается открытым.⁶ Однако у тюркологов не осталось сомнений в этом вопросе. В. В. Бартольд в своей работе «История турецко-монгольских народов», равно как и в других, исходил из того, что уйгуры — тюрки, и рассматривал всю их историю в этом аспекте.⁷

В последнее время напечатана статья Г. Клаусона о названии уйгуров. Автор вновь пытается рассмотреть законы образования слова уйгуры, однако и после его работы нельзя считать вопрос решенным.⁸ После разбора многих примеров Г. Клаусон приходит к заключению, что здесь филологам предстоит еще очень много работы. В этом автор прав.

Ближайшие предшественники уйгуров гаогюй во второй половине V в. после продолжительной борьбы с жуань-жуанями разделились на две части. Одни ушли на север в долины рек Орхона, Селенги, а другие к Алтаю и Тянь-Шаню. Видимо, с этим делением следует связывать указание о том, что он-уйгуры, со-

³ Б и ч у р и н. Записки о Монголии.

⁴ П о з д н е е в. Исторический очерк уйгуров, стр. 50.

⁵ Р а д л о в. К вопросу об уйгурах, стр. 20.

⁶ П о з д н е е в. Исторический очерк уйгуров, стр. IX.

⁷ Б а р т о л ь д. История турецко-монгольских народов.

⁸ C l a u s a n. The name uigur.

ставлявшие южное объединение, в III в. начали передвигаться на запад, а токуз-уйгуры — северное объединение — подались на север. Союз гаогюйцев возглавляет более многочисленное племенное объединение юаньхэ. Оно является основным противником жуань-жуаней, а позднее сильного племени сейянто. В конце VI и в начале VII в. тюркские народы Центральной Азии были известны под названием теиле. В этот период наиболее влиятельным считалось племя вэйхэ. В истории танского времени сказано, что юаньхэ в предшествующий суйский период называлось вэйхэ. Следовательно, один и тот же народ известен под разными названиями. Союз юаньхэ состоял из девяти родов, и главную роль играл род иологэ-яглакар.

В надгробной надписи уйгурского кагана Моюн-чура, относящейся к середине VIII в., сказано: «Калмысы будун он уйгур токуз огуз уза жүз жыл олурупс» — «оставшимся народом десять уйгуров и девять огузов более ста лет мы управляли».⁹

Едва ли может возникнуть сомнение в том, что этноним уйгуры, дошедший до нас в памятниках VIII в., был известен его носителями задолго до этого времени. Надпись на могильном камне Моюн-чура отразила определенный этап консолидации уйгуров. Новое название относилось ко всему объединению и к каждому компоненту в отдельности. Все десять частей, входивших в союз, назывались уйгурами. Видимо, свои прежние родовые деления они успели забыть, по крайней мере в надписи они не названы. Новый этноним не мог прочно закрепиться за одно десятилетие, несомненно потребовалось длительное время, чтобы название политического и военного союза стало этнонимом народа. В этой связи необходимо обратить внимание на «Суджинскую надпись», в которой сказано: *uïgur jarihta* — «в уйгурской земле».¹⁰ Если бы этноним уйгуры еще не стал всеобщим, то следовало бы ожидать в тексте — в земле десяти уйгуров. Авторы надписи ясно представляли, что этноним уйгуры стал общим.

Название уйгуры появилось одновременно с китайским названием хуэйхэ. Это китайское название в свое время породило обширную литературу. Авторы выясняли не только смысл названия, а, беря его за основу, решали вопрос об этнической принадлежности уйгуров. Некоторые авторы высказывали мнение о монгольском и тангутском их происхождении. Однако это мнение не встретило поддержки. Подавляющее большинство ученых считало уйгуров тюрками.

В последующий период времени этноним уйгуры употреблялся для названия народа, создавшего государство в Восточном Притяньшанье со столицей в Кочо близ современного Турфана. Этот этноним сохранился в уйгурских текстах того времени, он

⁹ Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 30, 34, 38.

¹⁰ Малов. Памятники, стр. 76—77.

сообщается путешественниками и употребляется в других источниках. В уйгурском тексте буддийского содержания имеется следующее выражение: uigar ili... alik ortun ulusta tusup balkurup — «Государство уйгуров... Елик в улусе ест».¹¹ В этом отрывке говорится о государстве уйгуров, в котором имеется елик. Следовательно, уйгуры сами себя называли уйгурами. Государство их считалось уйгурским, что видно из текста печати с китайскими иероглифами, сохранившейся на одном уйгурском тексте. На печати был официальный текст: «Великое Уйгурское государство».¹² Эти два текста показывают, что уйгуры не делали разницы между названием Уйгурское государство и этнонимом уйгуры. В этом можно видеть высокую ступень развития этнического единства и самосознания. Этническая консолидация проходила одновременно с укреплением государства.

Из авторов, писавших на арабском и персидском языках, уйгуров называют те, которые знали Центральную Азию по личным наблюдениям. Махмуд Кашгарский писал, что уйгуры называют свою страну уйгурской. Мухаммед ал-Ауфи (первая половина XIII в.) в своем «Сборнике анекдотов и блестящих рассказов» тоже называет народ уйгуров.¹³ Ряд авторов высказывал мнение, что уйгуры и токуз-огузы — один и тот же народ. Одним из убежденных сторонников этой точки зрения был тюрколог И. Маркварт.¹⁴ Путешественники-иезуиты тоже писали об уйгурах. Их называет Плано Карпини, посетивший Центральную Азию в середине XIII в. Несколько позднее о желтых уйгурах писал Вильгельм Рубрук.¹⁵

Довольно рано встречается упоминание о желтых уйгурах, или сары уйгурах, которых авторы отличали от уйгуров, проживавших в Уйгурском государстве. Хотанский посол, следовавший на восток в 1081 г., сообщал, что желтые уйгуры обитают между Хотаном и тангутским государством. Против сары уйгуров предпринимал поход монгольский военный начальник Субутай. Позднее против их выступали Тимур и правивший в Кашгаре в начале XVI в. Абу Саид хан.

Этноним уйгуры сохранялся, как видно из разных сведений, до второй половины XVI в. Он оказался забытым по той причине, что после подчинения Уйгурского государства чагатаидами мусульмане, господствовавшие в Кашгарии, преследовали буддистов, силой насаждали ислам. Борьба против неверных и постоянная

¹¹ Р а д л о в, док. № 43.

¹² Х у а н В э н ь - б и. Тулуфань, стр. 12.

¹³ Б а р т о л ь д. 1) Отчет о поездке в Среднюю Азию, стр. 33; 2) Туркестан, стр. 37, 99.

¹⁴ M a r q u a r t. Die Chronologie der Alttürkischen Inschriften, SS. 23—24.

¹⁵ П л а н о К а р п и н и. История монголов; Р у б р у к. Путешествие в восточные страны, стр. 35, 105—110, 135, 154, 167.

междоусобная неурядица заставили уйгуров забыть свое прежнее самоназвание и заменить его религиозным — мусульманин или же территориальным — кашгарлык, турфанлык, хотанлык и т. п.

II

Первая попытка объединить уйгурские племена, хотя привела к незначительному успеху, поскольку объединялись только четыре рода, все же имела важное значение для последующей истории. Уйгуры постепенно усиливались, и Пэйло (742—756) удалось подчинить себе 9 родов: иологэ, худугэ, кюйлоу, мокосигэ, аучжай, гэса, хувынсо, новугэ, хасиву.¹⁶ Дж. Хамильтон реконструирует название 9 родов, объединенных Пэйло. Вот его названия: яглакар, утуркар, турламвюр (кюрламвюр), бокасыкыр (боксыкыт), авучаг, карсар (касар), хогорсув, яагмвюркар (ябуткар, ябуткар), хиейямвюр (аявир).¹⁷

Шесть родов оставалось вне этого союза. Вскоре удалось подчинить басими и гэлolu (карлуки). Новое объединение уйгуров явилось дальнейшим шагом в процессе этнической консолидации и в политическом усилении их. Военная сила уйгуров выросла в такой мере, что в 744 г. они нанесли поражение Восточно-тюркскому каганату и создали свое государство со столицей на Орхоне.¹⁸ С образованием каганата власть верховного правителя-кагана стала наследственной. После смерти кагана Пэйло правили его сыновья Моянъчжо (756—759), а затем Идигинь (760—779). В долине р. Орхона был построен город Карабалгасун, ставший столицей каганата. Эти факты, равно как и другие, показывают быстрый процесс развития экономики и социальных отношений уйгуров на Орхоне. Объединение под властью кагана нескольких родоплеменных объединений явилось важным фактором в истории политического развития уйгуров.

Военная и политическая сила Уйгурского государства стала столь внушительной, что в период восстания Ань Лу-шаня в 755 г. китайский император обратился к кагану за помощью. Уйгурская конница участвовала в подавлении восстания. За эти услуги император Дай-цзун давал уйгурским военным начальникам знатные титулы и большие награды, прощая им грабежи и бесчинства. Танская империя, ослабленная внутренним кризисом, шла на большие уступки и согласилась отдать десятки тысяч людей в рабство, лишь бы сохранить мирные отношения с уйгу-

¹⁶ Бичурин. Собрание сведений, изд. 2, I, стр. 308; Позднеев. Исторический очерк уйгуров, стр. 66.

¹⁷ Hamilton. Les Ouighours a l'epoque des cinq dynasties, pp. 3—4. О названии родов см.: Puleyblank. Same remarks an the Toqur-oghur problem.

¹⁸ Малов. Памятники древнетюркской письменности (Памятник Моюнчуру, строки 9—10).

рами.¹⁹ Кучлук-моко-тархан, посланник уйгурского кагана, потребовал от китайского императорского правительства высшего ранга при дворе по сравнению с другими послами и выдачи за кагана замуж китайской принцессы. Оба требования были удовлетворены.

Укрепление централизованной власти в Уйгурском каганате на Орхоне происходило в ожесточенной борьбе родоплеменной знати за власть кагана. В 779 г. каган Идигинь был убит значным сановником Туньмоко-тарханом.²⁰ Д. Позднеев обратил вни-

Карта расселения уйгуров в период 747—840 гг.

мание на обстоятельства, связанные с убийством Идигиня. Каганы принадлежали к роду иологэ, видимо очень сильному. Родовая знать других родов хотя и была допущена к управлению государством, но решающего влияния на дела не могла оказывать. Это обстоятельство вызывало зависть со стороны отдельных родов. Пользуясь поддержкой всех недовольных, Туньмоко-тархан и захватил власть кагана, перебив всех сторонников прежнего кагана.

С приходом к власти Туньмоко-тархана изменилась политика по отношению к танской империи. Прекратились набеги, китайцы, уведенные в плен, не задерживались, в торговле были приняты условия, предложенные императорской стороной.

В 789 г. Туньмоко-тархан умер и каганом стал его сын Долосы с титулом Пан гуань дэлэ. При нем началось ослабление каганата. Племена гэлу, байянь и другие отложились от уйгуров и подчи-

¹⁹ Позднеев. Исторический очерк уйгуров, стр. 67—73; Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн, стр. 237.

²⁰ Радлов. К вопросу об уйгурах, стр. 93; Позднеев. Исторический очерк уйгуров, стр. 76; Hamilton. Les Ouighours a l'epoque des cinq dynasties, pp. 3—4.

пились тибетцам. Племя шато тоже подчинилось тибетцам и стало врагом уйгуров.²¹ Сила тибетцев значительно возросла. Они наносят поражение уйгурам и занимают юго-восточную часть Кашгарии до Тянь-Шаня.²² Обособление карлуков²³ и продвижение их на запад в Семиречье²⁴ явилось серьезным ослаблением политической и военной силы Уйгурского каганата. Внутри обострилась борьба за престол. Каганы правят недолго. Они обычно умирают насильственной смертью. Последний каган из рода иологэ А-чжо был бездетным, и после его смерти каганом стал Гудулу — представитель другого рода. Он правил с 796 по 805 г.

Киргизы в 758 г. были подчинены уйгурам, согласно китайским источникам, и платили им дань.²⁵ В период упадка Уйгурского государства киргизы предприняли попытку освободиться, и в 840 г., когда у уйгуров вследствие большого снегопада начался падеж скота, голод и эпидемии, киргизская конница при помощи Кучлук Мокэ, изменившего кагану, нанесла полное поражение уйгурам.²⁶ Столица уйгуров Карабалгасун подверглась разграблению, каган Кут-торе (Кэен тэчэ у Д. Позднеева) был убит. Поражение уйгуров было настолько большим, что они уже не смогли вернуть себе прежние места своего расселения.

Уйгуры бежали от киргизов. Часть их в составе 15 родов во главе с Пан Тэлэ ушла к Алтаю, где обитали карлуки, а другая часть (13 родов) — в район Ганьчжоу, проникнув далее на юг в сторону Тибета. Ганьчжоунские уйгуры провозгласили ханом Угэ Дэлэ. Однако они оказались в весьма тяжелом положении. На них продолжали нападать киргизы, а при попытке продвинуться на территорию танской империи войска последней наносили ответный удар. В довершение тибетцы наносили весьма чувствительные удары. Здесь этой части уйгуров не удалось создать сильного и прочного государства; после ряда поражений остатки их вынуждены были передвинуться на запад и примкнуть к тем, которые ушли с Пан Тэлэ.

Хотя власть кагана являлась наследственной, роль родовых старейшин продолжала оставаться огромной. Подтверждение этого мы находим не только в том, что в периоды ослабления власти кагана некоторые старейшины захватывают верховную власть и учреждают новую династию, но и в самом устройстве административного управления, в котором представители родовой

²¹ Р а д л о в. К вопросу об уйгурах, стр. 93; П о з д н е е в. Исторический очерк уйгуров, стр. 87—88; H a m i l t o n. Les Ouighours a l'epoque des cinq dynasties, pp. 3—4.

²² S t e i n. Ancient Khotan, p. 534.

²³ C h a v a n n e s. Documents sur les tou-kiuc, p. 85; R a m s t e d t. Zwei uigurische Runenschriften, SS. 16—17.

²⁴ Б а р т о л ь д. 1) История турецко-монгольских народов, стр. 8; 2) Очерк истории Семиречья, стр. 20—25.

²⁵ Б а р т о л ь д. История турецко-монгольских народов, стр. 8.

²⁶ К ы з л а с о в. Тува в составе Уйгурского каганата.

знати играли главную роль. Даже в окружении хана они считались самыми почетными людьми. Например, когда в 821 г. Баоихан получил согласие танского императора взять в жены китайскую принцессу, то по прибытии ее в уйгурскую столицу она была встречена с пышными почестями, и 9 министров на носилках обнесли ее вокруг дворца 9 раз. В. В. Радлов считает, что эти 9 министров были родовыми старейшинами.²⁷ Замечание В. В. Радлова имеет важное значение для понимания роли родовой знати в высшем звене государственного аппарата Уйгурского каганата. Хотя централизованное государство существовало продолжительное время, однако родовая знать сохраняла за собой руководящее положение. Этот факт говорит о том, что родовые отношения еще не были полностью разрушены в Уйгурском каганате и развитие государственности шло медленно. Аппарат управления был построен по принципу родовых делений.

Но, несмотря на сильные пережитки родовых отношений, все же объединение уйгуров и образование каганата в VIII в., провозглашение кагана с наследственной властью следует рассматривать как новый этап в этническом и политическом развитии уйгуров. Длительная борьба привела к сознанию того, что успешная защита от внешних нападений может быть осуществлена только при условии объединения усилий всего народа.

Известным выражением определенного этапа в развитии сознания о необходимости этнического и политического единства было принятие нового самоназвания уйгуры, а по-китайски хуайхэ. Несомненно, что прежние родовые объединения и временные союзы перестали отвечать интересам данной ступени развития уйгуров. Новое объединение, в результате которого возник каганат и было принято общее для всех название уйгуры, оказалось более прочным этническим образованием, и его следует рассценивать как смену родоплеменного союза народностью, а в области общественного развития смену родовых отношений феодальными. Военное поражение от киргизов в 840 г. не явилось концом этнического и политического развития уйгуров. Передвинувшись к Тянь-Шаню, они создали здесь свое более прочное государство.

Уже на Орхоне уйгуры достигли сравнительно высокой ступени развития экономики и общественных отношений. Основным занятием большинства населения империи, в том числе самих уйгуров, составлявших господствующий элемент, продолжало оставаться скотоводство, но в долинах рек развивалось поливное земледелие.

Археологическое изучение уйгурской столицы Карабалгасуна и других городов обогатило науку новыми данными, дополняющими письменные свидетельства, о хозяйственном и обществен-

²⁷ Р а д л о в. К вопросу об уйгурах, стр. 94.

ном строе уйгуров в орхонский период.²⁸ Вокруг Карабалгасуна были обнаружены оросительные каналы и сеть арыков, орошавших поля и сады. Основными продовольственными культурами были просо и пшеница.²⁹

Во многих домах Карабалгасуна археологи нашли жернова. Появление ручной мельницы связано с определенной ступенью развития техники и общественных отношений.

Развитие поливного земледелия неизбежно приводило к оседлости некоторой части кочевников-уйгуров, а это в свою очередь способствовало возникновению постоянных сельских поселений. Переход к оседлому образу жизни в городах и поселениях ускорял разрушение родовых связей и заменял их территориальными. Этот процесс имеет важное значение в ранний период истории классового общества. Начало развиваться ремесло для удовлетворения внутренних потребностей. Об этом свидетельствуют обнаруженные археологами поселения кузнецов. Был известен способ добычи руды и выплавки железа.³⁰ Некоторая часть ремесленников предпочитала жить в городах, где легче было сбывать свою продукцию.

С развитием общества происходило общественное разделение труда на скотоводство и земледелие. Появление ремесла выражало новую, более высокую ступень в развитии общественного производства. Однако при оценке общего положения необходимо учитывать, что земледелие, ремесло в Уйгурском каганате занимали небольшой удельный вес, преобладало кочевое скотоводство. Развитие классов имело свою особенность. Родоплеменная верхушка превращалась в феодалов, приспособлявая родовые отношения к системе феодального угнетения.

Классовое общество у уйгуров, как полагают, начало складываться уже в VII в.³¹ Развитие уйгуров происходило в тесной связи с другими народами Центральной Азии, в том числе и тюркскими. По мнению ученых, занимавшихся ранним периодом истории тюрков, процесс феодализации происходил у них в VII в. Так, например, А. Н. Бернштам писал, что у орхоно-енисейских тюрков в период правления Могилян-хана (683—735) начались

²⁸ О зачатках первобытного земледелия сообщает А. П. Окладников, нашедший каменные зернотерки и песты, употреблявшиеся для растирания зерен в муку. Из этого следует, что древние обитатели Гоби были знакомы с примитивным земледелием и теперь весь вопрос в том, чтобы проследить непрерывность земледелия с древних времен до прихода туда уйгурских племен. См.: Окладников. Новое в изучении древнейших культур Монголии.

²⁹ Киселев. Древние города Монголии, стр. 45—46; Пэрлээ. К истории древних городов и поселений в Монголии, стр. 45—46; Кызласов. Средневековые города Тувы.

³⁰ Пэрлээ. К истории древних городов и поселений в Монголии, стр. 45.

³¹ История Монгольской Народной Республики, стр. 69; Пэрлээ. К истории древних городов и поселений в Монголии, стр. 45; Потапов. Очерки по истории алтайцев.

сложение и развитие феодальных отношений.³² Уйгурский каганат, завоевавший территорию Восточно-тюркского каганата, не разрушил его хозяйственного уклада и общественного строя.

Уйгурский каганат (744—840 гг.), как говорилось выше, был уже феодальным государством с сильными пережитками родоплеменных отношений. Идеологические надстройки, как известно, играют большую роль в жизни общества. Религиозные верования уйгуров были восприняты от их этнических предшественников — гаюгюйцев. По свидетельству китайских источников, гаюгюйцы были анимистами. Они верили в силу духов, почитали небо, боялись грома и старались жертвоприношениями умиротворить эту грозную силу. Одновременно у них был шаманизм. Описывая верования гаюгюйцев, автор замечает, что они «любят громовые удары. При каждом громовом ударе производят крик и стреляют в небо, потом оставляют это место и расходятся. В следующем году, осенью, как лошади пожиреют, опять сходятся на место громового удара; зарывают барана и зажигают светоч с ножом. Шаманка читает молитвы, подобно тому как в Срединном государстве при удалении несчастья. Толпа мужчин на верховых лошадях делает множество кругов около этого места; потом мужчина берет пук ивовых или осокоревых ветвей, ставит комлем вверх и обливает кумысом».³³

В VIII в. у уйгуров возникло государство и шел процесс разрушения родовых делений, что, естественно, усилило территориальные связи, приводившие к ослаблению всех идеологических представлений, связанных с родом, в частности, родовые верования (шаманизм) заменялись общей религией для всей этнической общности уйгуров. Такой религией явилось манихейство, принятое в 762 г.³⁴ Манихейство возникло в III в. в Иране и представляло соединение зороастризма, христианства и буддизма. Уйгуры имели постоянные торговые и культурные связи с согдийцами, от которых, видимо, и восприняли новую религию — манихейство. Переход от шаманизма к манихейству был большим событием и в культурной жизни значительной части уйгуров. В этот период они познакомились с согдийской письменностью, живописью и т. д., т. е. со всем комплексом духовной манихейской культуры.³⁵

III

Язык является важнейшим признаком этнической принадлежности, так как он дает возможность с учетом исторической дей-

³² Б е р н ш т а м. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI—VIII веков, стр. 193. — А. П. Потапов считает, что «древнетюркский каганат можно определить как государство раннефеодального типа, в котором царила военная диктатура кочевой феодальной аристократии, осуществляемая при помощи государственного аппарата (эль)» (История Тувы, стр. 96).

³³ П о з д н е в. Исторический очерк уйгуров, стр. 127.

³⁴ Б а р т о л ь д. История турецко-монгольских народов, стр. 8.

³⁵ Там же.

ствительности проследить генетические связи и определить происхождение того или иного народа.

Обособление языков, вернее обособление диалектов и развитие их в языки, наблюдается у тюрков в период создания орхон-енисейских надписей.³⁶ В текстах орхонских памятников прослеживаются различия в фонетике и в оформлении аффиксов склонения и спряжения и т. д.³⁷

Языковая общность тюрков восходит к одному языку, из которого сохранились ядро основного словарного состава и грамматический строй.³⁸ Но в то же время в каждом языке имеются свои особенности, возникшие в процессе развития и взаимосвязи с другими языками. Уйгурский язык формировался в конкретной, исторически сложившейся этнической общности и сохранял генетические связи с другими тюркскими языками.

В этническую общность уйгуров в орхонский период входили некоторые племена, находившиеся в Восточно-тюркском каганате. Естественно, что в Уйгурском каганате проходил процесс нивелировки диалектов и сближение их в язык народности.

Уйгурский язык в орхонский период имел благоприятные условия для развития в силу того, что этническая общность была объединена в каганат, в котором стали складываться общие элементы культуры и возникли письменные памятники.

Наиболее древними уйгурскими письменными памятниками считаются «Селенгинский камень» из урочища Шене-Усу и «Суджинская надпись», найденные Г. Рамstedтом. Ю. А. Зуев³⁹ считает надпись из Суджи киргизской.

«Селенгинский камень» датируется примерно серединой VIII в., когда уйгуры в 744 г. одержали победу над Восточно-тюркским каганатом, а «Суджинская надпись», как полагают, серединой IX в., т. е. временем ослабления уйгуров и поражения их от киргизов в 840 г.

Уйгурский язык в орхонский период воспринимал лексику других тюркских языков, а также согдийскую. Этот процесс усилился после того, как уйгуры стали исповедовать манихейство, а манихейские религиозные тексты начали переводиться на уйгурский язык. Но эта взаимосвязь языков не касалась строя языка и его грамматических особенностей. О языке «Покаянной молитвы» С. Е. Малов писал следующее: «Вся фонетика и грамматика языка памятника ближе к орхон-енисейским руническим памятникам, чем к буддийско-уйгурским (и впоследствии к уйгурско-мусульманским)».⁴⁰

³⁶ Баскаков. Тюркские языки, стр. 189.

³⁷ Насилов. Язык орхон-енисейских памятников, стр. 12; Gabain. Alttürkische Grammatik.

³⁸ Насилов. Язык орхон-енисейских памятников.

³⁹ Зуев. Киргизская надпись из Суджи, стр. 133—135.

⁴⁰ Малов. Памятники, стр. 108.

Язык ранних уйгурских памятников стоял ближе к другим тюркским языкам Центральной Азии. В последующий период, когда уйгуры передвинулись к Тянь-Шаню и язык уйгурских письменных памятников испытывал влияние других литературных языков, произошло более заметное разделение языков. Это явление объясняется тем, что в X—XIII вв. языковые связи стали значительно шире, появилось больше переводов с других языков, развилась собственная литература.

Глава вторая

ВОСТОЧНОЕ ПРИТЯНЬШАНЬЕ НАКАНУНЕ ЗАВОЕВАНИЯ УЙГУРАМИ

I

Основным занятием населения Восточного Притяньшанья накануне завоевания их уйгурами (IX в.) было земледелие. Животноводство, являвшееся главным занятием в отдельных местах, в целом играло подсобную роль. В земледельческих оазисах сеяли рис, пшеницу, ячмень, просо, бобовые. Как показывают документы и другие источники, основные продовольственные культуры возделывались повсеместно.¹

Садоводство и виноградарство являлось важной отраслью земледелия. По некоторым данным можно заключить, что отдельные хозяйства имели большие сады, урожай которых шел на рынок. В одном из документов называется сад, имевший 2000 деревьев. В этом саду росли грецкий орех, гранатовые и миндальные деревья, виноград.² Из масличных и технических культур известны хлопок, кунжут, конопля,³ дававшие волокно и растительное масло.

У нас нет сомнения в том, что в Притяньшанье накануне образования там Уйгурского государства (конец IX в.) экономическое развитие достигло высокого уровня. Многие данные различных источников подтверждают мнение о том, что народы, населявшие Гаочан, Кучарский оазис и другие области оседлого земледелия, вошедшие в состав Уйгурского государства, миновали первобытно-общинный строй. В источниках имеются сообщения о правовых

¹ Бичурин. Собрание сведений, т. II, стр. 249, 255; Stein. Ancient Khotan, p. 521; Maspero. Les documents chinois, док. №№ 339, 369, 455—457, 464, 466, 467.

² Maspero. Les documents chinois, док. № 466.

³ Бичурин. Собрание сведений, т. II, стр. 246, 258; Maspero. Les documents chinois, док. № 369.

институтах, которых не могло быть при господстве родоплеменных отношений (VI в.). Об этом читаем в одном из источников, что «в каждом городе есть суд народный, суд водопроводный, суд пашенный».⁴ Это краткое сообщение говорит о многом. Прежде всего следует обратить внимание на то, что суды существовали в каждом городе Притяньшанья. Следовательно, родоплеменные деления были заменены территориальными. Конечно, пережитки первобытнообщинного строя еще могли сохраняться, но они вытеснялись уже новыми феодальными отношениями. Из приведенной цитаты видно, что споры о воде разбирались отдельно от споров о земле. Вода имела такое большое значение для земледелия, что водное право выделилось, и были созданы особые суды для разбора споров о воде.

В источниках не сказано, какими законами руководствовались суды. Возможно, были писанные законы, которые нам пока не известны, но даже если их и не было и все споры разбирались на основе обычного права, то и в этом случае следует отметить высокую ступень развития судопроизводства. Сам факт разделения судов говорит о том, что они существовали длительное время.

Бесспорно территориальная община являлась основным общественным институтом, а родовые органы управления превратились в территориальные.

Быстро шел процесс общественного разделения труда. Развивались города, возрастало население в них. В китайских источниках танского времени говорится, что в Гаочане было 22 города и в одном из них войска, совершавшие поход на запад, взяли в плен около 7000 человек.⁵ Все население в гаочанском владении составляло 8046 дворов и 37 738 душ.⁶ В среднем на один двор приходилось 4—5 человек.

В ремесленном производстве наибольшее распространение получили изготовление гончарной посуды, домашнее ткачество хлопчатобумажных и шелковых тканей, выделка кожевенных изделий, кузнечное и другие ремесла.⁷ Выделывались предметы украшений, но главную роль играли ремесла, удовлетворявшие повседневные нужды населения.

Налоги взимались как деньгами, так и натурой. Но в системе налогообложения натуральные налоги преобладали. Можно привести немало примеров, характеризующих налогообложение в Притяньшанье до образования Уйгурского государства.

О видах феодальной повинности перед государством узнаем из документа, опубликованного Э. Шаванном, в котором сказано, что

⁴ Б и ч у р и н. Собрание сведений, т. II, стр. 253.

⁵ Там же, стр. 292—293.

⁶ К ю н с р. Китайские известия, стр. 167. — Бичурин даст 8000 дворов, 30 000 населения (Собрание сведений, т. II, стр. 295).

⁷ Б и ч у р и н. Собрание сведений, т. II, стр. 250, 257, 278.

местное население было обязано поставлять военному гарнизону кожу для седел и барабанов, перья для стрел.⁸

В приведенных выше двух документах нет прямых указаний на то, что крестьяне ведут свое личное хозяйство и являются собственниками имущества. Сведения по этому поводу восполняются данными других документов. В частности, в док. № 3, представляющем соглашение между заемщиком и кредитором, ясно сказано, что если должник не уплатит залогодателю, то последний возьмет его движимость, чтобы компенсировать долг и проценты. Подобные же условия сделки имеются и в док. № 5, где мы читаем: «Если должник не в состоянии уплатить долг, кредитор увезет всю движимость, его быков и скот».⁹ Следовательно, заемщики имели свою собственность.

Натуральные налоги были самые различные. Так, например, у нас есть сведения об уплате налога заячьим волосом и птичьими перьями, зерном, шкурами, шелком и верблюдами.¹⁰ Судя по тексту источника, каждое хозяйство вносило кусок шелка, а верблюда давал лишь тот, кто их имел. Натуральный налог взимался также и недорогими шелковыми тканями, и войлоком. Из продовольственных культур, вносившихся в уплату налогов, называются просо, пшеница, молочные продукты, сыр,¹¹ виноградное сусло, сушеные фрукты. Из этих документов мы узнаем также о системе налогообложения. Все налогоплательское население разбивалось на десятидворки, имевшие круговую поруку между собой в пределах десяти дворов за своевременную и полную уплату всех налогов. В числе налогов были такие, которые платила десятидворка в целом. К таким видам платежей относились поставки верблюдов или лошадей. Если десять дворов обязаны были поставить одного верблюда, то сдавал его один двор за всех, а остальные девять вносили по куску шелковой ткани местного производства. Двор, сдавший верблюда, не вносил ткань. Такая система гарантировала своевременную и полную уплату государственных налогов.

Кроме многочисленных налогов, существовала трудовая повинность. В одном документе говорится о том, что деревня Ниндасян Гаочанского уезда обязана была послать мужчин в количестве 24 человек к границе для отбываний трудовой повинности. По предписанию властей, крестьяне собирались партиями из разных деревень и под командой старшего следовали к месту назначения.¹² Сведения об использовании государственно зависимых крестьян для укрепления крепостей, дорог, для выполнения различных работ в военных поселениях сообщают и другие источники.¹³

⁸ Stein. Ancient Khotan, p. 521.

⁹ Там же, p. 525.

¹⁰ Хуан Вэнь - би. Тулуфань, стр. 35; Stein. Ancient Khotan, p. 521.

¹¹ Хуан Вэнь - би. Тулуфань, стр. 36.

¹² Там же, стр. 38.

¹³ Twitchett. Hand under state cultivation under the T'ang, pp. 335—336.

Учет и регистрация налогоплательжного населения считались важными мероприятиями для государства. Крестьянин при получении земли расписывался в реестровой книге, где указывались все виды и размер постоянных налогов и повинностей. Кроме того, через какое-то время проводилась всеобщая перепись податного населения.

В документах из Гаочана говорится об аренде земли. Правда, эти документы плохо сохранились, поэтому нам не известны все условия аренды. Из отрывков узнаем, что «в усадьбе Жэнь Чжиюань взял в аренду...».¹⁴ Сохранилось место, где говорится о рабочей силе. Возможно, между хозяином и арендатором были достигнуты соглашения, включавшие условия, аналогичные условиям, известным по документу, в котором хозяин земли пишет, что он прошлой весной сдал в аренду землю некоему Бань-бао из того же города и заключил с ним соглашение об уплате им аренды в установленные сроки, как требуется по закону.¹⁵

В аренду сдавались сады и участки земли под зерновые культуры. Из фрагментов известен случай, когда арендатор брал в аренду земли под просо.¹⁶ Имена арендаторов названы при определении границ земельных участков в документах, опубликованных А. Масперо.¹⁷

Приведенные данные говорят о широком распространении аренды. Из этого следует, что часть крестьян вынуждена была сдавать свои земельные участки в аренду в надежде отсрочить день своего разорения, а другая часть крестьян, стремясь сохранить свое хозяйство в платежеспособном состоянии, арендовала пахотную землю и садовые участки. Однако аренда приводила к быстрому истощению земли, к понижению плодородия. Часть владельцев земли постепенно утрачивала права на свои участки и превращалась в арендаторов. Широкое распространение аренды говорит о недостатке земли у рядовых крестьян.

II

Одной из форм феодального землевладения было церковное землевладение. Буддийские монастыри и храмы получали земли от государства, но площадь их земель увеличивалась и системой прекарных договоров. Те данные, которыми приходится оперировать, не позволяют выявить все стороны хозяйственной деятельности монастырей и храмов, но многое становится очевидным. Прежде всего остается бесспорным основное положение о том, что монастыри и храмы были феодальными хозяйствами.

¹⁴ Хуан Вэнь-би. Тулуань, стр. 46.

¹⁵ Там же, стр. 37.

¹⁶ Там же, стр. 44.

¹⁷ Масперо. Les documents chinois, док. № 367.

В источниках VIII в. имеются данные о характере храмового хозяйства. В документе на китайском языке читаем следующее: «От храма (монастыря, — Д. Т.) Хукоу монах Та-ян обязан был наблюдать за состоянием... (вероятно, за работой или же за посевами, — Д. Т.), ему предписывалось по получении распоряжений, чтобы из слуг, когда они скосят траву в течение трех дней, следует оставить одного человека для полива полей, всех остальных отправить, чтобы они смогли заниматься по своему усмотрению; кто нарушит это распоряжение, того следует наказывать».¹⁸ Из приведенного документа узнаем, что храм имел покосы, чтобы заготавливать корм скоту, а также свои посевы хлеба. Поля обрабатывались людьми, которые не могли свободно располагать собой. По мнению А. Стейна, монастырь Хукоу был женским монастырем на территории Ли-Си, т. е. четырех городов, с резиденцией в Куча.¹⁹ Он представлял большое и сложное феодальное хозяйство до завоевания страны тибетскими племенами. Такие храмовые и монастырские хозяйства в Притяньшанье встречались довольно часто.

Об аналогичном хозяйстве говорится в тибетском документе, относящимся ко времени, когда области от Хотана до Тянь-Шаня были завоеваны тибетскими войсками (672—747 гг. н. э.). Здесь речь идет о монастыре Самга. «Земли, принадлежавшие этому монастырю, в прежнее время составляли двенадцать с половиной. Последний год по причине беспорядков и ссор рента (habs) ... пропитание, предназначенное Самга, не было доставлено арендаторами. Мы, шесть резидентов, приказываем благосклонно».²⁰

Тибетский документ дополняет наши сведения о монастырском хозяйстве раннего времени. Мы узнаем очень важные детали о том, что монастырь получал ренту с крестьян, шедшую затем на пропитание монахов. Причем крестьяне, воспользовавшись «беспорядками», не уплатили ренту. После жалобы монастыря резиденты подтвердили силу прежнего положения и заставили крестьян выполнять свои обязательства перед монастырем. Следовательно, крестьян, о которых идет речь в предписании, иначе нельзя рассматривать, как прикрепленных к монастырю Самга.

Подтверждение того, что буддийские монастыри имели земли и зависимых крестьян, можно найти и в ряде других источников. Поскольку этот вопрос очень важный, то сошлемся еще на данные тибетских документов. Томас, занимавшийся переводом и исследованием их, делает любопытный вывод по вопросу о зависимых от монастырей крестьянах. На основании списка буддийских монастырей района а-ку (Дуньхуан) и других свидетельств он пришел к выводу, что крестьяне отдавали часть своего урожая монасты-

¹⁸ Stein. *Ancient Khotan*, p. 532.

¹⁹ Stein. *On ancient Central Asia tracks*.

²⁰ Thomas. *Tibetan documents concerning Chinese Turkestan*.

рям.²¹ Следовательно, крестьяне были прикреплены к монастырям и несли перед ними повинность (в данном случае крестьяне отдавали часть урожая монастырям). Поскольку указания о наличии прикрепленных крестьян встречаются в документах, найденных в Дуньхуане, в Хотане, в Кучаре, то становится бесспорным, что прикрепление крестьян к земле и к монастырям получило повсеместное распространение. Монастырское хозяйство было замкнутым, со слабыми связями с рынком; монастыри получали с крестьян все продукты в натуральном виде. Крестьянин имел свое хозяйство и свой клочок земли, чтобы как-то обеспечить существование своей семьи и выполнять все повинности.

Храмы и монастыри, очевидно, регулировали отношения не только между людьми, находившимися в зависимости от них, но в равной мере между монахами и теми, кто имел с ними дело, о чем свидетельствует один фрагмент, в котором речь идет об утерянном соглашении монаха с его служанкой.²² Если отрывок документа правильно понят, то храмы и монастыри были более сложными феодальными хозяйствами, чем мы можем представить по отрывочным сведениям, и их роль в экономической жизни того времени была весьма значительной.

Во всех приведенных документах мы видим владельцев собственного хозяйства, что очень важно. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в них ни разу не сказано о компенсации за долги земель. Это следует объяснить системой землевладения. Земля являлась собственностью государства, и крестьянин владел ею с правом наследства, но передавать другому за долги не мог. Каково же было юридическое положение крестьян?

Закон запрещал самовольный уход крестьян, а беглых полагалось наказывать бамбуковой палкой и возвращать обратно. Следовательно, были крестьяне, зависимые от государства, и частно-зависимые, в том числе и от монастырей. Последние получали продовольствие от крестьян, обрабатывавших земли монастырей.²³

В числе государственных зависимых крестьян имелись две категории. К первой относились крестьяне, жившие длительное время на одном месте. Ко второй категории принадлежали крестьяне-переселенцы или пришедшие сами. Последние, получив землю, освобождались на несколько лет от несения государственных повинностей и отбывали только повинность в пользу чиновников-феодалов.

Материал о феодальной собственности и о характере общественного строя в земледельческих оазисах Восточного Притяньшаня, на территории которого возникло Уйгурское государство, пока невелик, но он не оставляет сомнения в том, что там феодальные отношения являлись господствующими, хотя пережитки прежнего

²¹ Там же.

²² Stein. Ancient Khotan, p. 533.

²³ Lattimore. Pivot of Asia, p. 11.

первобытнообщинного строя продолжали сохраняться. Несомненно, что земельная собственность носила сословный и условный характер. Крестьяне считались зависимыми от государства или же состояли в частной зависимости от феодалов или монастырей.

Основной формой зависимости являлась феодальная, но в ряде документов встречаются упоминания о рабах. В одном из них сказано о продаже девушки.²⁴ Отрывок этого документа был найден А. Грюнведем во время его работы 1902—1903 гг. и переведен на немецкий язык А. Лекоком. По его мнению, этот фрагмент можно отнести к раннему времени, возможно к началу VIII в. Второй документ, в котором назван раб, найден А. Стейном в Дуьхуане. Он представляет расписку в получении вина.²⁵ Конечно, эти случайные упоминания о рабах мало что дают для выяснения проблемы рабства в целом.

При рассмотрении общественного строя в Притяньшанье до завоевания его уйгурами заслуживает внимания факт упоминания о законах в Кучарском владении. В них определялось наказание: «За грабеж и воровство положено отсечение одной руки и одной ноги».²⁶ Мне кажется, при родовом строе, когда весь род несет ответственность за преступление, совершенное его членом, такие наказания едва ли выгодно было применять. Поскольку собственность принадлежала всему роду, то род обязан был обеспечивать всех своих членов пропитанием. Увечье за проступки, видимо, стало применяться тогда, когда семья превратилась в собственника основных средств производства, когда она несла полную ответственность за право владения землей, за обеспечение средствами существования своих членов и сохраняла право наследования.

²⁴ L e C o q. Koktürkisches aus Turfan, S. 326.

²⁵ Stein's Manuscripts in türkisch «runic» script from Miran and Tun-Huang.

²⁶ Б и ч у р и н. Собрание сведений, т. III, стр. 256.

Глава третья

УЙГУРСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ПРИТЯНЫШАНЬЕ

I

В ранний период истории в Центральной Азии происходили передвижения народов. Причины этих перемещений бывали различные. В одних случаях экономические причины вынуждали перекочевывать значительные массы людей, в других политические события заставляли народ покидать места предков и двигаться на новые земли, которые тоже приходилось занимать силой. Так, например, уйгуры, потерпев поражение от киргизов, двинулись с Орхона к Тянь-Шаню, где в 874 г. одержали победу над тибетскими племенами и на обширной территории создали свое государство, игравшее большую роль в политической и культурной истории Центральной Азии в течение длительного времени. Общие условия благоприятствовали развитию экономики уйгуров в новых географических условиях. Даже самый беглый взгляд на положение уйгуров в этот период не оставляет сомнения в том, что Уйгурское государство в Восточном Притянышанье достигло высокой ступени развития во всех областях. Достаточно сказать, что общая площадь Уйгурского государства равнялась примерно 500 000 км². Границы его проходили западнее Кучара и далеко восточнее Хами, севернее Урумчи и на юге у Хотана. Поверхность территории была крайне разнообразна. Горные массивы то поднимались к небу снежными вершинами, то расступались, открывая место горным долинам. Цветущие оазисы, расположенные по течению рек, сменялись обширными песчаными пустынями, лишенными жизни. В одних местах люди с давних времен занимались поливным земледелием, а в других продолжали вести кочевое животноводческое хозяйство.

На юго-востоке по соседству с Уйгурским в 982 г. возникло тангутское государство Си Ся, просуществовавшее до 1227 г. За-

падная часть Кашгарии, включая Хотан, вошла в состав обширного Караханидского государства, возникшего в X в.

Все три перечисленных государства образовались на территории с одинаковыми географическими и экономическими условиями. Общие у них было также то, что оазисы оседлого земледелия оказались завоеванными кочевниками, начавшими переходить к оседлому образу хозяйственной деятельности.

У китайских авторов имеются сведения о жизни и хозяйственной деятельности тангутов в этот период. «У них каждая отдель-

Карта уйгурского государства в X—XIV вв.

ная фамилия становилась новым поколением; каждое поколение делилось еще на роды, из которых большие имели до 10 000, малые по несколько тысяч конницы. Все сии поколения не зависели друг от друга и посему не составляли целого политического тела, совокупного под единовластием».¹ Тангуты вели оседлый образ жизни, жилища покрывали тканями из шерсти буйволов или овец. Одежду изготовляли тоже из шерсти. Земледелием они не занимались, и хлеб получали от соседних народов. «Для пропитания себя содержали буйволов, лошадей, ослов и овец». Своего письма не имели и законов не соблюдали, признавали кровную месть.

В летописях танской империи и у Ли Янь-шоу говорится о том, что тангутские племена после передвижения в Ордос стали кочевать на территории современных провинций Ганьсу и Шэньси, занимаясь скотоводством. Оставшиеся в горных районах жили оседло и занимались отгонным скотоводством и частично земледелием.²

¹ Бичурин. История Тибета и Хухунора; Горбачева. Тангутские рукописи и ксилографы, стр. 69.

² Горбачева. Тангутские рукописи и ксилографы, стр. 69; Д'Оссон. История монголов, стр. 75.

Но в тех же летописях содержатся данные о тангутах X в., из которых видно, что минувшее столетие явилось переломным для них. Они перешли к оседлому земледелию, а в области общественных отношений одержал победу феодализм. Тангутское государство возникло, таким образом, как феодальное.

Феодальные отношения у тангутов быстро развивались, и этому процессу немало способствовало длительное общение их с развитыми областями китайской империи, где феодализм достиг высокой степени развития.³

Подобный же процесс происходил на западе. Возникшее в X в. Караханидское государство подчинило себе огромную территорию. На востоке ему был подвластен Хотан, на западе Мавераннахр. В состав этого государства входили области с оседлым земледелием и кочевым скотоводством. Степень экономического и общественного развития отдельных областей была различна. Однако уровень социальных отношений в государстве давал право историкам утверждать наличие феодализма в Караханидском государстве. В. В. Бартольд в своей работе «Очерк истории Семиречья» писал о том, что «империя караханидов уже в начале XI в. была разделена на уделы, степень зависимости которых от главы империи определялась исключительно личными качествами последнего».⁴

Высокая ступень развития феодальных отношений подтверждается не только господством удельной системы, но также стремлением держателей икта иметь права как на долю дохода, так и на землю и крестьян.⁵ Восточный Туркестан в начале XII в. был покорен кара-китаями, которые, потерпев поражение от чжурчженей, в 1141 г. сами понесли поражение султану Санджару и создали обширную империю.

Если экономическое развитие и социальные отношения у народов Центральной Азии достигли той ступени развития, когда возникает необходимость в существовании централизованных государств, то образование их в свою очередь имело положительное значение для развития ремесла, торговли, земледелия и культуры, поскольку на какой-то период прекращались междоусобные войны, разрушавшие производительные силы, устранялись границы мелких владений и многие изделия могли продаваться за пределами оазиса, в котором они изготовлялись.

В Притяньшанье уйгуры быстро оправились от поражения на Орхоне и начали продвигаться на юго-восток, нанося поражения тибетцам, среди которых шла междоусобная борьба. Энергичный уйгурский хан Пугу-цзун к 874 г. занял Южное Притяньшанье с запада на восток от Кучара до Хами, а на юге до Хотана. Тан-

³ Кычанов. Государство Си Ся.

⁴ Бартольд. Очерк истории Семиречья, стр. 26.

⁵ Якубовский. Вопросы периодизации истории Средней Азии, стр. 36; Валитова. Юсуф Баласагунский и его Кутадгу-билик, стр. 8.

ский император Си-цзун признал нового хана законным. Эта, казалось бы, формальная сторона имела немаловажное значение для уйгурского хана. Он был ханом независимо от признания китайским императором, но политический эффект от этого признания был весьма большой. Видимо, и танская империя, ослабленная внутренней борьбой, считала выгодным союз с Уйгурским государством, рассчитывая на то, что оно не станет вторгаться в пределы империи.

В конце IX в. уйгуры завоевали Турфанскую впадину, сохраняя столицей Бешбалык, и только в 913 г. столицей называется Кочо. Какие же причины заставили перенести столицу из Джунгарии в Турфанский оазис, источники не сообщают. Едва ли этот перенос можно объяснить соображениями лишь военного характера. Бешбалык по-прежнему оставалсялетней резиденцией уйгурских ханов, о чем пишут Ван Янь-дэ и Гардизи.⁶ Ван Янь-дэ, прибывший в качестве китайского посла, ездил туда на прием к Арслан-хану. Б. В. Долбежев, обследовавший городища, как он предполагал, Бешбалыка, писал о том, что крепость была надежной. Площадь городища составляла около квадратной версты и была обнесена глинобитной стеной. Толщина стен составляла более 10 м. Стены имели трое ворот. Число башен и капониров доходило до 40. Северная стена защищалась особым укреплением. Внутри города имелась крепость, обнесенная глинобитной стеной с башнями.⁷ Следовательно, по каким-то другим соображениям столица переносилась на юго-восток.

Уйгуры пришли в Притяньшанье манихейцами, а после приняли буддизм. Не в этом ли кроется причина перенесения столицы в Кочо? Хотя Б. В. Долбежев нашел в окрестностях городища Бешбалык развалины буддийских храмов, все же Кочо и Яр-Хото были более крупными центрами буддизма. Притом буддийские храмы у Бешбалыка могли возникнуть после принятия уйгурами буддийской религии в качестве государственной. Но это лишь предположение, основанное на логических соображениях.

II

В арабских и персидских источниках IX—XI вв. уйгуры назывались токуз-гузами, жившими восточнее Кучи. Сторонниками этой точки зрения были некоторые востоковеды. Одним из крупных тюркологов, отождествлявших уйгуров и токуз-гузов, был И. Маркварт.⁸ Последней работой, посвященной токузгуз-

⁶ Григорьев. Землеведение К. Риттера, стр. 269; Julien. *Mélanges de biographie Asiatique*; Бартольд. 1) Отчет о поездке в Среднюю Азию; 2) Худуд ал-алем.

⁷ Долбежев. В поисках развалин Бишбалыка.

⁸ Marquart. *Die Chronologie des Altürkischen Inschriften*, S. 23.

ской проблеме, явилась статья Е. Пуллибланка.⁹ Автор подробно рассматривает лингвистические законы образования слов *toqur* и *oghur*. Возможно, следует согласиться с теми, кто считает токуз-гузов и уйгуров одним и тем же народом. В пользу этого говорит местожительства уйгуров и токуз-гузов. Персидский историк Гардизи писал о том, что к токуз-гузам надо ехать от Кучи в Азал и далее в Джинанджкет.¹⁰ Область эта меньше кучинской. В ней имеется 22 селения. Она представляет собой равнину с резко континентальным климатом, здесь зимой бывают сильные морозы, а летом стоит невыносимая жара, от которой люди укрываются в специальных погребках и живут в них до конца лета. Снега в этой области выпадает мало.¹¹ Китайский посол к уйгурскому хану Арслану Вап Янь-дэ писал о климате Гаочана: «Не выпадает в этой стране ни дождей, ни снегов, и жара там невыносимая. В самую знойную пору года жители удаляются в подземелья».¹²

Видимо, у обоих авторов речь идет об одной и той же стране. Ведь и в Гаочане, по китайским сведениям, было 22 города.¹³ Притом, переходя к описанию Китая, Гардизи пишет, что ехать в Китай из страны тогуз-гузов надо через Комул, расположенный от Джинанджкета в 8 днях пути.¹⁴

Западнее уйгуров жили ягма. Они занимали пространство в бассейне р. Или, а их владение простиралось до Кашгара.

Гардизи пишет, что ягма входили в союз токуз-гузов, но, отделившись от них, присоединились к карлукам. В. В. Бартольд на основании сведений арабских и персидских авторов считает ягма западной частью токуз-гузов, т. е. уйгурского союза племен.¹⁵ Вот почему имела место близость в языке уйгуров, карлуков и ягма, составивших основное ядро населения Караханидского государства.

В обоих государствах, Уйгурском и Караханидском, была общность этнического субстрата, основа для развития единого языка.

Дальнейший процесс показал, что смешение племен карлуков и ягма в Караханидском государстве, карлуков и уйгуров в Уйгурском приводило к образованию общего языка в том и другом случае. Естественно, что при этом прослеживаются местные, особенности, связанные с населением, которое было ассимилировано, но эти особенности не определяли язык в целом.

Классификацией тюркских языков Восточного Туркестана занимались многие ученые. После В. В. Радлова и С. Е. Малова

⁹ Pulleyblank. Same remarks an the Toqur-oghur problem.

¹⁰ Бартольд в примечании говорит о возможности чтения Арал, селение с таким названием имеется западнее Кучи (Отчет о поездке в Среднюю Азию, стр. 116).

¹¹ Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию, стр. 116.

¹² Григорьев. Землеведение К. Риттера, стр. 267.

¹³ Бичурин. Собрание сведений, стр. 293.

¹⁴ Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию, стр. 117.

¹⁵ Бартольд. Очерки истории Семиречья, стр. 23.

этим вопросам уделяли внимание А. Габен,¹⁶ Н. А. Баскаков¹⁷ и А. М. Щербак,¹⁸ но ряд вопросов еще остается спорным. А. Габен в своей грамматике выделяет два диалекта в древнем языке Восточного Туркестана: j-диалект и п-диалект. Этот же принцип классификации языков принял А. М. Щербак.

Наличия j-основ в древних турфанских текстах связывается с пребыванием там не уйгурского, но тюркского населения.¹⁹ Г. Гофман считает, что таким населением могли быть карлуки.²⁰

Карлуки, по династийной танской хронике, после разгрома басими в 742 г. были в союзе с токуз-гузами (9 уйгурами). В 756—757 г. карлуки, жившие на Отукене, подчинились уйгурам, а карлуки, находившиеся на Алтае, вступили в борьбу с уйгурами и составили союз 10 племен.

Обособившись от уйгуров, карлуки заняли Туркестан и Кашгарию и в 766 г. захватили столицу тюргашей Суяб.

Следовательно, уйгуры и карлуки до VIII в. находились в одном союзе племен и лишь в конце VIII в. отделились. Та часть карлуков, которая занимала Кашгарию ранее уйгуров вступила в соприкосновение с тибетскими племенами и восприняла буддизм. И лишь в X в. карлуки становятся мусульманами.

Одни и те же слова, связанные с повседневной жизнью народа, сохранились в обоих языках. Термины родового строя и родства, возникшие в ранний период этнических формирований, мать — ана, отец — ата, сын — огул, дочь — кыз, сестра — апа, род — уруг, племя — ель сохранились в памятниках, написанных в Кашгаре и Турфане.²¹ Относительно двух последних терминов: эль и уруг следует сказать, что они в X—XII вв. имели и другое значение. Термином эль обозначалось государство и сельская община, а уруг-уруг имел значение в смысле рода-семьи.

Переосмысление терминов в новых условиях происходило в силу того, что на смену племенному союзу пришло государство, а род сменила семья.

Слова, обозначавшие злаковые растения, домашних животных, были тоже одинаковы: виноград — озум, просо — тарыг, пшеница — бугдай, ячмень — арпа, ягненок — козы, лошадь — ат, овца — койн, корова — ингак и т. д.

Из приведенных слов видно, насколько было близкое языковое родство между западной и восточной частью населения Кашгарии.

Несмотря на этническую и языковую близость карлуков и уйгуров, все же в литературном языке нашло отражение то раз-

¹⁶ Cabain. *Altürkische Grammatik*, SS. 3—8.

¹⁷ Баскаков. 1) К вопросу о классификации тюркских языков, стр. 121—135; 2) Тюркские языки, стр. 170—173.

¹⁸ Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов, стр. 17—26.

¹⁹ Sinor. *On Turkish buddhism in Central Asia*, p. 393.

²⁰ Hoffman. *Die Qarluq in der Tibetischen Literatur Oriens*, SS. 192—201.

²¹ Радлов, док., словарь; Малов. Памятники, словарь.

личие, которое имелось в живой речи этих народов. К карлукско-уйгурским памятникам относятся: «Кутадгу-билик» XI в., «Диван» Махмуда Кашгарского (XI в.) и ряд других.²² Письменные памятники из Турфана считаются уйгуро-огузскими. Здесь можно назвать сутру «Золотой блеск», тюркские манихейские тексты из Кочо, изданные А. Лекоком, уйгурские деловые документы и т. д.²³

В Караханидском государстве литература стала следовать персидской и арабской традициям, государственное устройство было создано по арабскому образцу, тогда как в уйгурском государстве все было подчинено буддизму.

Появление таких крупных литературных и исторических памятников, как «Кутадгу-билик», словарь тюркских языков Махмуда Кашгарского и других, не дошедших до нас, следует рассматривать как результат развития сознания своей этнической общности, стремление осмыслить как свое прошлое, так и будущее. Письменные памятники не были достоянием одного Кашгара.

Памятники, созданные в пределах караханидской территории, не воспринимались и не имели распространения в Уйгурском государстве. В этом сказалось не только различие буддийской и мусульманской культур, наличие двух самостоятельных государств, но и отсутствие ясного сознания этнической общности у населения двух государств.

Языки, естественно, развивались как в западной части Кашгарии, так и в восточной. Общие измерения С. Е. Малов определил как переход от д-языка к и-языку. Появились случаи написания о-у вместо ы (алтун, а не алтын).

В литературные памятники и в разговорный язык оазисов западной части Кашгарии проникали персидские и арабские слова, передававшие главным образом абстрактные понятия, связанные с мусульманской религией, культурой и государственным устройством.²⁴

Поскольку язык есть важнейшее средство человеческого общения, то элементы единства развивались значительно быстрее, в пределах границ каждого государства, чем между языками обоих государств. Более быстрому развитию в государствах единого языка взамен племенных способствовало многое: рост городов, торговые связи отдельных оазисов, пребывание людей в войсках, передвижение людей в пределах государства и, наконец, развитие письменности и литературных памятников.

Учитывая все вышесказанное, нельзя согласиться с мнением И. В. Захаровой о том, что к XII в., когда тюркизация Восточного Туркестана была в основном закончена, «уйгурский язык распространился как письменный и разговорный во всех оазисах Каш-

²² Малов. Памятники, стр. 7; Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов, стр. 26—30.

²³ Там же.

²⁴ Наджип. Современный уйгурский язык.

гариин».²⁵ В действительности такого положения не было, уйгурский язык, и особенно письменный, развивался лишь восточнее Кучара, а западнее господствовал карлукско-караханидский язык.

В архитектуре, как и в других областях культуры уйгуров до XIV в., прослеживаются два совершенно различных влияния. В Караханидском государстве строились мечети, гробницы куполообразного характера. В Уйгурском же государстве сооружались буддийские ступы высотой в несколько этажей. Они строились в честь какого-либо святого и совсем не предназначались для моления, внутри ступ не было залов. Буддийские храмы украшались множеством скульптур, картин, тогда как в мечетях всего этого не было и украшением являлась резьба.

Внешне жилые дома везде выглядели одинаково, но внутренняя планировка помещений часто, особенно в городах, несколько различалась. Там, где исповедовался ислам, выделялись внутренние помещения для женщин. В уйгурском государстве подобный тип планировки отсутствовал, поскольку женщина пользовалась полной свободой.

Больше того, Марко Поло пишет, что женщины в Кумуле красивы, веселы и любят потешиться, а мужья этого не стыдятся и разрешают любые вольности.²⁶

В обычаях и в быту тоже возникли различия, вызванные особенностями религии и идеологии. У мусульман женщина не допускалась в общество мужчин, в городе она должна была появляться с закрытым лицом, и вообще женщина утрачивала права независимости, оставшиеся у нее от кочевого быта. С новой религией и идеологией были восприняты многие условности в быту и даже в форме одежды. В частности, женщины стали носить сарафан. Захоронение производилось по мусульманскому обычаю. Покойника обвертывали белой материей и клали в могилу без деревянного ящика.

Следовательно, господство ислама в западных оазисах было очень важным событием в истории народов, населявших Кашгарию. С ним связано развитие новой культуры. Изменения произошли во всех областях: в быту, в одежде, в архитектуре, в психическом складе людей. Не случайно в Кашгаре было написано значительное число исторических сочинений. В них авторы описывали политические события, связывая их с проникновением ислама. Авторы считали войну священной на том основании, что завоеванная территория становилась мусульманской и борьба с неверными оправдывалась высокими целями торжества ислама. Понятие патриотизма у них связано с исламом, но территория

²⁵ Захарова. Матерьяльная культура уйгуров Советского Союза, стр. 222.

²⁶ Минаев. Путешествие Марко Поло, стр. 76—77.

своего государства защищается и от мусульман, свой хан считается самым просвещенным и справедливым, а города — цветущими.

Совершенно иная картина наблюдается в восточных оазисах Кашгарии, входивших в состав Уйгурского государства.

Грамотность здесь получила сравнительно широкое распространение. Вероятно, не будет преувеличением сказать, что одна четвертая часть населения была грамотной. Письменная литература, получившая большое распространение, имела односторонний характер. Сутры, буддийские сочинения, легенды представляли литературу Уйгурского государства. Они переводились с санскрита и с китайского. Естественно, что санскритские слова из литературных памятников переходили в живой разговорный язык и закреплялись в нем. Разговорный язык пополнялся буддийскими словами в монастырях. Обитатели монастырей были связаны с населением и передавали ему часть слов. Но литературный язык не имел прочных связей с живым разговорным, между ними не было взаимного обогащения.

Издавая уйгурский перевод буддийской сутры «Золотой блеск», В. В. Радлов писал: «Точно так же я уверен, что уйгурский перевод вообще был сделан довольно поздно, никак не раньше XIII или XIV столетия, хотя язык его в грамматическом и лексическом отношениях вполне сходен с языком манихейских текстов VIII и IX столетий. Но это есть литературный язык уйгуров и восточных турок, который окончательно выработался между VIII и X столетиями и потом уже употреблялся в монастырях без всякого изменения, между тем как разговорный язык подвергся впоследствии сильным изменениям».²⁷

«По языку, по своим грамматическим формам этот памятник написан, употребляя терминологию академика В. В. Радлова, на том восточном древнеуйгурском смешанном наречии, в котором наряду с формами древнесеверного, „орхонского“ наречия встречаются формы и из турецкого языка древнеюжного, уйгурского», — писал о «Сутре золотого блеска» С. Е. Малов.²⁸

При наличии двух государств, Уйгурского и Караханидского, с различной культурой и идеологией, когда появились некоторые различия в их языке, в быту и т. д., едва ли можно говорить об условиях, в которых, как пишет И. В. Захарова, образовалась уйгурская народность. Наоборот, в исторической действительности X—XIV вв. начался процесс разделения одного этнического субстрата и общей языковой основы.

Вот почему, мне кажется, поспешны выводы И. В. Захаровой о том, что «уйгурская народность складывалась в IX—XII вв., в период развития феодализма и появления первых прочных государственных объединений на территории Синьцзяна (Уйгури-

²⁷ Радлов, Малов. *Suvarnaprabhasa* (Сутра золотого блеска), стр. XIV—XV.

²⁸ Там же, стр. VII.

стан — в Восточной Кашгарии, ханство караханидов — в Южной Кашгарии). Для Восточного Туркестана это время было эпохой экономического и культурного расцвета». ²⁹

Сложение уйгурской народности после XIV в. проходило в непрерывной борьбе феодальных групп за политическое господство в стране, с одной стороны, и в борьбе за свою независимость с джунгарами и маньчжурами — с другой.

В XV в. политическое положение в стране изменилось коренным образом. Оба государства в конце XIV в. вошли в состав улуса чагатаидов, а затем в состав Могулистана. Естественно, что устранение границы, разделявшей единый этнический субстрат, явилось положительным моментом в последующий период истории образования уйгурской народности. Был прерван процесс, вызванный наличием двух государств: Уйгурского и Караханидского.

После ликвидации границы влияние ислама стало распространяться на всю территорию бывшего Уйгурского государства до Хами. Буддийские храмы стали перестраиваться на мечети. Живопись перестала развиваться, скульптура была забыта. Буддийские сочинения больше не распространялись.

Население получило возможность свободно передвигаться из оазиса в оазис. Эта внутренняя миграция, хотя и некоторой части населения, способствовала стиранию различий в быту, в духовной жизни запада и востока страны.

В языке тоже начался процесс вытеснения буддийской терминологии персидской и арабской. Религиозные и литературные сочинения, написанные в Кашгаре, Яркенде, стали распространяться в Турфане, в Хами; проповедники ислама в мечетях и мектебах (школах) читали коран и приучали к арабской религиозной терминологии, заставляли заучивать персидские поэтические произведения.

Наибольшее количество арабских и персидских слов проникло в уйгурский язык после XIV в., когда события политической истории и культурной жизни были неразрывно связаны со Средней Азией. Произведения Алишера Навои получили широкое распространение среди уйгуров и считались достоянием их собственной литературы. Даже «Гулистан» Саади стал входить в состав уйгурского фольклора. Некоторые авторы писали свои сочинения на персидском языке. ³⁰

Литературный язык этого периода в меньшей степени, чем в XII—XIV вв., был связан с разговорным языком широких народных масс.

Новая лексика из арабского и персидского языков играла важную роль в образовании уйгурского языка, ускоряла перемалывание, сближение различных диалектов.

²⁹ Захарова. Материальная культура уйгуров Советского Союза, стр. 77.

³⁰ The Tarikh-i Rashidi.

Потребность в осмыслении собственной истории проявлялась не только в создании новых сочинений, но и в переводе написанных ранее на персидском языке. Мухаммед Садык своим переводом с персидского языка Тарих-и Рашиди Эмир Хайдера стремился ознакомить новое поколение с прошлым своего народа, которое не знало персидского языка. Патриотическое чувство уйгуров в это время стало сильнее, чем в предшествующий период. К этому времени государственные границы всех соседних народов стали устойчивыми, и патриотизм связывался не только с исламом, но и с определенной территорией, занятой уйгурами.

Однако длительная междоусобная борьба феодалов за политическое господство отрицательно сказывалась на образовании единой народности, она разобщала страну, задерживала развитие сознания этнического и политического единства. В начале XVI в. в Турфане и Кучаре правил Мансур-хан, а в остальной части Абу Саид. Их независимость была настолько велика, что каждый из них чеканил монеты от своего имени и даже совершал военные походы один на другого. С конца XVI в. борьба осложнилась тем, что крупные представители мусульманского духовенства вступили в политическую борьбу и образовали две группы, из которых одна пользовалась поддержкой в Яркенде, а другая в Кашгаре. Феодалы и купцы этих городов вели борьбу за право их города быть столицей и вести торговлю с соседними странами.

В этот период сложение уйгурской народности происходило на всей территории Восточного Туркестана. Язык караханидских литературных памятников стал общим литературным языком. Небезынтересно отметить, что арабские слова обозначали отвлеченные понятия: адил — справедливый, залим — угнетатель, а персидские слова обозначали конкретное понятие: пахта — хлопок, дихан — крестьянин, гул — роза. Это, вероятно, следует объяснять тем, что религиозная и нравоучительная литература была на арабском языке, тогда как на персидском языке были распространены исторические сочинения и произведения художественной литературы.

III

Административный аппарат в Уйгурском государстве был организован по территориальному признаку, но в его структуре еще сохранялись некоторые черты кочевой организации. Государственное устройство соответствовало уровню феодальных отношений в уйгурском обществе, аппарат управления совершенствовался по мере развития самого общества и государства. Основная цель военно-феодального государства заключалась в угнетении и ограблении как собственного народа, так и соседних народов, и государственный аппарат призван был выполнять эти задачи.

В настоящее время из-за недостатка данных невозможно дать полное описание всех звеньев административного аппарата в Уйгур-

ском государстве, но документы и другие источники позволяют все же представить общую структуру государственного аппарата и отметить некоторые специфические черты. Необходимо сказать, что в государственном аппарате самое большое число было чиновников, ведавших распределением и сбором различных налогов, и это положение нашло отражение в уйгурских документах. В них называются чиновники, собиравшие государственные налоги и следившие за выполнением многочисленных повинностей.

Во главе государства стоял каган, принявший титул идикута (ыдык кут — святое блаженство). В персидских источниках глава Уйгурского государства назывался ханом. Идикут был носителем неограниченной верховной власти как гражданской, так и военной и являлся судьей. В. В. Бартольд приводит указание персидского историка Гардизи о том, что важные дела разбирались самим ханом на площади перед дворцом.³¹

Само собой разумеется, что писаных законов не было и решения принимались по личному усмотрению идикута с учетом норм обычного права, которое играло большую роль в жизни народа. Но идикут решал только главные дела, а все маловажные споры, преступления рассматривались другими лицами. Кроме того, идикут мог решать дела в самой столице, а в отдаленных городах все разрешалось на месте или же по предписанию вышестоящего чиновника.³² Мне не удалось встретить в документах или в других источниках упоминания о тех, кто выполнял обязанности судьи. Возможно, не было специальных судей, и все споры разрешали беки с помощью старейшин общин. По крайней мере такой вывод напрашивается на основании изучения данных уйгурских документов. В некоторых документах имеется такое выражение: «Если кто захочет взять с помощью власть имущего бека...».³³ Эта оговорка имеется в сделках разного характера и на продажу рабыни и на продажу земли в ряде других документов.

Такое судопроизводство соответствовало общему принципу административного устройства Уйгурского государства и системе управления. Идикут был главой государства, высшим военным начальником, верховным судьей, а беки как представители идикута выполняли те же самые функции в масштабе подчиненной им территории. В наиболее важных делах или в случае жалобы решение предписывалось вышестоящим чиновником и т. д. Совмещение в одном лице судебной и исполнительной власти соответствовало экономическим интересам господствующего класса феодалов.

В деловых документах и в описаниях путешественников нет сведений о том, на какие административные единицы делилось Уйгурское государство. Косвенные данные не дают полного и

³¹ Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию, стр. 115.

³² Радлов, док. №№ 9, 17.

³³ Там же, док. №№ 108, 110.

ясного представления по этому вопросу. В источниках отсутствуют сведения, на основании которых можно с уверенностью сказать, совпадало или нет административное деление страны с делением на родоплеменные или военные единицы. Возможно, еще сохранялось различие в административном устройстве Уйгурского государства. Территория, расположенная южнее Тянь-Шаня, делилась на территориальные единицы; к северу, где продолжали вести кочевое хозяйство, родовые традиции сохранялись больше, чем на юге, и административное деление было построено по-прежнему родоплеменному признаку. Глава родоплеменной единицы являлся высшим административным лицом, подчинявшимся идикуту, а на случай войны выступал старшим военным начальником той единицы, которая создавалась на подведомственной ему в мирное время территории или в родоплеменном делении. Это предположение основано на том, что в период завоеваний Чингис-хана в Центральной Азии некоторые феодалы присоединились к нему со своими отрядами, не получив на то согласия идикута.

Южные оазисы являлись крупными хозяйственными и культурными центрами. Здесь были города с развитым ремеслом, как например Лукчун, где изготовлялись ткани высокого качества из льна, важные торговые и культурные центры Кочо, Яр и др. Основные земледельческие области, выращивавшие зерновые культуры и фрукты, тоже находились на юге и востоке Притяньшанья. Об этих районах в документах имеются отрывочные сведения, на основании которых можно высказать мнение об организации аппарата административного управления.

Общая схема может быть представлена в следующем виде. Идикут был главой государства, затем следовали улчи. Обязанности последних неизвестны, но если учесть, что Гардизи писал о 9 визирях у уйгурского хана, то, мне кажется, улчи и могли быть этими везирами. Ниже улчи стояли тумен елчи, просто елчи и на последнем месте беки.³⁴ Из ряда свидетельств известно, что елчи ведали раскладкой и сбором разных налогов. «Елчи во главе Кутая, назначая калан, инджу садовникам калан не установили... Иркаи елчи, назначая калан, садовникам калан не установил».³⁵ В других текстах читаем: «Для прибывших собирать виноград, курлинского елчи, канского елчи, соктунского елчи дано 6 лошадей верховых»,³⁶ или «От Кытыра Кекучи елчи в Тоску».³⁷ В административной единице Токсуна названо 7 общин: «Токсун таги неты ели бар».³⁸ В административном устройстве Уйгурского государства еще сохранялись старые традиции кочевников, но преобладало территориальное деление. Новое территориальное деление

³⁴ Там же, док. №№ 40, 41.

³⁵ Там же, док. № 22.

³⁶ Там же, док. № 53/3.

³⁷ Там же, док. № 71.

³⁸ Там же, док. № 53/2.

ослабляло родоплеменную знать и укрепляло положение идикута, главы централизованного государства, отражавшего высокую ступень развития социальных отношений.

Беки являлись низшим звеном государственного аппарата. Их обязанности были весьма обширными. Они выполняли предписание вышестоящих чиновников, следили за своевременными платежами всех налогов, за отбыванием трудовой повинности, обеспечивали лошаадьми елчи и других чиновников. Бекам подчинялись главы общин — башлям ел будун.³⁹ Главы общин и были непосредственными исполнителями всех предписаний, они отвечали перед беками за все платежи, за лошадей, за обеспечение продуктами и фуражом проезжающих чиновников, за предоставление им ночлега и т. д. Кроме того, в самих общинах были люди, ответственные за ночлег и другие виды обязательств общины.⁴⁰ Такая система управления общиной говорит о том, что государство придавало очень большое значение низшему звену административного аппарата, в состав которого привлекало самих общинников и через них проводило все мероприятия.

В документах называются и другие чиновники. В ярлыке Елик Кадыра упоминаются: акичи — казначей, тсангчи — казначей, окан каскучи — распределитель речной воды, сувчи — распределитель воды, торкучи — учетчик, тинтсуи — обязанности неизвестны.⁴¹ В других текстах встречается онлуг — десятник,⁴² башлык бек Кочо — главный бек Кочо,⁴³ башлык акичи Кочо — главный казначей Кочо.⁴⁴ После подчинения уйгуров монголам появились даруги. Права и обязанности даруги были очень широкие. Даруги находились при идикуте, управляли городами, следили за поступлением налогов и т. д. Необходимо обратить внимание на указание должностей главного бека Кочо и главного казначения Кочо. Город Кочо был столицей Уйгурского государства, и управление им отличалось от других менее значительных населенных пунктов. В нем могло быть несколько беков и казначеев, поэтому названы лишь главные.

Некоторые сведения о чиновниках мы находим в записках путешественников. Так, например, даосский монах Чан-Чунь, следуя к Чингис-хану, посетил некоторые города Уйгурского государства. О Бесыма (Бешбалык) он пишет: «...государь, чиновники, благородные и народ, монахи буддийские, даосские ... вышли встречать нас». На запад от Бесыма автор называет «город Чанбала, принадлежащий хойхе. Владелец здешний уйгур (уйгур. — Д.Т.) в сопровождении родичей и монахов»⁴⁵ встречал Чан Чуна.

³⁹ Там же, док. № 17.

⁴⁰ Там же, док. № 78.

⁴¹ Там же, док. № 88.

⁴² Там же, док. № 57.

⁴³ Там же, док. № 65.

⁴⁴ Там же, док. № 115.

⁴⁵ К а ф а р о в. Си-ю-цзи или описание путешествия на запад.

В управлении государством немалую роль играли родственники идикута. Ван Янь-дэ сообщал, что когда он приехал к Арслан-хану, то в уйгурской столице его встречал тесть Арслан-хана Адоюй, управлявший делами государства.⁴⁶ Сам Арслан-хан находился в летней резиденции Бейтине. Этот факт говорит о том, что идикут рассматривал государство как свою вотчину, которой должен управлять он сам и его род. Видимо, в этом следует видеть пережитки родоплеменной традиции кочевников.

Уйгуры, как и другие народы, имели постоянные связи с соседями и воспринимали от них некоторые элементы управления государством, но продолжали сохранять свои традиции, выработанные в течение многих столетий. Однако заимствованное вошло постепенно в общую систему и стало таким же своим. При этом воспринималось лишь то, что соответствовало интересам внутреннего развития самого уйгурского общества, а чуждое, ненужное отбрасывалось.

IV

Внешние связи Уйгурского государства не всегда носили мирный характер. Уйгурам пришлось вести продолжительные войны с тангутским государством. Молодая, воинственная и сильная империя Си Ся проводила активную внешнюю политику; она воевала с тибетцами, с киданями, с Китаем и с уйгурами. Последние из-за феодальной раздробленности не могли оказать сильного сопротивления Си Ся, и к 1028 г. области Ганьчжоу и Ляньчжоу были завоеваны, а к 1036 г. император Наньхао подчинил Сучжоу и Шачжоу.⁴⁷ Часть уйгуров ушла на запад, а оставшиеся подчинились Си Ся и несли повинности.⁴⁸ Территория Си Ся стала доходить до Хами. Уйгуры уже не сумели вновь вернуть область Ганьчжоу. Но и Си Ся остановились в своем продвижении на запад в глубь территории Уйгурского государства.

Уйгурские ханы сохраняли постоянные сношения с Китаем. Китайские источники указывают, что уйгуры (хуайхэ) до поражения от тангутов занимали Ганьчжоу, Сучжоу и Шачжоу. Их посольства часто приезжали в Китай.⁴⁹ Когда утвердилось государство киданей Ляо, уйгурские посольства прибывали к их двору.⁵⁰ В 1001 г. уйгурский посол говорил, что его родная страна на востоке доходит до Хуанхэ, а на западе до Снежных гор, она имеет

⁴⁶ Юань-ши, цз. 123; Григорьев. Землеведение К. Риттера, стр. 269.

⁴⁷ Бичурин. История Тибета и Хухунора, стр. 19, 22; Кычанов. 1) Государство Си Ся, стр. 8; 2) Из истории тангутско-уйгурских войн, стр. 146—153.

⁴⁸ Юань-ши, цз. 8.

⁴⁹ Радлов. К вопросу об уйгурах, стр. 97—98; Позднеев. Исторический очерк уйгуров, стр. 113—120.

⁵⁰ Wittfogel a. Feng Cha-sheng. History of Chinese society Liao. pp. 320—324.

несколько сот маленьких владений с несколькими стами конных воинов.⁵¹

Не только уйгурские послы ездили в Китай, но и китайские императоры направляли своих послов к уйгурам. Хорошо известна поездка Ван Янь-дэ в 981 г. к Арслан-хану, правившему в Кочо. Отчет Ван Янь-дэ является важным свидетельством, в котором содержатся ценные сведения о многих сторонах жизни уйгуров.

Военное давление на Уйгурское государство производилось не только с востока тангутами, но и с запада караханидами. Мусульмане караханиды считали войну с неверными уйгурскими идикутами священной. О постоянных военных походах караханидов, правивших в Хотане и Кашгаре, повествуется в «Тазкире Богра-ханы».⁵² Правда, караханиды не имели успеха в своих территориальных притязаниях, как тангуты. А после 1125 г., когда кидани, потерпев поражение от чжурчженей, передвинулись на запад и покорили караханидов, военные столкновения прекратились, поскольку уйгурский идикут признал себя вассалом киданей и оказал им помощь во время перехода из Северо-Западного Китая в Семиречье.

В 1125 г. Уйгурское государство признало себя зависимым от кара-китаев; китайские летописи сообщают нам следующие сведения о подчинении уйгуров киданям. В 1125 г. Елюй-Даши прибыл в «Правление северного Протектора (ныне Урумчи). Собрав в 7 областях Западной границы 18 поколений князей, советовал о восстановлении дел». И далее следует: «Еще отписал к Хуайхускому князю Билэгэ, прося прохода через его земли, Билэгэ сам ... через привел его в свой дом, объявив желание быть вассалом его и проводить за свои пределы».⁵³

Уйгурские послы являлись ко двору киданей за много лет до этого события. Виттфогель приводит таблицу посещения посольств с данью правителям киданей, из которой явствует, что уйгурские послы первый раз прибыли в столицу киданей в 918 г. и затем посещали их до 1114 г. В течение указанного времени они побывали в столице киданей 44 раза.⁵⁴ Посольства из Хотана называются особо. Когда упоминаются посольства из Гаочана. Посольства уйгурские, хотанские и гаочанские привозили свои товары, и в этом следует видеть не только уплату дани вассалами, но и форму торговли, которая являлась ханской монополией.

Зависимость от киданей сохранялась до 1209 г., когда был убит их наместник в Кара Ходжо. Убийство наместника привело к окончательному разрыву уйгурского идикута с киданями. Баур-

⁵¹ Позднее в. Исторический очерк уйгуров, стр. 116.

⁵² Рукописное собрание Института народов Азии АН СССР, С 547, л. 55 и сл.; А. 238, л. 636.

⁵³ Бичурин. Тун цзянь ган-му, стр. 233.

⁵⁴ Wittfogel a. Feng Chia-sheng. History of Chinese society Liao.

чук, опасаясь киданей, решил искать защиты у Чингис-хана и с этой целью направил к нему послов.⁵⁵ Будучи осведомлен о событиях в Кара Ходжо, Чингис-хан принял послов Баурчука весьма благосклонно и прислал посольство с ответом: «Приходи, дочь дам тебе и сделаю тебя пятым сыном своим. Тогда идикут взял с собой золота, серебра, жемчуга и тканей, пришел поклониться Чингис-хану, Чингис-хан отдал за него дочь по имени Альчамтунь».⁵⁶

Добровольное признание Баурчуком вассальной зависимости от Чингис-хана следует рассматривать с учетом сложившейся обстановки в Центральной Азии. В тех условиях у него не было другого выхода, как искать покровительства у более сильного сюзерена, который мог бы защитить его в случае военного похода киданей. При этом добровольное признание зависимости определило в дальнейшем особое место Уйгурского государства в системе обширной монгольской империи. Монгольские войска не вторгались на территорию и не разрушали города, оросительную систему уйгуров, и не подрывали этим производительные силы их страны. В политическом отношении Уйгурское государство, хотя и находилось в зависимости, все же сохраняло относительную самостоятельность, и идикуты считались в нем верховными правителями. Не следует, конечно, переоценивать роль идикутов как верховных правителей после 30-х годов, но все же сам факт существования идикутов не следует упускать из вида.

Территория Уйгурского государства не жаловалась в качестве удела, как это было с Кашгаром, входившим в улус чагатайдов или с Яркендом, составлявшим удел Кайду.

Вероятно, здесь имело значение не только добровольное признание Баурчуком зависимости от Чингис-хана, но последним принимались в расчет и другие соображения, а именно, привлекая к себе Баурчука, Чингис-хан приобретал в его лице союзника, кроме того, факт проявления щедрости и покровительства должен был служить примером для других правителей.

Чингис-хану нужны были преданные союзники, поскольку предстояли большие походы на восток и на запад. Двигаясь в оба направления с завоевательными целями, монголы очень нуждались в надежных союзниках в своем тылу. Кроме того, уйгурские идикуты, участвуя в походах, оказывали помощь монгольским

⁵⁵ Имеются указания о том, что Баурчук признал себя зависимым от Чингис-хана в 1209 г. В самом деле в этом году был убит Шукем, киданьский наместник в Кара Ходжо.

⁵⁶ Старинное монгольское сказание о Чингис-хане, стр. 131. Козин дает следующий перевод этого параграфа. Послам идикута Чингис-хан ответил так: «Дочь за него отдам и быть ему пятым сыном моим. Пусть идикут приезжает, взяв с собой золота, серебра, жемчугов, перламутров, златотканной парчи, узорных штофов и шелковых тканей». И когда идикут явился, то «Чингис-хан пожаловал идикута и выдал за него Ал-Алтуну». См.: Козин, Сокровенное сказание, стр. 174.

войскам, давали чиновников и т. д. Следовательно, добровольное признание зависимости от Чингис-хана уйгурским идикутом оказалось весьма кстати как в военном, так и в дипломатическом отношении.

Последствия зависимости от монголов по своему характеру оказались совершенно иными в политическом и социальном отношении, чем это было при киданях. Зависимость от киданей выражалась главным образом в том, что в Кара Ходжо находился наместник императоров киданей, который обязан был следить за своевременным внесением идикутами дани ко двору, кроме того, уйгуры не должны были предпринимать шагов к заключению союзов, направленных против своих сюзеренов. Внутренняя жизнь уйгур киданями не затрагивалась. В. В. Григорьев приводит свидетельство, подтверждающее это положение: «А когда брали кидани какой-либо город, никаких прежних в нем порядков они не изменяли, ограничивались тем, что взимали по одному динару с каждого дома в городах и селениях, и ни до посевов жителей, ни до чего другого не касались».⁵⁷

Господство монголов сильно сказалось спустя несколько десятилетий как в области экономических, так и социальных отношений. Хотя старые очаги земледельческой культуры и не были разрушены и пашни не превращались в пастбища для скота, все же экономическая жизнь уйгуров подчинялась военно-феодальным интересам монгольской знати. Это прослеживается в административном устройстве, в налогообложении.

Политика монгольских императоров в отношении Уйгурского государства не всегда была одинакова. В начале, когда Чингис-хану предстояла борьба с тангутами и с большими империями в Китае (цзиньской и сунской на юге), он завязывал родственные связи с уйгурскими идикутами, с главой турков-карлуков и правителем города Алмалыка. Родственные отношения, по мнению Чингис-хана, должны были служить прочной основой политического союза, в котором он нуждался. Дипломатические шаги в этом направлении дали положительные результаты, способствовавшие военным успехам.

Так была определена политика в отношении своих союзников на первый период времени. Она носила крайне умеренный характер, монголы довольствовались признанием зависимости и подношением даров. Даруги еще не назначались ими и не устанавливались обязательные нормы внесения дани, во внутреннем управлении оставалось все по-прежнему. Интересы местной феодальной верхушки не нарушались, даже наоборот, в результате участия в успешных военных походах она обогащалась и за доблести получала звания и пожалования. Многие уйгурские феодалы получили назначения на высшие должности, удостоились почетных

⁵⁷ Григорьев В. Землеведение К. Риттера, стр. 291.

званий и т. д. В 1284 г. было узаконено положение, по которому уйгуры, мусульмане и тангуты назначались на государственные должности, как и монголы.⁵⁸

Для подготовки преданных императору чиновников в 1289 г. было создано мусульманское государственное училище. Однако и этого оказалось недостаточно. Желая иметь более ощутимые результаты в своей политике, монгольские ханы в 1314 г. основали мусульманский государственный институт, правда, просуществовавший только до 1320 г.

Все эти меры, равно как и веротерпимость и ряд других, должны были упрочить влияние монгольских императоров на мусульман. Уравнение некоторых народов в правах с монголами после завоевания всего Китая следует рассматривать как политику привлечения феодальной знати этих народов на свою сторону, чтобы с их помощью укреплять свое господство в Китае.

Особенно ревностно Чингис-хан охранял интересы всех религий. Оставаясь шаманистом, он требовал признания в равной степени буддизма и даосизма, ислама и христианства. Покровительственная политика по отношению к церкви определялась пониманием огромной роли духовенства в воспитании широких народных масс в духе симпатий к Чингис-хану и к его идеям его завоеваний. В завоеванных странах церковь должна была играть исключительно важную роль в воспитании покорности народов. Монгольские ханы давали привилегии церкви всех вероисповеданий. Так было и в Уйгурском государстве, в Китае и на Руси.⁵⁹ Церковь и духовенство освобождались от уплаты налогов и внесения торговых пошлин.

В 1251 г. Западная Джунгария и Кашгария вошли в состав Чагатаева улуса, но Уйгурское государство продолжало оставаться в вассальной зависимости от монгольских ханов, правивших в Китае. Правда, при идикутах были даруга, игравшие большую роль в административном управлении. Важные предписания адресовались идикуту и даруге.⁶⁰ И, видимо, действия идикутов после казни идикута Салынды в 1252 г., по приказанию Мункэ, находились под постоянным контролем даруги. Идикуты утверждались императорами, как это было с назначением идикутом Кишмани Угэдэем. Вместо Салынды был назначен его брат Окенджэ.

Положение самих монгольских ханов стало в начале XIV в. менее прочно, чем прежде. Китайский народ начал активнее бо-

⁵⁸ А. М. Позднесв. Лекции по истории монгольской литературы, стр. 227.

⁵⁹ Прислаков. Ханские ярлыки; Бобровников. Грамоты вдовы Дармабаловой, стр. 1—90; Ratchnevsky. Die mongolischen Grosskane und die buddhistische Kirche, SS. 488—504.

⁶⁰ Ramstedt. Mengolische Briefe aus Idikut schahri bei Turfan, t. II, D 224.

роться за независимость, и ханы вновь меняют свое отношение к уйгурским идикутам, стараясь привлечь их к себе различными привилегиями. Император Жэнь-цзун (1312—1313) пожаловал звание князя Гаочана идикуту Нюлиндзину, вручил ему золотую печать, имевшую силу во внутренних провинциях Китая, поскольку печать идикута употреблялась лишь в пределах границ Уйгурского государства.

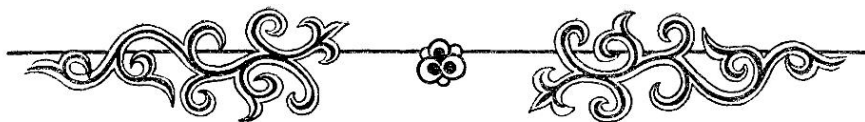
Императоры юаньской династии нуждались в помощи уйгурских идикутов не только в военном отношении. Нередко они прибегали к их экономическому покровительству. Бичурин приводит свидетельство из китайских летописей о том, что «когда монгольские императоры нуждались в деньгах, то уйгуры им служили банкирами; так, например, при одном Угэдэе заплачено им в счет долга 76 тысяч серебряных слитков; равным образом, когда князья крови и вообще сильные люди той эпохи нуждались в жемчуге и драгоценных камнях, в Уйгурию же посылали людей за всем этим, как в другие места за соколами и кречетами».⁶¹ Д. Позднеев приводит несколько иное показание о представлении дани при Угэдэе в 1257 г.: «...отложившиеся хуайху представляли ко двору в дань хрустальные сосуды, жемчуг, зонтики и тому подобные вещи, стоимостью 30 000 слитков серебра, т. е. 1 500 000 лан».⁶² Подарки уйгурских идикутов императоры отдаривали. В 1296 г. Чэн-цзун дал послам уйгуров 1300 слитков серебра. Видимо, и 76 тысяч слитков серебра, о которых сказано у Бичурина, следует расценивать как взаимное вручение награды за подарки идикутам.

Волна народного гнева положила конец монгольскому господству в Китае. В 1368 г. ханы были изгнаны и их власть ослабла. В 1369 г. Хызр-ходжа присоединил к прежней территории Чагатаева улуса значительную часть Уйгурского государства и этим положил конец существованию его.

В Уйгурском государстве имелись патриархальные пережитки, но при всем этом оно стояло значительно выше тех государств, которые возникали ранее в этом районе, и образование его следует расценивать как большой и важный этап в истории уйгуров. Государство последних просуществовало около 500 лет, и даже сам по себе этот факт можно рассматривать как явление немаловажного значения.

⁶¹ Бичурин. История первых четырех ханов, стр. 282 и 301.

⁶² Позднеев. Исторический очерк уйгуров, стр. 126.

Глава четвертая

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

I

Территория Кашгарии и Турфанской котловины расположена между 72° — 95° восточной долготы и 50° — 35° северной широты. Общая площадь их значительно превышает миллион квадратных километров.

Вся эта обширная территория имеет много общего в географическом отношении; воздух отличается большой сухостью; мало выпадает атмосферных осадков.

Кашгария, или Восточный Туркестан, представляет впадину длиной около 1200 км и шириной 600 км, окруженную мощными горными системами.

На севере и северо-западе тянется величественная горная система Тянь-Шань, состоящая из мощных хребтов, на западе — Памиро-Алтайская высокогорная цепь, на юге — Куэнь-Лунь и Каракорум. На востоке лежит великая пустыня Центральной Азии — Гоби, или Шамо. Вершины гор покрыты вечными снегами. Ниже линии ледников имеются альпийские луга.

При таянии горных снегов образуется большое число ручьев и потоков, которые, соединяясь, превращаются в большие реки, текущие в Кашгарию.

Весна в равнинной части начинается довольно рано, на юге и западе уже в феврале месяце, наступление тепла сопровождается постоянными сильными ветрами с довольно густыми пыльными туманами.

Турфанская впадина является более жаркой по сравнению с остальной частью Кашгарии. По данным А. А. Тилло, в Лукчуне максимальная температура составляла 48° , на солнце — 64° ,

минимальная — 21.5° , а средняя за июль 33.7° . Колебания температуры здесь еще более резкие.¹

Чрезмерная сухость климата и жара в Турфанской впадине объясняются орографическими особенностями. Впадина, расположенная значительно ниже уровня моря, защищена от северо-западных ветров горными массивами, открыта для жарких восточных ветров.

Турфанская долина разделена на две части тянувшейся с запада на восток горной грядой Тузтау. Южная часть, расположенная много ниже северной, считалась огненным местом из-за сухости климата и высокой температуры воздуха.

Часть равнинной площади составляет лёсс, опоясывающий пустыню Такла-Макан. Ширина лёссовой полосы не везде одинакова; в южной части Кашгарии встречаются наиболее широкие места, достигающие 130 км. По этой сравнительно узкой полосе тянутся культурные оазисы.

Хозяйственная деятельность людей развивалась также в долинах: в одних возможно лишь животноводство, а в других — земледелие. К таким долинам относятся Сарыкольская, расположенная между хребтами Сарыкол и западным Куэнь-Лунем. Несмотря на большую высоту ее (около 3000 м над уровнем моря), в южной части было развито земледелие.

В западной части долины Раскем-дарьи, находящейся между западным Куэнь-Лунем и Луз-тагом, развито земледелие: возделывались клевер, ячмень, пшеница. Между магистральным хребтом Тянь-Шаня и южным его отрогом имеются долины Малого и Большого Юлдуза и Карашарская котловина, представляющие собой благоприятные условия для скотоводства и земледелия. Долины Юлдузов обильно орошаются рекой Хайдык-гол, на них раскинулись прекрасные альпийские луга. Обилие трав, воды и отсутствие насекомых весьма благоприятствуют развитию здесь животноводства. Карашарская котловина, орошаемая Хайдык-голом и речками, берущими начало в горах Хабдайкетле, имеет благоприятные условия для земледелия и скотоводства.

Множество ручьев стекает с вершин снежных гор, которые, сливаясь, образуют реки, несущие свои воды в оазисы Кашгарии. Главные реки: Хайдык-гол, Куча-дарья, Аксу-дарья, Кашгар-дарья, Яркенд-дарья, Хотан-дарья, соединяясь, образуют систему р. Тарима, стекающую в оз. Лобнор.

Оазисы Кашгарии расположены по течению рек вблизи гор. Поскольку жизнь развивалась там, где имела вода, то на крупных реках давно выросли густонаселенные оазисы с большими городами и обширной площадью орошенных земель; на маленьких речках возникли небольшие оазисы с незначительным на-

¹ Т и л о. Главнейшие результаты метеорологических наблюдений, стр. 20, 29.

селением. Река выше оазисов перекрывалась плотинами; от них начинались главные каналы, от которых шли арыки, подводившие воду к полям. Особенность кашгарских рек состоит в том, что половодье у них наступает поздно, когда потребность в воде уменьшается, и вследствие этого много воды пропадает напрасно, а водоемов, в которых можно было бы собирать воду в период половодья и сбрасывать в момент массовых поливов, нет. Весной потребность в воде значительно больше, а между тем реки имеют довольно низкий уровень, и трудно бывает поднять воду на поля, расположенные на высоких местах.

В Турфанской котловине небольшие речки питали водой лишь незначительную часть возделанных земель, а остальная площадь орошалась при помощи кяризов, представляющих сложное гидротехническое сооружение.

Поверхность Джунгарии разнообразна. На обширной площади (770 тыс. км²) имеются горы, равнины, долины и впадины. В. А. Обручев, характеризуя поверхность Джунгарии, писал, что она «представляет все переходы от пустыни к пышным лугам и густым лесам... Альпийские луга с низкой, но густой травой занимают большие площади на высоких ступенях, переходя постепенно, по мере уменьшения высоты, в пышные степи с высокими травами, местами в леса и заросли кустов. Еще ниже становится все беднее и беднее, травы постепенно заменяются полынью, потом полынь рассыпается по логам и рытвинам, составляя в промежутках голый щебень и утесы, — так степь незаметно переходит в полупустыню и, наконец, в пустыню...».²

Значительную часть поверхности Джунгарии составляют равнины с лёссовыми отложениями, песчаные ландшафты и пески с солончаками. Долины пригодны для занятий земледелием и представляют благоприятные условия для животноводства. Реки, озера и болота были источниками водопоя для скота, а камышевые заросли на их берегах являлись пастбищами, когда степи под лучами солнца становились безжизненными.

Но и в этой части Уйгурского государства земледелие процветало в некоторых оазисах. Б. В. Долбежев, посетивший Джунгарию с целью археологических разведок, писал о том, что местность от Урумчи до Гучена в полосе предгорья на всем своем протяжении покрыта толстым слоем лёсса и при орошении пригодна для земледелия. Далее он сообщает, что в окрестностях селения Гумуди имелись прекрасно возделанные рисовые поля, которые, по его мнению, сохранились с древнего времени, т. е. с танского периода.³ В камышевых зарослях еще сохранились остатки осушительных каналов и следы полей того времени. Следовательно, уйгуры столкнулись с земледельческой культурой до того, как перевалили за Тянь-Шань в конце IX в.

² Обручев. Пограничная Джунгария, стр. 91—92.

³ Долбежев. В поисках развалин Бишбалыка, стр. 80.

Два направления в развитии хозяйства уйгуров — земледелие и скотоводство — при наличии поливных земель и обширных пастбищ определились естественно. Маркс, изучая природные условия ведения хозяйства на востоке, пришел к заключению, что «у всех восточных племен можно проследить с самого начала истории общее соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части».⁴

Вследствие жаркого климата и незначительного выпадения атмосферных осадков земледелие в Кашгарии и Джунгарии было поливным. Самые ранние сведения о земледелии в этих областях содержат китайские источники. Археологические раскопки дают материал, подтверждающий известия древних авторов о повсеместном развитии земледелия. В настоящее время уже имеются данные о районах земледелия, о культурах, которые возделывались, но еще слишком мало материала о земледельческих орудиях и технике земледелия.

Не задаваясь целью излагать историю развития земледелия в Кашгарии и Джунгарии, все же считаю необходимым привести несколько свидетельств, относящихся к раннему времени. В истории старшего дома Хань (206 до н. э. — 25 г. н. э.) при описании походов императора У-ди (140—86 гг. до н. э.) на запад сказано о занятиях населения в западных владениях. «Вообще почти во всех государствах Западного края ведут оседлую жизнь, имеют города, земледелие, скотоводство и в обыкновениях не сходятся ни с хуннами ни с усунями».⁵

При описании отдельных владений тоже имеются указания на занятия земледелием. Так, например, об Инай-Янгисаре сообщается: «Хлеба мало, а получают его из Кашгара и Яркенда».⁶ Из приведенной цитаты видно, что торговля хлебом велась не только внутри оазисов, но и между отдельными владениями. При слабом развитии земледелия такая торговля была бы невозможна.

О первых столетиях нашей эры известно больше, чем о предыдущем периоде. К китайским источникам прибавляются документы, найденные в юго-восточной части Синьцзяна во время раскопок в Нии, Лоулане и др., которые содержат ценные сведения о земледелии. В них говорится о продовольственных культурах, о винограде. Пшеница и просо, видимо, были основными культурами.⁷ Землю пахали сохой, хотя прямых указаний на это не встречается. Косвенным подтверждением может служить название в документах

⁴ Маркс. Маркс — Энгельс. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 28, стр. 214.

⁵ Бичурин. Собрание сведений, т. II, стр. 170.

⁶ Там же, стр. 178.

⁷ Burrow. A translation of the kharosthi documents, док. №№ 8, 72, 272, 291, 435 и др.

участков, обрабатывавшихся парой быков. Население этих районов знало, как из винограда готовить вино. Был даже налог вином.⁸

Ту же картину дают нам археологические раскопки. Изучение древнего поселения на берегу высохшего русла р. Нии дало материал, показывающий, что жители его занимались земледелием и животноводством. Основными культурами были пшеница и просо. Развито было садоводство: росли абрикосы, персики, шелковица. Разводили коров, овец, верблюдов.⁹

Турфанская впадина — один из ранних центров цивилизации в Центральной Азии — хорошо была известна китайским авторам. О Гаочане они писали, что там «климат теплый, земля плодородна. Просо и пшеница в продолжение года два раза созревает. Климат удобен и для шелководства. В изобилии рождаются разные плоды. . . Проводят воду для орошения полей».¹⁰

О Харашаре китайский автор сообщал: «Климат холодный, земля плодоносна. Сеют рис, просо, овощи и пшеницу. Из домашнего скота разводят верблюдов и лошадей. Разводят шелковых червей, но не для выделки шелка, а для ваты и ниток. Любят виноградное вино и музыку».¹¹

В Кашгарском владении «земля изобилует рисом, просом, кунжутном, колосовым хлебом».¹²

Севернее Тянь-Шаня в Джунгарии тоже развивалось земледелие, хотя в меньшей степени, чем в Кашгарии. Вот что сказано о Баркуле: «... климат очень холодный . . . можно сеять пшеницу, ячмень и просо. . .».¹³

Подобные же сведения сообщаются об Урумчи: «Здесь местоположения прекрасны, земля всюду тучная, имеет паствы и воды превосходные, и способна как для земледелия, так и для скотоводства».¹⁴

Приведенные свидетельства вполне убедительно показывают, что в оазисах Кашгарии, Турфанской впадины земледелие с глубокой древности являлось основным занятием. Оно было многоотраслевым. Возделывались не только продовольственные культуры, но и технические. Развито было садоводство и виноградарство. Техника орошения достигла высокой степени развития. Для этой цели использовались не только реки, но и подземные воды при помощи кяризов. Успели выработаться нормы агротехники, обеспечивавшие плодородие почвы.

В земледельческих оазисах животноводство носило подсобный

⁸ Там же, док. № 387.

⁹ Ли Сюэ-хуа. Загадка мертвого города, стр. 29—30.

¹⁰ Бичурин. Собрание сведений, т. II, стр. 249—250.

¹¹ Там же, стр. 255.

¹² Там же, стр. 258.

¹³ Бичурин. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана, стр. 98.

¹⁴ Там же, стр. 99.

характер. Но отдельные хозяйства имели много скота и разводили его не только для удовлетворения своих потребностей, но и для продажи. В пустыне Такла-Макан при раскопках древних жилищ в одной из построек сохранился овечий помет. Слой его достигает одной трети метра. В этом помещении, видимо, длительное время находились овцы в большом количестве.¹⁵

Земледелие в Турфанской котловине и в Кашгарии возможно было только при искусственном орошении. Лишь в горах, где выпадали осадки, имелись условия для богарных посевов, но эти районы играли слишком незначительную роль. Культурные оазисы сосредоточились в предгорной полосе, где орошение являлось обязательным условием жизни. Путешественники, посетившие эту страну, писали об этом. В частности, китайский посол Ван Янь-дэ, ездивший к Арслан-хану, так характеризовал климат: «Не выпадает в этой стране ни дождей, ни снегов, и жара там невыносимая». Затем он продолжает: «Есть там река, вытекающая из ущелья горы Цзинь-лин (Kin-ling), воды ее направили так, что она окружает столицу, орошает пашни и сады и приводит в движение мельницы».¹⁶

Другой путешественник монах Чан Чунь, посетивший страну около двухсот лет после Ван Янь-дэ уже при Чингис-хане, тоже писал, что там «орошают пшеницу посредством вырытых водопроводов».¹⁷ Чан Чунь мог писать о вырытых водопроводах, имея в виду обычные арыки. Но возможно и другое. С системой орошения при помощи арыков Чан Чунь был бесспорно знаком в самом Китае. Здесь же в Турфанском оазисе существовала еще кяризная система орошения, которая могла удивить путешественника своим необычным устройством. Поэтому возникает вопрос: не имел ли Чан Чунь в виду, когда писал о вырытых водопроводах, кяризную систему, выводившую подземную воду на поверхность.

Г. Е. Грум-Гржимайло следующим образом описывает устройство кяризов в Турфанской котловине. «В местности, известной населению неглубоким сравнительно залеганием водосодержащих слоев, роется головная „дудка“, т. е. узкий и глубокий колодезь, который заканчивается в этих слоях; отступая сажени четыре, много, если уж пять, роется вторая такая же дудка, потом третья, четвертая, сотая, до тех пор пока их глубина не дойдет до сажени; тогда эти дудки, начиная с последней, от которой уже ведется арык, соединяются между собой каналом, прорезающим таким образом всю их длину водосодержащие почвы. Ясное дело, что тогда в такую трубу устремляется вся вода этих последних, но, разумеется, в пределах, строго ограниченных ее всасывающей способностью. Для того чтобы увеличить струю кяризной воды, в магистральный канал проводятся ветви, если же нет для этого

¹⁵ Тан Бин-чжу. Город, побежденный пустыней, стр. 32.

¹⁶ Григорьев. Земледелие К. Риттера, стр. 267.

¹⁷ Кафаров. Си-ю-цзи или описание путешествия на запад, стр. 292.

подходящих условий, то или несколько параллельных между собой карызов соединяют в один, или удлиняют его еще новыми дудками».¹⁸

На рытье столь большого числа колодцев затрачивался немаловажно большой труд, а затем требовались огромные усилия на поддержание всей системы в исправности. Само собой разумеется, что нужны были известные знания и опыт, которые приобретались постепенно. Сооружение кяризов и содержание их в исправности на протяжении всей истории их существования оставались делом общественным.

Границы возделанных земель в Турфанском оазисе в ранний период истории были шире, чем в XVIII в. Часть возделывавшихся земель оказалась заброшенной, и летучие пески скрыли следы деятельности человека.¹⁹

Значительное изменение границ орошаемых земель произошло и в других районах Кашгарии. Достаточно обратить внимание на развалины Мазар-тага, Дандан Ойлика, Нии на юге, Лоулана на востоке, чтобы убедиться, насколько отступила к горам полоса культурных земель. Местами песчаная пустыня покрывала участки культурной земли шириной до 40—50 км.

Было бы неверно искать причину изменения границ орошаемых земель в оазисах Кашгарии и Джунгарии в геологических процессах, послуживших причиной того, что во многих местах орошаемые земли сократились. Политические события и завоевания кочевников не всегда были благоприятны для хозяйственного развития, покоившегося на искусственном орошении. К. Маркс, изучавший причины превращения в пустыни обширных территорий, когда-то прекрасно обработанных, писал: «Такая система искусственного повышения плодородия почвы, зависевшая от центрального правительства и немедленно приходившая в упадок при нерадивом отношении этого правительства к ирригационным и осушительным работам, объясняет тот необъяснимый иначе факт, что мы видим теперь бесплодными и пустынными целые территории, некогда бывшие прекрасно возделанными, как, например, Пальмира, Петра, развалины Иемена и обширные провинции Египта, Персии и Индостана. Этим также объясняется тот факт, что одна опустошительная война оказалась способной обезлюдить страну на целые столетия и лишить ее всей ее цивилизации».²⁰

Именно такая картина прослеживается и в Турфанской котловине, бывшей крупным центром средневековой цивилизации Центральной Азии. Большие города, такие как Кочо и Яр, пришли в запустение после завоевания их чагатаидами в конце XIV в.

¹⁸ Грум-Гржимайло. Описание путешествия в Западный Китай, стр. 326—327.

¹⁹ Там же, стр. 295—296, 312—315.

²⁰ Маркс. Британское владычество в Индии. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 9, стр. 132.

Но не только сами города превратились в развалины, запустели их окрестности. Земледелие пришло в упадок и на значительной территории уже не возобновлялось.²¹

Однако и в то время, когда площадь орошаемых земель была гораздо обширнее, нехватка обрабатываемой земли чувствовалась весьма остро. Только этим можно объяснить тот факт, что аренда получила широкое распространение даже при весьма невыгодных, а подчас кабальных условиях аренды.²²

III

Завоевание кочевниками уйгурами богатых земледельческих оазисов от Хами до Кучара в конце IX в. явилось немаловажным событием в политической и экономической истории Центральной Азии и самих уйгуров. Вытесненные киргизами с Орхона, Селенги и Тола уйгуры оказались в областях, во многом отличных от прежних. Та часть уйгуров, которая оказалась севернее и западнее Урумчи, имела благоприятные условия для кочевого скотоводства; другая часть их, попавшая в оазисы южнее и восточнее Тянь-Шаня, с самого начала столкнулась с иными условиями и вынуждена была приспособливаться к новому способу ведения хозяйства. Для этой части уйгурского населения уже не могло быть речи о ведении кочевого скотоводства в прежнем размере. Возвращение на запад или на север было невозможно в силу того, что пастбища там оказались занятыми их же соплеменниками. Поэтому они вынуждены были переходить к оседлому образу жизни и к поливному земледелию.

Процесс оседания кочевников и переход их к земледелию был медленным. Автор «Худуд ал-алема» (983 г.) пишет, что основная масса тюркского населения занимается кочевым скотоводством. Жители городов и селений занимались земледелием.²³ Автор сочинения «Худуд ал-алем», как и Гардизи (XI в.), писал о той части населения Уйгурского государства, которая обитала севернее Тянь-Шаня, где имелись прекрасные пастбища.²⁴ К югу и востоку от Тянь-Шаня издавна обитало оседлое население, занимавшееся поливным земледелием, и кочевники, оказавшись здесь, стали переходить к земледелию. Это подтверждается рядом свидетельств современников и уйгурскими документами.

Важным источником служит доклад китайского сановника Ван Янь-дэ, ездившего в Гаочан во главе посольства в 981 г. После завоевания уйгурами Гаочана прошло около ста лет, срок вполне достаточный, чтобы сказать, в какой мере кочевники оказали

²¹ Klementz. Nachrichten über die Expedition nach Turfan; Хуан Вэнь-би. Тулуфань, стр. 7.

²² Ср. раздел об условиях аренды, стр. 124—127.

²³ Бартольд. Худуд ал-алем, л. 166.

²⁴ Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию, стр. 116.

влияние на состояние оседлого земледелия. Ван Янь-дэ проехал большое пространство и в отчете писал о том, что видел своими глазами. Общее свое впечатление он выражает следующими словами: «Страна эта производит все пять сортов хлеба, но гречихи (цзяо-ма) там нет».²⁵ Следовательно, такие культуры, как пшеница, ячмень, рис, просо, были распространены по всей стране.

Подобные же сведения имеются в китайских династийных историях X в. Перечисляя произведения уйгуров, автор пишет и о земледелии: «Пашут и обрабатывают там землю верблюдами».²⁶ Из продовольственных культур называется ячмень.²⁷

Подробное перечисление культур, возделывавшихся в Хотанском оазисе, мы находим у Гардизи, персидского автора XI в.: «В этой области (Хотане, — Д. Т.) много плодов, много пшеницы, ячменя, тыкв, проса, кунжута, лимонов и смокв, много шелка, в их одежде преобладает шелк; тутовых деревьев столько, что иногда один человек владеет 2000 деревьев. Также много винограда и разного рода груш».²⁸

Даосский монах Чан Чунь оставил весьма ценное описание своего путешествия на запад. У него мы встречаем неоднократные упоминания о широком распространении земледелия. Так, например, проезжая оазисы Турфана, он пишет: «В это время пшеница на полях только что созрела, все поля орошаются водой источников и оттого получают яровое».²⁹

Описывая другой оазис, Чан Чунь сообщает, что «здесь впервые увидел хойхэ, которые орошали пшеницу посредством вырытых водопроводов».³⁰

Рассказывая об угощениях местного населения по случаю его проезда, он называет «арбузы, которые были по безмену, дыни были с целую подушку».³¹

Приведенные факты с достаточной убедительностью говорят о том, что после прихода уйгуров в Гаочане, Кучаре и других оазисах земледелие оставалось основным видом занятий населения.

Завоевание кочевниками оседлых оазисов хотя и нарушило в какой-то мере хозяйственный уклад, но не в такой степени, чтобы земледелие оказалось замененным скотоводством. Вполне естественно, что частичное нарушение хозяйственного уклада очень быстро восстановилось.

²⁵ Григорьев. Землеведение К. Риттера, стр. 267.

²⁶ Позднеев. Исторический очерк уйгуров, стр. 113.

²⁷ Позднеев перевел это как белая пшеница. В действительности здесь следует иметь в виду ячмень, известный как гималайское жито. Он распространен в высокогорных районах Тибета, Синьцзяна.

²⁸ Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию.

²⁹ Кафаров. Си-ю-цзи или описание путешествия на запад, стр. 300.

³⁰ Там же, стр. 292.

³¹ Там же, стр. 302.

Подробное рассмотрение налоговых терминов также приводит к выводу, что завоевание уйгурами оседлых областей не вызвало большой перемены в хозяйственном укладе. Основные налоги взимались с земледельческого населения.

В уйгурских текстах имеются слова, которыми обозначалась пашня, обработанная и засеянная земля. Приведем эти слова в алфавитном порядке: аниз-ангиз, кыра, тарыг, ур, чу. Вероятно, каждое название обозначало определенную землю, как например тарыг — просо и тарыг — пашня, поле. В трех документах (№№ 14, 15, 30) земля называется кавлалыг. Если исходить из того, что каула-кавла — овощи, то можно предполагать, что участки земли кавлалыг засеивались овощными культурами. В некоторых документах имеются оговорки о том, что участок земли будет засеян хлопчатником. Сад обозначался словом баг, а цветник — чачаклык, виноградник — борлук.

Различное название земельных участков, видимо, следует рассматривать как свидетельство того, что у уйгуров существовала определенная система земледелия, которая нашла свое отражение в деловых документах. Авторы документов не ставили целью перечислить все культуры, выращиваемые уйгурами, а лишь фиксировали то, что относилось к сделкам, поэтому названы апра — ячмень, бугдай — пшеница, тарыг — просо, борсу — горох, коз — орех, озум — виноград, кабаз — хлопчатник, кидын — лен, кунжут. Эти документы имеют важное значение, поскольку они оставлены самими уйгурами и носят юридический характер, что придает сообщаемым ими фактам большую достоверность.

Сведения других источников дополняют отрывочные данные уйгурских документов и позволяют в какой-то степени представить общую картину земледелия и садоводства в уйгурском государстве. Продовольственные культуры (пшеница, ячмень, просо, рис), технические (кунжут, хлопок) плодовые деревья, бахчевые культуры встречаются в прежних границах. Следовательно, в результате уйгурского завоевания земледелие серьезно не пострадало. Путешественники того времени не отмечали разрушение оросительной системы или же запустение полей на больших пространствах, что можно было бы объяснить причинами не местного характера.

Наиболее крупными районами земледелия продолжали оставаться оазисы: Хамийский, Лукчунский, Турфанский, Карашарский и Кучарский. Севернее Тянь-Шаня земледелие было развито значительно меньше, чем на юге и востоке. Равнины Джунгарии являлись благоприятными пастбищами для животноводов. Следовательно, население этих обширных пространств получало хлеб из земледельческих оазисов юга.

Бесспорно, что население Уйгурского государства удовлетворяло свои потребности собственным хлебом, а, кроме того, часть продовольственных культур продавалась кочевникам, торговавшим с оседлым населением Притяньшаньских оазисов с незапамятных времен.

В источниках раннего времени назывались просо, ячмень, пшеница, рис и бобовые. В уйгурских и китайских документах, относящихся ко времени существования Уйгурского государства, мы встречаем просо, ячмень, пшеницу, рис, горох, гаолян.³² Следовательно, не произошло изменений и в составе основных продовольственных культур за истекший период времени, несмотря на большие перемены в политической истории.

Кроме зерновых и бобовых продовольственных культур, сеяли люцерну и технические культуры: коноплю, кунжут, хлопок.³³ Люцерна шла на корм скоту, а хлопок, кунжут и конопля давали волокно и растительное масло. В лукчунском оазисе сеяли лен. В ряде уйгурских документов говорится о ткани высокого качества из льняной пряжи, изготовленной в Лукчуне.

Несомненно сеялись и другие культуры, которые не упоминаются в документах. Но тот факт, что возделывались продовольственные и технические культуры, говорит о высокой ступени развития земледелия.

Изучение древних уйгурских и китайских документов не оставляет сомнения в том, что виноградарство являлось одной из важнейших отраслей земледелия в Уйгурском государстве. Продажа и сдача в аренду виноградников была широко распространена. Среди документов, опубликованных В. В. Радловым и С. Е. Маловым, имеются тексты 12 сделок на продажу и аренду виноградников. Создается впечатление, что редкое хозяйство не имело виноградных лоз. Виноград разводился в усадьбе, около дома, в садах рядом с фруктовыми деревьями, а также в специальных виноградниках.

Виноградная лоза, являющаяся древним культурным растением, довольно рано стала разводиться в оазисах Кашгарии. Почва и климатические условия благоприятствовали развитию здесь виноградарства. Большое число солнечных дней в году, жаркий воздух позволяли выращивать виноград с большим процентом сахара. Но кроме благоприятных погодных условий, немаловажную роль играл и спрос на виноград и виноградное вино на внутреннем и внешнем рынках.

³² Радлов, док. №№ 26, 69, 91, 99, 121, 126; Maspero. Les documents chinois, док. № 500; Хуан Вэнь-би. Тулуфань, стр. 41.

³³ Радлов, док. №№ 7, 20, 27, 37, 88.

Государство взимало с виноградников налог натурой.³⁴ Следовательно, в разведении виноградной лозы были заинтересованы не только сами крестьяне, но и государство. Кроме того, государство взимало налог виноградным вином.³⁵

О вине не раз говорится в документах.³⁶ Вино шло в уплату аренды и налогов. Поставка виноградного вина государству, равно как и винограда, была узаконена еще тогда, когда Гаочан входил в состав танской империи. В Уйгурском государстве виноградный налог и налог вином также сохранился.³⁷ В ярлыке Кадыра о пожаловании Мурутлукскому монастырю земель и виноградников сказано: «... пусть не берут аску озум»³⁸ с виноградников монастыря.

Налог вином и виноградом не был кратковременным. Он носил постоянный характер, что видно из документов, относящихся к разному времени. Документы на китайском языке, в которых речь идет о сдаче вина государству, относятся к VII—VIII, а уйгурские — к X—XIII вв. Территория Гаочана в первом случае входила в состав танской империи, а во втором она являлась административным и наиболее важным экономическим и культурным центром Уйгурского государства. Следовательно, налог вином существовал на протяжении нескольких столетий.

В уйгурских документах тоже имеются указания на сдачу вина. В документе, опубликованном С. Е. Маловым, читаем: «и так как не был доставлен один бегский кувшин вина».³⁹ В другом документе сказано о том, что главный бек брал вино, которое затем засчитывалось в установленную очередь.⁴⁰ В ханскую очередь давались пища и вино.⁴¹

В ярлыке Елик Кадыра о пожаловании монастырю земли и виноградников запрещалось взимать бор, т. е. вино.⁴² Следовательно, уйгурские идикуты не отменяли винного налога.

Не лишне будет сослаться еще на один документ, в котором предписывается выдать вина 10 батманов,⁴³ а остальные 10 батманов надлежало оставить.⁴⁴ Распоряжение писал елчи — чиновник, ведавший сбором государственных налогов. Судя по этой записке, могли существовать какие-то казенные хранилища, куда

³⁴ Там же, док. № 88.

³⁵ Там же, док. №№ 65, 71, 88; Малов. Памятники, стр. 204—207.

³⁶ Радлов, док. №№ 4, 6, 32, 71, 75.

³⁷ Там же, док. № 88.

³⁸ Налог виноградом.

³⁹ Малов. Памятники, стр. 204—207.

⁴⁰ Радлов, док. № 65.

⁴¹ Там же, док. № 75.

⁴² Там же, док. № 88.

⁴³ Батман — мера веса и площади, засеваемой батманом зерна. Вес батмана был разный, иногда он составлял около 130 кг.

⁴⁴ Радлов, док. № 71.

налогоплательщики сдавали вино. Словом, сбор налога вином считался важным делом.

Существование винного налога было связано с большой потребностью в вине при ханском дворе. Гардизи писал о дворе тогузгузского хакана, что у него огромное число прислуги (около 1500) и «три раза в день пьют вино; вино у них делается из винограда».⁴⁵ Вино, видимо, употреблялось и в лечебных целях. Свежий виноград составлял важный продукт питания.

О большой потребности в вине можно судить и по такому факту, что иногда арендаторы виноградников платили вином арендную плату.⁴⁶ Этот факт сам по себе не столь уж примечательный, но проливает некоторый свет на роль вина в Уйгурском государстве.

Не следует забывать, что с установлением господства ислама культура приготовления виноградного вина была утрачена.

Поскольку виноградарство считалось важной отраслью хозяйства, то хорошие виноградари были широко известны. Мы не раз встречали в документах указание на то, что общины выделяли виноградарей для работы в виноградниках феодалов.⁴⁷

Следует ли считать случайностью, что до нас дошло больше документов о продаже и аренде виноградников, чем земель, занятых продовольственными культурами? Не есть ли в этом отражение действительного положения вещей? Не исключено, что в Гаочане ведущей отраслью хозяйства являлось виноградарство, сочетавшееся с полеводством и животноводством. Виноградарство могло быть более доходной отраслью хозяйства. Почвенные и климатические условия благоприятствовали развитию разных сортов винограда, спрос на вино был большой. Государство, введя виноградный налог и налог виноградным вином, поощряло развитие виноградарства.

Виноград — трудоемкая культура, почти круглый год семья была занята работами в винограднике. Ранней весной нужно было кетменем обработать землю, поставить подпорки, подвязывать лозы, подрезать их. Борьба с вредителями происходила с весны до осени. Перед сбором винограда нужно было приготовить посуду и весь инвентарь, а затем уже начинался сбор винограда и его переработка.

Орудия обработки почвы у уйгуров были не столь сложны. В зависимости от размера участка и от характера почвы использовались и соха и кетмень.⁴⁸ Сады, виноградники обрабатывались кетменями, а поля возделывались сохой. В качестве тягловой

⁴⁵ Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию, стр. 115.

⁴⁶ Радлов, док. № 6.

⁴⁷ Там же, док. №№ 14, 21, 25.

⁴⁸ Там же, док. № 55.

силы использовались верблюды.⁴⁹ Для уборки урожая применяли серп, а траву косили косой.⁵⁰

Как была устроена соха у уйгуров, мы пока не знаем, но имеется описание сохи у тангутов, подчинивших ганчжоусских и шачжоусских уйгуров и перешедших к земледелию на их землях. Можно предполагать поэтому, что соха у уйгур и тангутов имела одинаковое устройство.

V

Недостаток орошенной земли заставлял крестьянина сохранять плодородие почвы. Довольно рано уйгуры начали применять удобрения. Об этом мы узнаем из китайских источников о киданях, в которых сообщается также о том, что применять для удобрения коровий навоз и защищать растения циновками кидане научились от уйгуров.⁵¹ Можно думать, что уйгуры, использовавшие навоз в качестве удобрения, применяли и другие средства для поддержания плодородия почвы, как-то: лёсс, старые стены, грязь из канав. Эти меры были доступны каждому хозяйству, даже тому, которое не имело скота.

Уйгуры завоевали области, где земледелие было известно несколько столетий и культурные площади земель продолжали оставаться в старых границах. Естественно, что земля без удобрений перестала бы давать урожай. Сохранение плодородия зависело от количества удобрений, а навоз в достаточном количестве имело не каждое хозяйство. Такие хозяйства вынуждены были искать другие средства удобрения.

Размол зерна производился на ручных и водяных мельницах. Устройство последних соответствовало общему уровню развития техники. О водяных мельницах писал Ван Янь-дэ в своем докладе и сообщал, что они строятся не только на реках, но и на каналах.⁵² И это не единственное указание на наличие водяных мельниц у уйгуров.

В. В. Бартольд опубликовал перевод сочинения Гардизи, в котором имеется описание мельницы: «В хотанской области много мельниц; в каждой мельнице приводится в движение нижний жернов, а верхний остается в спокойном положении и не двигается. Внутри мельницы есть сита из китайского шелка, устроенные так, что приводятся в движение водой; мука падает, а отруби остаются. У них есть особый снаряд, который называется бадасьябом; туда бросают зерно для очистки; сор падает в одну сторону, чистое зерно — в другую. Бадасьяб также приводится в движение водой. У них есть еще другой снаряд, которым разби-

⁴⁹ По з д н е е в. Исторический очерк уйгуров, стр. 109.

⁵⁰ Советское китаеведение, стр. 217—218.

⁵¹ Wittfogel a. Feng Chia-sheng. History of Chinese society Liao, p. 121.

⁵² Г р и г о р ь е в. Землеведение К. Риттера, стр. 267.

вают кишнец и тыквы; он похож на круглое ведро; в него вставлена крепкая палка, и к палке привязан крепкий камень; конец палки заколдован, чтобы вода вертела его».⁵³

Водяная мельница даже в том виде, в каком она описана у Гардизи, представляет большой шаг вперед в развитии мукомольного дела. Земледельческое население уже не довольствовалось ручной мельницей, оно имело мельницу с ситами, размалывало чистое зерно, пропущенное через веялку.

Водяная мельница обслуживала не одного владельца, а значительную группу людей. Следовательно, появление водяной мельницы свидетельствует не только о техническом прогрессе общества, но в то же время и о разделении труда в нем. Наконец, мельница помогла увеличить богатства ее владельцу и могла служить средством эксплуатации чужого труда.

VI

В экономике Уйгурского государства играло большую роль коневодство, развитое на просторах Джунгарии. Посольства, направлявшиеся ко двору китайских императоров, доставляли в подарок лошадей.⁵⁴ Лошади продавались на рынках китайской империи и были нужны для войска. В земледельческих оазисах лошади имели меньшее распространение. В качестве рабочего скота использовались верблюды, ишаки и быки. Эти животные, менее требовательные к корму, чем лошади, и дешевле по цене, удовлетворяли потребности небольшого крестьянского хозяйства при обработке поля, перевозке грузов и т. д.

Из домашних животных, кроме рабочего скота (лошадей, верблюдов, ишаков, волов), разводились коровы, овцы, козы, дававшие продукты животноводства: шерсть, молоко, мясо, кожу и т. д. В торговле с Китаем большое место занимали лошади. Ван Янь-дэ пишет о Гаочане, что «в этой стране много лошадей».⁵⁵ Они разводились не только для хозяйственных нужд, но и для военных целей. Уйгурский посол в 1001 г. при китайском дворе говорил о богатстве и силе своей страны, где каждый мелкий владетель имеет несколько сот конных воинов.⁵⁶

Мелких феодальных владений было довольно много, и, следовательно, общее число конных воинов составляло большую цифру. Кроме того, во время войны, когда для несения военной службы привлекалось почти все взрослое мужское население, потребность в лошадях резко возрастала, и она удовлетворялась за счет табунов, пасшихся на лугах.

⁵³ Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию, стр. 119.

⁵⁴ Позднеев. Исторический очерк уйгуров, стр. 115—116.

⁵⁵ Григорьев. Землеведение К. Риттера, стр. 270.

⁵⁶ Позднеев. Исторический очерк уйгуров, стр. 117.

В мирное время тоже часто нужны были лошади для несения государственной повинности, обеспечения различных посольств, чиновников и т. д.⁵⁷

Цены на лошадей сильно колебались и зависели от их качества. Тот же Ван Янь-дэ, например, пишет, что хорошая лошадь стоила кусок шелковой ткани, а средняя иногда доходила в цене до одного джана (3 м шелковой ткани).⁵⁸

Высший слой феодалов, монастыри владели огромными стадами лошадей и скота⁵⁹ тогда как крестьяне не все имели скот и вынуждены были нанимать его для выполнения хозяйственных работ.⁶⁰

Стойловое содержание скота практиковалось не только в крестьянских хозяйствах, которые имели скот в небольшом количестве, но и в хозяйстве монастырей и светских феодалов.⁶¹ Для стойлового содержания скота заготавливался корм.

Охота на пушного зверя являлась важной отраслью занятий уйгуров. Меха употреблялись на отделку одежды, из них делались головные уборы. Пушнина вывозилась главным образом за пределы государства. Посольства, отправлявшиеся ко двору китайских императоров, везли с собой в качестве даров дорогие меха.⁶² Китайские авторы называют соболей.⁶³

⁵⁷ Ramstedt. Mongolische Briefe aus Idikut schahri; Радлов, док №№ 39, 53, 54.

⁵⁸ Julien. Melanges de biographi Asiatique, p. 64.

⁵⁹ Григорьев. Землеведение К. Риттера, стр. 270; Stein. Ancient Khotan, док. № 16.

⁶⁰ Радлов, док. № 3.

⁶¹ Ли Сюэ-хуа. Загадка мертвого города, стр. 29—30.

⁶² Григорьев. Землеведение К. Риттера, стр. 267.

⁶³ Позднеев. Исторический очерк уйгуров, стр. 113.

Глава пятая

ГОРОДА И РЕМЕСЛО

I

Города в Восточном Притяньшань и Таримском бассейне возникли рано. Немалую роль в развитии городов играла торговля западных стран с восточными. Пути караванной торговли Запада с Востоком, проходившие по оазисам Кашгарии и Турфанской впадины, способствовали экономическому развитию городов. Археологические раскопки дали много материалов о древних городах, в том числе о ремесле и торговле, дополняющих письменные свидетельства. По сведениям китайских авторов, войска танской империи, совершавшие поход на запад в середине VII в., заняли в Гаочане 22 города, а в Кучарском оазисе 5 городов.¹ Подобное же положение было и в других оазисах.

Древние города возникали и развивались из поселений, занимавших более выгодное положение в оазисах. Они превращались в административные центры и становились главными пунктами местной торговли и торговли с другими оазисами. Города, оказавшиеся на путях транзитной торговли, получали возможность торговать иноземными товарами. Естественно, что ремесло могло более успешно развиваться в тех городах, где велась торговля, население численно возрастало и его потребности становились разнообразнее.

Не все древние города продолжали существовать в средние века. Некоторые из них известны лишь по развалинам, похороненным песками. Древние города Миран, Ния, Лоулан, Дандан, Ойлык и др. не сохранились, но такие города, как Лукчун, Кочо, Яр, Кучар, Харашар, Кашгар, Яркенд, Хотан, продолжали развиваться в середине века.

¹ Бичурин. Собрание сведений, т. I, стр. 290—293.

Развитие городской жизни у уйгуров отметили арабские и персидские авторы. У них названы города Пенчул, Арал (Азал), Сикет, Куча, Джинанджкет, Пенджикет, Макшимигнасур, Арк.² Столицей уйгуров называют Джинанджкет. Ал-Бируни пишет, что Джинанджкет и Кочо — это один и тот же город.³ Марко Поло, проезжавший по этой стране во второй половине XIII в., не раз отмечал, что там много городов.⁴ Говоря о занятиях населения, он неоднократно сообщал о высоком уровне искусства ремесленников.

Нет необходимости давать подробное описание всех городов, но чтобы иметь представление о планировке и, может быть, в какой-то степени о занятиях их жителей, следует коротко остановиться на наиболее крупных.

Кочо был столицей уйгурских идикутов. В нем находились крупные буддийские монастыри. Будучи главным городом государства, он в то же время являлся наиболее крупным торговым и культурным центром. Сюда прибывали посольства из других государств. В нем находилась дружина идикута, проживали чиновники центрального аппарата управления. Естественно, в крупном городе сосредоточивались купцы, ремесленники. Потребности населения самого города были разнообразнее, чем маленького населенного пункта. Все это создавало благоприятные условия для развития ремесел в Кочо. Город был хорошо укреплен, мощные стены могли выдерживать длительные осады, высота их достигала 16 м, а площадь, обнесенная стеной, была $\frac{3}{4}$ км шириной и 4 км длиной.⁵

Прежняя столица уйгуров Бешбалык, или Пянджикет персидских авторов, тоже был большим и хорошо укрепленным городом. Развалины Бешбалыка описаны Б. В. Долбежевым.⁶ Площадь городища составляла около 1 км². В глинобитной стене было трое ворот: южные, восточные и западные. Внутри города имелась цитадель, занимавшая около половины городской площади. Улицы были прямые, ширина их достигала 15 м. Каналы проходили по улицам города и служили источником воды для населения. При поверхностном обследовании городища удалось обнаружить большое количество черепков и шлак. Наличие шлака говорит о выплавке металлов.

Некоторые археологи изучали развалины древнего города Яр-Хото, а в древних уйгурских документах встречается город Яр. Видимо, под этими названиями следует разуметь один и

² Бартольд. 1) Отчет о поездке в Среднюю Азию, стр. 116; 2) Худуд ал-алем, л. 17а.

³ Minor sky. Hudud al-Alam, p. 271.

⁴ Минаев. Путешествие Марко Поло, стр. 68, 71, 72, 76.

⁵ Klementz. Nachrichten über die Expedition nach Turfan; Архив Института народов Азии АН СССР, ф. 58 (Отчет Д. Клеменца о поездке в Турфан).

⁶ Долбежев. В поисках развалин Бишбалыка.

тот же город. В нем было много буддийских монастырей, и внутренняя жизнь города в значительной степени зависела от них. Во время раскопок удалось определить планировку города, расположение базаров, улиц, где жили ремесленники.⁷ Поля вокруг города обрабатывались его жителями, Трудно решить вопрос о том, кто обрабатывал поля. Возможно, что у части городского населения земледелие было основным занятием, но в равной мере допустимо и другое предположение, что земли вокруг города обрабатывали монастыри с помощью крестьян. В данном случае нам важно отметить то положение, что город еще не отделился от земледелия, часть его жителей продолжала сохранять связь с сельским хозяйством.

II

С появлением городов стало развиваться более интенсивно ремесло тех видов, продукция которых шла на удовлетворение внутренних потребностей. Во время археологических раскопок было найдено довольно много различных предметов из металла, глины, дерева, стекла. Сохранились куски ковров, шелковых и хлопчатобумажных тканей. Все эти предметы имеют важное значение для изучения занятий уйгуров с середины VII и до второй половины VIII в. Сообщения письменных источников дополняются вещественными памятниками, по которым можно судить не только о наличии того или иного вида ремесла, но и о характере изделий.

Несомненно важное место в хозяйственной жизни уйгуров занимала выделка различных изделий из металлов, добывавшихся в Притяньшанье, согласно китайским сведениям, с древнего времени. В них читаем о кучарском владении (Цзюймо), что в I в. н. э. «здесь находятся руды и умеют плавить металлы».⁸

В числе археологических находок немало предметов из металла. Они имели хозяйственное назначение, ритуальное, военное и т. д. Одни из них сделаны грубо, другие представляют образцы подлинного мастерства. Бронзовые сосуды различной формы с одной или двумя ручками были довольно широко распространены. Большая бронзовая чаша с тонкой резьбой по краям была изготовлена хорошим мастером с большим художественным вкусом, о чем свидетельствует простота линий.⁹ Можно было бы назвать еще целый ряд металлических предметов, мелких и крупных. Все они имеют значение при изучении быта, культуры и хозяйственной деятельности уйгуров. Однако нет достаточных оснований утверждать, что все металлические предметы изготавливались

⁷ Архив Института народов Азии АН СССР, ф. 58 (Отчет Д. Клеменца о поездке в Турфан); Ольденбург. Русская туркестанская экспедиция 1909—1910 г.; Хуан Вэнь-би. Тулуфань, стр. 7—10.

⁸ Бичурин. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана, стр. 60.

⁹ Stein. Innermost Asia, табл. LXX.

в Уйгурском государстве, некоторые из них могли быть привезены. Учитывая, что торговые пути с востока на запад проходили через территорию Уйгурского государства, привоз чаш, котлов и других изделий вполне вероятен, но наличие такой возможности не исключало добычу и обработку металлов самими уйгурами.

Обработка садовых участков, огородов производилась кетменями, в обыденном обиходе нужны были ножи, для конных воинов требовалось большое количество удил, стремян и т. д.¹⁰ Несомненно все эти предметы изготовлялись местными мастерами. Уместно напомнить один документ из публикации В. В. Радлова, в котором сказано о кузнеце, отпущенном за выкуп из рабов.¹¹

Китайские авторы, говоря об одном из посольств от уйгуров ко двору китайского императора в 1001 г., сообщали, что были привезены различные предметы, в том числе железо, узды, мечи.¹² Если уйгурские идикуты посылали железо и железные изделия в качестве даров, то можно предполагать, что свои внутренние потребности в железных изделиях они удовлетворяли.

Прямых свидетельств о добыче металлов в Уйгурском государстве пока не имеется, но сообщения косвенного характера дают основания утверждать, что добыча железа была. Одним из таких косвенных свидетельств служит упоминание о посольствах уйгуров, возивших правителям соседних государств дары из металлических изделий.¹³

Экономическое развитие, вызванное созданием крупного государства, прекращением междоусобных войн мелких владетелей, способствовало развитию всей экономики, в том числе и добыче железа. Оно шло на удовлетворение собственных нужд и даже вывозилось в Китай ко двору императора. Вывозились также яшма, уздечки, шпаги, латы, стеклянные сосуды, лошади.¹⁴

Несомненно значительное место в ремесленном производстве занимали мастера, изготовлявшие оружие. Мечи, копья, луки, стрелы нужны были в большом количестве и хорошего качества. Уйгурское государство часто вело войны с сильными соседями: на востоке с государством тангутов (Си Ся), а на западе с Каракханидским. Следовательно, изготовлением различного вооружения, снаряжения приходилось заниматься постоянно. Из документов известны случаи найма мастеров для изготовления тетивы.¹⁵

Из железа изготовлялись различные предметы: например удила, стремяна, латы, кетмени, наконечники для сох, ножи и т. д.¹⁶

¹⁰ Радлов, док. № 55; Позднеев. Исторический очерк уйгуров, стр. 115.

¹¹ Радлов, док. № 73.

¹² Позднеев. Исторический очерк уйгуров стр. 115.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Радлов, док. № 50.

¹⁶ Там же, док. № 55.

Появление кузнецов связано со спецификой кузнечного ремесла, требующего специальных навыков.¹⁷

Одни из них совмещали кузнечное дело с земледелием, а другие в силу различных причин уже не были связаны с землей. Об одном из таких кузнецов (раб) сказано в уйгурском документе.

Историк Григорьев сообщает, что у уйгуров добывались железная руда, нашатырь, использовавшийся для выделки кож, алмазы и яшма.¹⁸ Алмазы и яшма отправлялись в качестве подарков и шли на изготовление дорогих украшений.¹⁹ Из серебра и меди выделывали различные вещи, в том числе ритуальные трубочки, из которых брызгали друг на друга водой, яко бы смывая болезни.²⁰

В Харахарском оазисе добывалась соль,²¹ находившая, видимо, сбыт за пределами оазиса.

Строительное искусство достигло высокой степени развития. Особенно много строили монастыри. Остатки древних строений дают представление о грандиозности храмов и целых монастырских комплексов. Известны куполообразные храмы, относящиеся к господству манихейства, их сменили многоэтажные буддийские ступы. Сооружение подобных зданий требовало определенных знаний строительного искусства.

Достаточно назвать такие города, как Кочо, Яр, где имелось несколько храмов и монастырских сооружений,²² огромный монастырь Асса-шар,²³ и станет ясно, как много нужно было людей, овладевших строительным мастерством. К этой работе обычно привлекались люди в принудительном порядке.²⁴

Знания и умение особенно требовались при отделке культовых зданий. В храмах и храмовых зданиях использовался гипс, по которому создавались панно на буддийские сюжеты. Широко использовались скульптуры и глиняные фигурки.²⁵ До нас не дошли имена строителей зданий и мастеров росписи, скульптуры, но их творения являются достойным вкладом в историю уйгурской культуры.

¹⁷ Позднеев. Исторический очерк уйгуров, стр. 115.

¹⁸ Григорьев. Земледелие К. Риттера, стр. 271.

¹⁹ Позднеев. Исторический очерк уйгуров, стр. 105, 108, 110, 113, 115, 118.

²⁰ Григорьев. Земледелие К. Риттера, стр. 268.

²¹ Бичурин. Собрание сведений, стр. 294.

²² Klementz. Nachrichten über die Expedition nach Turfan.

²³ Грум-Гржимайло. Описание путешествия в Западный Китай, т. 1, стр. 297—299.

²⁴ Кафаров. Си-ю-цзи или описание путешествия на запад, стр. 295.

²⁵ Кизерицкий. Хотанские древности, стр. 167—190; Le Coq. Chotscho; Олденбург. Русская туркестанская экспедиция 1909—1910 г., стр. 6, 7, 10, 69.

Стены храмов и монастырских зданий строились из кирпича или из глины. В отдельных случаях употреблялся камень, но, судя по археологическим раскопкам, он не играл такой большой роли, как жженый кирпич.

Самое широкое распространение получило домашнее ткачество. Каждая семья, сеявшая хлопчатник, изготавливала из него грубую хлопчатобумажную материю — боз или кокпу, которые шли на собственные нужды и на продажу.²⁶ Мелкие земельные участки не всегда обеспечивали семью от урожая до урожая, и ремесло, в том числе ткацкое, в какой-то степени дополняло скудный бюджет крестьянского хозяйства. Кустарная хлопчатобумажная ткань отличалась прочностью и находила сбыт у кочевников. Ткацкое ремесло менее других видов ремесел отделялось от крестьянского хозяйства. Крестьянин, засевавший маленький участок хлопчатником, весь свой урожай перерабатывал сам. В свободное от полевых работ время семья пряла пряжу, а затем на примитивном станке ткала холст. Описание ткацкого станка того времени неизвестно, но если к началу XX в. сохранился весьма примитивный способ тканья, то едва ли можно предполагать, что существовал более совершенный станок несколько столетий тому назад.

Не только в крестьянской семье, но даже ткачи-ремесленники пользовались простым устройством ткацкого станка. На землю ставилось специальное приспособление, к которому прикреплялись концы основы. Приспособления эти в виде тяжелых колодок составлялись по длине ткани. Длину можно было сделать любую, но все же существовали определенные стандарты кусков, измерявшихся локтями. Для того чтобы нити не лежали на земле, под них подкладывались в местах прогиба деревянные палки. Уток наматывался на деревянную шпулю. Ткач сидел на земле на коленях, продевал уток между основой и тонкой дощечкой подбивал его. Ткань изготавливалась преимущественно белая.²⁷

Крестьянская семья сама должна была беспокоиться о том, чтобы все трудоспособные имели работу в своем хозяйстве. На стороне свободные рабочие руки не всегда находили себе применение. В городе ремесло тоже в значительной степени служило дополнением к земледелию.

Из хлопчатобумажных тканей изготавливались одежда, мешки, постельные принадлежности,²⁸ походные ведра. Кроме того, в хозяйстве нужны были веревки, подпруги и т. д. Из тонких веревок и тканей шили обувь.

В Уйгурском государстве выделялись шелковые ткани, шедшие для продажи и сдачи государству в качестве уплаты нату-

²⁶ Радлов, док. №№ 3, 8, 10, 14, 35, 36, 74 и др.

²⁷ Куропаткин. Кашгария, стр. 67.

²⁸ Радлов, док. № 5.

рального налога, Из шелка готовили различные вещи, в том числе и дорогие уздечки.²⁹

Из шерсти изготавливались войлок,³⁰ ковровые изделия,³¹ головные уборы и т. д. Кошмы использовались в быту для покрытия юрт и вывозились за пределы страны.³²

Важное место занимало гончарное производство глиняной посуды для бытовых и хозяйственных нужд. В связи с тем, что виноделие получило широкое распространение была потребность в кувшинах для хранения и перевозки вина.³³ В местах захоронения были обнаружены глиняные сосуды ритуального назначения.

Из строительных материалов делали жженный кирпич и керамические плитки различной окраски.³⁴ При раскопках развалин встречаются посуда и керамические плитки с орнаментом.³⁵

Хотя ремесло было развито еще недостаточно, все же в известной мере определилась его специализация. Так, например, Лукчунский оазис славился своими тканями высокого качества на двойной основе. Лукчунские ткани ценились значительно дороже, чем обычные боз, кокпу, и они изготавливались из льна.³⁶ Следовательно, в тот период Лукчунский оазис являлся крупным центром ткацкого производства льняных тканей хорошего качества, которые метились особыми знаками.

Ткани продавались на рынках других оазисов и вывозились в другие страны.³⁷ Специальность ткача или ткачихи считалась выгодной, обеспечивающей какой-то жизненный минимум.³⁸

Было развито кожевенное ремесло. Кожи шли на изготовление обуви и различных изделий,³⁹ как-то: сумок, колчанов, седел и т. д.

И несмотря на известную специализацию в развитии ремесла, а без этого его немислимо представить, в Уйгурском государстве слишком слабо шел процесс отделения ремесла от земледелия. В качестве подсобного источника дохода ремесло продолжало оставаться преимущественно домашним. Едва ли городской ремесленник отличался от деревенского совершенством орудий труда. Концентрации ремесленного производства, видимо, тоже не было. Ни один из путешественников не отмечает этого. Возможно, име-

²⁹ Позднеев. Исторический очерк уйгуров, стр. 109.

³⁰ Радлов, док. № 63.

³¹ Позднеев. Исторический очерк уйгуров, стр. 109.

³² Григорьев. Землеведение К. Риттера, стр. 267.

³³ Малов. Памятники, стр. 204—207.

³⁴ Хуан Вэнь-би. Тулуфань, стр. 4, 8—9.

³⁵ Хуан Вэнь-би. Гаочан, илл. № 1.

³⁶ Радлов, док. №№ 107, 108, 124.

³⁷ Там же, док. № 62.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, док. №№ 5, 55; Григорьев. Землеведение К. Риттера, стр. 271.

лись государственные мастерские по обработке нефрита, поскольку на вывоз драгоценного камня существовала монополия. Но такая мастерская не могла оказать влияния на остальные отрасли ремесла. Выделка из нефрита различных украшений не имела связи с другими видами ремесленного производства, не создавала условий расширения того или иного ремесла. К тому же нефритовые изделия не являлись предметами первой необходимости и широкого потребления. Они находили сбыт в ограниченном кругу потребителей.

Ткацкое ремесло больше других видов имело возможность концентрироваться, однако и в нем не наметился этот процесс. Купцы не выступали в роли организаторов ткацких мастерских, и сами ткачи не объединялись в цехи для защиты своих производственных интересов, не увеличивали производство с целью борьбы с другими ткачами, не было расширенного воспроизводства.

В уйгурских городах преимущественно развивалось ремесло, удовлетворявшее повседневные бытовые и хозяйственные потребности.

В Уйгурском государстве в период X—XIII вв. шел процесс развития экономики во всех областях. Процветали города, ремесло, торговля давала большие прибыли, но не было технического усовершенствования в ремесленном производстве. Задерживалось разделение труда в отдельных отраслях ремесла, не появлялось признаков мануфактур. Каждый ремесленник сам производил все операции, как например в ткацком производстве крестьянская семья сама выращивала хлопок или лен, сама пряла пряжу и ткала холсты, сбывая их на рынке или же обменивая на другие товары.

Политические события XIV в. изменили положение в Центральной Азии. Уйгурское государство было завоевано чагатаидами, начались длительные междоусобные войны, нарушилась торговля, и экономика пришла в упадок. Однако подробное рассмотрение причин отставания в экономическом развитии Центральной Азии в средневековый период не входит в задачу настоящей работы, поэтому будет более правильно ограничиться этим кратким замечанием по данному вопросу и привести несколько примеров, подтверждающих это положение.

К XVI в. упадок экономики и культуры уйгурских городов достиг огромных размеров, о чем сообщают источники того времени. Вот что по этому поводу пишет автор сочинения «Гефт-Иклим»: «Хотан был некогда знаменитым городом, в настоящее же время уцелели там лишь небольшие остатки прежнего его блеска».⁴⁰ Такая участь постигла и другие города. «Яркенд долгое время был большим и богатым городом, но потом пустел мало-помалу и уже близок был к тому, чтобы сделаться обиталищем

⁴⁰ Григорьев. Землеведение К. Риттера, стр. 327.

одних диких зверей». ⁴¹ Даже целые районы запустели, как например Лобнор.

Упадок городов начался значительно раньше написания «Гефт-Иклим». Уже Абу-л-Фида, арабский автор конца XIII и начала XIV в., сообщал о Хотане, что «это один из славнейших городов, но ныне знаменит только своими развалинами». ⁴²

Такое же положение было и в северной части страны. Большие города, являвшиеся культурными и торговыми центрами, пришли в упадок и больше не возродились. Яр превратился в развалины, та же участь постигла Бейтин. В Лукчуне прекратилось производство льняных тканей высокого качества. Бешбалык запустел и превратился в развалины. ⁴³ Кочо после падения идикутов утратил значение политического, экономического и культурного центра. И теперь лишь развалины остаются свидетелями высокой ступени развития городской жизни.

Запустение городов следует связывать с общим упадком экономики страны. Сокращение торговых связей с соседними странами и упадок внутренней торговли сказались на развитии ремесла. Многие ремесленные изделия не находили сбыта.

⁴¹ Там же, стр. 326.

⁴² Там же, стр. 42.

⁴³ Д о л б е ж е в. В поисках развалин Бишбалыка, стр. 77—122.

Глава шестая

ТОРГОВЛЯ И РОСТОВЩИЧЕСТВО

I

Города в Притяньшанье, как уже говорилось, возникли довольно рано. Наиболее крупными городами были Кочо, Яр, Куча, Бешбалык, Лукчун. Они являлись не только крупными населенными пунктами, но и центрами торговли и ремесла. На развитие торговли влияло выгодное географическое положение Уйгурского государства. Торговые пути, связывавшие китайскую империю с Семиречьем и Средней Азией, проходили через уйгурские города. Уйгурские купцы стремились играть роль посредников в этой торговле.

Однако сравнительно широкое развитие торговли и городов слабо влияло на разрушение натурального характера хозяйства. Значительная часть городского населения занималась земледелием. В условиях господства натурального хозяйства были все же такие виды ремесленного производства и продукты сельского хозяйства, которые сбывались на местных рынках, вывозились за пределы оазисов и даже в другие государства. На рынках Китая продавались яшма,¹ лошади,² верблюды, овцы,³ меха (соболь, лисица, белка, горноста́й).⁴ Хлопчатобумажные ткани, отличавшиеся прочностью и дешевизной, также имели хороший сбыт на внутренних рынках и за пределами границ государства.⁵

¹ Позднесв. Исторический очерк уйгуров, стр. 110, 115, 118; Bretschneider. Medieval researches, стр. 243; Грум-Гржимайло. Описание путешествия в Западный Китай, стр. 59.

² Позднесв. Исторический очерк уйгуров, стр. 105, 114, 115, 119.

³ Там же, стр. 115, 118.

⁴ Позднесв. Исторический очерк уйгуров, стр. 113; Бартольд. Худуд ал-алем, л. 17а.

⁵ Радлов, док. №№ 35, 62; Maspero. Les documents chinois, док. №№ 474, 475.

Регулярная торговля велась с китайской империей и киданями. В благоприятное время в Китай прибывало так много торговых караванов, что китайские столичные и местные рынки переполнялись уйгурскими товарами. В подобных случаях императорский двор стремился оградить себя от торговых гостей и допускал торговлю только при наличии грамот о разрешении торговать. Учреждая в пограничных городах рынки, на которых разрешалась торговля, император Мин-цзун (926—934) преследовал прежде всего цель, чтобы в столицу приезжали посольства с грамотами от ханов, а все остальные вели торговлю на пограничных рынках.⁶

Торговля с Китаем часто нарушалась тангутами, и уйгурам приходилось отправлять свои караваны в обход и время от времени оружием восстанавливать торговый путь. Тангуты перехватывали в пути караваны с товарами и подарками к китайскому двору, брали в плен посольства и продавали людей в обмен на лошадей и быков.⁷ В период между войнами уйгуры торговали и с тангутами, с которыми они, как указывалось выше, имели продолжительные культурные и политические связи.

Подробные сведения о торговых посольствах от уйгуров ко двору государства Ляо приводят Виттфогель и Фэн Цзя-шэн.⁸ Уйгурские послы являлись к киданям еще до признания зависимости от них. Следовательно, ранние уйгурские посольства к киданям с дарами не следует рассматривать как дань. Первый раз посольство уйгуров прибыло в 918 г., и до 1114 г. подобные миссии приезжали регулярно. За этот период было отмечено 44 уйгурских посольств ко двору императора киданей.

Во внешней торговле были заинтересованы главным образом представители господствующего класса феодалов, получавшие из других стран предметы роскоши. Они извлекали огромные прибыли в посреднической торговле товарами внутреннего производства и привозными из соседних стран.

Посольства с дарами в Китай к ханскому двору,⁹ к киданям¹⁰ и чжурчжэням¹¹ направляли сами уйгурские идикуты, и они же принимали ответные дары.¹² Обмен такими посольствами был не только формой поддержания дружественных отношений между двумя государствами, но одновременно и формой торговли между ними.

⁶ Позднеев. Исторический очерк уйгуров, стр. 120; Юань-ши, цз. 28.

⁷ Юань-ши, цз. 28.

⁸ Wittfogel a. Feng Chia-sheng. History of Chinese society Liao, pp. 320—324.

⁹ Bretschneider. Medieval researches, pp. 243—244.

¹⁰ Там же; Грум-Гржимайло. Описание путешествия в Западный Китай, стр. 60—61.

¹¹ Грум-Гржимайло. Описание путешествия в Западный Китай, стр. 62.

¹² Позднеев. Исторический очерк уйгуров, стр. 105, 114.

Развитие внутренней и внешней торговли зависело не столько от торговых связей с другими государствами, сколько от уровня развития всех отраслей хозяйства самого Уйгурского государства. Общественное разделение труда увеличивало товарообмен. Как ремесленник часть своих изделий производил для более отдаленного рынка, так и крестьянин не всегда продавал продукты земледелия непосредственно потребителю. Отдаленный рынок и производитель связывались посредником-купцом, скупавшим изделия ремесла или крестьянского хозяйства и сбывавшим их на рынках других оазисов. Однако следует отметить, что, несмотря на торговые связи отдельных оазисов, все же постоянного контакта между рынками не было. Торговля одного оазиса не зависела от другого, каждый оазис жил прежде всего внутренним рынком, который связывал между собой мелких производителей в области ремесла и земледелия. Именно на местном рынке производился сбыт продуктов сельского хозяйства и ремесла. Обычно базары проводились в определенные дни недели. Это постоянство создавало традицию местного рынка, привлекало купцов, посещавших другие рынки, и окрестное население.

Весьма яркое свидетельство, характеризующее состояние местной торговли в Хотанском оазисе, приводит В. В. Григорьев: «Торговля производится меновая, а подати уплачиваются натурой. Главными предметами обмена служат бязь, шелк и хлеб. Тем или другим количеством их определяется ценность всякого другого товара. По пятницам съезжается сюда до 20 000 народа из окрестностей и обменивается своими произведениями».¹³ Следовательно, на внутреннем рынке крестьянин и ремесленник обменивали товар на товар. И хотя в обороте были деньги, натуральный характер торговли продолжал оставаться господствующим. Из этого факта следует вывод, что посредник-купец еще не охватывал все области торговли, оставалась возможность непосредственного обмена между самими производителями товаров.

При рассмотрении внутренней торговли необходимо коснуться еще одного вопроса, а именно, расчетов между купцами. Они давали товар в кредит своим агентам, определив цену, которую агент должен вернуть владельцу товара. По условию, товар возвращался, если не был продан за установленную цену.¹⁴ Между купцами существовала система кредита, о чем можно узнать из документа, в котором сказано о прекращении расчетов и претензий: «Они сами впоследствии сговорились о взятом и отданном сверх ожидания».¹⁵ Все эти факты говорят о том, что выработалась определенная система, установились нормы взаиморасчетов, терминология и т. д.

¹³ Григорьев. Землеведение К. Риттера, стр. 327.

¹⁴ Радлов, док. № 62.

¹⁵ Там же, док. № 111.

По мере того как росло обнищание уйгурского крестьянина, ростовщичество расширяло сферу своей деятельности, оно истощало экономику крестьянского хозяйства и не способствовало дальнейшему увеличению благосостояния. Мелкое производство самостоятельных крестьян и ремесленников является наиболее благоприятным условием для ростовщичества, которое уживается с феодализмом. Ростовщичество получило весьма широкое распространение уже в ранний период истории уйгуров, о чем можно судить по некоторым данным.

Ряд свидетельств конца VIII в. дает нам некоторое представление о том, как эта форма кредита опутывала мелкого собственника средств производства. К сожалению, очень плохая сохранность документов не позволила восстановить их полный текст, поэтому мы узнаем лишь о займах вообще, но на каких условиях давался этот заем, нам не всегда известно.¹⁶ Счастливые исключения составляют два документа. В одном из них речь идет о денежной ссуде. Монах дал займы 1000 монет при условии, что будет получать проценты в размере 100 монет в месяц.¹⁷ Тот же монах в другом случае дает займы зерно, но, на каких условиях, не сказано.¹⁸ Следовательно, нам известно, что ростовщичеством занимались и монахи. Они брали не менее 10% в месяц и в случае невозвращения ссуды в установленный срок имели право взять в компенсацию долга движимое имущество.

В каком же направлении шло развитие ростовщичества в последующий период истории, когда расширялось ремесленное производство, значительно возросла внутренняя и внешняя торговля, охватывая более широкий круг непосредственных производителей товара?

Если мы обратимся к документам, в которых говорится о займах, то получим яркую картину, раскрывающую всю отвратительную и паразитическую сущность ростовщичества. Мы располагаем данными о ссудах различного характера. Значительное место занимают денежные ссуды, но в такой же мере были распространены ссуды кунжутным маслом, виноградным вином, зерном, хлопчатобумажными тканями и т. д.

Указываются различные сроки займа, а в зависимости от срока устанавливается размер процентов. Несомненно, что этот процент был произвольным и определялся в известной мере средним годовым, но, чем меньше был срок займа, тем выше устанавливался процент. Эта закономерность прослеживается совершенно ясно. Иногда процент указывается за месяц, особенно,

¹⁶ Stein. Ancient Khotan, док. №№ 3, 6, 9.

¹⁷ Там же, док. № 5.

¹⁸ Там же, док. № 10.

когда речь идет о серебре. Мы видим, что ссуды брались главным образом мелкими крестьянами. Ростовщический процент при денежных займах менее велик, чем при натуральных. Для подтверждения этой мысли приведем несколько примеров. В одном случае занято 4 сатыра серебра, каждый месяц за 1 сатыр следует платить 1 бакир процентов.¹⁹ В другом соглашении при займе 3 сатыров процент устанавливался также в размере 1 бакира в месяц.²⁰ Имеется случай, когда процент устанавливается в 1.5 бакира за 1 сатыр, а общая сумма займа составляла 6 сатыров.²¹

Во всех приведенных примерах заем не был большим, а это в свою очередь является свидетельством того, что ссуда бралась мелкими хозяевами. Кунжутное масло, имевшее широкое применение, часто занималось в долг. Здесь, как правило, процент составлял меру за меру. Одно кони было занято в шестом месяце, а осенью надлежало отдать два кони.²² Во втором месяце занято одно кони, а осенью следовало отдать два кони.²³ Одно кони кунжутного масла, занятое в четвертом месяце, отдается осенью в двойном размере.²⁴ В этих трех случаях заем масла происходил в небольшом размере, и оно могло быть использовано для хозяйственных нужд. Лишь один раз мы встречаем запись, где сказано о займе масла в большом количестве, и его едва ли можно было израсходовать в своем хозяйстве. В четвертом месяце занято было 12 бадыров, а осенью следовало отдать 22 бадыра.²⁵ За несколько месяцев процент удваивался, а за год он составлял примерно двести. Причем условия займа на несколько месяцев мера за меру считались нормальными. При займах виноградного вина устанавливались подобные же условия. Когда в третьем месяце была занята половина каб вина, то осенью заемщик обязывался отдать целый каб.²⁶ Виноградное вино, как и кунжутное масло, довольно часто служило предметом займа. Достаточно сослаться на некоторые хозяйственные записи, в которых названы многие лица, получившие то или иное количество вина. Вот одна из таких записей: «Куда Быдыну 12 тенбин и один каб вина, Инду 1 каб вина, Иди Курту 1 каб вина».²⁷

Если обратимся к случаям займа тканей, то видим ту же картину: «Я получил от Япату две связки хлопчатобумажной материи, к началу осени должен отдать в два раза больше».²⁸ В дру-

¹⁹ Р а д л о в, док. № 47.

²⁰ Там же, док. № 52.

²¹ Там же, док. № 18.

²² Там же, док. № 7; М а л о в. Памятники, стр. 208.

²³ Р а д л о в, док. № 20.

²⁴ Там же, док. № 37.

²⁵ Там же, док. № 27; М а л о в. Памятники, стр. 215—216.

²⁶ Р а д л о в, док. № 1.

²⁷ Там же, док. № 4.

²⁸ Там же, док. № 29.

гом документе читаем: «Мы получили от Окуя 3 куска материи, к началу осени отдадим шесть».²⁹

Не только при мелких займах процент был мера за меру, но так же и при крупных, как например при займе 100 кусков хлопчатобумажной материи. По условию, к осени надлежало вернуть 200 кусков.³⁰ Следовательно, какой бы вид займов мы не рассматривали, видим одну и ту же картину — высокий процент. Займы самого различного характера служат подтверждением мнения о широком распространении ростовщичества в Уйгурском государстве.

В Уйгурском государстве ростовщики давали ссуды, главным образом, мелким владельцам средств производства, хотя были случаи, когда ссуды давались чиновникам и феодалам, но они нас в данном случае не интересуют. Но и мелкие ссуды, используемые на хозяйственные нужды, не расширяли производство крестьянского хозяйства, а использовались главным образом на покрытие долгов и недостатков в хозяйстве. Следовательно, ростовщичество здесь не выполняло функцию накопления богатства для целей производственного кредита. Именно в силу этого ростовщичество могло существовать очень долго, неизбежно вызывая экономический упадок. Высокой ростовщический процент свел доход непосредственного производителя-заемщика до крайнего минимума; оставалось столько, сколько нужно было, чтобы не умереть с голоду, но на все другие нужды приходилось вновь занимать. Возможность расширенного воспроизводства у мелкого производителя была подорвана.

Ростовщичество принимало столь широкие размеры, что денежное обращение в отдельные периоды становилось в полную зависимость от менял. Эти последние сосредоточивали обмен денег не только других государств, но и обменивали слитки серебра на разменную монету собственного государства. Необходимо сказать, что меняльное дело представляло важное звено в денежном обращении и государство пыталось взять его в свои руки. Оно обменивало слитки серебра на разменную чеканную монету по соответствующему курсу, что видно из следующего свидетельства: «...в год овцы эти три сатыра серебра я хочу обменять на чеканное серебро года лошади».³¹ Указание на год овцы и год лошади, как отметил еще В. В. Радлов, свидетельствует разность курса серебра. Об этом же говорится и в конце одного документа, правда не совсем ясно написанном: «Если они полагают, что его недостаточно, то оценивая сумму, которую они назначат, записал сумму для них. Эта печать моя». В этих случаях разность курса шла в государственную казну. Однако подобные меры не могли спасти крестьянина от ростовщика. Очень часто землевладелец

²⁹ Там же, док. № 34.

³⁰ Там же, док. № 85.

³¹ Там же, док. № 64.

нуждался в небольшой сумме денег, когда еще урожай не созрел, а он мог получить кредит натурой или деньгами только у ростовщика.

III

Необходимо сказать несколько слов о роли денег в Уйгурском государстве. Правильное понимание функции денег в то время должно основываться на положении, высказанном Марксом о том, что «различные формы денег — простой товарный эквивалент, или средство обращения, или средство платежа, сокровище и мировые деньги — указывают, смотря по различным размерам применения и сравнительному преобладанию той или другой функции, на весьма различные ступени общественного процесса производства».³²

Конкретный материал показывает, что деньги в Уйгурском государстве занимали большое место в уплате государственных налогов, в торговых операциях, в ростовщичестве. Крестьянское хозяйство, будучи связано с рынком, стало использовать деньги.

Следовательно, задача состоит не в том, чтобы доказать изолированность крестьянского хозяйства, отсутствие связей у него с рынком и товарными отношениями, а показать, что общественное разделение труда разрушало все перегородки, существовавшие между отдельными производителями. Крестьянское хозяйство, как и ремесленное производство, оказалось связанным с рынком при помощи денег. А раз дело обстояло именно так, то весь смысл заключается в выяснении роли денег в экономике крестьянского хозяйства и в товарных отношениях.

Если мы возьмем все известные нам случаи займа, то увидим, что в 14 случаях занималось серебро, а в 29 — ткани, купжутное масло, зерно, вино и т. д. Правда, этот простой подсчет еще не должен служить основанием для окончательного вывода, но все же при сравнении цифр мы видим, какое место в ростовщических операциях занимали деньги.

В торговых операциях мы также наблюдаем значительный удельный вес сделок, в которых происходит обмен товара на товар. Трудно назвать товар, служивший всеобщим эквивалентом, но все же можно указать на хлопчатобумажную ткань, которая чаще всего называется в роли эквивалента. Если ткань не являлась всеобщим эквивалентом, то все же она выступала в этой роли в самых различных по своему характеру сделках.

Земля и виноградники продавались за хлопчатобумажную ткань. Подобные случаи сделок зафиксированы в ряде документов, опубликованных В. В. Радловым и С. Е. Маловым.³³ Виноградник, обрабатываемый 6 мужчинами, продан за 102 связки

³² Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 23, стр. 180—181.

³³ Радлов, док. № 19; Малов. Памятники, стр. 209—211.

материи. Владельцы пахотной земли продали свой участок за «тридцать мер холста».³⁴ Здесь, как и в предыдущих случаях, в первую очередь интересно то обстоятельство, что покупка происходит не за деньги, а за ткань. Когда некоему Бутуш Тутуку понадобился войлок, то он выменял его на хлопчатобумажную ткань.³⁵ За хлопчатобумажную ткань продавалось виноградное вино, причем сделка являлась большой по своему размеру, поскольку было уплачено 666 кусков материи.³⁶

Вот еще пример: «Я получил ... таяр, покупную стоимость таяра 55 (кусков) хлопчатобумажной материи я отдам в течение месяца арама».³⁷

Имеется случай, когда ткань одного сорта обменивается на ткань другого без денег. Весьма характерен в этом отношении случай продажи женщины за холст: «Мне Тедмилигу и Кара-Буке понадобились расходные (деньги), то мы, продав женщину по имени Кутлук («Счастливая»), купили (за нее) у Кутлук Тимура сто пятьдесят связок крепкого (?) холста».³⁸ В данном случае следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что хозяевам женщины необходимы деньги, а они продают ее за ткань, которая затем может быть использована для различного рода операций.

Число примеров можно было бы увеличить, но едва ли от этого изменятся выводы, которые вытекают из фактов. Тем более, что все примеры взяты из разных областей торговли и экономической жизни, отражающие не одну какую-либо сторону, а общую закономерность. Из сказанного следует ответ на основной вопрос — какова была роль денег в товарных отношениях и в экономике государства. Деньги играли большую роль, но обмен товара на товар и продажа земли, рабынь и т. д. за товар также занимали весьма важное место, и в этом состояла одна из своеобразных черт товарных отношений в Центральной Азии. А именно, при широко развитом обмене деньги не стали играть той господствующей роли, которую, казалось бы, должны были занять. Едва ли можно объяснить подобное положение недостатком денег на рынке, поскольку речь идет о длительном периоде времени, когда обмен товара на товар продолжал оставаться не случайным явлением. Очевидно, простой товарообмен был одной из причин того, что деньги не стали предметом накопления сокровищ; богатство определялось наличием ходового товара и земельной собственности. Именно земля являлась самым надежным средством вложения денег. Но как бы не велико было значение

³⁴ Малов. Памятники, стр. 204—207.

³⁵ Радлов, док. № 63.

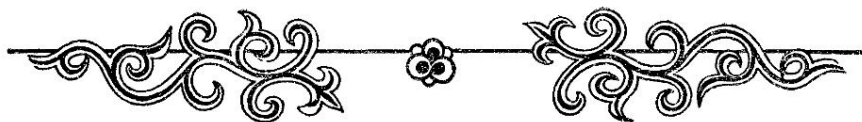
³⁶ Там же, док. № 35.

³⁷ Там же, док. № 8. — Малов слово таяр отождествляет с товар и дает значение — китайская материя, стр. 293.

³⁸ Радлов, док. № 16; Малов. Памятники, стр. 211—214.

торговли и ростовщичества в экономической жизни Уйгурского государства, они не изменили феодальный характер общественного производства. Торговля и ростовщичество не могут составить достаточных условий для возникновения промышленного производства и развития капиталистических отношений. Торговцы и ростовщики, получая прибыли, не вкладывали их в сферу производства, а сохраняли в качестве сокровищ или же тратили на предметы роскоши, на покупку земельных участков,³⁹ которые потом сдавали в аренду.

³⁹ Р а д л о в, док. №№ 107—109.

Глава седьмая

РЕНТА, НАЛОГ И ПОВИННОСТИ

I

Появление и развитие феодальной собственности на землю связано с превращением в зависимость крестьян, непосредственных производителей прибавочного продукта. Однако необходимо иметь в виду, что прибавочный продукт характеризует производственные отношения людей, поскольку им называется та часть продукта, которая присваивается собственником средств производства — земли. Земельная рента является именно той формой, в которой реализуется право земельной собственности феодала. Феодал получал прибавочный продукт с зависимого крестьянина путем внеэкономического принуждения, которое может принимать самые различные формы в зависимости от времени, географических и исторических условий и т. д. Если феодал не имел бы личной власти над крестьянином, то не мог бы заставить его работать на себя безвозмездно. Крестьянин имел свое хозяйство, землю, рабочий скот, орудия труда и получал все необходимое для жизни со своего поля и сада с огородом. Следовательно, заставить крестьянина работать на феодала можно было только внеэкономическим принуждением. Юридическое право феодала на землю реализуется в ренте, которая может быть отработочной, в виде продуктов и денежной.

Имея в виду общую закономерность развития ренты от более простой формы — отработочной к ренте продуктами и затем к денежной, необходимо учитывать конкретные исторические, географические и этнические условия жизни людей, их общественную деятельность. От этих условий зависит специфическое проявление ренты.

Задача и состоит в том, чтобы рассмотреть конкретные особенности и вариации земельной ренты в Уйгурском государстве.

Правда, исследование докапиталистической ренты осложняется рядом трудностей. Прежде всего имеющиеся источники не дают полной картины многообразных форм отношений господина и зависимого. Они фиксируют лишь некоторые сложившиеся формы отношений, поэтому невозможно проследить всю совокупность связей зависимого и феодала.

Документы, дошедшие до нас, немногочисленны и в известной степени односторонни, однако они в какой-то мере проливают свет на характер производственных отношений в Уйгурском государстве и дают возможность показать процесс, который наметился в развитии ренты от более простой отработочной к продуктовой, а от последней к денежной. Безусловно было бы ошибочно думать, что в какой-то период может существовать только один вид ренты. Разные ренты могут сосуществовать параллельно, весь вопрос в том, какой вид является господствующим.

Рассмотрим формы земельной ренты и попытаемся проследить, какое место занимала та или иная форма земельной ренты в рассматриваемое время.

Отработочная рента, когда землевладелец непосредственно присваивает прибавочный труд крепостного крестьянина, заставляя его часть времени работать в своем хозяйстве, хотя и имела место в Уйгурском государстве, однако не получила широкого распространения, не стала господствующей формой эксплуатации непосредственного производителя прибавочного продукта.

Мы имеем ряд свидетельств, подтверждающих наличие отработочной ренты. Уже приводились ранее примеры, когда общины, находившиеся на положении инджу, выделяли своих членов для отбывания трудовой повинности в виноградниках светских и духовных феодалов.¹ Указанными случаями не исчерпываются данные об отработочной ренте.

Из различных источников известно, что монастыри и другие религиозные учреждения получали от государства землю на правах феодальной собственности и крестьян, прикрепленных к земле, обязанных работать в монастырских садах и возделывать монастырские поля.² Недостаток документов состоит в том, что они не сообщают нам нормы, которые обязаны были отбывать крепостные в хозяйстве феодала и в монастырях.

Отработочная рента в Уйгурском государстве не получила широкого распространения и не стала господствующей в рассматриваемый период в силу особого характера феодального землепользования. Феодалы не имели крупных поместий, не вели сами хозяйство, в котором требовалось применение большого числа рабочих рук одновременно. Этим и можно объяснить факты, встречаемые в документах, когда община инджу лишь выделяет по

¹ Р а д л о в, док. №№ 14, 21.

² Там же, док. № 88; Stein. Ancient Khotan, док. № 16.

очереди своих членов для работы в виноградниках господина. Феодалу, очевидно, выгоднее было получать оброк натурой, чем вести свое хозяйство в больших размерах. Получение натуральной ренты не связано с расходами и почти всегда гарантировало поступление того, что крестьянин обязан был давать. Часто закабаление происходило в силу обстоятельств, не зависящих как от крестьянина, так и от феодала, хотя бы, например, большое стихийное бедствие, а они бывали и принимали столь угрожающие размеры, что государственные власти вынуждены были принимать меры по оказанию помощи продовольствием и кормом. Об этом имеются свидетельства источников, так например в одном из них сказано о большом голоде: «Кумар Арслану послана наша угодная пища, убойный скот и семь телег соломы... Пусть будет добрым голодающим людям».³

Более широкое распространение имела отработка в пользу государства. Каждый крестьянин обязан был платить налог деньгами или натурой, а также отбывать трудовую повинность определенное число дней в году в пользу государства. Крестьянин отбывал трудовую повинность как личным трудом, так и поставкой лошадей. Судя по документам, существовала очередь для несения всех видов повинностей.⁴

Видимо, трудовая повинность перед государством носила постоянный характер и отбывалась каждым взрослым человеком, получившим земельный надел от государства.

Очень ярким свидетельством отбывания отработочной ренты в пользу государства является предписание с казенной печатью о выделении мужчин на работу: «В год собаки, восьмого месяца, четвертого (дня) новой (луны) от Кусенчука 2 мужчин, от Турмыша 1 мужчина, от Алп Тогрила 2 мужчин, Инечки 2 мужчин, от Елика 1 мужчина, от Урк Тогрила 1 мужчина, от Турук Адгу Тогрила ... пусть работают».⁵

Документ, к сожалению, сохранился неполностью, и очень важная часть его с указанием места, где выделенные люди должны работать, не читается. В самом деле такая деталь, как указание, что люди требуются для такой-то надобности, могла бы служить существенным дополнением к имеющимся данным по этому вопросу.

Как удастся проследить по отдельным данным, более широкое распространение получила рента продуктами, когда непосредственный производитель обязан отдавать землевладельцу часть прибавочного продукта натурой. Натуральная рента предполагает более высокую ступень развития производительности труда. Здесь непосредственный производитель прибавочного продукта

³ Радлов, док. № 92.

⁴ Подробно о налогах и повинностях говорится ниже, стр. 99—114.

⁵ Радлов, док. № 122.

работает на своем участке и подгоняется уже не столько принуждением и законом, сколько экономическими соображениями.

При натуральной ренте крестьянин больше заинтересован в усовершенствовании техники земледелия, оросительной системы, чтобы собрать богаче урожай. Он даже сам мог использовать наемную рабочую силу в своем хозяйстве. В главе о налогах приведено довольно много различных примеров, характеризующих натуральный вид ренты-налога, поэтому здесь уместно рассмотреть лишь несколько фактов, не использованных в том разделе. В одной из хозяйственных записей читаем: «Я дал Онгу два батмана муки, два батмана мяса, два батмана волоса, лошадь на убой, коин виноградного сока, одного человека (табыгчи) для колки дров, пять вязанок травы, светильник жира, три вязанки дров...»⁶ и т. д.

Приведенные факты совпадают с данными других источников и подтверждают мнение о том, что в Уйгурском государстве преобладала натуральная рента как экономически более выгодная. Она отвечала уровню развития уйгуров. И вполне понятно, ведь форма внеэкономического принуждения смягчается, когда господствует рента продуктами. Крестьянин получил большие возможности заниматься своим хозяйством, проявлять инициативу в повышении производительности труда. Наконец, существовала денежная рента, которая возникла из превращения ренты продуктами, но она не выражала новых производственных отношений. Появление денежной ренты, предполагает развитие торговли, городского ремесла, продажу продуктов по цене, близкой к их стоимости.

В нашем распоряжении имеются только документы, свидетельствующие о денежной ренте — налоге государству, и нет подтверждения существования денежной ренты феодалу. Не исключена возможность, что подобные случаи могли быть, но весьма редко.

Наличие денежной ренты-налога не дает нам права утверждать, что будто бы развитие экономических отношений достигло такой ступени развития, когда натуральная рента вытесняется денежной. Анализ свидетельств о всех видах ренты, а также других явлений экономической жизни приводит к выводу о преобладании в Уйгурском государстве натуральной ренты, наряду с которой оставалась отработочная и встречались случаи денежной ренты.

Последний вопрос, который необходимо затронуть при рассмотрении феодального землевладения, имеет немаловажное значение в истории развития феодальной собственности — это существование обремененных земель. Правда, число свидетельств об этих землях не так велико, но все же совершенно определенно они го-

⁶ Р а д л о в, док. № 91.

ворят о том, что обеленные земли, очищенные от налогов, были. Документы эти уже указывались ранее при разборе других вопросов, поэтому из них приведем лишь ту часть текста, которая относится к рассматриваемому здесь вопросу. В сделке на продажу земли сказано: «На эту землю не накладываются никакие налоги и подати».⁷ В этом случае мы имеем дело с продажей большой площади земли. Покупная цена определена в размере 170 кусков высокосортной ткани. Другой участок, меньший по размеру, продан теми же лицами, что поименованы в первом случае, за 23 куска материи. В условиях продажи оговорено, что «с этой земли нет арты берты (платежей)».⁸

Судя по цене участков, владельцы имели большую земельную площадь и не принадлежали к трудовым крестьянским хозяйствам, которые своим трудом производили материальные блага. Вероятнее всего, здесь выступают торговцы, располагавшие большим количеством ткани высокого качества. Очень важно отметить, что право освобождения от налогов относилось не к владельцу земли, а к самой земле, оно переходило к новому владельцу этого земельного участка. Третий случай освобождения земель от уплаты налогов касается земельного пожалования монастырю, о котором говорилось ранее.⁹

Уйгурское общество знало земли очищенные — обеленные как в XI, так и позднее в XIII в., следовательно, здесь наблюдается тот же процесс, что и в других государствах. В частности, И. П. Петрушевский и П. П. Иванов, исследуя социальные отношения в XIII—XV вв. в Закавказье и в Средней Азии, пишут, что военные икта при монголах пользовались рядом льгот, в том числе «иммунитетом в налоговом отношении».¹⁰

Нам известны случаи обеления земель не только военно-феодальной знати, но также духовенства и светских землевладельцев, что очень важно для понимания характера феодальных отношений в Уйгурском государстве в период X—XIV вв. Количество обеленных земель могло зависеть от целого ряда причин политического и экономического характера. В период междоусобных войн и феодальной раздробленности такие обеленные земли могут расти, а с укреплением центральной власти в известной мере вновь сокращаться.

II

Изучение системы налогообложения имеет большое значение для понимания многих сторон развития феодализма. В частности, здесь раскрываются взаимоотношения феодального государства

⁷ Там же, док. № 107.

⁸ Там же, док. № 108.

⁹ Там же, док. № 77.

¹⁰ Петрушевский И. Хамдаллах Казвини, стр. 886; Иванов П. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 27, 45.

как верховного носителя права земельной собственности и крестьянина — непосредственного производителя прибавочного продукта. О налоге-ренте в подобном случае К. Маркс писал следующее: «Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты. При таких обстоятельствах отношение зависимости может иметь политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству».¹¹

В Уйгурском государстве в X—XIV вв. мы наблюдаем именно такую картину. Поскольку рента и налог совпадают, то данные о налогах служат нам исходным материалом для рассмотрения характера земельной ренты.

На первый взгляд вопрос о налогах и повинностях в Уйгурском государстве не вызывает больших затруднений, поскольку нам известны многие названия как налогов, так и повинностей. Между тем при более внимательном рассмотрении этой важной проблемы исследователь с самого начала оказывается в затруднительном положении.

Главная трудность, однако, состоит не в том, что мы встречаемся с большим числом различных налоговых терминов, а прежде всего в том, что в большинстве случаев неизвестно, какой вид налога обозначался тем или иным термином, с какой единицы и в каком размере взимались налоги; иногда встречаются такие случаи, когда одним термином обозначаются вид налога и повинности. Следовательно, необходимо проделать большую предварительную работу по выявлению данных, которые помогут в какой-то степени раскрыть содержание самих терминов. Эта работа требует очень тщательного не только исторического, но и филологического анализа терминов и текстов.

Учет налогоплательжного населения Уйгурского государства был произведен, очевидно, при хане Менгу (1251—1259). Именно в этот период, как сообщают источники, вводится поголовное обложение населения с учетом доходов.¹² Введение нового порядка обложения налогом заставило провести перепись податного населения. Монголы при переписи населения и составлении податных списков за единицу обложения брали дом-хозяйство. Эта система

¹¹ Маркс. Капитал, т. III, ч. 2. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 354.

¹² Бичурин. История первых четырех ханов. — В «Юань-ши» (стр. 308) сказано: «После сего при дворе введены новые постановления, которых требовали обстоятельства времени. Хан приказал отобрать все печати, которые придворными чинами или князьями без разбора были выдаваемы».

действовала во всех покоренных ими странах: в Иране, Китае и др.¹³ В 1236 г. в Китае уже за единицу обложения принимали «семейство или дом». В «Тун цзянь ган-му» имеется следующее место по поводу установления порядка обложения в Китае: «Все чины просили, чтобы каждого совершеннолетнего мужчину считать за дом; но Елюй-Чуцай воспротивился сему. Тогда единогласно сказали ему: „В нашей державе, равно и в западных царствах, везде один совершеннолетний считался за дом. Как можно, оставя уложение великой державы, принять систему царства погибшего?“. Елюй-Чуцай сказал на сие: „От древних лет, как существует Китай, никогда одну мужскую душу не считали за дом. Но если в самой вещи принять сие, то успеем собрать подати только за первый год, а потом все разбежаться“. Монгольский государь принял мнение Елюй-Чуцай, и Хадаху представил монгольскому государю перепись, по которой оказалось 1 040 000 семейства или дома».¹⁴ Эта же система, очевидно, была оставлена во время переписи населения в 1252 г. и позднее не менялась. Косвенным подтверждением этого мнения может служить ссылка на систему учета населения в западных странах, где учитывался дом. В ряде уйгурских документов в качестве налогоплательшей единицы также определяется дом. Но с дома взимался скорее всего основной налог, который дополнялся другими видами обложения, в том числе и подушными. Такие налоги вводились, когда потребность в деньгах увеличивалась, а поступления в казну оставались недостаточными, чтобы покрыть все расходы.

Ввиду того что иногда просто невозможно отделить термины налоговые от тех, которыми обозначались трудовые повинности, приходится давать их в общем алфавитном порядке: албан, басык, берт, кабас, каб, калац, купчур, курут, салыг, сакин, тинтсуй, тун, ясак. Трудность состоит в том, что не всегда можно ясно проследить разницу в обозначении государственного налога и феодальной повинности. Многие термины, которые встречаются в Уйгурском государстве, уже исследовались рядом ученых при изучении истории стран Средней Азии, Поволжья и Закавказья. К числу таких терминов относится купчур.¹⁵

Все исследователи термина сходятся на том, что первоначально у монголов этим словом обозначались пастбища и лишь в дальнейшем содержание термина стало меняться.

¹³ Бичурин. История первых четырех ханов, стр. 316, 319.

¹⁴ Там же, стр. 264.

¹⁵ Quatremere. Histoire des Mongols, p. 256; Бартольд. Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче; Али-заде. К истории феодальных отношений в Азербайджане, стр. 87—102; Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении; Али-заде. К вопросу о положении крестьян в Азербайджане, стр. 117—144; Minorsky. A Soyurghal of Qasim Ibn Jahanghir Aq-Qoyunly; Magakia. History of the nation of the archers.

Уйгурское государство стало зависимым еще при Чингис-хане, следовательно, в нем купчур взимался по тем нормам, которые были установлены им в 1223 г., а потом пересмотрены Угэдеем. Документы не оставляют сомнения в том, что купчур взимался с земледельческого населения еще до того, как монголы завоевали Переднюю Азию и Кавказ. Приведем несколько примеров, подтверждающих высказанное положение относительно Уйгурского государства.

В предписании чиновника читаем следующее: «Мое слово Тачинчаку, из твоего проса, которое ты платишь в качестве купчура, отдай этому Шамизу Тачшма три кури проса. Я собираю ясак для хана».¹⁶

Другой документ сохранился плохо, но в оставшемся тексте ясно говорится о купчуре с оседлого населения: «Вы послали чиновнику Тушуман документ о том, чтобы им внести купчур. Но он не попал Елчи в Кочо...».¹⁷

Купчур в Уйгурском государстве взимался как натурой, так и деньгами. Натурой купчур вносился зерном, скотом. Неоднократно встречаются сведения о том, что лошади поставляются в счет купчура. В одной записке названо восемь имен налогоплательщиков, которые доставили лошадей в счет купчура.¹⁸ Лошади оценивались чиновником, собиравшим купчур, по пять бакир серебра. Подтверждение о сборе купчура деньгами мы находим в других документах. В одном из них сказано, что в год лошади купчур взимались серебром, которое затем требовалось доставить в Кочо.¹⁹

Более того, отдельные упоминания этого термина позволяют высказать предположение о названии купчуром некоторых видов повинностей. Вот, например, текст одной из сохранившихся расписок: «В год овцы, одиннадцатого месяца, двадцать первого дня он дал виноградарю Салгар, который заготавливал виноградные лозы, одну лошадь в долг против правил бачак-тага. Он должен за это засчитать полтора бакира серебра в счет своего купчура».²⁰ В двух других случаях за лошадь в счет купчура засчитываются три и два бакира серебра, а в одном имеется оговорка о том, что лошадь берется на два дня. Эти расписки, мне кажется, необходимо понимать в том смысле, что лошади брались на время. Подтверждением подобного взгляда может служить и то, что суммы за пользование лошадью указаны разные, в зависимости от времени, на которое давалась лошадь. Если такое понимание соответствует тому, что было в действительности, то выходит купчуром обозначалась и повинность, отбывавшаяся по наряду.

¹⁶ Р а д л о в, док. № 69.

¹⁷ Там же, док. № 9.

¹⁸ Там же, док. № 54.

¹⁹ Там же, док. № 39.

²⁰ Там же, док. № 53.

Рассмотренные документы не оставляют сомнения в употреблении термина купчур, выражавшего всеобщий налог с кочевников и оседлого населения, как с землевладельцев, так и с горожан. Он взимался натурой и деньгами.

Столь же широко был распространен налоговый термин калан, под которым следует понимать подать общего характера в пользу государства. Это, очевидно, равносильно купчуру. Оба термина обозначали государственные налоги, но, возможно, калан имел более узкое значение; им не обозначался налог со скота кочевников, так как это был налог с оседлого населения. Обратимся к документам и посмотрим, какие данные можно извлечь из них, в каком значении термин калан зафиксирован в то время. В одном случае община, выделяя своего члена для отбывания трудовой повинности как виноградаря, берет на себя обязательство платить за него все налоги, в том числе калан.²¹

Свидетельство такого характера имеется в другом документе, в котором назван калан.²² Поскольку в указанных документах при перечислении всех налогов купчур не упоминается, то вполне закономерно предполагать, что калан в данном случае обозначал основной государственный налог. Несколько раз калан в значении государственного налога упоминается в прошении виноградарей-инджу. Здесь, пожалуй, более определенно, чем в других случаях, под словом калан имеется в виду налог с земледельческого населения. Виноградари в прошении на имя Кутлук-хана, перечисляя ханов, при которых вотчинные виноградари не платили государственного налога, несколько раз говорят: «...распределял калан, садовникам инджу не дал калан». В заключение своего прошения виноградари пишут: «В этом году умрем, если обязаны будем с каждого мужчины платить два албана. Для снятия с нас албана должен быть ярлык».²³

При рассмотрении налогового термина калан нельзя не коснуться другого термина, употреблявшегося одновременно, — албан. Виноградари и писец не могли допустить ошибки, употребляя оба термина в одном значении. Притом об этих терминах говорится не в частной записке или соглашении двух лиц, где могло быть произвольное употребление налоговых терминов, но в бумаге на имя хана. Что же на самом деле скрывается за этим термином?

Термин албан был исследован Б. Я. Владимирцовым в его работе «Общественный строй монголов», где он определяет албан как форму отношения зависимого к своему феодалу.

В уйгурских документах термин албан как форма отношений феодала с крепостным-албату пока не прослеживается; он здесь имеет значение прежде всего как государственный налог, что

²¹ Там же, док. № 14.

²² Там же, док. № 21.

²³ Там же, док. № 22.

видно из жалобы виноградарей инджу и подтверждается другим свидетельством, к сожалению, плохо сохранившимся.²⁴

В рассмотренных документах ничего не говорится о том, чем вносился калан и в каком размере. В других документах, где встречается слово калан, сведений о нем содержится не больше. Один из налогоплательщиков в хозяйственной записи пишет: «В одиннадцатом месяце я дал Тимур Бука ... в качестве калана полкуса материи и лошадь для хана, потом я изготовил для хана кусок хлопчатобумажной материи».²⁵ Сохранилась подобная же запись другого плательщика калана, где он пишет: «В год змеи на калан я дал Ельчи Тимур Бука кусок хлопчатобумажной материи, потом я дал Тимуру один кусок материи».²⁶ Эти две хозяйственные записи помогают нам полнее раскрыть термин и еще раз подтверждают мнение о том, что каланом назывался государственный налог и что значение его в данном смысле совпадало со значением термина купчур. Из хозяйственных записей мы узнали об уплате калана материей, о поставке лошадей в счет калана, т. е. о натуральном характере калана.

Остались невыясненными нормы калана. По этому вопросу приходится высказать надежду на то, что будут обнаружены новые источники, которые позволят дать на него ответ.

В каком же значении термин калан встречается в других памятниках? В. В. Бартольд в работе «Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче», разбирая текст самой надписи и ссылаясь на Рашид ад-дина, считает калан самостоятельным видом подати. Согласно ярлыку Газан-хана, казии и ученые — потомки Алия — освобождались от уплаты калана и купчура.²⁷ Когда сократили число ловчих, то население, которое зависело от них, стало податным и обязано было платить калан.²⁸ Пытаясь выяснить отличие калана от других налогов, В. В. Бартольд приходит к заключению, что «под каланом понимали подать с возделанных земельных участков, вообще с оседлого населения».²⁹ В некоторых золотоордынских ярлыках калан относится к податям, взимавшимся с покоренных народов и шедшим в пользу хана, членов ханского рода, высших чиновников, посланцев.³⁰ Наряду с таким определением калана встречается и другое. В ярлыке Гирея сказано: «Не взимать с тарханов ясака, именуемого калан».³¹ В таком же значении калан упоминается в ярлыке Ти-

²⁴ Там же, док. № 76.

²⁵ Там же, док. № 33.

²⁶ Там же, док. № 38.

²⁷ Бартольд. Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче, стр. 7, 30.

²⁸ Там же, стр. 7, 30, 31.

²⁹ Там же, стр. 32.

³⁰ Березин. Внутреннее устройство Золотой Орды, стр. 20.

³¹ Березин. Ханские ярлыки, стр. 19, 21.

мур-Кутлука.³² Последнее определение совпадает с тем, которое встречается в уйгурских документах: «... в начале весны ... на нас десятерых, так как осталась подать (калан, — Д. Т.)».³³ Я склонен понимать это место как подать вообще, а не как определенный вид ее.

Следует коснуться еще одного вопроса. Начиная с Катрмера, принято в литературе считать купчур монгольским налоговым термином, который затем получил распространение в ряде стран, находившихся в подчинении у монголов. После Катрмера некоторые авторы исходили из сведений, сообщаемых Джувеини и Рашид ад-дином, и не принимали во внимание уйгурские деловые документы раннего времени. Однако «Жалованная грамота» Елик Кадыра, в которой упомянут налог купчур, была написана до подчинения уйгуров Чингис-хану. Выходит, что этот налоговый термин употреблялся у уйгуров задолго до монголов.

Чем же отличался купчур от калана, или же оба термина обозначали одно и то же понятие? Насколько можно судить по данным уйгурских деловых документов, купчур и калан отличались друг от друга. Под купчуром, как отмечалось ранее, понимался налог государству как с оседлых, так и с кочевников, он взимался с земли и со скота, взимался деньгами и натурой, даже трудовая повинность обозначалась этим термином. Каланом же обозначался основной налог в пользу государства с земледельческого населения. Во всех зафиксированных случаях калан употребляется именно в этом смысле. Обозначение налога со скота у кочевников этим термином пока не удалось встретить. Это обстоятельство заставляет полагать, что термином калан не обозначались повинности и налоги с кочевников.

Сведения об ясаке в уйгурских документах имеются самые общие, из которых невозможно уяснить в полной мере характер налога и его размер. В одном случае говорится: «садовниками сделав, иного албана и ясака не выполняли».³⁴ Из этих упоминаний об ясаке видно, что он был налогом государственным.

Для выяснения характера налога ясак также приходится обращаться к золотоордынским ярлыкам, где он встречается в качестве налога общего характера.³⁵ И. Н. Березин уточняет значение термина и считает, что ясак взимался с покоренных народов, а не с коренных жителей Золотой Орды, причем норма определялась в размере одной десятой урожая.³⁶ Последнее указание о размере ясака является очень важным.

Рассмотрение купчура, калана, албана и ясака, насколько позволяли материалы, приводит к любопытным выводам. То

³² Там же, стр. 5, 11.

³³ Малов. Памятники, стр. 204—207.

³⁴ Радлов, док. № 22.

³⁵ Березин. Ханские ярлыки, стр. 5, 19.

³⁶ Березин. Внутреннее устройство Золотой Орды, стр. 19.

обстоятельство, что употребляются одновременно термины купчур-калан, калан-албан, калан-ясак, невольно заставляет предполагать, что все они обозначали налог в пользу государства, который взимался в размере одной десятой части. Несомненно, в зависимости от условий размер мог быть иной, но колебания в размере не меняли сути дела. Характер налога оставался прежним.

Одновременно с рассмотренными налоговыми терминами следовало бы взять и салыг, так как ряд свидетельств говорит о том, что салыг употреблялся в том же значении, что и калан.³⁷

В значении налога общего характера салыг встречается в уйгурских документах, как например: «На виноградник какой салыг будет наложен»,³⁸ т. е. если какой-либо налог будет наложен на виноградники, то платит его такой-то. В другом месте мы читаем: «Виноградники, пашня, посев хлопка, кайлалык никаким басык, салыг не облагается».³⁹

Тутун уже упоминался выше, он взимался с каждого дома, в буквальном смысле слова с дыма и относился к налогам, которые сохранялись в течение длительного времени, и имел широкое распространение на территории, завоеванной монголами. Этот вид платежей у уйгуров применялся в то время, когда страна находилась в вассальной зависимости от киданей.⁴⁰ Следовательно, система обложения подымным налогом существовала прежде и оставалась позднее; может быть, менялась лишь норма обложения.

В ряде документов термин тутун встречается вместе с другими видами налога: «С этого дня будут сняты с Туры все налоги, как курут, тутун, кабын».⁴¹ В этом же смысле термин тутун зафиксирован в другом документе: «С сегодняшнего дня мы (община, — Д. Т.) не будем требовать с этого Алтун-Кара никаких налогов, курут, тутун, кабын».⁴²

В хозяйственных записях, дошедших до нас, читаем: «...потом я дал тутун боз половину куска хлопчатобумажной материи».⁴³ Другой хозяин записывает то же самое: «Потом при уплате тутун я дал елчи кусок материи».⁴⁴ В. В. Григорьев дает денежную норму уплаты тутуна в размере одного динара, а в хозяйственных записях встречаются указания на внесение целого куска материи и половины куска, кроме того, можно было вносить одежду, что видно из записей хозяином своих расходов: «Один халат я дал в счет тутун».⁴⁵

³⁷ Там же, стр. 17.

³⁸ Р а д л о в, док. № 2.

³⁹ Там же, док. № 14.

⁴⁰ Г р и г о р ь е в. Землеведение К. Риттера, стр. 291.

⁴¹ Р а д л о в, док. № 14.

⁴² Там же, док. № 21.

⁴³ Там же, док. № 33.

⁴⁴ Там же, док. № 38.

⁴⁵ Там же, док. № 31.

Несомненно, что при уплате тутун натурой существовала определенная норма. Скорее всего можно предполагать в качестве такой нормы на дом один кусок материи, а внесение половины куска или халата следует рассматривать как часть, которая засчитывалась в счет общей нормы.

Если возникают трудности при выяснении терминов, которые уже известны в литературе и по поводу которых ряд исследователей привлек обширный материал из различных источников, то еще более сложно раскрыть содержание терминов, которыми обозначались налоги, имевшие местное значение. Упоминание их иногда в ряде документов мало что дает исследователю для понимания сущности подати, повинности, называемой тем или иным термином. К такого рода терминам можно отнести берт, каб, кувак, кабаз, сакин и др.

При выяснении налога берт раскрывается более любопытная картина, чем представляется на первый взгляд. Упоминание об этом налоге имеется в «Жалованной грамоте»: «С виноградинов Мурутлук ариядан... пусть не берут ни берт...».⁴⁶ Здесь мы не приводим другие виды повинностей и налогов, поскольку они рассматриваются в соответствующем месте. С. Е. Малов в словаре, ссылаясь на Махмуда Кашгарского, указывает, что *برت* соответствует арабскому *الضريبة* налог, подать, т. е. то, что берет господин со своего раба ежегодно.⁴⁷ Е. Лен в своем словаре выражением *الضريبة* объясняет то, что раб выплачивает своему господину.⁴⁸ Арабский историк Ибн ал-Асир пишет, что «в этом году (375) (985—986) Самсам ал-Давле возобновил в Багдаде налог на продаваемые шелковые и хлопчатобумажные одежды, размер которого одна десятая (часть) цены».⁴⁹

В последнем случае речь идет о налоге с подданных, но не эта сторона здесь нас интересует, поскольку нет расхождения в свидетельствах арабского историка и уйгурских источниках. Важно указание на размер, благодаря чему нам становится известна официальная норма берт в размере одной десятой части стоимости.

Подать под названием басык, как и ряд других, очевидно, относится к сборам местного значения. Ограниченность сведений затрудняет выяснение сущности налога, который назывался этим термином. Уже приводился документ, где упоминается басык: «Пашня, посев хлопка, кайламлык никакими басык... не облагается».⁵⁰

В той же «Жалованной грамоте» Мурутлукскому монастырю басык перечисляется в числе других налогов: «Сали Мурутлук-

⁴⁶ Там же, док. № 88.

⁴⁷ Там же, док., стр. 268.

⁴⁸ L a n c. Arabic-English lexicon, p. 1782.

⁴⁹ Ibn al-Athiri. Chronicon, t. IX, p. 33.

⁵⁰ Р а д л о в, док. № 14.

ского монастыря, проживающие в городах, в общинах и собраниях народа, пусть не облагаются никакими басык». ⁵¹

Судя по этим свидетельствам уйгурских документов, налог басык несомненно платило оседлое население, занимавшееся земледелием и садоводством. Но не так просто решить вопрос, с чего он вносился — с виноградников или же с полей. Уйгурские документы никаких определенных сведений об этом нам не дают. Словари также мало помогают. Лазарь Будагов и В. В. Радлов в своих словарях совсем не дают слова басык. В какой мере правильно будет отождествлять басык, басук со словом басу, имеющимся в словарях? Если справедливо исходить из басу Лазаря Будагова и В. В. Радлова в значении поле, пашня, то басык был налогом с пашни, а не с виноградников.

В числе налогов встречается курут, ⁵² но, кроме указания, что это налог, никаких сведений больше нет. Если исходить из того, что курут может означать кумыс, молоко, топленое сало, сыр, творог, ⁵³ то можно предположить характер налога, обозначавшегося словом курут. Этот вид налога мог быть натуральным и вносился кумысом, сыром или топленным салом.

Налог сакин не носил всеобщего характера, он относился к специальным налогам. Упоминание об этом налоге встречается два раза в одном документе, где речь идет о помощи бедным со стороны общины: «...землю сангакик не облагают каланом, но платят сакин». ⁵⁴ Из этого отрывка видно, что сакин могут платить те, кто не вносит калан: «На землю сангик калан не дают, а сакин накладывают». ⁵⁵ Здесь ясно сказано, что с земли сангик взимался сакин, а калан не брался. Но в этом же документе говорится совсем о другом: «Если засеем землю сангиккик, то сакин не дадут [на эту землю]». Возможно, в документе допущена ошибка и следует исходить из первого положения, что с земель сангик платили сакин, а калан нет.

Кто же должен был вносить сакин, документ ответа не дает. В словарях слово сакин имеется в значении место, житель, живущий. ⁵⁶ Если исходить из этого значения, то сакин скорее всего можно отнести к подушным налогам, который взимается независимо от земли. Однако подобное предположение еще нуждается в дальнейшем обосновании. Конечно, весьма слабым доказательством того, что сакин относится к подушным налогам, является упоминание о том, что дополнительно обработанные членами общины земли им не облагаются, поскольку сакин взимается один

⁵¹ Там же, док. № 88.

⁵² Там же, док. №№ 14 и 21.

⁵³ Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. 2, стр. 934.

⁵⁴ Радлов, док. № 77.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. 4, стр. 241, 247, 250; Будагов, Сравнительный словарь, стр. 615.

раз. На мой взгляд, существенным доводом может служить оговорка об обязательстве платить сакин тем, кто не обрабатывает земли и не платит калан.

Среди многочисленных налогов весьма трудно какой-либо из них отнести к подушному. Между тем нельзя допустить мысль, что в Уйгурском государстве не было подушной подати. Ведь государство постоянно изыскивало пути для новых обложений с целью пополнения казны. Поскольку территория Уйгурского государства продолжительное время находилась в зависимости от Китая, где подушный налог существовал как один из основных государственных налогов, то такой вид обложения не мог быть забыт. Притом нам известно, что время от времени проводилась перепись всего населения, подлежащего обложению налогом. Таким образом, целый ряд соображений позволяет предполагать существование подушной подати, носившей название, как мне думается, сакин.

Кроме рассмотренных налогов и повинностей, в документах упоминаются налоги куп-каб, или кав, кабаз, кувак-кубак, тинтсуи и др., о которых мало что можно сказать из-за ограниченности сведений о них. Возможно, кое-что удастся выяснить путем сопоставления отдельных упоминаний. В хозяйственной записи сказано: «Так как я продал Янги Булату один куп-каб крепкого вина».⁵⁷ Здесь куп значит меру объема жидкости, но в «Жалованной грамоте» мы встречаем вид налога каб.⁵⁸ В. В. Радлов и С. Е. Малов, правда под вопросом, эти два разных слова объединяют в одно с двумя разными значениями — посуда и подать.⁵⁹ Текст жалованной грамоты совершенно ясно говорит о налоге каб: «С виноградников Мурутлук ариядан ... не могут взиматься ни каб...».⁶⁰ Вполне вероятно, что каб взимался с владельцев виноградников суслом, т. е. был налогом с земледельческого населения и носил натуральный характер.

Боз в ряде документов значит грубая ткань, поэтому налог, обозначенный этим термином, брался с материи или с хлопчатника.⁶¹ Не исключено, что боз был пошлиной с бумажных тканей, как кокпу и кабаз. Вид сборов назывался тем же словом, каким обозначался продукт. Кроме уже названных сборов подобного характера, можно указать на кунджут, бор, чобра. Мурутлук освобождался от уплаты всех этих повинностей, а остальное население обязано было платить их.

Пока ничего нельзя сказать о таком виде платежа, как тингсуи. Он взимался с оседлого земледельческого населения. Вот, пожалуй, все, что мы знаем о нем. В качестве предположения

⁵⁷ Радлов, док. № 35.

⁵⁸ Там же, док. № 88.

⁵⁹ Там же, док., стр. 281.

⁶⁰ Там же, док. № 88.

⁶¹ Там же.

можно высказать следующее соображение. Тинтсуи назывались чиновники,⁶² и, возможно, упоминаемый сбор под этим названием шел на содержание чиновников. Сбор на содержание чиновников действительно был, и китайские документы того времени часто о нем говорят. Этот вид налога взыскивался деньгами.

Непонятными остаются термины узун, теркук, существовавшие до XIII в. Сборы под этими названиями производились с виноградных лоз, о чем узнаем из «Жалованной грамоты».⁶³

Кабаз значит хлопок, а подать, известная под этим термином, очевидно, взималась с хлопковых полей, так как этот вид подати называется в числе специальных сборов: «Пусть не берут большой бирим с их кокпу, кунджут, кабаз, бор и чобра».⁶⁴

Кроме налогов и сборов, накладывавшихся государством, крестьянин обязан был отдавать часть своих изделий чиновникам, о чем свидетельствуют неоднократные упоминания в документах. Достаточно привести несколько примеров, чтобы показать, сколь разнообразны были дополнительные сборы. Здесь мы встречаем виноградное вино, хлопчатобумажные ткани, продукты питания и т. д. В этом отношении представляют большой интерес хозяйственные записи. Перечисляя свои расходы, владельцы их указывали, кому что давалось. Вот некоторые из них: «В течение полутора лет я дал даруга хлопчатобумажной материи, а также два халата и два платья»,⁶⁵ — читаем в одной; «...потом я дал беку Тимур Бука кусок хлопчатобумажной материи»,⁶⁶ — сообщается в другой.

III

Рассмотрим далее вопросы о трудовой повинности. Крестьяне обязаны были доставлять в порядке трудовой повинности лошадей. Вот свидетельства об этом: «Для пополнения 10 лошадей, которые должны были быть поставлены Енгурун елчи для поездки в Яр, я, Тимур Ястук, поставил одну лошадь».⁶⁷ Или вот еще свидетельство того, что некий Ел-Бука должен был поставить для елчи на какой-то срок одну лошадь.⁶⁸ Поставка лошадей, продовольствия для чиновников и почтовых станций носила постоянный характер и производилась крестьянами в порядке установленной очереди, что видно из следующего текста: «Вместо Яка-Бука должен дать 26-го пищу, вино для елчи следующий по очереди Куш-Бука».⁶⁹

⁶² Хуан Вэнь-би. Тулуфань, стр. 34.

⁶³ Радлов, док. № 88.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же, док. № 31.

⁶⁶ Там же, док. № 38.

⁶⁷ Там же, док. № 39.

⁶⁸ Там же, док. № 80.

⁶⁹ Там же, док. № 75.

О поставке почтовых лошадей в порядке повинности сказано в документах, опубликованных Рамстедтом: «Если Барчин из рода Кокбука отправился в Ходжо, то ему следует дать на дорогу туда и обратно, кроме почтовых людей, четыре почтовых лошади и велеть ему ехать». ⁷⁰ Население обязано было давать не только лошадей, но и содержать чиновников, ехавших по государственным делам. В том же предписании сказано, что «ему следует дать до следующей станции на его пропитание 2 ноги мяса, 2 сосуда питья, 2 батмана провианта». Помимо лошадей и продовольствия, нужно было давать людей, о чем говорится в одном из документов: «Кроме почтовых людей, ему дали 8 почтовых лошадей». ⁷¹ Этот вид повинности являлся тяжелым бременем не только потому, что крестьянина с лошадью отрывали на какое-то время от своего хозяйства, но и потому, что нередко это происходило в самый разгар полевых работ, когда, по народному выражению, один день год кормит.

Для характеристики дополнительных платежей в пользу различных чиновников приведу еще одну запись, достаточно полно и ярко характеризующую положение: «Когда Бушачи Буйрук был беком, я дал Онгу два батмана муки, два батмана мяса, волоса два батмана, лошадь на убой, ведро виноградного вина, одного человека для работы, одного человека для колки дров, пять вязанок сена, жира для светильника, три вязанки дров. Темир-елчи я дал ... и полкуска хлопчатобумажной материи». ⁷² Приведенных примеров достаточно, чтобы охарактеризовать размеры и разнообразие дополнительных поборов и повинностей с населения в Уйгурском государстве. Они были многочисленны и разнообразны.

Касаясь повинностей в пользу беков, елчи и других чиновников, уместно напомнить о существовании барщины. Подробно об этом говорится в другом месте. Здесь лишь укажем, что крестьяне ходили на работу к бекам, к которым были прикреплены. ⁷³

В дополнение приведу еще одно место из другого документа: «Таянч во главе Куяка (кувака)». ⁷⁴ Я склонен считать, что Таянч ведал отбыванием повинности кувак в пользу беков. Таким образом, этот вид принудительного труда был узаконен, и специальный чиновник следил за выполнением его.

Не всегда в документах дается название налогов терминами, иногда говорится вообще о налогах, как например: «на посев этого виноградаря берим алим, если будут» ⁷⁵ или «на эту землю берим ларым, если будут». ⁷⁶ Здесь выражения берим алим и бе-

⁷⁰ Ramstedt. Mongolische Briefe aus Idikut schahri, стр. 838, 848.

⁷¹ Там же.

⁷² Радлов, док. № 91.

⁷³ Там же, док. № 77.

⁷⁴ Там же, док. № 78.

⁷⁵ Там же, док. № 19; Малов. Памятники, док. № 19.

⁷⁶ Радлов, док. № 28; Малов. Памятники док. № 28.

рим ларым употребляются в смысле «если будут какие-либо дачи и взимания», т. е. сборы и повинности на арендуемый участок. Да и едва ли возможно ставить перед собой задачу выявления всех видов обложения и повинностей в феодальном обществе, поскольку такая задача невыполнима, особенно в отношении Уйгурского государства, из-за весьма слабой изученности источников. Но и то, что удалось выявить, достаточно ярко характеризует налоговое бремя, лежавшее на плечах трудового населения.

Рассмотрение налоговых терминов убеждает в том, что налоги в Уйгурском государстве уплачивались главным образом в натуральном виде. Сбор деньгами практиковался, но он не был основным и определяющим в налогообложении. Если при взимании основного государственного налога были случаи внесения деньгами, то сбор специальных податей, которых выявляется довольно много, производился натурой.

Из краткого перечня налоговых терминов видно, что натуральные налоги были весьма разнообразны. Они взимались хлопком-сырцом, виноградным вином, овощами, сушеными молочными продуктами, шерстью, хлопчатобумажной тканью и другими изделиями ремесла, кунжутом, дровами и т. д.

В китайских фрагментах юаньского периода неоднократно говорится о налогах натурой, в том числе о рисе, ячмене, пшенице.⁷⁷

В некоторых случаях указан размер налогов. Двор, имеющий 25 му земли, обязан был платить 1 ши 2 доу 5 шэн, за другим хозяйством с земли 55 му значится натуральной подати 1 ши, 6 доу, 5 шэн, в том числе пшеницы 1 ши 1 доу, ячменя 5 доу, 5 шэн.⁷⁸

Доступные источники мало содержат сведений о налогах с городского населения, в том числе с ремесленников и торговцев. Нам известно, что существовал подомный налог, которым облагались и городские жители. Трудовая повинность распространялась в равной мере на горожан, они несли повинность по ремонту городских стен, валов, мостов и т. д. В числе сборов имеется кокпу — хлопчатобумажная материя и боз — вид простой хлопчатобумажной материи, которые и могли взиматься с тех, кто изготовлял их. В таком случае можно предполагать, что ремесленники платили налог с дома и со своих изделий.

При рассмотрении налоговых терминов видно, что прямые налоги являлись основным источником дохода государства. Именно в силу этого оно придавало большое значение системе обложения. Уже в 1236 г. за основную единицу обложения принималась семья или дом. Такая система позволяла в равной мере учитывать как сельское, так и городское население. Однако принцип домового обложения давал возможность всю податную тяжесть переложить на плечи менее обеспеченной части населения. При

⁷⁷ Масперо. Les documents chinois, док. № 500.

⁷⁸ Там же, док. №№ 507, 508.

этом необходимо учитывать естественный рост числа семей. Когда крестьянская семья с небольшим земельным наделом делится на две или три, то до следующей переписи населения количество земли остается прежним, а число податных семей увеличивается, следовательно налоговое бремя на бывшую семью возрастает.

Рост расходов заставил вновь вернуться к переписи податного населения в 1252 г. Основной податной единицей был оставлен дом. С дома взимался не только основной налог, но раскладка трудовой повинности и ямщины также производилась на дом. Ямщина отбывалась в порядке очереди каждым домом, который должен был давать лошадей и продовольствие для чиновников, фураж лошадям. Дополнительные налоги вводились с целью увеличить поступления в казну денег. Государство и здесь проводило политику защиты интересов господствующего класса, получая дополнительные доходы с крестьян и ремесленников.

Подтверждение того, что в Уйгурском государстве основной налогоплательшей единицей оставался дом-хозяйство, имеется в ряде источников. Об этом речь идет в своего рода расписках — обязательствах идикуту, где сказано о правильности сведений в большой тетради, т. е. в реестре по учету всех налогоплательщиков. В хозяйственных записях говорится, что при таком-то беке заплачено этого столько, другого столько-то и т. д. Наконец, в предписаниях чиновников всегда называется имя хозяина, с которого следует взимать налог, или же того, чья очередь отбывать повинность. Дом-хозяйство как налогоплательшая единица входил в общину или же в более мелкое деление, как например десятидворка, и через нее нес свои многочисленные повинности. Здесь уже следует принимать во внимание чисто административный прием взимания всех сборов в государственную казну, гарантирующий более полное и своевременное поступление платежей с населения. Но и в десяти дворах хозяйство выступало как самостоятельная единица и обязательства, записанные за ним в реестре, сохраняли свою силу.

Придавая исключительно важное значение полному и своевременному поступлению налогов, отбыванию трудовой повинности, государство создало аппарат, в обязанности которого входило главным образом сбор податей и учет выполнения повинностей. Высшими лицами, представителями хана, являлись даруги, затем следовали ельчи, ниже их стояли беки. Ответственность за поступление налогов лежала на местной администрации, само население тоже отвечало за своевременную уплату их. Оно разбивалось на десятидворки, и один из каждого десятка считался ответственным за всех остальных. При такой системе, если один из десяти не уплатил свои подати, то ответственность ложилась на все десять домов. Как раз эту систему подтверждает документ, опубликованный С. Е. Маловым,⁷⁹ в котором сказано о причи-

⁷⁹ Малов, Памятники, стр. 204—207.

тающей подати с 10 крестьянских хозяйств. Система десятидворок гарантировала государству поступление налогов и ограничивала бегство крестьян.

При монголах обычное право было кодифицировано в ясе. В ней определялись отношения господствующего класса и зависимого населения, регламентировались некоторые стороны жизни людей. Яса охраняла интересы феодалов. Несомненно эти законы, дополняемые ханскими ярлыками и предписаниями, вносили известный порядок в административное управление. Анализ дошедших до нас статей ясы, ярлыков, различных бумаг, официальных предписаний приводит к убеждению, что основная задача административного аппарата состояла в сборе многочисленных податей и контроле за отбыванием повинностей.

Со второй четверти XIII в. налоги с населения значительно возросли. Налоговая политика ханов все решительнее ограждает интересы светских и духовных феодалов, перекладывая их долю платежей на плечи трудового населения, превращая систему налогов в одно из средств закрепощения крестьян.

Глава восьмая

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Феодальное землевладение имеет экономические и правовые особенности, которые состоят в том, что почти вся земля принадлежит классу феодалов, но, чтобы осуществлялся процесс производства, эта земля должна находиться в пользовании непосредственных мелких производителей, если сами феодалы не имеют большого хозяйства и не вспахивают землю. Барское хозяйство существовало не везде в феодальном обществе, но наделение крестьян землей происходило повсеместно, и крестьянин должен был отдавать часть дохода за право владения землей. Уплата происходила государству в лице верховного носителя права феодальной собственности на землю или же феодалу, которому была передана земля и право получать с нее доход. Таким образом, в феодальном обществе существовала иерархия и условность на земельную собственность. К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» писали об этом следующее: «Иерархическая структура землевладения и связанная с ней система вооруженных дружин давали дворянству власть над крестьянами. Эта феодальная структура, как и античная общинная собственность, была ассоциацией, направленной против поработённого, производящего класса; различны были лишь формы ассоциации и отношение к непосредственным производителям, ибо налицо были различные условия производства».¹

В Уйгурском государстве в Притяньшань мы наблюдаем подобную же картину землевладения. В условиях развитых феодальных отношений сложилась система условного владения землей. Общая система землевладения представляется ясно, но выясне-

¹ Энгельс. Немецкая идеология. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 3, стр. 23.

ние отдельных категорий земель не всегда возможно в должной мере в силу ряда причин. Если аграрные отношения в странах Востока освещались рядом авторов,² то Центральная Азия не привлекала к себе внимание исследователей и лишь в последнее время появились работы, в которых рассматриваются земельные отношения тангутов и тибетцев, граничивших с уйгурами.³ Сравнительное изучение земельных отношений этих народов возможно не только потому, что они находились по соседству с уйгурами, но и потому, что они были на одном уровне хозяйственного и общественного развития. Тибетские племена, тангуты, уйгуры жили в одинаковых природных условиях, исторические события часто связывали их. Достаточно напомнить, что тибетцы в течение длительного времени занимали часть территории, вошедшей в середине IX в. в состав Уйгурского государства, а сами уйгуры жили в областях Ганьжоу, Шачжоу, Ляньжоу и Сучжоу, занятых в XI в. тангутами. Часть уйгуров ушла на запад, а часть осталась на прежних местах.

Следовательно, обширные пространства, которые были заняты уйгурами, тангутами и тибетскими племенами между Хотаном и Кукуномором, можно рассматривать как единый комплекс экономического развития примерно до XI в., и лишь после образования феодальных государств начинается обособление, прежде всего в политическом отношении.

Феодальная собственность на основные средства производства у уйгуров, как и у ряда других народов, пришла на смену первобытнообщинной. Право собственности феодалов на землю и скот зарождалось вместе с правом управлять людьми и территориями, которую занимали люди, подчиненные феодалам. Глава племени или союза племен постепенно сосредоточивал в своих руках всю полноту гражданской и военной власти, а рядовые уйгуры-кочевники и их старейшины вынуждены были признавать эту власть, считать законным его право совершать поход на соседние народы, организовывать защиту территорий от нападения, взимать налоги, заставлять нести различные повинности. Глава племени или союза племен, имея дружину, стремился сделать власть свою наследственной. Так, например, после смерти кагана Гули Пэйло

² Франке. Земельные правоотношения в Китае; Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн, стр. 217—226, 284—287, 295—305; Пигулевская. Зарождение феодальных отношений на Ближнем Востоке, стр. 5—30; История народов Узбекистана, стр. 233—234; Заходер. История восточного средневековья, стр. 75—76; Петрушевский. 1) Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении, стр. 78 и сл.; 2) Земледелие и аграрные отношения в Иране; Дембо. Земельный строй Востока; Владимирцов. Общественный строй монголов; Материалы объединенной научной сессии.

³ Богословский. Очерк истории тибетского народа.

(742—756) каганами были его сыновья Мояньчжо и Идигинь.⁴ Процесс феодализации родовой и племенной верхушки свойствен не только уйгурам, но и другим народам, не проходившим в своем развитии рабовладельческую формацию. Родовые старейшины, будучи зависимыми от главы племени, становились во главе военных дружин и получали право присваивать долю военной добычи, лучшие пастбища, судить своих подчиненных и т. д.

Подобная система отношений прикрывала их экономическую сущность, и эксплуатация представлялась как государственная служба. Уйгурский каган являлся верховным носителем права собственности на всю землю каганата, а тот, кто пользовался землей, обязан был платить долю продукта или же нести государственную службу своему господину.

Уже говорилось ранее, что к IX в. в Притяньшанье феодальные отношения стали господствующими, а после уйгурского завоевания верховная власть от тибетского царя перешла к уйгурскому идикуту и на смену тибетским чиновникам пришли уйгурские. В области экономики и социальных отношений существенных изменений не произошло. Класс уйгурских феодалов проводил политику ограбления собственного населения внеэкономическим путем. Феодальное землевладение отвечало этим целям, прикрывая экономические отношения людей публично-правовыми.

К. Маркс писал о сущности отношений этого рода: «Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд выкачивается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и порабощения, каким оно вырастает непосредственно из самого производства, и, в свою очередь, оказывает на последнее определяющее обратное воздействие. А на этом основана вся структура экономического строя [Gemeinwesen], вырастающего из самих отношений производства, и вместе с тем его специфическая политическая структура. Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям — отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, скрытую основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства. Это не препятствует тому, что один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расо-

⁴ Радлов. К вопросу об уйгурах, стр. 91—92; Позднеев. Исторический очерк уйгуров, стр. 66—67; Hamilton. Les Ouighours a l'epoque des cinq dynasties.

вым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств».⁵

Феодальное землевладение в Уйгурском государстве не было статичным, неизменным, оно развивалось, как и само общество, но из-за недостатка сведений невозможно проследить историю землевладения, поэтому в данной работе пришлось ограничиться рассмотрением отдельных категорий земель, о которых имеются данные в источниках. Однако при попытке дать классификацию категорий феодального землевладения сталкиваешься с затруднениями, ибо источники не содержат правовых норм, иногда в них отсутствуют термины, которыми назывались земли.

При рассмотрении категорий земли мы исходим из положения К. Маркса, писавшего о землевладении в странах Востока: «Государство здесь — верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей».⁶

Некоторые авторы высказывают мнение о том, что государство было лишь формальным собственником земли. С таким положением нельзя согласиться. Ибо государство взимало ренту-налог, что говорит не о формальном праве. Кроме того, государство проводило общее перераспределение земли между владельцами и производило конфискацию земель. Следовательно, не может быть и речи о формальном праве государства на землю.

Своеобразие географических и климатических условий в При-татьяньшанье имело немаловажное значение для развития форм землевладения. У уйгуров не было периодических переделов земли, и перераспределение земель редко происходило по повелению верховной власти в государстве. Земледелие преимущественно было поливным, и важнейшая обязанность общины состояла в поддержании в исправности ирригационной системы. Источники не содержат сведений о крупных барских хозяйствах с запашкой земли больших площадей. Все эти обстоятельства необходимо учитывать при рассмотрении вопросов землевладения в Уйгурском государстве.

При изучении уйгурских документов и других источников выявлены государственные земли, земли, принадлежащие идикуту и другим феодалам, монастырям, монахам, торговцам, крестьянам.

В соседнем Тибете, как пишет В. А. Богословский, были государственные земли, находившиеся в ведении центральной государ-

⁵ Маркс К. Капитал, т. III, ч. 2. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 354.

⁶ Там же.

ственной власти. Эти земли были отданы в пользование крестьян. Государственные земли передавались также в условное владение феодалам и назывались кхоз-юл. Земли, находившиеся в наследственной собственности родовой аристократии, сохранялись с правом политической власти над крестьянами, жившими на них. Имелись монастырские земли.⁷

Исследуя историю государства Си Ся, Е. И. Кычанов называет государственные земли, императорские и частные. Монастырские (храмовые) земли не встречаются в источниках, но, по мнению автора, они могли быть.⁸

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗЕМЛИ

Рассмотрение категорий феодального землевладения в Уйгурском государстве необходимо начать с государственных земель. Под этой категорией в данном случае разумеются лишь те земли, которые еще не были переданы в постоянное или временное владение феодалу, религиозному учреждению или крестьянину. Они состояли из пустошей, лесов, пастбищ, конфискованных земель и садов, заповедников. Оросительные каналы тоже могли быть государственными. Казенные земли, с одной стороны, уменьшались в результате передачи некоторой части их крестьянам, переселенцам, религиозным учреждениям или феодалам, с другой — увеличивались за счет конфискованных или вновь обводненных площадей.

Упоминания о государственных землях и оросительных каналах имеются в текстах на китайском языке, найденных на территории провинции Синьцзян и опубликованных А. Масперо.⁹ Государственные или казенные земли в этих текстах называются гуань-тянь, но в уйгурских источниках пока не удалось встретить термин, которым определяли государственные земли. Однако отсутствие уйгурского термина не может служить основанием для утверждения, что государственных земель не было в рассматриваемый период истории Уйгурского государства. Они бесспорно были, но сведения об этом не дошли до нас. Общеизвестный факт, не требующий особых доказательств, что значительная часть плодородных лёссовых площадей продолжала оставаться неводеланной. Эта земля находилась в распоряжении государства, и в случае сооружения оросительных каналов оно передавало землю монастырю или же переселенным крестьянам. Государство давало разрешение на сооружение оросительной системы, если община или кто-нибудь начинал ее строить. Из источников из-

⁷ Богословский. Очерк истории тибетского народа, стр. 74—91.

⁸ Кычанов. Государство Си Ся, стр. 11—12.

⁹ Maspero. Les documents chinois, док. №№ 332, 335, 337, 444, 481.

вестны случаи, когда земля жаловалась государством и конфисковалась. Уместно напомнить о пожаловании Елик Кадыром земли и виноградников Мурутлукскому монастырю.¹⁰ В акте пожалования проявилось право собственности на землю государства в лице идикута. На мой взгляд, право собственности государства на землю выражено и в обязательствах идикуту, что в больших тетрадах все верно и лица, подписавшие обязательство, ручаются головой за правильность сведений.¹¹ Вскоре после признания зависимости от Чингис-хана, уйгур Хала-и-хачи, получив назначение даругой одного города, попросил разрешения взять с собой 60 дворов крестьян на новое место. Вскоре заброшенные поля вновь зазеленели.¹² В данном случае представляет интерес юридическая сторона вопроса. На новом месте этим 60 семьям нужна была земля, которую Хала-и-хачи мог дать лишь с разрешения лица, воплощавшего верховную политическую власть и право собственности на все земли, подчиненные ему. Можно указать на случай конфискации земли. Идикут Салынды и его сторонники были казнены в 1252 г., а земля и другое имущество, принадлежавшие им, конфискованы.¹³

Свидетельства, приведенные выше, относятся к разному времени. Одни подтверждают наличие государственных земель до подчинения Уйгурского государства монголам, а другие — после признания зависимости. Это обстоятельство, видимо, следует рассматривать как свидетельство того, что в Уйгурском государстве монголы не изменили формы землевладения.

Земли, находившиеся во владении крестьян, нами рассматриваются особо, поэтому они не включаются в число земель, оставшихся в распоряжении государства. Крестьянские земли выделены на том основании, что между государством и крестьянами, владельцами земельных наделов, существовали определенные правовые отношения. Поэтому их не следует объединять с теми землями, которые пустовали или временно были изъяты у бывшего владельца. Эти земли принадлежали только государству, поэтому в данном случае не существует правовых отношений двух сторон, какие сохраняются между владельцами земли и государством.

МЕЛКОЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Преобладающая часть крестьян владела землями, полученными от государства в наследственное владение. Государство старалось сохранить эту категорию земель рядом мероприятий, поскольку кре-

¹⁰ Р а д л о в, док. № 88.

¹¹ Там же, док. №№ 40, 41.

¹² Bretschneider. Medieval researches; Ю а н ь - ш и, цз. 124.

¹³ D'O h s s o n. Histoire des Mongols, т. II, стр. 272—274; Г р и г о р ь е в. Землеведение К. Риттера, стр. 299.

стьяне, владельцы мелких участков земли, представляли основную массу налогоплательщиков. Сокращение же крестьянского землевладения могло привести к уменьшению поступления налогов.

В связи с рассмотрением вопроса о мелком крестьянском землевладении хотелось бы обратить внимание на два весьма любопытных свидетельства. Текст их совершенно идентичен, поэтому достаточно привести одно из них: «Идикуту Тенгри, нашему улчи, тумен елчи, бекам. Я, Санынч, даю расписку, что если кто скажет — в большой тетради (таптар) не все записано, то за правильность ручаюсь головой. Это знак мой. В год змеи, третьего месяца, девятого нового».¹⁴

В тексте приведенного обязательства отсутствует указание на то, за что несет обязательства Санынч и что записано за ним. Однако упоминание имени идикута означает, что обязательство Санынч несет перед государством. Далее назван елчи, т. е. чиновник, ведавший сбором налогов, следовательно, можно предполагать, что в обязательстве речь идет о налогах и повинностях, причитавшихся с Санынча в пользу государства. Аналогичную расписку дает и другой человек. Имя его полностью не сохранилось.

В большую книгу записывались обязательства крестьян, которые получали землю от государства. Таким образом, можно считать, что обе расписки давались крестьянами, владельцами мелких участков земли, получившими ее в пользование от государства. На существование в Турфана (Гаочане) и Дуньхуане реестров, в которых были записаны повинности и налоги с крестьянских хозяйств, указывают Д. Твитчетт в своей статье о монастырском сословии в танском Китае и Ван Юн-син в работе, посвященной книге повинностей.¹⁵

Ссылка Твитчетта не расходится с данными уйгурских документов, найденных ранее в Турфана и в других местах Синьцзяна. Напротив того, все больше данных, входящих в научный обиход, подтверждают существование системы равных наделов, закреплявшихся за крестьянами и записывавшихся в большой реестр-даптар.

Для характеристики крестьянского землевладения, кроме рассмотренных данных, привлекаются сделки крестьян, заключавшиеся при купле и продаже земли. В них указана цена, границы, обусловлены права новых владельцев. Конечно, сделки совершенно ясно отвечают на основной вопрос, а именно: каковы были условия продажи земли. Право продажи и перепродажи свидетельствует о том, что земля, которой владел крестьянин, не была инджу. Количество сделок ограничено, но все они в той или иной мере отличаются друг от друга и в силу этого дополняют конкретными деталями наши представления о крестьянском землевладении.

¹⁴ Р а д л о в, док. №№ 40, 41.

¹⁵ Twitchett. Monastic estates in Tang-China, p. 124; В а н Ю н - с и н. Исследование, стр. 71—100.

Наиболее ранним документом, по-видимому, является документ о разделе наследства, опубликованный В. В. Радловым. Документ частично разрушен, и весь текст не представляется возможным перевести, но из уцелевшей части мы узнаем, что раздел наследства происходит между тремя наследниками; разделу подлежат земля, виноградники, лошади, быки, козы, кирки и т. д. Поскольку в данном случае речь идет о подтверждении права на землю, то приведем лишь часть документов, где говорится о доле земли, доставшейся одному из наследников: «Полученные десять сук земли являются землей, выпавшей на мою долю сначала. Кияклык на большом озере Сингрик выпал на мою долю».¹⁶ В конце названы три свидетеля, которых мы считаем свободными крестьянами. Наше определение их правового и имущественного положения вытекает из того, что зависимый крестьянин, лишенный собственности, едва ли мог выступить в качестве юридического лица.

В другом документе говорится о том, что людям понадобилась материя и они продали участок земли. Кроме того, эти люди не внесли причитавшиеся с них подать и вино беку. Для покрытия всех долгов, как они пишут, «находящуюся вниз по течению реки пашенную землю правильно и верно мы продали».¹⁷ В данном случае в качестве продавцов выступает 10 человек, следовательно, мы имеем дело сразу с десятью владельцами. Условия продажи, как и в других сделках, включают право нового владельца продать землю другому лицу.

Возможно, здесь дело в системе десятков. Крестьяне в сельской общине, получившие землю, распределялись по десяткам, выполнявшим роль административной единицы. Весь десяток отвечал за каждого своего члена перед администрацией за своевременную уплату налогов, за отбывание трудовой повинности, за благонадежность и даже за то, что никто из десятка не бросит свою землю и не убежит. Система десятков играла особенно важную роль в такие периоды, когда налоговый гнет и административный оказывались столь невыносимыми, что начиналось большое бегство крестьян и земли оставались пустующими, государственная казна не получала денег.

Некий Кырыкус, заняв две кипы хлопчатобумажной ткани, дает обязательство, что в случае смерти до уплаты долга родственники должны отдать часть принадлежавшей ему земли.¹⁸ Это прямое свидетельство о существовании земель, не являвшихся инджу.

О продаже виноградников мы узнаем также из док. № 30 в публикации В. В. Радлова.¹⁹ Причем эти виноградники когда-то были куплены и продавались с условием, что новые владельцы тоже могут продать их, если пожелают. Размер виноградников в данном

¹⁶ Радлов, док. № 55.

¹⁷ Малов. Памятники, стр. 204—206.

¹⁸ Радлов, док. № 29.

¹⁹ Там же, док. № 30.

случае определялся участками, обнесенными стеной. Земельные участки, именуемые кайлалык, встречаются и в других документах. Очевидно, кайлалык представлял земельную площадь определенного размера, с которой причиталась известная сумма налога.

Имеются записи очень краткого характера, как например: «Весной он продал Тсангу два кури просяного поля».²⁰ При всей краткости записи сделки мысль выражена совершенно ясно. Сошлюсь еще на один очень плохо сохранившийся документ, в котором речь идет о продаже пахотной земли за муку.²¹

Документ на продажу земли, опубликованный Фэн Цзя-шэнем, занимает особое место.²² Очень важно отметить, что документ им датирован и относится к концу XIII в., т. е. после 1242 и около 1287 г. Такая точная датировка имеет очень важное значение. При этом содержание самого соглашения значительно полнее опубликованных ранее сделок подобного характера.

Из этого документа мы узнаем о праве крестьянина продавать «виноградники, землю, воду, дом, двор», словом, все свое хозяйство. Продажа воды понималась не в прямом смысле слова, а продавалось право пользования водой для полива виноградников и земли. Вода упоминается только здесь, и мы узнаем, что при продаже земли имелось в виду приобретение права пользоваться водой, так как без этого права полива земля теряла всякую ценность. К приведенным ранее сделкам следует добавить еще несколько примеров: «Я по закону продал свой собственный виноградник»;²³ «Принадлежащий мне вместе с Суякык-Сурья на р. Сокию виноградник, окапываемый шестью лицами, законно и правильно Солдабаю продал».²⁴ Далее следует, что Солдабай может сам владеть «тысячу лет», но может и продать другому лицу, а братья и родственники не имеют права возбуждать спор.

Можно сослаться на Марко Поло, который, описывая Хотан, замечает, что «у жителей есть виноградники и много садов».²⁵ Весь вопрос в том, как понимать это замечание: имел ли Марко Поло в виду вообще виноградники и сады Хотанского оазиса или же записал то, что было на самом деле, т. е. крестьяне действительно располагали личными виноградниками и садами. Скорее всего, он говорит о последнем случае. Такое понимание сведений Марко Поло не расходится с данными, содержащимися в деловых документах.

Индивидуальное владение крестьянина землей мы встречаем в конце VIII в., возможно, оно существовало и раньше, но это особый вопрос, уже связанный с более ранней формой производственных отношений. Мелкое крестьянское землевладение, возник-

²⁰ Там же, док. № 121.

²¹ Там же, док. № 119.

²² Фэн Цзя-шэн. Два типа соглашений на уйгурском языке.

²³ Радлов, док. № 109.

²⁴ Малов. Памятники, стр. 200—211.

²⁵ Минаев. Путешествие Марко Поло, стр. 71.

нув довольно рано, сохранялось в период расцвета феодальных отношений, не поглотилось и крупной феодальной собственностью.

В связи с крестьянским землевладением необходимо коснуться аренды. На основании ряда свидетельств создается впечатление, что аренда в Уйгурском государстве была широко распространена. Одну из причин этого важного фактора для экономики крестьянского хозяйства следует видеть в недостатке обводненной земли. Семьи росли, а количество земли в хозяйствах оставалось продолжительное время прежним. И лишь при общем учете и перераспределении земли вновь возникшие семьи могли получить свой надел. Однако такие переделы производились редко. Всеобщий учет земли налогоплательжного населения и перераспределение крестьянских наделов производились обычно после больших политических событий, после перехода государственной власти другой династии или после всеобщего бедствия, когда изменялось число населения.

Аренда земли в земледельческих оазисах Центральной Азии была известна до образования в Притяньшанье Уйгурского государства в конце IX в. Среди документов VII—VIII вв. имеются арендные соглашения.²⁶ В тибетском документе, опубликованном Ф. Томасом, сказано, что просяное поле обрабатывается арендатором исполу. Арендатор имел свои орудия обработки пашни и обязывался платить, если поле будет обложено налогами. Текст соглашения составлен в строгой, выработанной временем форме.

Уйгурские документы об аренде земли и виноградников немногочисленны. Однако анализ их дает возможность проследить те стороны экономической жизни крестьян в Уйгурском государстве, которые были нам совершенно не известны. Обратимся теперь к самим документам и посмотрим, что же в них сказано об аренде земли. В одном документе читаем: «...мне, Ильчи, для посева понадобилась земля, то я землю, принадлежащую Кайымду, находящуюся в Ял-Тургане, мерою в полсыка охотно взял. Сколько засеивается на этой земле, мы вдвоем, в равных долях представив, будем обрабатывать [землю]. Полученные плоды будем делить на равные доли. Если за эту землю придется повинности [дачи], мы ведаем вдвоем в равных долях»²⁷ (пер. Малова).

В этом соглашении владелец земли и арендатор поровну несут расходы, связанные с обработкой участка земли, пополам делят урожай и оба равными долями платят налоги.

В других арендных соглашениях обусловлены не все обязательства сторон. Темур Бука и Кайымту указали лишь одно условие, а именно, кто должен нести расходы по обработке земли: «Так как мне, Темур Бука, понадобилась земля для возделывания, то

²⁶ Maspero. Les documents chinois, док. № 367; Thomas. Tibetan literary texts, pt. II, pp. 351—352.

²⁷ Радлов, док. № 28; Малов. Памятники, док. № 28.

я взял в аренду у Кайымту 2 сыка, которые равными частями принадлежат ему с Ченгинтари Елчи. Если при обработке этой земли будут расходы, то я, Темур Бука, совершу их. Я, Кайымту, ничего не буду делать».²⁸ А как делился урожай и кто платил налоги, нам не известно.

В остальных трех соглашениях о платеже налогов говорится следующее: «Мне, Тыншыду, понадобилась земля. Принадлежащую Ченгезу пашню Адар ... у озера на лето и осень ... половину сына пашни два ... сам дал в аренду... На эту землю, если положены [алим берим] калан, я, Тыншыду, знаю. Урожай если будет...».²⁹

Текст документа местами не сохранился, но из него видно, что налоги платил арендатор.

Из другого плохо сохранившегося текста узнаем лишь одно, что налог платил владелец земли: «Каймыш Сенгун за плату ... было. У Арканды Ачки бая за плату взял. Плату 50 кокпу сам... Если налог [ерты берты] положат я не знаю, Я Ачки знаю».³⁰

Имя Кайымту имеется в двух документах (№№ 11 и 19). В одном случае он сдает в аренду 2 сыка земли, а в другом сам арендует виноградники у Мысыра. Не исключено, что в обоих случаях выступало одно и тоже лицо. В арендном соглашении (№ 11) Мысыр назван в качестве свидетеля.

Приведенные соглашения относятся к аренде земли, а два последних к сдаче в аренду виноградников: «Мне, Кайымту, для обработки и пользования понадобился виноградник, то я взял виноградник Мысыра, находящийся в Кочо. Если за этот виноградник, когда я буду [его] обрабатывать, придутся какие-либо подати и налоги, то я, Мысыр, [это] ведаю, а Кайымту да не ведает»³¹ (пер. Малова).

В данном случае Кайымту брал в аренду сам виноградник и не намеревался, видимо, использовать участок для других целей.

Это обстоятельство необходимо учитывать, поскольку виноградники могли сдаваться в аренду как участки земли для посева хлопчатника или же других культур. Подобное условие изложено в следующем документе: «Мне, Бай Темуру, для посева хлопчатника понадобилась земля. За вознаграждение в размере 10 танга хлопка я взял у Темичи виноградник, расположенный у горы Бусын. Эти 10 танга хлопка в начале осени полностью отдам. Если на виноградник будут какие-либо налоги, то я, Темичи, знаю, а я, Бай Темур, не знаю».³²

Хотя данные об аренде ограничены, все же можно сделать некоторые выводы общего характера. Прежде всего необходимо обра-

²⁸ Р а д л о в, док. № 11.

²⁹ Там же, док. № 66.

³⁰ Там же, док. № 86.

³¹ Там же, док. № 19; М а л о в. Памятники, док. № 19.

³² Р а д л о в, док. № 2.

тить внимание на то, что аренда была краткосрочной. Земли сдавались в аренду на один сезон.

Господствующей формой аренды была издольная, и плату арендатор платил натурой. В отношении уплаты налогов с арендуемой земли можно сказать, что встречаются три варианта. В трех соглашениях сказано об уплате налогов хозяином земли, в двух — арендатором и в одном — о совместном несении повинности и платежей.

Сравнительное широкое распространение аренды земли не следует расценивать как появление новых экономических отношений. Феодальная аренда продолжала сохраняться, поскольку в качестве арендатора выступал крестьянин. На земле, сдаваемой в аренду, числились повинности перед верховным носителем права собственности, которые могли выполняться как владельцем земли, так и арендатором.

Права крестьян на земельные наделы, как видно из примеров, были различные. В большинстве случаев крестьяне получали от государства землю в бессрочное наследственное владение с правом сдавать в аренду и продавать. Новый владелец, купивший землю, принимал на себя все виды повинностей, числившиеся за данным участком земли. Такая форма землевладения напоминала полную собственность, но не была ей. Одновременно с бессрочным наследственным владением землей существовала краткосрочная аренда и частная собственность. Последняя категория землевладения не получила значительного распространения и не играла существенной роли в аграрных отношениях в Уйгурском государстве.

Для крестьянина не было безразлично, на каких условиях он владеет землей. Бессрочная форма больше, чем краткосрочная аренда, способствует развитию личной самостоятельности крестьянина, заставляет его сохранять плодородие земли, тогда как при краткосрочной аренде не могло проявляться интереса к улучшению агротехники. Поскольку при мелком землевладении инициатива и опыт крестьянина не выходили за пределы собственного хозяйства или в лучшем случае общины, то развитие техники земледелия происходило очень медленно, орудия земледельческого труда оставались примитивными, техника орошения как необходимое условие земледелия не улучшалась, из-за недостатка воды новые плодородные земли не осваивались. На маленьком участке крестьянин справлялся кетменем или примитивным плугом, поэтому он особенно не помышлял об изобретении более производительных машин. Следовательно, в подробности землевладения следует видеть одну из причин сохранения у уйгуров примитивной агротехники и простейших орудий земледелия на протяжении многих столетий.

Одним из важных условий существования мелкого крестьянского землевладения являлось то, что сельское население преобладало и земледелие было основным занятием. Производство в городе развивалось слабо и не могло поглотить свободные рабочие руки.

В таких условиях крестьянин вынужден был держаться за свой земельный участок даже в том случае, если он обеспечивал владельца всего лишь полуголодное существование. Крестьянское хозяйство, задавленное различными налогами, не имело возможности вести расширенное воспроизводство, оно сводило концы с концами, а иногда разорялось, попадая в зависимость к ростовщику.

ЗАПОВЕДНИКИ-КОРИГИ

Заповедные земли в Уйгурском государстве являлись феодальной собственностью идикута, членов его рода и приближенных. Эта категория земель не была столь значительной, как другие виды, но она являлась устойчивой и прослеживалась довольно рано. Политические события в Центральной Азии, приводившие к смене династий и господствующего класса в земледельческих оазисах, не изменяли характера этой категории земель. В уйгурских документах заповедные земли называются термином кориги.

Термин *к о р и г и* ³³ привлекал внимание ряда ученых. В. В. Бартольд, Б. Я. Владимирцов рассмотрели его значение в Средней Азии, у монголов.³⁴ В работах последних лет опубликовано большое количество данных относительно термина кориги. Им обозначались пастбища, охотничьи угодья, кладбища ханские, дворцы, словом, те места, куда было запрещено входить посторонним людям, т. е. это были заповедники, принадлежавшие ханскому роду и высшим представителям класса феодалов. Следовательно, кориги как заповедники представляли феодальную собственность. Подобный вид заповедников был распространен не только в Средней Азии и у монголов, но с давнего времени известен также у уйгуров.

В китайских летописях о гаочанском владении в VII в. сказано, что «овец и лошадей, принадлежащих двору, пасут в скрытых местах для предохранения от набегов. Кроме вельмож, никто не знает тех мест».³⁵ В данном примере термина кориги нет, но несомненно места выпаса являлись заповедными. Подобное же свидетельство имеется в докладе Ван Янь-дэ, о котором упоминалось ранее. Он писал, что скот, принадлежавший членам правящего рода, пасли в недоступных местах.³⁶ Собственно пастбища, о которых шла речь в докладе Ван Янь-дэ, мы считаем заповедными. На них не могли пасти скот другие, знать о них разрешалось лишь немногим придворным, стоявшим близко к ханскому двору.

³³ В Средней Азии в источниках пишется *курук*, в монгольском языке *хориг*.

³⁴ Бартольд. 1) Туркестан в эпоху монгольского нашествия; 2) К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов; Владимирцов. Общественный строй монголов; Троицкая. Заповедники «курук» кокандского хана Худояра.

³⁵ Бичурин. Собрание сведений, т. III, стр. 193.

³⁶ Григорьев. Землеведение К. Риттера, стр. 270.

В уйгурских источниках последующего времени имеются данные о заповедниках с термином кориги и без него. Г. Рамстедт в свое время опубликовал интересный документ, представляющий предписание уйгурскому идикуту и даруге в Ходжо — столице Уйгурского государства: «Олджей Темур, наше слово. Ходжоскому идикуту Чинг Темуру, всемогущему даруге Тумен Булункаю и сановникам... Этому Асану поручили заведовать водами Ходжо, чтобы Иос-санча был вторым. Кроме того, сказали: „Пусть он охраняет земли кориги. Пусть Иос-санча не позволяет кому-либо пользоваться водой тайно и неведомо от Асана. Отдельные люди пусть не изменяют слов“. Об этом поручили объявить. Если кто-нибудь станет пользоваться водой и угождениями кориги Ходжо тайно и без разрешения Асана, станет оспаривать или учинит ссору, то разве не станет бояться и не понесет наказание, согласно приказа?»³⁷

Это пока единственный документ, в котором так ясно и определенно сказано о землях и водах кориги в монгольский период. Не исключена возможность, что заповедник этот существовал и до подчинения уйгуров монголам, находясь в ведении уйгурских идикутов.

Заповедник-кориги, упомянутый в документе, принадлежал государству, и им распоряжался хан. Из предписания хана видно, что заповедными были земли и вода, орошавшая эти земли.

Не ставя перед собой цель проследить в полном объеме историю образования заповедных земель, хочу лишь отметить, что эта форма феодальной собственности уходит в глубь веков.

Хан и представители высшей духовной знати могли захватывать пастбища, леса, воду и считать их заповедными. Для охраны заповедников назначались специальные люди.

ИНДЖУ

Феодальное землевладение инджу получило широкое распространение. Катрмер, издавая текст летописей Рашид ад-дина, в примечаниях высказал свои весьма ценные соображения о термине

³⁷ Ramstedt. Mongolische Brief aus Idikut schahri, SS. 843—845. — В документе имя писавшего хана сохранилось не все. Уцелела вторая часть имени — Темур, и Г. Рамстедт дает первую — Олджей, таким путем получается имя монгольского хана Олджей Темур. Действительно хан у монголов с таким именем правил с 1403 по 1410 г. Но дело в том, что он правил в Каракоруме, а уйгурские идикуты являлись вассалами ханов юаньской династии, правивших в Китае. Среди ханов юаньской династии мы встречаем Исун Темура (1323—1327) и Тоган Темура, вступившего на ханский престол в 1332 г. Поэтому не исключена возможность, что Асан был назначен охранять ходжские кориги одним из указанных юаньских ханов. Предписание адресовано идикуту Чинг Темуру, который правил с 1328 г.

инджу, определяя его как «Le domaine particulier prince». ³⁸ Эта мысль Катрмера была развита в дальнейшем в исследованиях В. В. Бартольда, Б. Я. Владимирцова, И. П. Петрушевского и др. В последнее время А. А. Али-заде, занимаясь историей Азербайджана в период господства монголов, уделяет внимание термину инджу. А. К. Кибиров в своей диссертации на тему «Социально-экономические отношения в Уйгуристани в период XIII—XIV вв.» рассматривает этот термин на уйгурских материалах. Древние уйгурские деловые документы содержат данные, позволяющие вновь вернуться к этому вопросу, поскольку в ряде документов значительно полнее раскрывается термин как в отношении обозначения земель, так и в форме зависимости людей, называвшихся инджу.

Основные точки зрения, высказанные в нашей литературе о распространении и значении инджу, попытаемся рассмотреть с учетом дополнительных данных.

А. А. Али-заде связывает распространение института инджу в Закавказье с монгольским завоеванием: «Распространение института „инджу“ в Азербайджане и на подвластной ильханам территории тесно связано с появлением здесь монголов и установлением государства ильханов с центром в Азербайджане». ³⁹ Что же автор имеет в виду под термином инджу, в каком значении он получил распространение в Закавказье и Иране.

Отвечая на этот вопрос А. А. Али-заде дает несколько ниже: «Наконец, большая часть отобранных земель составляла собственность государя или членов царствующего дома; эта категория земель называлась инджу». ⁴⁰ Автор имеет в виду форму земельной собственности. Подобное мнение высказывалось и другими исследователями. Нет ли здесь преувеличения роли монгольского завоевания в распространении форм земельной собственности?

На самом деле, могли ли монголы, оставаясь кочевниками, принести в завоеванные страны с развитыми феодальными отношениями, где земледелие за многие столетия достигло уже высокой ступени развития, свои формы феодальной земельной собственности?

К. Маркс, исследуя производство и распределение писал, что «при всех завоеваниях возможен тройкий исход. Народ-завоеватель навязывает побежденным собственный способ производства (например, англичане в этом столетии в Ирландии, отчасти в Индии); или он оставляет старый способ производства и довольствуется

³⁸ Quatremere. Histoire des Mongols, pp. 130—131; Березин. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева; Бартольд. Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче; Владимирцов. Общественный строй монголов; Петрушевский. 1) Хамдаллах Казвини; 2) Земледелие и аграрные отношения в Иране, стр. 280; Али-заде. К вопросу об институте инджу; Кибиров. Социально-экономический строй Уйгуристана.

³⁹ Али-заде. К вопросу об институте инджу, стр. 95.

⁴⁰ Там же, стр. 97.

данью (например, турки и римляне); или происходит взаимодействие, из которого возникает новое, синтез (отчасти при германских завоеваниях). Во всех случаях способ производства, будь то победителей, будь то побежденных, будь то возникший из соединения обоих, определяет то новое распределение, которое устанавливается. Хотя последнее выступает как предпосылка для нового периода производства, само оно опять-таки продукт производства — и не только исторического вообще, но определенного исторического производства.⁴¹

Анализ конкретного материала приводит к выводу, что монголы после подчинения Уйгурского государства продолжали сохранять прежний способ производства и довольствовались получением дани.

При рассмотрении этого вопроса в данном случае необходимо учитывать обстановку в момент признания Уйгурским государством зависимости от монголов. Чингис-хан предпринимал свои походы против тангутов, затем против Китая и Средней Азии, и, конечно, он не мог навязывать уйгурам тот способ производства, который господствовал у монголов, — кочевое скотоводство, ибо опустошение оазисов с богатой земледельческой культурой и превращение их в пастбища могло вызвать и неизбежно вызвало бы недовольство уйгурского народа, что монголам как раз было невыгодно. Наоборот, им требовались союзники, которых Чингис-хан рассчитывал привлечь умеренной политикой по отношению к своим вассалам. Следовательно, монголы при подчинении Уйгурского государства не могли насаждать новые земельные отношения, а должны были использовать те, которые уже определились в данных конкретных условиях.

Самим монголам было известно инджу, но в другом значении. Обратимся к древнему монгольскому памятнику «Сокровенное сказание» и посмотрим, что в нем говорится об инджу, в каком понятии употребляется этот термин у самих монголов в начале XIII в., когда складывался памятник. Судя по тому, что термин инджу встречается в «Сокровенном сказании» только два раза, он был не очень широко распространен и не имел того значения, в котором встречается позднее уже в других странах. На самом деле оба примера говорят о значении термина в смысле приданое: «Бодончар же еще имел наложницу, которая вошла в его дом вместе с приданым матери этого самого Кабичи-Баатура».⁴²

В этом случае ясно сказано о приданом. Второй пример расширяет это значение: «Твой отец [Чааха-Гамбу] дал тебе в приданое двух поваров, Ашик-Темура бавурчи и Алчек-бавурчи, да две сотни крепостных инчжес».⁴³

⁴¹ Маркс. Из рукописного наследия. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 12, стр. 723—724.

⁴² Козин. Сокровенное сказание, стр. 206.

⁴³ Там же, стр. 374.

Б. Я. Владимирцов, рассматривая общественный строй монголов, неоднократно обращается к термину инджу.⁴⁴ В опубликованных им данных можно проследить несколько самостоятельных положений. Люди, отдававшиеся в приданое принцессе, назывались инджу, позднее инджу стали давать в приданое и другие феодалы за своих дочерей.⁴⁵ Уделы царевичей также назывались инджу, но на стр. 99 Б. Я. Владимирцов удел называет улусом и в сноске пишет: «Вдовы иногда тоже получали уделы, царевны же inju». Следовательно, царевны не получали уделов, а лишь людей. Если так, то была какая-то разница между инджу и уделом. Возможно, первоначально не сама территория, отдаваемая царевичам, называлась этим термином, а только люди, жившие на ней, обязанные платить различные феодальные поборы и нести повинности, позднее тем же термином стала называться и территория, на которой жили люди-инджу.⁴⁶

После общих замечаний обратимся к рассмотрению документов и попытаемся проанализировать случаи, зафиксированные в них. Начнем с жалобы виноградарей. Прежде всего необходимо ответить на самый важный и самый трудный вопрос. От кого зависели виноградары, писавшие жалобу Туглук Тимуру? Прямых указаний по этому поводу в жалобе не имеется. Виноградары могли находиться в зависимости от феодала или от государства. В пользу каждого из этих двух мнений найдутся доводы.

Видимо, виноградарей, писавших жалобу, следует относить к категории крестьян, зависимых от государства. Какие доводы в данном случае принимаются во внимание? При решении этого вопроса нужно исходить из того, что виноградары просят самого хана защитить их и издать ярлык об освобождении от калана. В жалобе виноградарей, начиная с древнего времени, перечисляются предшествующие ханы, при которых виноградары-инджу не платили никаких податей и их повинности ограничивались обработкой виноградников-инджу и сдачей винограда. Из жалобы видно, что виноградары являются инджу в течение не одного поколения, поскольку называется несколько ханов и идикотов. Если допустить мысль о том, что они зависели от какого-либо феодала, то в жалобе было бы названо имя этого феодала, но такого имени нет. Перечисляются лишь имена ханов и чиновников, определявших налоги. Отсутствие лица, от которого виноградары зависели, является немаловажным доводом в пользу того, чтобы считать виноградарей государственными инджу. Думаю, что уместно обратить внимание и на общий характер жалобы садовников. В ней все время идет речь о несении повинностей в порядке инджу перед ханом и ни одним словом не упоминается другое лицо, перед которым вино-

⁴⁴ Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 56, 66, 68, 99, 100, 163.

⁴⁵ Там же, стр. 163, прим. 11.

⁴⁶ В китайском языке инь значит выходить замуж, невеста. (См.: Инокенций. Полный китайско-русский словарь, стр. 421).

градари имели бы какие-то обязательства. Если бы они являлись зависимыми от феодалов, то в жалобе должно было быть сказано, что они просили такого-то об освобождении от повинностей, а он отказал им, и теперь они просят защиты у самого хана.

Возможно и другое предположение. Виноградари были государственными инджу, но находились в зависимости лично от хана. Эти крестьяне передавались новому хану, вступившему на престол по наследству или же захватившему власть насильственным путем.

Феодальное землевладение высшего слоя знати нет возможности проследить в полной мере. Отдельные свидетельства не дают достаточно ясной картины о размерах землевладения, о том, как использовались земли и т. д. В числе высшего сословия прежде всего были сами ханы.

Необходимо обратить внимание также на место написания жалобы виноградарей. При перечислении чиновников упоминается город Арканта.⁴⁷ Если исходить из того, что назван аркантский елчи, а других городов не встречается, то с полным основанием можно считать место жительства виноградарей в пределах границ Турфанского оазиса.

Большое место у уйгуров занимала феодальная собственность среднего слоя чиновников, военной знати и духовенства. Она образовывалась за счет пожалования инджу и скупки крестьянских земель. Эта часть класса феодалов сама была более многочисленная и с укреплением государственного аппарата сильно росла.

В ряде документов имеются бесспорные указания на наличие земель инджу, принадлежавших и не членам правящего дома. В одном из них сказано: «Так как он сказал, что ... Кара и Минг Кара бессильны и что хотели бы иметь надежного человека из людей-инджу для виноградника-инджу...».⁴⁸ То же самое имеется в другом документе: «Так как в это время тебе нужен виноградарь, поскольку много работы, то по обычаю инджу (вотчины, — Д. Т.) должны идти по очереди все виноградари-инджу».⁴⁹

Приведенные в документах имена владельцев инджу дают возможность расширить наши представления об этом важном социальном институте в Уйгурском государстве.

В док. № 14 термин инджу не упоминается, но обусловлены обязанности общины перед Ель-Коча. Для подтверждения этого мнения приведем часть документа: «...передали находящегося у нас и подлежащего обложению Туры в качестве виноградаря и получили назад подлежащего обложению Кара Туюна... Так как это выгодно общине, то мы передали владельца виноградника Туры в качестве виноградаря и взяли назад Кара Туюна».⁵⁰

⁴⁷ Р а д л о в, док. № 22.

⁴⁸ Там же, док. № 31.

⁴⁹ Там же, док. № 25.

⁵⁰ Там же, док. № 14.

Следовательно, община несла те же обязанности перед Ель-Коча, какие определены в предыдущих документах термином инджу. Она постоянно направляла виноградарей для обработки виноградников, принадлежавших Ель-Коча, хотя об этом в документе и не говорится. И не может быть сомнения в том, что отношения между Ель-Коча и виноградарями существовали такие же, как между феодалом и зависимыми.

Все приведенные примеры говорят о более широком распространении в Уйгурском государстве земельной собственности инджу, чем казалось на первый взгляд. Следовательно, земли-инджу имели не только члены правящего рода, но и мелкие феодалы и духовные лица. Причем инджу необязательно должно представлять обширную территорию с особыми административными правами. Земельное владение инджу могло быть небольшим виноградником или садом, как указано в документах.

Из рассмотренных выше примеров видно, что термином инджу обозначались как крупное, так и мелкое феодальное землевладение. Поэтому нельзя согласиться с А. К. Кибировым, который дает общее определение землевладения инджу: «Существовала еще одна форма крупного землевладения — инджу, принадлежавшая как членам ханского рода, так и отдельным феодалам и обрабатываемая, как сказано выше, крестьянами-инджу. Судя по правам владельцев инджу и по тому, кем они обрабатывались, можно сказать, что инджу-владения напоминают собой поместное землевладение, среднеазиатскую икту».⁵¹

А. К. Кибиров считает, что земельные владения инджу напоминают поместное землевладение. Суть поместной системы на Руси состояла в том, что государство давало вместо жалования за службу в условное и временное владение участок земли. Лишь при Петре I раздача поместий прекратилась, а сами поместья объединились с вотчиной и стали собственностью дворян.

Землевладение-инджу в Уйгурском государстве, насколько позволяют проследить имеющиеся источники, отличалось от поместного в России и от икта в Средней Азии.⁵²

Икта в Караханидском государстве подробно рассмотрена А. Ю. Якубовским при определении основных периодов истории Средней Азии с VI по XV в. Он писал, что в период с XI до начала XIII в. характерной чертой в развитии икта был «путь от икта в смысле взимания доходов с крестьян к икта в смысле права владения не только доходами, но и землей и рабочей силой крестьян, т. е. путь от икта к лену-феоду».⁵³ В уйгурских документах не удалось обнаружить право владельцев инджу взимать в свою пользу налоги. Крестьяне отбывали им повинность, налоги

⁵¹ Кибиров. Социально-экономический строй Уйгуристана, стр. 84.

⁵² Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов, стр. 8, 25.

⁵³ Якубовский. Вопросы периодизации истории Средней Азии, стр. 30—43.

продолжали вносить государству. И. П. Петрушевский пишет, что Газан-хан раздавал монгольским феодалам земли икта «из земель инджу и дивана, иначе говоря, из доменов государя и его фамилии, а также из земель диванских...».⁵⁴

Владельцы земель-инджу имели налоговый иммунитет, но крестьяне, обрабатывавшие эти земли, как отражено в документах, не получали освобождения от уплаты податей и несения трудовой повинности. Община, посылавшая каланчи для несения трудовой повинности феодалу, брала обязательства платить все причитающиеся с него налоги.⁵⁵ Лишь в жалобе садовников Кутлук Тимуру сказано, что садовники не платили прежде налогов, поскольку считались инджу.⁵⁶ Если они были частнозависимыми, а не государственными, то их господин имел налоговый иммунитет. И. П. Петрушевский в своей последней работе отметил, что привилегии владельцев инджу сводились к налоговому иммунитету и не касались крестьян, которые вместо государства платили налоги своему господину.⁵⁷ В Уйгурском государстве, видимо, положение было несколько иное, чем в Иране. Во всяком случае владельцы мелких инджу не всегда имели налоговый иммунитет.

Содержание термина инджу в Уйгурском государстве было значительно шире, чем его прослеживает В. В. Бартольд в Семиречье. Он пишет: «При покорении культурных областей, доходы с них не отдавались в собственность [инджу] одному царевичу, но распределялись между всеми».⁵⁸

При рассмотрении феодальной собственности не следует ограничиваться одним термином инджу. На примере заповедников-кориги уже было показано наличие феодальной собственности, обозначавшейся другими терминами. Но могут встретиться такие случаи, когда никакого термина не дается, а собственность является бесспорно феодальной. Случаи подобного рода не единичны. Так, например, к крупным феодалам относился Худайдат, носивший титул улусного князя. Он имел, как сообщает Хайдермирза, 64 000 кибиток в своем владении, и весь доход с них употреблял на благотворительные цели, а сам часто не имел ни скота, ни слуг, ни лошадей.⁵⁹

Необходимо коснуться еще одной весьма важной стороны вопроса, а именно: был ли феодал полным собственником земли. Обратимся к источникам. В одном сказано: «Хотели бы иметь из

⁵⁴ Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране, стр. 263—264.

⁵⁵ Радлов, док. №№ 14, 21, 25.

⁵⁶ Там же, док. № 22.

⁵⁷ Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране, стр. 245.

⁵⁸ Бартольд. Очерки истории Семиречья, стр. 41.

⁵⁹ Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, стр. 130—138.

наследственных людей-инджу подходящего человека для виноградаря-инджу».⁶⁰ Здесь следует обратить внимание на выражение «из наследственных» (урлуг — семейных), что дает основание утверждать о полной собственности феодала на землю с правом передавать по наследству и продавать. Право передачи другому лицу подтверждается следующим документом: «Так как я, живя в городе, имею большие расходы и много кредиторов, то не могу жить, как надлежит. Так как я стал старым, то я сказал Туры — возьмешь ли ты, Туры, принадлежащий мне виноградник, для перекапывания которого нужны три работника, и заплатишь мои долги; если ты не хочешь, то предоставлю его другому».⁶¹

Заслуживает внимания указание на продажу обеленных земель. С такими случаями мы встречаемся в двух документах. В одном из них сказано, что «на эту землю не накладываются никакие налоги и подати».⁶² Подобную же оговорку имеем в другом запродажном документе: «Эта земля не подлежит обложению никакими налогами».⁶³ Едва ли можно допустить возможность обеления крестьянских земель. Земля, освобожденная от налогов, могла переходить от одного владельца к другому, а право обеления не утрачивалось, переходило к новому владельцу земельного участка. Единичные свидетельства могут не отражать весь процесс, но коль скоро в отдельных документах оговорено право полной собственности феодала, то с некоторой долей вероятности можно распространить это право и на остальных феодалов.

К каким же выводам приходишь при рассмотрении данных относительно термина инджу? Если считать, что этим термином обозначались земли членов царствующего дома и те лица, которые зависели «на основе личной коммendaции и патроната», то нельзя раскрыть полное содержание термина инджу, а это в свою очередь ограничивает понятие феодальной собственности. В Уйгурском государстве инджу означал феодальную собственность вообще. Лишь такое определение более полно раскрывает содержание инджу как феодального института.

ЦЕРКОВНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

I

Буддийские храмы и монастыри довольно рано стали крупными владельцами земли. Они вели сложное многоотраслевое хозяйство. Сохранившиеся документы дают некоторое представление о феодальном монастырском хозяйстве. В документе на китайском языке

⁶⁰ Р а д л о в, док. № 21.

⁶¹ Там же, док. № 32.

⁶² Там же, док. № 107.

⁶³ Там же, док. № 108.

VIII в. читаем: «От храма (монастыря, — Д. Т.) Хукоу монах Та-ян обязан был наблюдать за состоянием... (вероятно, за работой или за посевами, — Д. Т.), ему предписывалось, по получении распоряжения, слуг, когда они скосят траву в течение трех дней, оставить одного человека для полива полей, всех остальных отправить, чтобы они смогли заниматься по своему усмотрению. Кто нарушит это распоряжение, следует наказать».⁶⁴ Храм имел покосы, свои посевы хлеба. Поля обрабатывались людьми, которые не могли свободно располагать собой. Монастырь был на территории Ли-си, т. е. четырех городов, с резиденцией в Куча.⁶⁵ Он представлял большое и сложное феодальное хозяйство. Подобные храмовые и монастырские хозяйства на территории Кашгарии являлись нередким явлением.

О другом монастыре мы находим упоминание в тибетском документе, относящемся ко времени, когда области Хотана, Ноба и даже до Тянь-Шаня оказались подчиненными тибетским племенам (672—747 гг.). Здесь речь идет о монастыре Самга, о котором уже упоминалось ранее (стр. 38). Мы знаем, что монастырю Самга принадлежала земля и крестьяне доставляли *habs* и отказ внести *habs* был расценен монастырем и чиновниками как невыполнение своих обязательств перед монастырем. Монастырь, имевший землю, зависимых крестьян, видимо, был феодальным хозяйством даже в том случае, если сам не делал запашки земли и не обрабатывал сады и т. д.⁶⁶

Тибетский документ существенно дополняет наши сведения о монастырском феодальном хозяйстве раннего времени. Мы узнаем из него очень важные детали, что монастырь получал ренту с крестьян, шедшую затем на пропитание монахов. Причем крестьяне, воспользовавшись «беспорядками», не уплатили ренту. После жалобы монастыря резиденты подтвердили силу прежнего положения, чтобы крестьяне выполняли свои обязательства перед монастырем. Следовательно, крестьян, о которых идет речь в предписании, нельзя рассматривать иначе, как прикрепленных к монастырю Самга.

Очень важно отметить, что данные обоих документов не расходятся, они подтверждают положение о наличии зависимых крестьян, которые могут оставаться государственными или же прикрепляться к монастырю и лично к чиновникам, о чем говорилось выше.

Буддизм занимал у уйгуров господствующее положение. Манихейство и христианство исповедовались, но не играли такой роли, как буддизм. Не чуждаясь местных обычаев и других верований, буддизм воспринимал все, что могло способствовать рас-

⁶⁴ Stein. Ancient Khotan, док. № 16.

⁶⁵ Stein. On ancient Central Asia tracks, p. 68.

⁶⁶ Thomas. Tibetan documents concerning Chinese Turkestan, p. 259.

пространению и укреплению его влияния. Монастыри и храмы возникали по всей стране. Правда, о многих крупных монастырях мы не располагаем такими сведениями, как о Самга и Хукоу. Достаточно сослаться на большой буддийский монастырь в Муртуке, развалины которого находятся близ современного селения Безеклик; в Кучаре, как в старом крупном культурном центре, сохранились остатки монастыря (сел. Кызыл). Подобная же картина имела в Турфанском оазисе.⁶⁷

Несомненно все эти буддийские монастыри располагали землями и пользовались трудом зависимых крестьян. В самом деле, если обратить внимание на планировку древних храмов, то можно заметить, что они представляют собой мощные крепости. Ходжо был городом храмов, и в нем жили и укрывались монахи, знать, а простой народ обитал в окрестностях. Монастыри часто находились в городах, они, естественно, были оторваны от земли и не могли непосредственно сами заниматься земледелием. Постоянные службы и пропаганда буддизма заполняли время монахов, но, чтобы монастыри не оставались без продовольствия, к ним прикрепляли простых людей для выполнения самых различных работ.⁶⁸ Археологические раскопки показывают, какими богатствами располагали монастыри. Здания их достигали огромных размеров, имели сложную планировку, великолепные украшения стен и т. д. Огромные библиотеки, часть культурных сокровищ сохранились до наших дней.

Сильное разрушение г. Ходжо произошло после поражения уйгуров, полученного от киргиз, в 843 г. Последующее возрождение города, когда образовалось Уйгурское государство, явилось новой ступенью в развитии культуры, главным образом буддийской.

Подробных данных об организации монастырского хозяйства, подобно статутам Адальгарда, мы не имеем, и лишь по случайным указаниям приходится создавать общую картину того, каким образом монастыри вели свое хозяйство.

II

В древнеуйгурских текстах имеется термин сангик. С. Е. Малов в приложении к переводу уйгурских документов,⁶⁹ привезенных С. Ф. Ольденбургом из провинции Синьцзян во время поездки туда во главе археологической экспедиции, писал о термине сангик как о неизвестном слове и считал его заимствованным из санскритско-согдийского со значением «относящийся к [монастырской] общине».

⁶⁷ Gr ün w e d e l. Alt-Kutscha, SS. 15, 17. L e C o q. Chotscho, SS. 6, 8.

⁶⁸ Р а д л о в, док. №№ 47, 88.

⁶⁹ М а л о в. Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга, стр. 147.

В некоторых словарях буддийской терминологии имеется слово *sanghina* — «принадлежит или связано с орденом»⁷⁰ и «сообщество или братство монахов».⁷¹ Кроме того, термин самгина встречается в документах карошти. В одном из них сказано: «Прежде с этого самгина налог платился, а теперь они не доставили даже четверти этого. Они обязаны много сделать. Это самгина должна присягать, а Камиса [должен] полностью спросить».⁷²

Здесь бесспорно речь идет о какой-то единице, платившей налог, которая должна дать присягу королю, в том что она (самгина) задолженность полностью внесет. В другом документе говорится, что «последний год королевское *śuka* вино было собрано. Теперь известно, что налогосборщики и должностные лица использовали все это вино. Когда это письмо с указанием дойдет до тебя, быстро в соответствии с этим должно быть собрано прошлогоднее *śuka* вино и вино этого года, все полностью и вылитое в одном месте. Так же справедливо, как Ятма Паркута собрал и сохранил *kuvana*, *tsamghina* и *koymamdhina* — зерно во всех службах города; теперь *kuvana*, *tsamghina* и *ko* (*yimamdhina*) — зерно должно быть собрано и (...) в городе».⁷³

Из этого отрывка видно, что самгина был одним из налогов, платившихся государству зерном. Налог взимался в городе и в других местах, вероятно в сельской местности.

Если в первом отрывке говорилось о присяге самгина, то во втором называется самгина-зерно. В таком случае самгина-зерно взималось с самгина. Из словарей известно, что самгина — это то, что принадлежит или относится к братству монахов, т. е. монастырю. Следовательно, самгина-зерно могло взиматься с буддийских монастырей, находившихся в городах и в других местах. В данном случае мы встретились с таким положением, когда одним и тем же термином называлась земля, принадлежавшая монастырю, и налог с нее.

Небезынтересно упомянуть, что в том же док. № 272 говорится о городе в Хотане. Поэтому можно полагать, что и налоги кувана, самгина и др. собирались в Хотанском оазисе. А если это так, то была связь между терминами документов карошти и ранних уйгурских документов.

Обратимся теперь к уйгурским документам, в которых встречается термин сангик-сангикик.

С. Е. Малов видит одно слово в санскритском *snk'yuk* и в уйгурском *sngik* и переводит «*sngik jirni qalanyn turmadyn*» — «не числа налога за общинной землей», и соответственно в другом

⁷⁰ The pali text society. Pali-english dictionary, p. 125.

⁷¹ Sanskrit-english dictionary, p. 1129.

⁷² Burrow. A translation of the kharosthi documents, док. № 315.

⁷³ Там же, док. № 272.

месте: «sngik jirni tarar» — «возделывая [монастырского]-общинную землю».⁷⁴

В ярлыке Елик Кадыра тоже имеется термин сангик. «Murutluq arijadan sangigig borluqni jirlarni birla biz jag küt tilaty». — «Мурутлукский монастырь с помощью сангикик виноградников и земель молится за наше счастье».⁷⁵ В тексте ярлыка имеется оговорка, что снова разрешено владеть землями и виноградниками. Следовательно, монастырь владел теми землями и виноградниками, которые ему жаловал Елик Кадыр, и называл сангикик. Вернее сказать, Елик Кадыр лишь подтверждал право монастыря владеть на прежних основаниях землями и виноградниками. «Sanogig borluq jerlari birla japunsu silavanti başlap Murutlugda turkici silavanti salıärk synur». — «С помощью виноградников и земель япунсу силаванти, возглавляющие живущих в Мурутлуке силаванти, сами укрепятся».

В. Банг и А. Габен в индексе к своим изданиям древних текстов из Турфана дают слово sang, адекватное китайскому и санскритскому Sangha в значении община, общество, приход церковный,⁷⁶ а sangig они дают в значении относящийся к общине, принадлежащий общине.⁷⁷

Из всех данных, получаемых из словарей и текстов как на карошти, так на древнеуйгурском языке, видно, что самгина документов карошти и сангик уйгурских текстов имеют одно и то же значение. Этим термином обозначалась земля, принадлежавшая буддийским монастырям.

Если в раннее время (III—V вв.) этими терминами назывались монастырские земли, пожалованные верховным правителем, с которых взимался налог, то в Уйгурском государстве налог-сангик не встречается. Возможно, новые тексты дадут иные данные, но сейчас на основании известных текстов можно сказать, что у уйгуров сангик земли и виноградники представляли феодальное владение религиозных учреждений, освобождавшееся от уплаты налогов и несения трудовой повинности; они жаловались монастырям в полное владение. Право на земли и виноградники монастыри сохраняли за собой постоянно, и новый хан, вступая на престол, подтверждал это право специальным ярлыком, как это видно из ярлыка Елик Кадыра.

III

Политика монгольских ханов в отношении церкви привлекала внимание многих авторов. И это вполне понятно. В обширной

⁷⁴ Малов. Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга, стр. 147.

⁷⁵ Радлов, док. № 88.

⁷⁶ Bang u. Gabain. Analytischer Index, S. 39.

⁷⁷ Там же, стр. 40.

империи исповедывались: буддизм, даосизм, конфуцианство, ислам, христианство, манихейство, шаманизм. Монгольским ханам приходилось считаться с тем фактом, что каждая религия имеет много последователей, а закрепить господство над покоренными народами значительно легче, если удастся привлечь на свою сторону духовенство. Едва ли правильно будет объяснять другими причинами веротерпимость монгольских ханов. В грамотах ханов имелась установленная форма: «В ярлыках Чинигис-хана...», а далее шло перечисление последующих ханов и указание о льготах духовенству «буддийскому, христианскому, даосскому и мусульманскому». При этом не следует рассматривать эту форму как сохранение традиции, установленной при жизни Чингис-хана. Грамоты о пожаловании земель, вод, лесных угодий с освобождением от всех налогов и сборов давались духовенству не только самими ханами, но членами правящего рода, имевшими уделы.

Достаточно сослаться на грамоту Мангала, третьего сына Хубилая, получившего в удел Аньси⁷⁸ и жаловавшего духовенству большие земельные пространства, воды и предоставлявшего ряд льгот.

Политика монгольских ханов по отношению к буддизму была рассмотрена П. Рачневским⁷⁹ в специальной работе, поэтому здесь нет необходимости подробно останавливаться на этой политике.

Благодаря покровительству ханов буддизм приобрел огромную силу, духовную и экономическую. Достаточно сказать, что буддийский храм Да-ху-кго-вансы владел землями более 1 000 000 цин, число зависимых семей достигало 37 519. По закону, крестьяне, принадлежавшие храмам и монастырям, освобождались от уплаты налогов государству и несения трудовой повинности. Желая избавиться от непосильных налогов, крестьяне сами отдавали земли монастырям, поступая таким путем в зависимость от них. В отдельные периоды добровольное подчинение крестьян монастырям принимало исключительно широкий размах. Так, например, в Цзяннани лишь нелегально было записано в храмовые реестры более 500 000 крестьян.

В Уйгурском государстве духовенство пользовалось всеми льготами, которые давались ханскими указами для буддистов и мусульман в самом Китае. Если обратиться к описанию путешествия Чан Чуня, то можно обнаружить ряд фактов, свидетельствующих о поддержке церкви.

Вспомним, какая помощь была оказана Чан Чуню, когда он захотел построить монастырь. Ему предоставили деньги, людей, и за месяц все помещения: храмы, кельи, кухню и другие службы — удалось закончить.⁸⁰ Уйгур Атай Сали был видным буддистом при

⁷⁸ Бобровников. Грамоты вдовы Дармабаловой.

⁷⁹ Ratchnevsky. Die mongolischen Grosskane und die buddhistische Kirche.

⁸⁰ Кафаров. Си-ю-цзи или описание путешествия на запад, стр. 295.

дворе монгольских ханов, правивших в Китае. Уйгурский идикут обратился с просьбой вернуть всех уйгуров из Китая и Монголии в свою страну. Атай Сали вернулся на родину. Его сын тоже был крупным буддистом и за большие заслуги в распространении буддизма получил от монгольского хана высокое звание, почести и награды. Внук Атая Сали пошел по стопам деда и отца, достигнув высокого положения среди руководителей буддизма в Уйгурском государстве.⁸¹

Церковь, особенно буддийское духовенство (ламаисты), злоупотребляла своим положением и теми привилегиями, которые предоставлялись им законом. Так, например, большую долю драгоценностей они отправляли в Тибет, уменьшая этим национальное достояние империи, подкупали чиновников и получали освобождение от налогов с земли и торговых доходов, захватывали государственные и крестьянские земли. Буддийская церковь приобрела огромную силу, утвердив законным и незаконным путем полную независимость от государственного аппарата.

Естественно, что императоры вынуждены были принять ряд мер ограничения против церкви. В 1292 г. были созданы провинциальные управления буддийской церкви и ограничено вступление в монахи. Монастыри не могли без разрешения провинциальных управлений принимать монахов, а беглые рабы, бродячие люди, солдаты, крестьяне, уклонявшиеся от государственной повинности, вообще не имели права поступать в монахи. Частные пожертвования монастырям запрещались, ограничивались налоговые льготы. В 1295 г. был издан закон, согласно которому старые земельные владения монастырей в Тибете, Северном Китае, в Уйгурском государстве и Юньнани считались свободными от налогов и сборов, а земли, приобретенные вновь, подлежали обложению налогами и повинностям.

Произвол буддийских монастырей иногда вызывал недовольство и приводил к конфликтам, которые вынуждены были рассматривать сами правители государства. В рукописном собрании хранится монгольский документ, представляющий в данном случае интерес.⁸² Монастырь (или храм) Иогачарья подал жалобу на то, что земли и сады, оросительные каналы, принадлежавшие ему, насильно забраны и не возвращаются. Взявший землю, видимо, оформил свое право держать ее, поскольку у него был документ. И храм просил защиты и распоряжения о возвращении садов, земли и воды. Имя писавшего распоряжение не сохранилось, но на основании того, что предписывалось ходжескому идикуту и высшим сановникам разобрать спор, можно предполагать в нем хана. Идикуты подчинялись непосредственно ханам, поэтому

⁸¹ Юань-ши, цз. 130.

⁸² Рукописное собрание Института народов Азии АН СССР, сод. У 1—2, № 1.

наиболее вероятно такое предположение. Имена виновных Болмыш и Тайбуту Тулемыш названы без титулов. Это обстоятельство заставляет думать, что они не были заметными чиновниками. Причина, побудившая Болмыша и Тайбуту Тулемыша захватить силой сады, землю и воду, нам не известна. Но трудно допустить мысль, чтобы простые люди решились посягнуть на землю, принадлежавшую храму. В действительности могло быть и так: земля и сады принадлежали названным лицам, и при каких-то обстоятельствах монастырь временно стал ими владеть. Положение изменилось, и прежние владельцы решили вернуть себе землю, сады и воду. Но храм не пожелал отдать, тогда произошел захват земли. Лицо, получившее жалобу храма, предписывало идикуту, сановникам и чиновникам разобрать дело и вернуть сады, земли и воду, а если на месте не будет решен спор, то всех людей надлежит прислать к тому, кто писал бумагу. Дата указана: «Год зайца 4 старого числа, среднего весеннего месяца». Место пребывания высокопоставленного лица — Булун Ого.

Монастыри занимались ростовщичеством, открывая лавки, ломбарды, выдавая ссуды деньгами и зерном. От храмов и монастырей не отставали и монахи. Некий монах Чинтсу встречается два раза. В первом случае он дал десять сатыров серебра, за которые сын заемщика должен работать три года. Во втором выступают те же лица, но условия несколько другие. Монах дал займы оборотный товар, а заемщик отдал своего сына монаху на правах сына.⁸³ В данном случае интересно отметить, что монах дает займы деньги и товар (товар — скорее всего хлопчатобумажная ткань), т. е. занимается ростовщичеством.

IV

Храмы и монастыри, очевидно, регулировали отношения не только между людьми, находившимися в зависимости от них, но в равной мере между монахами и теми, кто вступал с ними в различные отношения хозяйственного характера, что можно предполагать на основании одного фрагмента, в котором речь идет об утерянном соглашении монаха с его служанкой.⁸⁴ Если отрывок документа правильно понят, то храмы и монастыри были более сложными феодальными хозяйствами, чем мы можем представить по отрывочным сведениям, и их роль в экономической жизни того времени была весьма значительной.

Не только сами монастыри были крупными феодальными хозяйствами, но и монахи выступали в роли их сподвижников в целом ряде областей хозяйственной деятельности. Так, например,

⁸³ Малов. Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга, стр. 130—136.

⁸⁴ Stein. Ancient Khotan, док. № 17.

монах Кин-Юнг из того же храма Хукоу дал взаймы тысячу монет, обусловил 10% ежемесячно.⁸⁵ Другой монах за выданную ссуду получил в залог женщину.⁸⁶ Уже известный нам монах Кин-Юнг из храма Хукоу дает в ссуду зерно. «Монах Кин-Юнг дал взаймы семнадцать ... 3 зерна на срок 9 месяцев». Далее следуют условия: «Если взявший ссуду пропустит срок уплаты, то монах Кин-Юнг увезет всю движимость Ну Шин-юя, его быков и его скот в погашение стоимости зерна».⁸⁷ При подписи обязательства заемщик сообщает, что он мелкий чиновник. Следует отметить, что при оформлении долгового обязательства присутствуют и перечисляются все члены семьи. Очевидно нужно было согласие всех наследников на долговое обязательство.

Подобный же порядок оформления сделок мы встречаем и в других документах.⁸⁸ В одном случае присутствует взрослый сын, а в другом — ребенок шести лет.

В связи с затронутым вопросом взаимных отношений крестьян и монастырей хотелось бы коснуться еще одной важной стороны этих взаимоотношений, о которой нет прямых указаний источников VIII—X вв. По более позднему времени такие источники есть. Поэтому можно лишь предположительно говорить о существовании прекарных договоров в Центральной Азии в раннем средневековье. В самом Китае в VIII—IX вв., когда территория Уйгурского государства входила в состав танской империи, система передачи земель крестьянами монастырям и храмам получила широкое распространение. На основе прекарных договоров крестьяне передавали монастырям право собственности на свои земельные участки, сохраняя за собой лишь пожизненное пользование землей.

Такая система получила широкое распространение в короткий срок в силу того, что земли, переданные в монастырское пользование, освобождались от налогов и повинностей. В Турфане, Кучаре, Хотане и других оазисах система передачи крестьянами земли буддийским монастырям и храмам также могла иметь распространение, поскольку законы танской империи действовали в равной мере на всей территории империи, в том числе и в этих оазисах, а влияние буддизма здесь было больше, чем в других частях обширной империи.

О наличии системы прекарных договоров заставляет предполагать также и то, что монастыри имели весьма разнообразные хозяйственные отношения с крестьянами и широкие юридические права. Едва ли можно думать об отсутствии столь выгодного и важного способа увеличения своих богатств и экономического воздействия на паству, как соби́рание крестьянских земель всеми

⁸⁵ Там же, док. № 5.

⁸⁶ Там же, док. № 10.

⁸⁷ Там же, док. № 5.

⁸⁸ Там же, док. №№ 6, 9.

способами, в том числе и прекарными договорами. Тем более, что сами крестьяне, задавленные различными государственными поборами и трудовой повинностью, искали себе покровительства у монастырей. Не следует ли в этом искать причину спора храма Иогачарья с Болмышем и Тайбуту Тулемышем?

ЧАСТНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Следует сказать несколько слов о частном землевладении, которое образовалось путем скупки земель и не было связано с пожалованием и выдачей наделов от государства. Владелец земли, как явствует из документов, рассматривал ее как свою полную собственность и передавал по наследству, делил между наследниками, продавал сам и это право продажи переходило наследникам.

Наличие таких земель на Востоке явление не исключительное. Они были в Средней Азии, в Иране и в Закавказье.⁸⁹ Мульки, или мильки, свободно продавались и передавались по наследству, они считались полной собственностью.

В документах более раннего времени также отражены случаи купли и продажи земли. Следовательно, у уйгур частное землевладение прослеживается в разные периоды истории.

Источники, сообщающие сведения о частном землевладении, немногочисленны, но они не оставляют сомнения в том, что такие земли были и свободно продавались. Приведем несколько сделок на продажу земли.

«В год овцы, месяца арама, 18-го мы, Енч Бука и Ярук, после смерти старшей сестры Тартыш дали документ. Покупная цена земель, имеющихся в Коче тайсанг, виноградников, городского виноградника, всех остальных земель 600 ястук чао».⁹⁰

Площадь земель, оцененных в 600 ястук, является довольно большой, хотя точно неизвестна. Здесь следует исходить из цены. В других сделках также не указана площадь земельных участков, а лишь определены границы их. Поэтому придется дать одно сравнение, чтобы представить размер земельной площади, оцененной в 600 ястук чао. В одном документе сказано, что виноградник продан за 1 ястук и 5 сатыр серебра.⁹¹ Площадь этого виноградника, мне кажется, обрабатывалась одним человеком. В другом случае оговорено, что продаваемый виноградник обрабатывает 6 человек. Цена его значительно больше, т. е. 102 связки хлопчатобумажной материи.⁹²

⁸⁹ Петрушевский. 1) Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении; 2) Земледелие и аграрные отношения в Иране; Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов.

⁹⁰ Радлов, док. № 12.

⁹¹ Там же, док. № 109.

⁹² Малов. Памятники, док. № 13.

Если исходить из цены виноградника в 1 ястук 5 сатыр, то площадь земель, оцененных в первом случае в 600 ястук, соответственно будет больше, и для отработки ее потребуется большое число людей.

Продажа не столь больших земельных площадей, как в первом случае, но все же довольно значительных, зафиксирована в ряде других документов. Так, например, в одном из них речь идет о продаже одного кайлалыка и 22 сык земли. Продажная цена всей земли 20 чао серебра.⁹³ В двух сделках выступают в качестве продавцов земли одни и те же люди.⁹⁴ В одном случае они продали земельный участок за 170 кусков хлопчатобумажной материи, а в другом за 23 куска.

Любопытно отметить, что в качестве покупателя в док. №№ 108 и 109 назван Баса Тогрыл. В первом случае он платил за землю хлопчатобумажной материей, а во втором серебром.

В рассмотренных примерах в качестве продавцов земли и покупателей, мне кажется, выступают не крестьяне, а купцы. Трудно представить себе, чтобы крестьянин имел большое количество хлопчатобумажной материи или, как иногда оговорено, материю с луччунским клеймом. Такая ткань могла быть у купца.

Купцы скупали землю и превращались в помещиков, т. е. шел тот же процесс, что в Китае и других странах: купцы, скупая земли, становились землевладельцами-помещиками. Если принять во внимание, что сильно было развито садоводство, то станет ясно, почему купцы могли стремиться покупать землю. Покупая землю, купец вкладывал свой капитал в весьма надежное предприятие, надеясь иметь гарантию от разорения при неблагоприятных торговых операциях. А с другой стороны, покупая сады, виноградники, купец получал возможность расширить свою торговлю. Большие сады могли иметь люди, которые использовали их в коммерческих целях.

Упоминания о частном землевладении имеются и в других источниках. Гардизи, автор XI в., пишет, что в Хотане развито шелководство и садоводство. Некоторые хозяева имеют одних тутовых деревьев более 2000.⁹⁵

Из китайского фрагмента мы узнаем о другом крупном владельце сада в оазисе Мазар таг (бассейн р. Тарима), у которого имелось более 2000 деревьев грецкого ореха, 20 кустов винограда и «2 ... гранатовых деревьев».⁹⁶ Нам не известно количество гранатовых деревьев, от их числа земельная площадь сада может сильно меняться. Но в этом документе было сказано, что имелось 3 доу, 5 шун ядрышек абрикосовых косточек. Таким образом,

⁹³ Р а д л о в, док. № 15.

⁹⁴ Там же, док. №№ 107, 108.

⁹⁵ Б а р т о л ь д. Отчет о поездке в Среднюю Азию, стр. 119.

⁹⁶ М а с р е г о. Les documents chinois, p. 466.

у нас есть косвенные данные, позволяющие предполагать, что в саду имелись абрикосовые деревья. А коль скоро в саду росли абрикосы и гранаты, то площадь сада должна быть значительно больше той, которую занимали указанные в документе деревья.

Само собой разумеется, что владелец должен был пользоваться для обработки сада чужим трудом.

Источники сообщают нам сведения о таком важном условии земледелия в Центральной Азии, как вода. Безусловно феодал, владея оросительными каналами, мог поставить в полную зависимость крестьянина, разорить и превратить его в крепостного. Та часть крестьян, которая имела земли не на головных арыках, получала недостаточно воды, а в силу этого собирала маленькие урожаи.

Вода играла столь важную роль, что она продавалась и покупалась особо; права на воду жаловались отдельно. Продавая дом, землевладелец особо оговаривал продажу воды.⁹⁷ Монастырь, требуя вернуть ему землю и сады, считал необходимым сказать отдельно о воде.⁹⁸ В грамотах царя Аньси Мангала также сказано о воде: «Пусть земель и вод ... не отнимают и не отчуждают».⁹⁹ Хотя грамоты Мангала касаются соседних с уйгурами провинций, но это обстоятельство лишь подтверждает общее положение о значении самостоятельного права на воду. В другой грамоте специально о воде написано: «... а также право на воды в трех участках Мэй-бэй, Гань и Лао ... пусть никто насилий не совершает и пусть их не отнимает и не отчуждает».¹⁰⁰ Из всех приведенных примеров видно, что на воду давалось особое право. Но даже в тех случаях, когда феодалы, монастыри для орошения своих садов, земель пользовались водой из общих каналов и арыков, то они могли использовать большую долю воды и как раз в самое жаркое время, а крестьяне получали воду во вторую очередь, часто в недостаточном количестве. Поскольку система регулирования воды находилась в руках феодалов, то они использовали свое положение в целях закабаления крестьянина.

Жалоба монастыря властям с просьбой вернуть ему сады и воду приводилась ранее, и здесь уместно лишь упомянуть о ней. В дополнение можно указать на жалобу крестьянина (текст ее сохранился плохо), в которой говорится, что кто-то закрыл шлюз, вероятно человек, ведавший распределением воды, и хозяин участка земли, лишенный воды, просит представителя государствен-

⁹⁷ Фэн Цзя-шэн. Два типа соглашений на уйгурском языке, стр. 119—131.

⁹⁸ Рукописное собрание Института народов Азии АН СССР, сод. У 1—2.

⁹⁹ Квадратная письменность, стр. 61.

¹⁰⁰ Там же, стр. 65.

ной власти вмешаться и заставить открыть воду.¹⁰¹ В жалованных грамотах монастырям, хотя и не указаны конкретные случаи конфликтов, все же выражение «а эти говоря, что [мы] имеем ярлык [силою ярлыка] беспорядочных дел да не производят»,¹⁰² заставляет предполагать, что такие конфликты имели место. Если бы со стороны монастырей не было случаев злоупотребления своими правами, то подобная оговорка теряла бы свой смысл.

¹⁰¹ Maspero. Les documents chinois, p. 482.

¹⁰² А. М. Позднеев. Лекции по истории монгольской литературы, стр. 114—116.

Глава девятая

ФЕОДАЛЫ И ЗАВИСИМЫЕ

В Уйгурском государстве было два основных класса — это класс феодалов и класс феодально зависимых крестьян. Положение этих классов в производстве определялось их правом на основные средства производства в феодальном обществе — землю. Феодалы выступали как субъекты собственности, а крестьяне-земледельцы были лишены права собственности на землю. Кроме главных антагонистических классов, в феодальном обществе имелись и другие социальные группы. Задача состоит в том, чтобы выяснить, из каких групп состоял господствующий класс, какую форму зависимости выражает тот или иной термин, встречающийся в уйгурских документах и других источниках.

ГОСПОДСТВУЮЩИЙ КЛАСС

Во главе Уйгурского феодального государства стоял идикут, власть которого была наследственной и абсолютной. Он являлся высшим законодательным и исполнительным органом в государстве, в его руках сосредоточивалась гражданская и военная власть. Идикут решал все важнейшие вопросы государственной жизни: начало войны, введение и отмена налогов, назначение высших чиновников, пожалование земли, лишение прав землевладения, вынесение смертных приговоров, помилование, снаряжение торговых посольств и рассмотрение мелких споров между подданными. В. В. Бартольд приводит указание персидского автора Гардизи о том, что все важные дела разбирает сам хан, как называли главу государства в персоязычных источниках, к его дворцу приводили виновных, и он объявлял свое решение.¹ Разумеется,

¹ Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию, стр. 115.

идикут не мог рассматривать все споры между своими подданными. Большинство вопросов решали чиновники государственного аппарата, особенно в отдаленных от столицы городах и селениях.

Глава государства был крупнейшим феодалом. В частности, китайский посол Ван Янь-дэ, посетивший государство в 982 г., писал в своем докладе, что уйгурский «государь и государыня, наследник престола, все имеют свои табуны, которые и посылают пастись в обширной долине, простирающейся почти на 100 ли. Лошади распределяются в табуны по мастям. Числа их никто не знает».² Для выпаса такого количества лошадей нужны были обширные пастбища, которые захватывались членами правящего рода и превращались ими в заповедные. Полное распоряжение пастбищами угодиями являлось фактически превращением их в собственность того или иного члена правящей семьи. Следовательно, земля была основным и естественным условием производства не только для земледелия, но и для скотоводства. Этой проблеме советские ученые уделяли большое внимание. Известные итоги ее изучения были подведены на сессии в Ташкенте.³

Высший слой уйгурского общества составляли, кроме идикута и членов его рода, визирь, которых было 9. Число 9 имело символическое значение, но 9 визирей могло оставаться и по другой причине. Возможно, в начале этнической и политической консолидации представители 9 родов составляли совет старейшин, являвшийся высшим органом в объединении. Позднее же, когда число родов возросло, а само государство стало более прочным и система административного устройства уже не соответствовала прежним родовым делениям, число визирей 9, видимо, продолжало оставаться как традиция или пережиток, сохранившийся от раннего периода политического и этнического объединения уйгуров.

В уйгурских документах слово визирь не встречается, но в них имеется *ülči*.⁴ Чиновники, названные улчи, перечисляются вслед за идикутом. Не соответствуют ли улчи персидским визирям? Но это лишь предположение. Бесспорно то, что улчи и визирь персидских авторов относятся к высшему сословию феодалов.

Кроме визирей, главу государства окружало большое число других знатных лиц. Все они принадлежали к высшему сословию господствующего класса. О многочисленном окружении хана писал в своем докладе Ван Янь-дэ.⁵ То же самое находим у Гардизи.⁶ Судя по сведениям Гардизи, 1000 человек, которых В. В. Бартольд называет прислужниками, видимо, следует считать гвардией

² Григорьев. Землеведение К. Риттера, стр. 270.

³ Потапов. О сущности патриархально-феодалных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, стр. 17—42.

⁴ Радлов, док. №№ 40, 41.

⁵ Григорьев. Землеведение К. Риттера, стр. 271.

⁶ Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию, стр. 115.

хана, составлявших его охрану. Они едят и пьют вино в присутствии хана, сопровождают его.

К высшему слою феодалов относились и тарханы, о которых писал Маркс как «о высшем сословии, тарханах, которые были освобождены от всяких налогов, не должны были делить свою добычу с другими». Оценивая эти факты, он заключал: «Этот вид феодальных прав возникает у всех полудивилизованных народов в результате воинственного образа жизни».⁷

Тарханы у уйгуров принадлежали к высшему сословию господствующего класса задолго до подчинения монголам. Посланник уйгурского кагана при дворе китайского императора в 760 г. носил имя Кучлук-Моке-тархан. В 780 г. уйгурский каган был свергнут придворным сановником по имени Тун-Моке-тархан.⁸ О тарханах мы встречаем упоминание в уйгурских документах.⁹ Один из них относится к монгольскому времени, поскольку в нем сказано о сборе ясака.¹⁰

После подчинения Уйгурского государства монголам мы встречаем среди чиновников и знатных сановников даруга, которые прежде не упоминались. Сам Чингис-хан назначил некоего Халла-и-хачи даругой города и дал золотую пейцзу. Другой уйгур по имени Цюэ-ли-бе-во-чи за участие в походе против Джелал ад-дина получил большие почести (200 хозяйств) и был назначен даругой города Кунь-луй. Сын Алэ Вар-си тоже стал даругой. Сай Дянь-чи из знатного рода был назначен даругой.¹¹ И подобных примеров можно привести немало. Возможно, звание даруги иногда давались как почетный титул. Булу-хан получил в награду овец, коней, войлочную юрту, 20 дворов крестьян, землю, дом в Пекине, титул даруги и золотую пайцзу. Почетный титул даруги получил Тимур Бука, ставший в 1321 г. идикутом.¹²

Из приведенных примеров видно, что даруги назначались на высокие должности монгольскими ханами. В первые годы назначения производились в те города, которые в силу тех или иных причин оказались без правителя. Подобные назначения хотя и можно рассматривать как известное ограничение прав идикута, но все же в тот период они правили самостоятельно.

В последующий период, когда были одержаны крупные победы и положение монгольских ханов стало прочным, их политика по отношению к своим союзникам и вассалам в Центральной Азии менялась. Она не отличалась теперь от той политики, которая проводилась в государствах, завоеванных позднее. Нагляднее всего

⁷ Маркс. Архив Маркса и Энгельса, стр. 220.

⁸ Радлов. К вопросу об уйгурах, стр. 92, 93; Позднеев. Исторический очерк уйгуров, стр. 67, 76; Frue. Tarhün-Türxun and Central Asia history, pp. 105—129.

⁹ Радлов, док. № 26.

¹⁰ Там же, док. № 69.

¹¹ Юань-ши, цз. 123, 125.

¹² Там же, цз. 122.

прослеживается новое направление в политике монголов в отношении Уйгурского государства. Идикуты, как и прежде, оставались верховными правителями в своем государстве, но управление всеми сторонами жизни шло при участии даруги, о чем свидетельствуют многочисленные официальные документы на уйгурском, монгольском и китайском языках.¹³

Неизвестно, в каком году монгольские ханы назначили даругу в Уйгурское государство, но мы знаем, что в 1251 г., когда Джунгария вошла в состав Чагатаева улуса, а Уйгурия подчинялась монгольским ханам в Китае, в Кара Ходжо уже были монгольские представители. Положение идикутов после назначения даруги изменилось, их права ограничивались даже в области внутреннего управления, как например в сборе податей, наблюдения за трудовой повинностью, за деятельностью чиновников и т. д. В ряде документов мы имеем перечисление монгольских чиновников одновременно с уйгурскими идикутами. Для подтверждения достаточно привести несколько примеров: «Дармашири, слово наше ... Ходжоским даруге и сановникам во главе с идикутом...», «По указу хана Коке Тимур наше слово. Идикуту Чингану и сановникам во главе с Сабу...».¹⁴

Из перечисленных примеров видно, что даруга и идикут признавались на равном положении, поскольку в предписаниях называются оба первыми, причем к титулу даруги иногда прибавлен эпитет всемогущего, тогда как идикутам подобных эпитетов не дается.

Даосский монах Чан Чунь посетил город Бесыма, где ему была устроена пышная встреча. При описании церемоний перечисляются встречавшие: называется государь (вернее, по замечанию Палладия, — князь), затем чиновники, благородные и народ монахи.¹⁵ Автор совершенно ясно понимал смысл разделения на благородных и народ. Чиновники, очевидно, — придворное окружение князя. Далее он пишет о встрече в маленьком городке и называет лишь старшину, а благородных не называет, следовательно, деление не является случайной оговоркой; автор написал о том, что видел. Автор записок иногда, желая подчеркнуть большую степень уважения к Чан Чуню, называет встречавших его лиц. Городом Чанбала управлял уйгурский князь, а в маленьком городке Чан Чуня встречал старейшина.

Изменения в составе господствующего класса происходили в силу внутреннего развития феодальных отношений и под влиянием политических событий. После подчинения монголам многие уйгуры заняли высокие должности и получили земли, лошадей,

¹³ Cleaves. Daruga and Gerege, p. 237.

¹⁴ Котвич. О вновь открытых памятниках монгольской письменности. — Возможно, имя хана следует читать Тогэн Тимур (1320—1323).

¹⁵ Кафаров. Си-ю-цзи или описание путешествия на запад, стр. 299, 300, 302. — Город Чанбал находился западнее Бешбалыка.

удостоились почетных званий и т. д., а некоторые представители господствующего класса были казнены, как например идикут Салынды и его сторонники. Подобный процесс изменения неизбежен в любом феодальном обществе. Особенно он усиливается, когда происходят важные политические события. Монголы стремились привлечь на свою сторону уйгуров в качестве военной силы и для управления вновь завоеванными странами. Некоторые уйгуры посылались высокими чиновниками в Китай, привлекались к императорскому двору. Выше было названо несколько имен уйгуров, получивших такие назначения. К ним можно будет добавить еще несколько примеров, подтверждающих высказанное положение.

Атай Сали стал приближенным при Чингис-хане. По просьбе идикута он вернулся на родину и занимал видные должности. Его дети и внуки тоже были известны при дворе и получали назначения на высокие посты.¹⁶ Уйгур Сянь-най был главнокомандующим западных дорог.¹⁷ Некоторые уйгуры ездили от императоров во главе дипломатических миссий.

Например: Хэй Ми-ши посетил Малабар и другие заморские страны в качестве посла императора.¹⁸

Некий Али-хая из бедной семьи, занимавшейся земледелием, в боях проявил храбрость, за что был назначен крупным военным начальником, а после смерти удостоился почетного звания гуна.¹⁹

Тататунг, знавший хорошо уйгурский язык и свою письменность и служивший ранее у найманов наставником и хранителем золотой печати, был привлечен ко двору для обучения наследников престола уйгурской грамоте. За заслуги он получил почетные звания и награды.²⁰

Приведенные данные свидетельствуют о возвышении уйгурских феодалов и переходе их в высшее сословие господствующего класса. Новое служебное и общественное положение неизбежно было связано с ростом личного богатства, и увеличением числа зависимых.

Ученый буддист То-Лай-ю (Билань-На-ши) родом из отдаленного северного государства Гань-му-лу пользовался покровительством императоров, в 1323 г. он получил почетное звание — золотую печать; в 1331 г. ему были пожалованы новые пышные титулы и яшмовая печать, а в 1332 г. он с даругой Юэ-лу Тимуром из знатного рода за участие в заговоре против императора был казнен, а имущество его конфисковано. При описи имущества у него оказалось огромное число зависимых людей, скота, золота, серебра, жемчуга, денег, шелка, книг, рисунков и пр.²¹

¹⁶ Ю а н ь - ш и, цз. 130.

¹⁷ Там же, цз. 133.

¹⁸ Там же, цз. 131.

¹⁹ Там же, цз. 128.

²⁰ Там же, цз. 124.

²¹ А. М. Позднеев. Лекции по истории монгольской литературы, стр. 222—224.

Уйгур Са Цзы-сы, воевавший в Маньчжурии, пользовался почетом при дворе монгольского императора, имел звание да-руги и получил поместье и 1000 цин земли.²² Это составляло 6144 га.

При всей бедности сведений, сообщаемых источниками, все же отдельные упоминания прямого или косвенного характера дают возможность представить состав господствующего класса. Если мы обратим внимание с этой стороны на посольство Баурчука к Чингис-хану, то, очевидно, названных лиц Ат-Кираха и Дада²³ должны будем отнести к высшему слою феодалов, находившихся близко к идикуту и пользовавшихся его личным доверием в больших политических вопросах.

Баурчук, направляя своих послов к Чингис-хану, рассчитывал на успех. В его дипломатическом шаге не могло быть просчета, поскольку наместник империи киданей был убит, старый союз расторгнут и спасение могло быть в новом союзе.

Все эти соображения имели первостепенное значение для дипломатических отношений Уйгурского государства с соседними странами, и прежде всего с империей киданей, еще сохранявшей свое могущество. Опасение за столь дерзкий поступок, как полный разрыв со своим сюзереном и даже враждебный выпад, заставляло Баурчука искать покровительства у Чингис-хана, которого он желал видеть повелителем всех народов, о чем сказано в «Сокровенном сказании»²⁴ и у К. Д'Оссона.²⁵ «Твой раб услышал о славе высокой добродетели твоего величества: он ненавидит киданей и уже давно имел желание подчиниться твоей державе: не представлялось только случая. Последний теперь явился, когда небесный вестник приблизился к нему, и ныне самое горячее желание его узреть все народы, ставшими твоими подданными».²⁶

Учитывая всю важность вопроса, Баурчук с таким поручением мог направить только знатных людей, стоявших близко к нему.

Несомненно и сам Баурчук следовал к Чингис-хану со свитой знатных людей, хотя сведений о составе этого посольства не имеется. Нельзя же допустить мысли о том, что столь высокопоставленное лицо могло направиться без свиты.

Состав феодалов в известной степени изменяется, одни обогащаясь, продвигаются по службе и переходят в категорию высшей знати, другие, обнищав, разоряются совершенно. В мирных условиях такое изменение происходит медленно, но в период завоевания оседлых областей кочевниками оно могло быть довольно заметным, особенно в составе феодальной верхушки. Часть их

²² Ю а н ь - ш и, цз. 134. 1 цин равен 6.144 га.

²³ К о з и н. Сокровенное сказание, стр. 174. — У Палладия назван один Атгалах.

²⁴ К о з и н. Сокровенное сказание, стр. 174.

²⁵ Д'О с с о н. История монголов.

²⁶ Там же, приложение V.

лишалась своих привилегий, а иногда и жизни, вместо них появлялась новая знать из числа завоевателей, получавшая земли, должности.

К XIII в. заметно увеличивается число феодалов. Даже при отсутствии цифровых данных можно сослаться на примеры, подтверждающие рост условного землевладения служилой и военной уйгурской знати.

Средний и низший слой феодалов *älci* и *bägi* составлял самую многочисленную часть. В Уйгурском государстве, судя по документам, беки не были князьями, как об этом говорится.²⁷

С. Е. Малов, подготавливая к изданию уйгурские документы, переведенные на немецкий язык В. В. Радловым, слово бек перевел как начальник.²⁸ В административной лестнице беки находятся в самом низу, елчи стоят выше беков. Но и беки пользовались трудом крестьян, прикреплявшихся к ним. Эта часть крестьян работала у беков бесплатно в доме, в саду и в поле, т. е. отбывала барщину.²⁹

В состав служилого сословия входили не только елчи и беки. В документах встречаются другие чиновники, занимавшие различные должности.³⁰ Все они пользовались трудом клиентов.

КАТЕГОРИИ КРЕСТЬЯНСТВА

Крестьяне в феодальном обществе составляют один класс зависимых от государства или же от феодалов. Однако крестьяне, как и господствующий класс феодалов, не были однородной массой, они распределялись на различные категории. Наиболее многочисленная часть крестьян относилась к государственным и не состояла в частной зависимости от феодалов и чиновников. В уйгурских источниках того времени имеются термины, которыми назывались различные категории крестьян: каланчи, инджу, кувак, тутук, кадаш. Кроме того, в документах имеются термины, обозначавшие рабов: кул, карабаш, кунг.

Источники содержат мало данных о расслоении крестьянства в Уйгурском государстве, но все же на основании их можно представить, что каждая категория крестьян (каланчи, инджу и т. д.) находилась в различном правовом положении. Несомненно, что внутри каждой категории тоже происходил процесс имущественного расслоения. Одни каланчи богатели, а другие беднели и переходили в другую категорию, в кадаш или же в домашних рабов. Зажиточная часть крестьян обычно становилась старейши-

²⁷ Малов. Памятники древнетюркской письменности (Памятник в честь Кюль-Тегина, малая надпись, строка 1; Памятник в честь Тоньюкука, строка 36).

²⁸ Радлов, док., словарь, стр. 267.

²⁹ Там же, док. № 77.

³⁰ Там же, док. №№ 88, 115.

нами общин, пользовалась трудом своих клиентов, а в некоторых случаях назначалась беками и превращалась в мелких чиновников-феодалов.

Социальное и правовое положение категорий крестьян нами рассматривается исходя из терминов и данных, имеющих в уйгурских деловых документах и других источниках того времени. Иногда эти данные настолько ограничены, что трудно по ним дать исчерпывающую характеристику сущности термина, а следовательно, и категории крестьян, обозначавшихся им.

Государственные крестьяне

Государственные крестьяне обрабатывали землю, полученную от государства, и несли все повинности перед государством (уплата налогов, отбывание трудовой повинности), они не состояли в частной зависимости, и правовое положение этой категории крестьян было иное, чем других категорий. Ряд уйгурских свидетельств не оставляет сомнений в наличии такой категории земледельцев. В самом деле, как можно понимать некоторые сделки, если не считать стороны, заключившие их, юридически не зависимыми от феодала. Отец отдает сына в приемные сыновья и в сделке оговорены следующие условия: «После же [смерти] монаха ... пусть (сын, — Д. Т.) поступает по своему желанию».³¹ Здесь мы видим подтверждение того, что категория свободных людей была. Если бы Каитсу тутунг был зависим от феодала, то не располагал бы правом свободно распоряжаться своим сыном. Его сын Титсу тоже остается свободным и после смерти нового отца сохраняет право поступать по собственному усмотрению.

Приведенный случай не единственный, который известен нам. В той же статье С. Е. Малов публикует другой документ об отдаче в сыновья. Едва ли можно придавать другой смысл подобным фактам, поскольку в сделках сказано: «... я же, Тубиак Силаванти, принял [этого Айтсу] в качестве сына, сделав [его] имеющим равную долю с [родным] моим сыном Самбоду» и далее, говоря о разделе наследства, приемный отец пишет, что «после моей смерти [после меня] все, что будет в моем доме, хозяйстве из моих одежды и пищи, разделив поровну с моим сыном Самбоду, [оба они] пусть получают».³² Здесь и намек нет на какой-то вид зависимости, в том числе и на домашнее рабство.

Приведем еще один документ об усыновлении, где приемный отец берет следующее обязательство в отношении своего приемного сына: «Я же, Сутпак, этого Турмыша буду считать как

³¹ Малов. Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга, стр. 135—137.

³² Там же, стр. 138—139.

своего рожденного». ³³ Эту часть документа я привел, чтобы полностью рассеять сомнения относительно усыновления как формы домашнего рабства. В этом документе для данного вопроса очень важное значение имеет следующее место: «а буду плохо обращаться (с усыновленным, — Д. Т.), то он может по своему разуму и желанию идти, куда пожелает. — Я, Сутпак, не должен возражать». Опять же фиксируется полная независимость человека. Он волен поступать по собственному желанию.

Дополнительно сошлемся на текст, подробно разобранный при рассмотрении термина тутук, в котором говорится о том, что родители отдали своих сыновей в залог для отработки взятого серебра. ³⁴ Напомним условия. В случае отработки долга или выплаты его человек, отданный в залог, становился свободным. Нет сомнения, что как отец, так и сын в обоих случаях не были зависимы от феодала и могли располагать собой в полном соответствии со своими личными и хозяйственными интересами.

Хотя приведенные примеры являются достаточно убедительными, все же позволим себе обратиться к документам другого характера и посмотрим, к какому выводу они приводят и противоречат ли эти документы приведенным выше.

В самом деле, как понимать случаи продажи и покупки земли, с которыми мы сталкиваемся неоднократно. ³⁵ На мой взгляд, правом продажи земли может обладать лишь крестьянин, который не является частнозависимым. В одном из документов, как указывалось ранее, продавалась не только земля, но и дом, все надворные постройки. ³⁶

Нам не известна судьба всех продавших землю, оставались ли они в общинах или же вынуждены были уйти в поисках куска хлеба в другое место.

Если крестьянин остался в своем доме без земли, то он вынужден брать ее в аренду, часто на кабальных условиях. Но ведь в кабалу может идти только тот, кто еще не был зависим. Крестьянин, покинув общину в поисках куска хлеба, однако, оставался свободным, иначе его задержал бы феодал. Случай бегства здесь исключается.

Рассматривая вопрос о свободном населении в Уйгурском государстве, хотелось бы коснуться еще одной группы документов, которые будут рассмотрены более подробно в другой связи. Я имею в виду соглашения о различных займах: серебра, тканей, кунжутного масла, зерна и т. д. Условия займа крайне невыгодные, и зайщик не только сам несет ответственность перед кре-

³³ Р а д л о в, док. № 98.

³⁴ Там же, док. № 51; М а л о в. Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга, стр. 130—133.

³⁵ Р а д л о в, док. №№ 12, 13, 107—109, 119, 121.

³⁶ М а л о в. 1) Памятники; 2) Два уйгурских документа, стр. 119—131.

дитором, но в равной мере его родные; если должник умирает до уплаты долга, то платят его дети или братья. В том случае, когда должник оказывался не в состоянии уплатить долг, то кредитор имел право возместить выданную сумму и процент за счет имущества должника, а когда имущества не хватало, долг погашался отработкой. Эта часть условий в документах не оговаривалась. А раз должник при известных условиях мог попасть в зависимость, то, стало быть, этот должник был свободным и он мог отработать свой долг в течение какого-то времени.

В некоторых документах мы встречаем указания на наем рабочей силы. Кто же мог наниматься? Думаю, что свободный. Если вспомним случаи, когда община отправляла своего члена для несения повинности, то оговаривала целый ряд условий, а здесь нет этой формальности. Человек нанимается свободно на любой срок.

Следовательно, крестьяне, не зависящие от феодала, в Уйгурском государстве были, и этот вопрос не может вызывать сомнения. Сложнее проследить, какой удельный вес они имели. Дать исчерпывающий ответ на этот вопрос при наличии имеющихся материалов нельзя. Лишь можно высказать предположение о том, что эта часть крестьян составляла большую долю сельского населения.

Данные об уплате налогов государству и об отбывании трудовой повинности не могут быть использованы при рассмотрении этого вопроса, поскольку платить налог и отбывать трудовую повинность могли свободные крестьяне и частнозависимые. Но уже то обстоятельство, что в числе плательщиков имелись свободные общинники, служит известным доводом в пользу наличия не зависимо от феодалов крестьянства. Для подтверждения этого положения сошлемся на документы того времени. В одном из них речь идет об оставшейся подати и кувшине вина: «...на нас десятых, так как осталась подать, послу Удею в год свиньи ... осталось и так как не был доставлен один бекский кувшин вина...».³⁷

В приведенном отрывке документа упоминается о десятке. Эта деталь имеет очень важное значение, поскольку известно, что государство всех налогоплательщиков распределяло по десяткам и таким способом гарантировало уплату налогов в казну и старалось предотвратить бегство крестьян со своих земель. Следовательно, налогоплательщики, объединенные в десятки, были государственными крестьянами, они не состояли в частной зависимости от феодала.

На мой взгляд, весьма убедительным доводом, подтверждающим наличие государственных крестьян, может служить ссыла на два обязательства, опубликованные В. В. Радловым.³⁸ Они

³⁷ Малов. Памятники, стр. 204—207.

³⁸ Радлов, док. №№ 40, 41.

обращены к идикуту и к чиновникам. Следовательно, лица, поименованные в них, отвечают за правильность сведений в большой тетради перед представителями государств. Большая тетрадь — это был реестр крестьян, получивших государственные земли, с указанием вида и размера повинности, т. е. в реестр заносились крестьяне, получившие землю от государства.³⁹

Мне кажется, приведенные примеры подтверждают мнение, что государственные крестьяне в Уйгурском государстве были и они оставались таковыми в период монгольского господства.

Каким же термином обозначалось крестьянство, которое не состояло в частной феодальной зависимости, т. е. не было инджу? В документах монгольского времени пока не удалось встретить такого термина, но в источниках XI в. имеется термин каланчи, который, на мой взгляд, можно принять для обозначения крестьян, не состоявших в частной зависимости.⁴⁰ Но это лишь предположение, нуждающееся в обосновании дополнительными доводами. В данном вопросе особенно важно установить считался ли термин каланчи общепринятым или же он был употреблен в документе случайно, и тогда эти крестьяне назывались другим термином, пока еще не выявленным.

Кого же называли этим термином в «Обязательстве общины»? Нет сомнения в том, что каланчи несли обязательства перед государством. Действительно, в «Обязательстве общины» речь идет о двух категориях крестьян. К первой категории относятся крестьяне, обязанные отбывать кувак, а к другой — каланчи. Последние не отбывали кувак, а лишь платили калан. Из «Обязательства» ясно видно, что они не были частно зависимыми. При внимательном рассмотрении текста можно вывести заключение о том, что те общинники, которые в силу каких-то причин оказались не в состоянии платить калан, могли быть отправлены отбывать кувак. Если такой вывод верен, а мне кажется, нет оснований сомневаться в этом, то выясняется вопрос относительно юридического статуса крестьян, обозначавшихся термином каланчи. Их нельзя считать свободными, но коль скоро они не были частнозависимыми, то остается только одно — каланчи являлись зависимыми от государства.

Рассмотрение всех положений, где встречается термин каланчи, приводит к выводу, что этим термином обозначались крестьяне, не состоявшие в частной зависимости.

Позднее вошел в обиход и получил распространение другой термин — инджу, который рассматривается в соответствующих разделах данной работы.

³⁹ Реестры домохозяйства плательщиков государственных налогов составлялись и ранее.

⁴⁰ Р а д л о в, док. № 77.

Слово *quvaq* не уйгурское, оно перенесено из другого языка и сохранилось в текстах довольно раннего времени. Хотя тексты, в которых встречается это слово, изданы давно, все же оно не привлекало внимания к себе. Возможно это объясняется тем, что в уйгурских текстах были крайне ограниченные данные о термине *кувак* и на основании их не представлялось возможным прийти к определенным выводам. Обращение к текстам на других языках несомненно облегчит рассмотрение этого термина. В настоящее время такие тексты имеются.

Действительно, в документах карошти из Синьцзяна, относящихся к более раннему времени (позднейшие из них — конец IV в. н. э.), встречается термин *quvana*. Конечно, обращение к этим документам предпринимается не с целью искать полную аналогию терминов. Документы карошти и уйгурские разделены большим промежутком времени, в течение которого изменился общественный строй, и термины, отражая эти изменения, могли иметь другое значение.

Что же нам дают документы карошти? В одном из них читаем: «В прежнее время с этого кувана-зерно облагалось налогом в 350 милима».⁴¹

То же самое сказано в другом документе: «Ты доносишь, что кувана-зерно было собрано, ты сообщаешь [о размере] 346 милима».⁴²

Однако кувана могло быть не только зерно, но и одежда. В одном из документов перечисляется различная одежда, а кувана-одежда названа особо: «...желтоокрашенная кувана-одежда ... эти предметы оценены в ... вся собственность должна быть возвращена».⁴³ Из документов неясно, кому принадлежала одежда и куда надлежало ее возвращать. Одно можно предполагать, что одежда не являлась государственной собственностью. Возможно, что после смерти монаха одежду следовало возвратить монастырю, поскольку одежду желто-красного цвета носили буддийские монахи.

Далее мы узнаем, что кувана-зерном распоряжался верховный правитель государства: «В эту осень кувана-зерно из Кадода должно быть отгружено. С него я великий „король“ сбавил половину положенного зерна в качестве субсидии (дарственного акта, — Д. Т.) Созбо Шамасена. Другая половина должна быть доставлена».⁴⁴

⁴¹ Buirow. A translation of the kharosthi documents, док. № 291.

⁴² Там же, док. № 292.

⁴³ Там же, док. № 318.

⁴⁴ Там же, док. № 236.

Выражение «сбавил половину положенного зерна в качестве субсидии Созбо Шамасена», вероятно, следует понимать в том смысле, что половина кувана-зерна отдавалась Созбо Шамасену в качестве компенсации за исполнение государственной службы. Эта форма оплаты чиновников со стороны государства, видимо, была не единственной.

Итак, из приведенных примеров видно, что кувана был одним из постоянных государственных налогов, взимавшихся натурой с крестьян.

Вернемся теперь к уйгурским документам и посмотрим, в каком значении термин *quvaq* употребляется в них. Прежде всего следует обратить внимание на то, что термин встречается в различном значении. В отрывке текста буддийского содержания сказано: «*жараклык тојын кункі тоіта кувакта токулык супанлык колуп*». ⁴⁵ Здесь кувак, кажется, имеет географическое значение, им называется место, избранное для религиозного торжества.

В ином значении термин кувак дан в «Обязательстве общины»: «*qalyn siz quvaq birla qair bekka işika barip*» — «безкаланные с кувак разным бекам на работу пойдя», ⁴⁶ т. е. те, кто не платит калан (государственный налог), ходят на работу к разным бекам.

В данном случае кувак уйгурского документа по значению ближе подходит к кувана документов карошти. В том и другом случае он обозначает вид повинности.

Вспомним, что в одном документе кувана-зерно давалось королем чиновнику в качестве дара или вознаграждения за службу. В документах карошти видно, что крестьяне кувана-зерно вносили государству. Но в «Обязательстве общины» кувак хотя имеет значение повинности, однако крестьяне несут ее уже не перед государством, как прежде, а перед беками, к которым они прикреплены. Таким образом в Уйгурском государстве чиновникам за службу компенсировали трудом крестьян.

Крестьяне, ходившие на кувак к бекам, не получали платы за свой труд. Бек выступал в качестве чиновника и феодала, пользовавшегося даровым трудом прикрепленных крестьян. Следовательно, кувак в Уйгурском государстве был барщиной. Крестьяне, прикрепленные к бекам, не платили налоги государству и не отбывали трудовую повинность. Они находились в распоряжении беков. В этом состоит различие термина документов карошти и уйгурских.

В уйгурских документах встречается слово *qijaq*, которое С. Е. Малов отождествляет с *quvaq*. ⁴⁷ Попытаемся рассмотреть случаи, где имеется термин куяк, чтобы придти к тому или иному мнению относительно терминов кувак и куяк. Трудность состоит в том, что сведения в источниках крайне ограничены. Так, в одном

⁴⁵ Р а д л о в, док. № 43.

⁴⁶ Там же, док. № 77.

⁴⁷ Там же, док., словарь, стр. 280.

уйгурском документе, являющимся соглашением о разделе имущества, читаем: «Singrik ... üzä qijaqluq munga tagar». — «На Сингрике ... соответственно куюклык мне принадлежит».⁴⁸

В данном случае куюк означает какой-то земельный участок, и составители документа считали необходимым сделать оговорку относительно характера земельного участка на Сингрике. Там был не виноградник *borluq* и не поле для посева зерновых *taguū*, а *qijaqluq*. И претензии на другой вид земельного участка не могли быть признаны законными, если бы они возникли.

Обратимся теперь к другому тексту, в котором сказано: «*Qijaq tajanc Jäkä ikici baslap*». — «Куюк Таянч Яка и Икичи возглавляют».⁴⁹ Из этой фразы бесспорно ясно, что в составе общинной администрации были люди, ведавшие куюком, и, видимо, здесь имеется в виду не характер земельного участка, как в док. № 55. Скорее всего *qijaq* док. № 78 ближе подходит к *quvaq* док. № 77. Кстати сказать, В. В. Радлов, давая лингвистический и палеографический комментарий к этим двум документам, относит их к более раннему периоду.

Мнение С. Е. Малова о том, что *quvaq* и *qijaq* — одно слово, но данное в различном написании, вероятно, справедливо. Слово это неуйгурское, и вполне допустимо написание его в двух вариантах.

Если исходить из того, что *quvaq* и *qijaq* — одно слово, то земельный участок, именуемый в уйгурских документах *qijaqluq*, может быть таким, владелец которого обязан отбывать повинность перед беком. Тогда при сделках на продажу или передачу другому владельцу оговаривалось, что участок — *qijaqluq*.

Лидо, ответственное в общине за несение кувака, знало, кто должен идти на работу, а государство избавлено было от обязанности следить за прикрепленными, и в случае передачи в силу каких-то причин земельного участка бек продолжал сохранять свои права на даровой труд крестьян.

Подобное предположение не лишено оснований, если вспомнить некоторые документы карошти. В одном из них речь идет о том, что люди Кадода, когда-то угнанные, пришли обратно на свою землю и поэтому приказывалось Козбо Сомажку считать их своими. Этим беглецам надлежало дать землю, дома, семена и *kha-ragi*, чтобы они могли обработать землю и засеять ее.⁵⁰ О кувана-зерне и о беглецах, подлежащих наделению землей, семенами, сказано в одном документе, и это не случайно. Кувана-зерно взималось с крестьян, получавших землю от государства и считавшихся государственными. Следовательно, государство было заинтересовано, чтобы беглецы собрали урожай и внесли кувана-зерно.

⁴⁸ Там же, док. № 55.

⁴⁹ Там же, док. № 78.

⁵⁰ Burrow. A translation of the kharosthi documents, док. № 292.

С таким же положением мы встречаемся в уйгурских документах, имеющих термин кувак. Крестьяне получили землю от государства и считались государственными, но государство, чтобы компенсировать бсков, прикрепило часть своих крестьян к ним. Крестьяне продолжали юридически оставаться государственными, а работали у беков, не платя налогов государству.

Таким образом, между термином кувана документов карошти и кувак уйгурских документов есть тождество, поскольку ими обозначается вид повинности, но в то же время прослеживается особенность в содержании, вызванная условиями времени и общественного строя. Кувак обозначал барщину перед чиновником-феодалом, а не перед государством, как прежде.

В период зависимости от монгольских ханов прикрепление крестьян к чиновникам-феодалам приняло более широкий размер, но термина *чуваq* пока не встречалось. В уйгурских текстах имеется другой, уже известный термин инджу, обозначающий пожалованные земли и людей. Поскольку не прослеживается разницы в правовом положении крестьян, обозначавшихся терминами кувак и инджу, то не следует ли здесь видеть появление другого термина в силу того, что прикрепленные крестьяне в условиях дальнейшего развития феодальных отношений, стали превращаться в родовые (семейные) — урлуг,⁵¹ т. е. в категорию крестьян, переходивших по наследству. В этом прослеживаются этапы развития феодальной зависимости крестьян, первоначально считавшихся государственно зависимыми, прикреплявшихся к бекам на время службы последних. Эти крестьяне работали безвозмездно. Постепенно они превращались в частнозависимых от чиновника-феода и стали передаваться по наследству.

Инджу

В Уйгурском государстве термином инджу обозначалась не только определенная категория земель, но и люди, находившиеся в зависимости, т. е. выражали отношения между феодалом и зависимым, это была форма проявления юридического права получать прибавочный продукт с крепостного крестьянина, имевшего свое хозяйство, путем внеэкономического принуждения.

Рассматривая различные случаи употребления термина инджу, исследователи показали, что степень и характер зависимости людей были различны. Мелкие феодалы, желая получить покровительство более сильных, становились их инджу. В тех случаях, когда феодалу давалась земля с людьми, то люди также назывались инджу; воины, взятые в плен, превращались в инджу. Следовательно, одним и тем же термином обозначались разные по своему социальному положению категории людей.

⁵¹ Р а д л о в, док. № 21.

Уже одно то обстоятельство, что разные социальные группы назывались инджу, обращает на себя внимание и требует более подробного рассмотрения. Ряд авторов занимался исследованием термина инджу на материале Средней Азии, Азербайджана, Ирана, но Уйгурское государство не затрагивалось ими.

В. В. Бартольд в работе «Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче», пытаясь выяснить юридическое положение людей-инджу, из-за недостатка фактических данных вынужден был писать: «О юридическом положении территории и лиц, причисленных к «инджу», мы не имеем точных сведений».⁵²

В последующие годы многие вопросы социальной истории народов Востока получили разработку в трудах советских востоковедов, в том числе и термин инджу. Б. Я. Владимирцов, касаясь главным образом правового положения инджу, выясняет социальную сущность этого термина. Когда он говорит об инджу как о приданом, он сравнивает этих людей с богол и с ал-бату, считая их крепостными,⁵³ а на стр. 165 термин богол им употреблен для обозначения раба. Не ставя целью установить причину этого противоречия, мы все же заметим, что люди-инджу, следовавшие в приданое, отличались от крепостных, они не имели своего хозяйства, не платили налогов и не несли повинности. Обслуживая своим трудом госпожу или господина, они находились в полной зависимости и ближе подходили к рабам. У нас нет свидетельств о праве господина убивать инджу, но для столь позднего времени даже при наличии права это было невыгодно. Хозяин мог использовать инджу как рабочую силу или продать.

А. А. Али-заде, исследуя феодальные отношения в Азербайджане в период господства монголов, в своей статье «К вопросу об институте инджу в Азербайджане в XIII—XIV вв.»⁵⁴ сводит все опубликованные ранее сведения и дает дополнительно новые данные. Он пишет, что на положении инджу были не только феодалы, крестьяне, но в равной мере ремесленники и воины.

Следовательно, термином инджу, как следует из выводов А. А. Али-заде, обозначалась форма личной зависимости, безотносительно к определенной социальной категории людей; этот термин имел такое широкое значение, как например в русском языке слово зависимый. Таким образом, в Иране и Восточном Закавказье термин инджу перестал иметь прежнее узкое значение.

Подводя итог своим рассуждениям об инджу, А. А. Али-заде пишет: «Таким образом, можно сказать, что термин инджу в отношении отдельных лиц из числа господствующего класса и круп-

⁵² Бартольд. Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче, стр. 28.

⁵³ Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 68, 163, прим. II.

⁵⁴ Али-заде. К вопросу об институте инджу, стр. 95—108.

ных чиновников обозначает не что иное, как до известной степени условное перенесение на них и на их имущество понятия личной принадлежности государю или членам царствующего дома, что гарантирует им покровительство со стороны последних».⁵⁵ Далее он рассматривает этот термин применительно к простым людям: «Что же касается применения термина инджу в отношении земель и тех лиц, которые вышли из низшего класса и объявили себя инджу, то здесь наиболее полно вскрывается содержание этого термина, как понятия личной принадлежности к государю или членам царствующего дома».

По поводу этих выводов А. А. Али-заде необходимо заметить, что такое утверждение не может быть принято относительно Уйгурского государства. Зависимость инджу в нем могла быть не только от членов царствующего дома, но главным образом от феодалов, нечленов правящего дома.

И. П. Петрушевский, перечисляя категории людей, находившихся в инджу, говорит, что «коммендовались ильханам и зачислялись в разряд инджу не только отдельные лица и кочевые племена, но и города».⁵⁶ Это указание говорит о массовом закрепощении крестьян и ремесленников, которые обязаны были отрабатывать своему господину или же вносить установленную плату.

В определении характера зависимости инджу я согласен с А. К. Кибировым, который пишет: «Инджу называли ту группу крестьян, которая должна была отбывать барщину в инджу членов ханского рода и феодалов-землевладельцев, которые имели в своем распоряжении и владения-инджу. Крестьяне-инджу во многом по своим обязанностям сходствовали с крепостными».⁵⁷ В данном случае А. К. Кибиров правильно подошел к определению сущности термина инджу в более общей форме. После краткого рассмотрения работ об этом термине обратимся к конкретным данным, чтобы проследить детали относительно термина инджу в условиях Уйгурского государства. Обращение к термину инджу в Уйгурском государстве необходимо в историческом плане, поскольку там он как социальный термин встречается раньше, чем на Западе, где стал известен после подчинения монголами Средней Азии, Ирана и Азербайджана.

Действительно, уйгурские документы содержат подробности, которые раскрывают нам новые стороны термина инджу, не отмеченные в нарративных источниках. Приступая к рассмотрению документов с термином инджу, необходимо иметь в виду, что сам термин употреблялся в двух значениях, а именно: для названия земли или виноградника и для обозначения определенной

⁵⁵ Там же, стр. 107—108.

⁵⁶ Петрушевский. 1) Хамдаллах Кавипи, стр. 892; 2) Земледелие и аграрные отношения в Иране, стр. 331—332.

⁵⁷ Кибиров. Социально-экономический строй Уйгуристана, стр. 83.

категории крестьян. Первое значение было рассмотрено в главе о землевладении, поэтому здесь принимается во внимание только категория крестьян-инджу.

Итак, что же мы имеем в уйгурских документах новое по сравнению с тем, что было известно? В одном из них говорится о выделении виноградаря-инджу в порядке очереди для «...Кара и Минг Кара из надежных людей, чтобы работать в винограднике-инджу». Далее сказано, что главные беки, «применив свою силу», освободили от всех налогов и повинностей Алтун Кара и назначили его виноградарем. Алтун Кара был освобожден от всех налогов и повинностей на время работы виноградарем за общину, как его предшественник.

В этом документе заслуживает внимания также и то, что виноградник-инджу считается семейным, родовым и обозначается термином урлук.⁵⁸

В другом документе говорится о выделении общиной (для работы Ел-Коча) виноградаря некоего Тори взамен проработавшего определенный срок Кара Туюна.⁵⁹ Поскольку виноградары менялись, то из этого можно заключить, что общины обязаны были постоянно выделять людей. Труд виноградарей не оплачивался, следовательно это была барщина. Община считала более выгодным для себя выделять одного виноградаря и платить его налоги, чем отбывать барщину всей общиной. Член общины, выделенный для работы Ель-Коча, как и в других случаях, мог вернуться только после того, как община направит взамен другого виноградаря.

Выделение из людей-инджу для работы феодалу получило довольно широкое распространение в XII—XIV вв. В док. № 25 сказано: «В этих обстоятельствах названных виноградарей назначить. Имеется много работы. Для повинности инджу выделенные виноградары-инджу пусть идут и будут отбывать повинности. Ном Кулы, Чидин, Бай Тимур — все трое пусть дадут салыг Буян Кара».⁶⁰

Здесь уже ясно сказано о существующем обычае выделять виноградарей-инджу. Очередность говорит об обязательстве всех членов этой общины перед своим господином. Во всех перечисленных документах владельцы инджу не принадлежали к правящему роду.

Мы привели случаи, когда совершенно ясно видно, что владелец инджу является мелким феодалом и не принадлежит к ханскому роду. Но имеется петиция садовников к Туглук Тимуру,

⁵⁸ Радлов, док. № 21.

⁵⁹ Там же, док. № 14. — В. В. Радлов выражение эль-ходжа объясняет как верховное духовное лицо, считая эль — народ. Но, мне кажется, такое объяснение нельзя принять. В документе речь идет об одной общине, и под эль следует понимать не народ целого государства, а имя феодала Ель-Коча.

⁶⁰ Радлов, док. № 25.

где также речь идет об инджу. А чьи они, инджу феодала или хана, с полной уверенностью сказать нельзя.⁶¹ Жалуются они хану и просят его издать ярлык об освобождении от албана, поскольку они несут инджу и им разорительно отбывать две повинности. Если исходить из их просьбы и принять во внимание фразу в петиции «силы свои отдавали нашим ханам», то садовников можно считать инджу хана. К такому же мнению приходишь при чтении всей жалобы. Дело в том, что во всех случаях, когда говорится о распределении калана сборщиками налогов — елчи, обязательно называются ханы, при которых садовники не платили калана и отбывали лишь инджу. Все это позволяет считать садовников инджу хана.

В челобитной грамоте сказано, что садовники в положении инджу находятся много поколений; следовательно, сады и виноградники, которыми они пользовались, переходили по наследству до тех пор, пока были наследники. Часть садов не обрабатывалась, но все же числилась за садовниками. Садовники жили в нужде. Они не могли покинуть свои участки или продать их, поскольку считались прикрепленными к ним.

Из документов видно, что одна часть инджу являлась плательщиками налогов государству, а другая была освобождена. Достаточно сослаться на примеры, когда общины, посылая виноградарей-инджу для работы у своего господина, брали обязательства платить всей общиной налоги, причитавшиеся с того, кого выделяли. Об освобождении виноградарей-инджу от уплаты государственных налогов совершенно ясно сказано в жалобе на имя Туглук Тимура. Эти виноградари много поколений не несли никаких повинностей перед государством, отбывая лишь инджу. Земли, освобожденные от уплаты налогов и несения трудовой повинности, имелись и до подчинения монголам, о чем сказано в «Жалованной грамоте» Елик Кадыра.

Тот факт, что не все земли-инджу освобождались от государственных налогов, можно объяснить тем, что количество земель, передававшихся в порядке инджу, значительно возрастало и освобождение всех их от уплаты налогов могло бы сильно уменьшить поступления в казну, поэтому ханы, жалуя земли, не освобождали их от налогов, допуская исключения в тех случаях, когда земля давалась за особо важные заслуги.

Прямых указаний о прикреплении крестьян к земле в уйгурских источниках пока не удалось встретить.

Прежде всего возьмем жалобу виноградарей на имя Туглук Тимура и попытаемся посмотреть на ее текст с этой стороны. Они пишут о своем тяжелом положении, о плохих землях, о том, что многие умерли и земли лежат необработанными, и не упоминают, что земли оставлены ушедшими из общины. Вот это обстоя-

⁶¹ Там же, док. № 22.

тельство и заставляет высказать предположение о прикреплении виноградарей к земле, а они, несмотря на свое бедственное положение, не могли оставить землю и уйти в другое место.

Мне думается, правомерно в данном случае сослаться на решения общин об отпуске своих членов для отбывания инджу. Уход каждого члена общины даже на время сопровождался определенными обязательствами остальных нести за него все повинности. Следовательно, общинник не был свободен и не мог оставить свою землю. Ему прежде всего требовалось разрешение сочленов, которые давали держателю инджу и представителям государственной власти гарантию, что налоги и трудовая повинность будут выполняться. Ведь каждый крестьянин, получая землю, заносился в списки плательщиков, даже если он не был инджу. Ответственность несли община, и она следила, чтобы не было случаев бегства крестьян со своих земель.

Наконец, нам известен случай переселения крестьян неким Хала-и-хачи. После своего назначения даругой опустевшего города, он решил обратиться к Чингис-хану с просьбой о переселении с прежнего местожительства крестьян 60 дворов, принадлежавших ему ранее, и Чингис-хан разрешил. Факт обращения к Чингис-хану за разрешением следует понимать в том смысле, что крестьяне были прикреплены к земле и феодал по личному желанию не имел права переселять их в другое место, равно как и самовольно захватывать земли с крестьянами.

Прикрепление крестьян к земле и к личности господина у уйгур известно было до подчинения монголам. Об этом говорят данные ярлыка Елик Кадыра (XI в.) и «Обязательства общины»,⁶² где прямо сказано о принудительной записи в списки лиц, обязанных ходить на барщину к бекам. Крестьяне, внесенные в списки, утрачивали личную свободу и не имели права покинуть свое местожительство и землю, закрепленную за ними.

На основании деловых документов XII—XIV вв. прослеживается весьма характерный процесс в развитии феодальных отношений. Крупные и мелкие феодалы стараются пользоваться трудом зависимого крестьянина, имеющего свое хозяйство. Крестьянин не отрывается от земли, а лишь используется для барщинной работы.

Из данных документов видно, что в Уйгурском государстве было прикрепление крестьян к земле и к личности господина. Обе эти формы прикрепления существовали одновременно. Если задать вопрос, какая из них преобладала, то в порядке предположения можно сказать, что, вероятно, преобладало прикрепление крестьян к земле.

Пока известны свидетельства об инджу виноградарей и садовников, относительно скотоводов определенных данных нет, но

⁶² Там же, док. №№ 77, 88.

можно полагать, что форма зависимости была одинаковой. Возможно, о виноградарях и садовниках до нас дошли документы в силу того, что многие оазисы Уйгурского государства имели исключительно благоприятные условия для садоводства и виноградарства, значительная часть населения занималась садоводством и сделки заключались на продажу и аренду садов и виноградников.

На основании деловых документов можно с полной уверенностью утверждать, что в период XII—XIV вв. феодалы не вели большого хозяйства, а обработка небольших виноградников и садов не требовала значительного числа постоянных людей, целесообразнее было рабочую силу привлечь на время обработки сада.

Термин инджу в Уйгурском государстве обозначал, как свидетельствуют документы, крепостного. Прежнее значение инджу-приданое утратилось. Новое значение стало полнее прежнего, оно отражало то новое в социальных отношениях, что стало главным.

Новое значение термина инджу — крепостной — совпадало с его содержанием в отношении земельной собственности феодала. Шел одновременный процесс изменения отношений между господином и зависимым, с одной стороны, и изменение в содержании термина — с другой. Термин стал выражать феодальную форму зависимости, право получения ренты.

Тутук

Пути, которые вели крестьянина в полную или частичную зависимость, были различны. Долговое закрепощение играло большую роль в социальных отношениях уйгурского общества в рассматриваемый период. Серебро являлось одним из средств закрепощения. В сделках на заем серебра под проценты все ясно, они носили ростовщический характер, но в соглашениях, в которых серебро давалось под залог человека, разобраться сложнее. Здесь уже выступают социальные отношения людей, мы встречаемся с новой категорией крестьян в феодальном обществе. Обычно в сделках подобного характера заемщик отдает под заклад серебра своего сына или брата, и человек и серебро называются тутук, или тутунг. Термин этот, как можно судить по текстам, был широко известен у уйгуров и у других тюркских народов. Он встречается в документах, в нарративных источниках, в тавсирах, т. е. в текстах самого различного характера и содержания.

Слово тутук встречается в орхонских надписях, в уйгурских документах раннего времени и сохраняется в современных тюркских языках. В текстах оно употреблялось в разных значениях.⁶³

⁶³ В тюркских языках есть глагол тут — держать, поймать, схватить, управлять. В орхонском памятнике в честь Моюн-чура сказано, что он, Моюн-чур, победив чиков, назначил им тутука, т. е. управителя. См.: М а л о в. Памятники древнетюркской письменности, стр. 32, 36, 41, 105.

Наша задача состоит в том, чтобы по возможности выяснить социальные функции этого термина в уйгурском обществе. В. В. Радлов в своем словаре дает три значения слова тутук, в том числе: вещь, отданная на хранение в заклад; заложник.⁶⁴ С. Е. Малов тоже дал такой перевод и добавил — ставка в игре.⁶⁵

Обратимся теперь к уйгурским документам и посмотрим, в каких случаях встречается термин тутук. С. Е. Малов опубликовал перевод одного документа, где читаем: «...мне, Кайтсу-тутунгу понадобилось расходное [употребительное] серебро, то я своего родного сына [у самого меня родившего сына моего] по имени Титсу дал Чинтсу-сыле на три года в подержание в качестве заложника для работы».⁶⁶ Во всех случаях С. Е. Малов термин тутук переводит как заклад, заложник. В текстах, изданных В. В. Радловым, тоже имеется документ подобного характера. В нем говорится: «Мне, Кадира, потребовалось ходовое серебро, то я родного своего сына по имени Булмыша за тутук серебро отдам Камбукту-тутунгу в тутук за половину ястука серебра». И далее в сделке читаем: «Я, Кадира, дал сына Булмыша в тутук Камбукту-тутунгу и получил 25 сатыр серебра».

Видимо, подобные сделки были обычным явлением в Уйгурском государстве. Форма документа выработалась довольно четкая и определенная. Она устойчиво сохраняется в обеих сделках. Об устойчивости формы сделок говорит одно из условий в них, касающееся права тутук: «Если (Булмыш, — Д. Т.) будет выполнять домашние работы, то я (Камбукту-тутунг, — Д. Т.) по народному обычаю и обычаю тутук буду давать жилье и пищу».⁶⁷ Из приведенного места видно, что успели выработаться нормы обычного права в отношении людей, отдававших в залог за серебро, т. е. в тутук, и нарушение этих элементарных прав считалось нарушением закона, конечно условного, и наказывалось штрафом в пользу пострадавшего.

На первый взгляд сделки, в которых говорится о тутук, можно рассматривать как обычные соглашения о найме работника. Но такой вывод будет поспешным. Нам известны документы, в которых сказано о найме людей для временной работы. В них дано другое слово — тар, которое можно переводить как плата за труд. Следовательно, те, кто заключал сделки, видели разницу в характере соглашений о найме работника и получении серебра в качестве тутук.

Правовое положение тутук и работника были различны. Человек, нанятый для работы, выполнив ее, получал условленную плату и считался свободным. В этих сделках не оговаривались

⁶⁴ Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. III, стр. 482.

⁶⁵ Малов, Памятники, стр. 434.

⁶⁶ Малов, Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга, стр. 130—135.

⁶⁷ Радлов, док. № 51.

условия, определявшие права и положение нанимавшегося и нанимателя, а в соглашении о тутук обычно имеется оговорка, как например: «над этим Булмышем пусть будет полноправным Камбукту-тутунг».⁶⁸

Большие права нового хозяина на человека, за которого было дано серебро в тутук, вытекали из характера самой сделки. За человека-тутук давалась значительная сумма серебра вперед и единственной гарантией, что оно не пропадет, оставался человек, взятый в залог.

В. В. Радлов в комментарии документа пояснял, что тутук он считает крепостным, обязанным определенное время отбывать барщину своему господину. С таким выводом нельзя согласиться. Человек, отданный в тутук, не был крепостным. Он действительно попадал в зависимость, но, судя по документам, от крепостного отличался. Каким же было положение в действительности? В документе, опубликованном С. Е. Маловым, сказано, что сын отдается на три года и после истечения этого срока Титсу становится свободным, он может вернуться в дом отца и его хозяин не имеет права чинить препятствие. В данном случае, видимо, все так и произошло. В другом документе в издании С. Е. Малова мы встречаемся с теми же именами. Кайтсу-тутунг заключил новое соглашение с тем же Чинтсу об отдаче сына Титсу в приемные сыновья. Текст соглашения несколько отличается от первого. Слово тутук во втором соглашении отсутствует. После смерти Чинтсу его приемный сын Титсу может поступать по своему усмотрению. Он свободен. Никто из наследников Чинтсу не имеет прав на приемного сына Титсу.⁶⁹

Нам не известны случаи погашения серебра, взятого на условиях тутук, но из самих сделок подобного характера, мне кажется, видно, что при возвращении серебра, взятого на условиях тутук, человек, отданный в заклад, становился свободным. Следовательно, правовое положение тутук было совершенно иное, чем крепостного. Другое правовое положение человека-тутук могло возникнуть в том случае, если сумма серебра оказывалась не погашенной трудом или возвратом. В этом случае человек превращался в зависимого и становился полной собственностью хозяина, который мог продать или отдать в заклад другому. В таких случаях зависимый тутук по своему положению ближе к домашнему рабу. Он не имел своего хозяйства, жил у хозяина и питался у него. Если же хозяин в силу каких-то причин приобретал полное право на человека-тутук, то он поступал с ним так, как ему было выгодно, т. е. оставлял у себя или же продавал, не получая на это согласия отца или брата, заключивших сделку. Отец терял свое право на сына.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Малов. Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга, стр. 135—137.

На Руси встречалась такая форма зависимости. Серебрянник тоже отличался от холопа. Если серебро возвращалось, то серебрянник становился свободным, а холоп таким правом не обладал. Здесь имеется известная аналогия между тутук и серебрянником на Руси.⁷⁰

Серебро в Уйгурском государстве использовалось в качестве одного из средств закабаления тех, кто еще не состоял в частной зависимости от феодала. В качестве тутук отдавались дети или братья, но их отцы и старшие братья оставались свободными. В случае смерти человека тутук до истечения срока материальную ответственность должен был нести отец и вернуть половину серебра. В одной сделке сказано о болезни, и мы узнаем, что человек, отданный в качестве тутук, мог болеть за счет хозяина только семь дней. Эти дни хозяин обязан был кормить человека-тутук, но если болезнь длилась более семи дней, то за питание платил отец. И в этом условии видно отличие тутук от крепостного. Но из этих оговорок следует и другое, а именно, тутук до отработки или погашения взятой суммы серебра находится в полной зависимости от своего хозяина и считается заложником.

Сведения о заложниках в Центральной Азии имеются не только в уйгурских документах, но и в китайских. А. Масперо издал фрагмент китайского текста, найденный в Таримском бассейне А. Стейном, где имеется иероглиф чжи.⁷¹ Этот отрывок, по мнению А. Масперо, относится ко времени, предшествующему образованию Уйгурского государства в Притяньшанье. Другой отрывок китайского текста приведен А. Стейном из Хара-Хото, в нем говорится о заложниках. Этот отрывок представляет официальное предписание провинциальному управлению Ганьсу со ссылкой на императорский эдикт брать монгольских детей, за исключением усыновленных, проданных и заложенных. Здесь заложники обозначены иероглифом дьянь.⁷²

Текст плохо сохранился и неизвестно, куда брали детей и какие монгольские дети имелись в виду. Возможно, предписывалось собрать детей, родившихся от монгольских чиновников и солдат. Но этот вопрос не относится непосредственно к проблеме заложничества. Важно отметить, что заложники были до образования Уйгурского государства и сохранялись в период монгольского господства.

Рассмотренные документы с упоминанием о заложниках относятся к VII—VIII и X—XIV вв. Тексты написаны на китайском и уйгурском языках. За этот период не раз менялась верховная политическая власть в Притяньшанье. Усилившиеся тибетские племена вытеснили танскую империю и распространили свое

⁷⁰ Греков. Крестьяне на Руси, стр. 98—113.

⁷¹ Масперо. Les documents chinois, док. № 448.

⁷² Там же, док. № 481.

господство до Тянь-Шаня. Уйгуры нанесли поражение тибетцам и создали свое государство на обширном пространстве. Они удержали за собой Кучарский оазис на западе, Хамийский на востоке, а на юге, видимо, продвинулись до Хотанского оазиса и удерживали значительную часть Джунгарии. Политические перемены не влияли на институт заложничества. Он продолжал оставаться на протяжении этих столетий. Завоевание этой территории Китаем, тибетскими племенами, уйгурами не меняло самого существа социальных отношений. Институты продолжали сохраняться, поскольку новые завоеватели воспринимали сложившиеся здесь отношения. Рассматривая термин тутук, мы имели в виду заложничество долговое, отражавшее социальные отношения. Но уйгуры знали заложничество политическое. Они отправляли наследников престола ко двору китайского императора, чтобы подтвердить характер дружественных и вассальных отношений. Однако такие заложники должны приниматься во внимание при рассмотрении политической истории уйгурского государства.

Кадаш

Термин кадаш встречается в древних тюркских текстах и в уйгурских документах. В словаре В. В. Радлова дан перевод: друг, товарищ; С. Е. Малов дает больше значений: товарищ, близкий, родственник, клиент. Ряд авторов в своих исследованиях касался термина кадаш. А. Н. Бернштам, описывая классовый состав орхоно-енисейских тюрков, пытается объяснить смысл термина кадаш. Он пишет: «Обращение к членам общины обозначается обычно термином *qadaş* — термином, которым называются отличные от бека и другой знати. И термин *budun* и термин *gadaş* стоят в текстах после перечисления родственников до прощания с другой знатью. Мы объясняем это положение тем, что на первом месте стоит патриархальная семья, затем территориальная организация (у кочевников обычно совпадающая с родовой), затем равные по социальному положению и, наконец, родственники, не входящие в состав данной семьи и ведущие свое происхождение по другому роду».⁷³ Этим положением А. Н. Бернштам определяет свое отношение к термину кадаш, которым называлась часть людей в обществе орхоно-енисейских тюрков, а через несколько страниц уточняет определение термина и пишет: «Если дело идет о зависимых, то стоит термин *gadaş*. Кадаш были не рабы, это бесспорно. В них, видимо, следует видеть подданных кагана. Надписи писались на могилах каганов, поэтому авторы текстов кадаш ставили после родственников умершего, а потом уже называли

⁷³ Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков, стр. 111.

знатных лиц, не состоявших в родстве с умершим, т. е. тех, кто имеет родословную другого рода».⁷⁴

Когда мы обращаемся к уйгурским документам, в которых имеется термин кадаш, то должны учитывать не только время, но и условия. Документы писались позднее на триста лет, и за это время уйгуры ушли далеко вперед. В экономическом и социальном развитии в X—XIII вв. они стояли на более высокой ступени своего развития, чем в орхонский период находились тюрки. Правовые отношения тоже приняли иной характер. Переход к оседлости явился важным фактором в разрушении родовых отношений. Естественно, и сохранившиеся термины могли отражать то новое, что появилось в уйгурском обществе.

Приступая к рассмотрению уйгурских документов, не следует думать, что в них все ясно. В этих текстах документов имеется много неопределенного и непонятного. Так, например, некий Тулек Темур, продавая землю, писал: «Antaq aqam inim toqmyşum qadaşym kim kim ma bolup talasmasunlar». — «Таким образом мой старший брат, мой младший брат, мои родственники, мой кадаш пусть не возбуждают спора».⁷⁵ Обращаем внимание на то, что кадаш написан в единственном числе. Возможно, Тулек Темур имел одного кадаша. Кадаш назван после родственников. Аналогичные условия изложены в другом документе: «Icim inim togmjsym qadaşym kim jama çarym qylmasunlar». — «Мой старший брат, мой младший брат, мой родственник, мой кадаш никто спора пусть не делает».⁷⁶ Два владельца участка земли, продавая его, писали: «Içimz inimiz qamz qadaşymiz atynymz kim qaup kişi çam çarym qylmasun». — «Наши старшие братья, наши младшие братья, наши кадаш и другие никто спора пусть не делает».⁷⁷ Во всех трех приведенных выше документах говорилось о продаже земли, и в этом отношении они однообразны. Но и при продаже рабыни мы имеем ту же самую форму, что и в предыдущих сделках: «Içim inimiz qamz qadaşymiz atynymz kim qaup kişi çam çam qylmasun». — «Наши старшие братья, наши младшие братья, наши кадаш и другие никто спора пусть не делает».⁷⁸ Оговорка о том, что кадаш не может возбуждать спора, имеется в брачном документе, где перечислено приданое невесты.⁷⁹

Из всех приведенных примеров видно, что кадаш стоял близко к семье. Его права на имущество были довольно широкие. Только этим можно объяснить оговорки во всех сделках. Можно предполагать, что, по обычному праву уйгуров того времени, кадаш могли возбуждать претензии не только на землю, но и на раба,

⁷⁴ Там же, стр. 119.

⁷⁵ Р а д л о в, док. № 15.

⁷⁶ Там же, док. № 30.

⁷⁷ Там же, док. № 107.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же, док. № 115.

равно как и на остальное имущество. Возможно, кадаш не являлся родственником семей, заключавших сделки.

Приведем еще один пример, где кадаш выступает в иной роли, чем в указанных сделках. Уйгурский текст этого документа представляет обязательство выполнять все повинности и платежи, а если кто откажется от принятого слова, то он подлежит наказанию. В начале текста читаем: «Qulan, Basan, Qyngdam, Turci qadaşlarin juda başlap». — «Кулан, Басан, Кынгдам во главе кадаш». ⁸⁰ В этом тексте кадаш имеет отличное значение от орхонских текстов и от других уйгурских документов. Старейшины общин, подписавшие текст, называют своих членов кадаш. Из этого факта можно сделать предположение, что рядовые общинники, вероятно, обязаны были нести определенную повинность перед старейшинами, как и перед беками. Крестьяне не были зависимыми старейшин, но в силу обычного права обязаны были работать у них. Вот почему старейшины называли этих крестьян своими кадаш. В этом случае кадаш ближе всего подходит к понятию клиентов.

В. В. Радлов в своей работе «К вопросу об уйгурах» писал о клиентах у киргизов. Он длительное время наблюдал за бытом киргизов и пришел к заключению, что к богатым семьям пристают в качестве клиентов бедные. ⁸¹ За скотом у богатых смотрят «слуги или клиенты». ⁸² Здесь В. В. Радлов разделяет слуг и клиентов на основании собственных наблюдений. Клиент пристал добровольно и может уйти добровольно, если у него нет долгов. Но если долг образовался после того, как человек стал клиентом, то долговая зависимость не была связана с клиентелой. Она могла переплестись с ней позднее. Далее В. В. Радлов излагает свое мнение о процессе образования новых государств у кочевников. Его точка зрения на этот вопрос кажется упрощенной. Но не эта сторона представляет интерес в данном случае. В. В. Радлов пишет: «...его прежние клиенты и приверженцы делаются главарями племен, клиенты его приверженцев — главарями подплемен». Клиенты ханов и крупных феодалов сами являются феодалами, а в некоторых случаях приобретают такую силу, что становятся более могучими, чем бывшие покровители. Наблюдения Радлова нам важны в том отношении, что если кадаш считать клиентом, а другое объяснение едва ли можно дать, то в уйгурских документах термином кадаш обозначались те, кто пользовался покровительством старейшин, и те, кто считался кадаш того или иного члена общины. Конечно, эти клиенты не могли стать во главе какого-либо объединения, поскольку у самих родовых объединений не существовало у уйгуров и в оседлых оазисах. В Уйгурском

⁸⁰ Там же, док. № 77.

⁸¹ Радлов. К вопросу об уйгурах, стр. 68.

⁸² Там же, стр. 74.

государстве кадаш составляли определенную социальную группу. Они могли превращаться в крепостных и становиться свободными.

Отношения между клиентом и его покровителем определялись не юридическими нормами, а экономическими. Покровитель был заинтересован в труде клиента, а сам клиент вынужден был оставаться у покровителя длительное время, возможно и всю последующую жизнь, поскольку своего хозяйства он, видимо, не имел и работа у покровителя не сулила доходов, на которые можно завести свое хозяйство. В таком случае в отношении клиента и его покровителя существует не юридическая зависимость, а фактическая, вызванная имущественным положением обеих сторон. В числе кадаш-клиентов могли быть дальние родственники, искавшие защиты и покровительства богатых родичей.

Исходя из всех примеров, имеющихся в документах, видимо, кадаш следует считать клиентом. В таком случае институт клиентелы в Уйгурском государстве имел сравнительно широкое распространение. Конечно, не следует искать полной аналогии с институтом клиентелы в римской истории. Возможно, кадаш был лично зависимым, как бы домашним рабом, и в силу тех или иных причин стал свободным, но продолжал оставаться в семье, в которой прожил много времени. Поскольку он участвовал своим трудом в производстве, то приобретал право наследства.

РАБСТВО

Сведения о рабах встречаются в источниках различного характера. Так, например, арабский историк XII в. Ибн ал-Асир, описывая завоевание Кашгара Кутейбой в начале VIII в., говорит, что военный начальник, посланный в Кашгар, брал пленных и обращал их в рабов.⁸³ Е. Сайкс приводит одно место из манихейских текстов VIII—IX вв., найденных А. Стейном при раскопках в южной части Кашгарии, о том, что азартный игрок ставил на кон сына и своих слуг.⁸⁴

Слово кул (раб) имеется в жалобе слуги на своего господина. Человек по имени Бинтунг, будучи грамотным, выхлопотал себе отпускное свидетельство и намеревался стать духовным лицом. Его покровитель взял отпускное свидетельство на хранение, а затем сказал, что потерял документ, и решил оставить Бинтунга у себя. Не желая примириться со своим положением, Бинтунг пишет: «Теперь он (хозяин, — Д. Т.) хочет расширить свое благосостояние при помощи меня, снова взять [меня] как некоего раба. Он взял меня, дав свободное письмо, говоря, пусть он будет

⁸³ Ibn al-Athiri. *Chronicon*, pp. 2—3.

⁸⁴ Sykes. *Through deserts and oases of Central Asia*, p. 259.

духовным лицом, ниспосылая благодать в честь народа и хана. А не с тем взял меня, чтобы опять продать».⁸⁵

Автор жалобы пишет о том, что хозяин превратил его, Бинтунга, в раба и намеревается продать. До жалобы Бинтунг работал у господина, не имея своего хозяйства, земли, орудий труда и не получая платы за свой труд. Хозяин кормил и одевал Бинтунга. Следовательно, в данном случае мы имеем дело не с крепостным и не с наемным работником, а с явным рабом.

Столь же определенно говорится о рабе в другом документе: «Он решил, что эта одежда принадлежит взятому и убитому моему рабу. Я, Кыты Кара, учинил спор... От Инечи получил половину ястук серебра, как оценили».⁸⁶ Цена мальчика в документе определена в половину ястук. Поскольку Кыты Кара согласился получить плату за мальчика и решил не передавать дело властям для привлечения к ответственности Инечи, то из этого можно заключить, что за Кыты Кара сохранялось право полной собственности на мальчика.

В документах часто встречается другое слово — карабаш, которым обозначается раб.⁸⁷ Для понимания вопроса представляет большой интерес следующий документ: «Кузнец-карабаш по имени Ба...лтур, принадлежащий Отузу, и ткачиха-карабаш по имени А...улук, принадлежащая Тоин Чоку, не получив разрешения, поженились. Тоин Чок с Отузом, услышав, не разлучили их». «Я, Тоин Чок, возьму с женщины-карабаш берт. Я, Отуз, говорю, что пусть мой раб [кул] будет свободен. Я, Тоин Чок, не учиню спора женщине и говорю, что мой кунг пусть будет свободна. Я, Отуз, рабу спора не учиню».⁸⁸ К сожалению, документ сохранился неполностью, но дошедшая до нас часть ясно говорит о рабах. Мы узнаем о том, что рабы не могли без разрешения хозяина жениться и выходить замуж.

Приведенный документ интересен в том отношении, что в нем сказано об отпуске на свободу раба и рабыни за выкуп. Но можно ли на основании этого считать кузнеца и ткачиху крепостными, феодально зависимыми? Думаю, что нет. Кузнец и ткачиха бесспорно были рабами, а не крепостные. Они освобождались от работы за выкуп (берт). Конечно, для позднего времени подобное явление нельзя считать чем-то необычным. Хозяева предпочитали отпускать рабов на свободу и получать выкуп, чем держать у себя. В данном случае берт следует понимать как отработку за выкуп, поскольку сумма выкупа не указана, на что обратил внимание в свое время В. В. Радлов в примечании к персводу документа на немецкий язык.⁸⁹

⁸⁵ Малов, Памятники, стр. 201—204.

⁸⁶ Радлов, док. № 116. — Ястук — 50 сатыров серебра.

⁸⁷ Радлов, док., словарь, стр. 278.

⁸⁸ Там же, док. № 73.

⁸⁹ Там же, док., стр. 126.

Да и трудно допустить, чтобы раб с рабыней имели сумму денег, достаточную для выкупа. Поскольку оба занимались ремеслом, один был кузнец, а другая — ткачиха, то хозяева рассчитывали на их труд, являвшийся гарантией выплаты берта.

Термин берт рассмотрен в статье о налогах,⁹⁰ здесь уместно лишь напомнить, что законная доля берта считалась в размере одной десятой. Она могла в какой-то степени колебаться в ту или иную сторону, но подобные отклонения не меняют основного смысла и значения термина. Для владельцев рабов главное состоит в том, что они получали доход, не затрачивая ничего на содержание своих бывших рабов.

В одном документе указана цена рабыни. В продажной сделке говорится: «Мне, Ян Тогрылу, необходимо ходовое серебро, свою карабаш по имени Кимсун я окончательно продал за 50 сатыр чеканного серебра Инечи... Над этой карабаш пусть он будет полновластным хозяином. Понравится, себе оставит, не понравится — другому человеку пусть продаст».⁹¹

За новым владельцем сохранялось право распоряжаться рабыней по собственному усмотрению как вещью, оставить у себя или продать. Инечи у нас встречался в док. № 116 в качестве ответчика за раба-мальчика. Следовательно, напрашивается вывод, что этот Инечи занимался скупкой рабов. Если это так, то судьба мальчика может представляться по-иному. Так как он не был найден и у Инечи его не оказалось, то естественно предположить, что Инечи его продал. Торговля рабами давала выгоду, хотя и не имела широкого распространения.

Проблема рабства у уйгуров изучена очень слабо, поэтому в настоящее время всякая новая подробность имеет важное значение для уяснения сути вопроса, поскольку в каждом отдельном случае удастся выяснить какую-то новую черту этой сложной проблемы.

В одной сделке имеется имя Инечи и назван правитель города Кочо. Исходя из этого, можно высказать предположение о местожительстве Инечи в Кочо или же поблизости, в Кочоском оазисе. Суть вопроса не меняется от того, где жил Инечи, но все же для науки важно знать, в каких оазисах засвидетельствован случай продажи в рабство. Установив местожительства Инечи, мы можем говорить о наличии рабов у оседлого населения, занимавшегося земледелием и ремеслом.

Мне кажется, что следует привести как те документы о рабстве, которые содержат новые данные, так и те, в которых имеются подтверждения уже известных сведений, как например, цена, условия продажи. Цена рабыни или раба имеет важное значение,

⁹⁰ Тихонов. Налоги и налоговые термины в Уйгурском государстве, стр. 52—77.

⁹¹ Радлов, док. № 114.

и ее можно проследить по ряду сделок. В дополнение к приведенным примерам сошлемся на некоторые сделки. Так, например, в одной из них речь идет о продаже женщины-карабаш: «Я правильно продал Кингсун Аяку, мою карабаш, по имени Букинг за 47 сатыр чеканного серебра... Над этой карабаш по имени Букинг пусть будет полным хозяином Кингсун Аяк. Понравится, пусть оставит себе, не понравится, может продать другому человеку». ⁹² Здесь, как и в предыдущем случае, новый владелец приобрел право полной собственности над рабыней.

В сделках на продажу не всегда раб или рабыня назывались кул, карабаш. В некоторых случаях встречается слово кўнг — женщина, девушка, а иногда продаваемый человек называется только по имени. Однако условия продажи, зафиксированные в документах, не оставляют никакого сомнения о правовом положении этих женщин. Несомненно и в них речь идет о продаже рабыни, хотя термина нет. Так, например, некие Тедмилинг и Кара Бука продали женщину за сто пятьдесят кусков хлопчатобумажной материи. ⁹³ Женщина продавалась навечно, в полную собственность нового хозяина, он мог оставить ее себе или продать. Вот что сказано в условии продажи: «Над этой женщиной по имени Кутлук до тысячи лет и десять тысяч дней пусть хозяином будет Кутлук Тимур». ⁹⁴ В данном случае условия продажи женщины аналогичны тем, когда указано, что продавалась карабаш или кул.

Обратимся теперь к термину кўнг. Выше отмечалось, что им также обозначалась женщина. Этот термин иногда употребляется одновременно с карабаш. ⁹⁵ Следовательно, оба термина имели одинаковое значение. Поскольку слово кўнг монгольское, то вполне возможно, что эти документы более позднего времени, когда монгольские слова стали проникать в официальный язык документов.

В том, что термином кўнг обозначалась рабыня, не может быть сомнения, поскольку этот термин употребляется наравне с карабаш и сами условия сделки продажи кўнг говорят об этом.

Для подтверждения приведем несколько примеров: «Я, взявши от Бедруна пятьдесят две связки ткани, правильно и законно продал Бедруну за пятьдесят две связки ткани, принадлежащую мне рабыню по имени Асан Тигин... Над этим проданным мною человеком до тысячи лет десяти тысяч дней Бедрун пусть будет властителем. Если понравится (ему рабыня), сам он пусть держит (ее), а если она не понравится, пусть перепродаст другому человеку». ⁹⁶ В данном случае в уйгурском тексте женщина именуется кўнг.

⁹² Там же, док. № 61.

⁹³ Там же, док. № 16; Малов. Памятники, стр. 211—213.

⁹⁴ Радлов, док. №№ 73, 110.

⁹⁵ Там же, док. № 56; Малов. Два уйгурских документа, стр. 7—9.

⁹⁶ Там же.

В Уйгурском государстве сохранялось и долговое рабство. Некий Кутлук Тимур с двумя своими старшими сыновьями продал сына по имени Мубарек-коч за 60 кусков золота. В продажной сделке определены следующие права нового владельца: «Сенгектез Ака пусть будет над этим сыном полновластным хозяином 1000 лет и 10 000 дней. Понравится, пусть оставит у себя, не понравится, может продать другому человеку».⁹⁷

Здесь указаны те же условия продажи, которые встречались ранее в документах, где речь шла о продаже рабов, не связанных семейным родством с прежним хозяином.

В связи с вопросом о рабстве следует сделать оговорку о том, что усыновление не следует рассматривать как один из способов обращения в рабство. В самом деле, если обратиться к документу, опубликованному С. Е. Маловым, то можно ясно видеть, что усыновление не было рабством. Вот о чем идет речь в этом документе.⁹⁸ Отец отдает сына в приемные сыновья одному монаху, у которого сын жил до этого по найму три года. Условия сделки между отцом и монахом отличаются от прежних: «Этот сын по имени Титсу верой и правдой, по существующему обычаю, пусть служит у монаха Чинтсу. После же [смерти] монаха ... пусть поступает по своему усмотрению». Отец получил с монаха половину ястука серебра, примерно столько давали за раба, но имеется оговорка, что Титсу отдается в приемные сыновья, притом он обязан служить монаху, а после его смерти может поступать по своему личному усмотрению. Здесь нет полной зависимости, как в случаях, рассмотренных ранее.

Хотя сведения, дошедшие до нас, являются ограниченными, тем не менее они дают нам некоторое представление и о цене рабов. Первое, что обращает на себя внимание, это разница в цене на раба-мужчину и рабыню-женщину. Стоимость женщины ниже, чем мужчины. Цена мужчины также неодинакова. Так, например, за взрослого мужчину было заплачено 60 золотых кусков,⁹⁹ а за мальчика половина ястука серебра.¹⁰⁰ За исчезнувшего мальчика хозяин согласился взять половину ястука. Отец продал своего сына также за половину ястука. Что касается женщин, то взрослая рабыня была продана всего за 50 сатыр.¹⁰¹

Цена женщины в 50 сатыр была, очевидно, более или менее постоянная, так как другой хозяин продал свою рабыню за 47 сатыр серебра.¹⁰²

⁹⁷ Радлов, док. № 57.

⁹⁸ Малов. Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга, стр. 135—137.

⁹⁹ Радлов, док. № 57.

¹⁰⁰ Там же, док. № 116.

¹⁰¹ Там же, док. № 114.

¹⁰² Там же, док. № 61.

В других случаях женщины-рабыни продавались за хлопчатобумажную ткань, но цена их также невысока. Самая высокая цена указана в 150 кусков грубой хлопчатобумажной ткани.¹⁰³ Далее встречаются цены 100 кусков,¹⁰⁴ 80 кусков¹⁰⁵ и даже 52 куска.¹⁰⁶

При выяснении цены рабов встречаются некоторые трудности из-за отсутствия ясного представления о некоторых единицах измерения. Так, например, нам известна длина куска хлопчатобумажной ткани и его денежная стоимость. В одном из документов встретилось указание, что за одну овцу уплачено 1.5 кусков материи,¹⁰⁷ но цену овцы на деньги пока не удалось определить. С денежными единицами дело обстоит несколько легче, поскольку известно, что один ястук равен 50 сатырам. Это мы узнаем из документа, где сказано, что отец отдал в залог сына за пол-ястук и получил сполна 25 сатыр.¹⁰⁸

Цена рабов зависела от того, какой вид труда они могли выполнять, от возраста, внешних данных. Естественно, что раб или рабыня, знавшие ремесло, могли стоить дороже.

Покупатель раба должен был исходить из того, что со смертью раба погибал его капитал, вложенный в раба. Следовательно, хозяин стремился как можно скорее вернуть затраченные деньги. Рабу нужно было восстанавливать не только сумму, заплаченную за него, но и расходы на содержание. Вот почему здоровый человек или знавший ремесло стоил дороже.

Денежные ссуды брались из следующего расчета: за 1 сатыр платился процент в размере 1 бакыра,¹⁰⁹ в отдельных случаях 1.5 бакыра. Следовательно, обычным считался годовой процент 24—36. Хозяин, покупая рабыню за 50 сатыр, учитывал, что если бы он отдал эти деньги под проценты, то имел бы доход 25—30% в год, значит, по его расчету, рабыня своим трудом должна погасить заплаченную за нее сумму не более чем в течение 4—5 лет.

Но если к покупной цене прибавить расходы на содержание и принять во внимание то, что в течение этого времени рабыня могла заболеть, то затраченные деньги должны были быть отработаны в более короткий срок, чем 4 года. Нам известна подневная плата, поэтому трудно установить точно срок, в который обычно отработывалась цена раба. Но в одном документе мы встречаем запись расходов. Возможно, записи в какой-то мере помогут нам подойти к решению затронутого вопроса с другой

¹⁰³ Там же, док. № 16; М а л о в. Памятники, док. № 16.

¹⁰⁴ Р а д л о в, док. № 73.

¹⁰⁵ Там же, док. № 56.

¹⁰⁶ М а л о в. Два уйгурских документа, стр. 7—9.

¹⁰⁷ Р а д л о в, док. № 91.

¹⁰⁸ Там же, док. № 51.

¹⁰⁹ Сатыр равен 50 бакырам.

стороны. Хозяин записей заплатил 1 бакыр за изготовление тетивы. В день человек может приготовить не одну тетиву. Если допустить, что он в состоянии сделать две тетивы, то его заработок за год составит 720 бакыр, или 15 сатыр, и цена в 50 сатыр за покупку раба отрабатывается за три года. Таким образом, мы получаем те же данные, что и при первом варианте расчетов.

Небольшие расчеты наглядно показывают, что покупать раба было выгодно, он быстро отрабатывал затраченные на покупку деньги и затем приносил чистую прибыль его владельцу.

В продажных документах чаще всего встречаются женщины, но случаи продажи мужчин также зафиксированы в нескольких документах. Имея письменные свидетельства о мужчинах-рабах, нельзя согласиться с А. К. Кибировым, когда он, правильно отмечая перевод рабов в категорию феодально зависимых, совершенно отрицает наличие рабов-мужчин. Вот что он пишет: «Но, ввиду того что в документах наблюдается перевод рабов в категорию феодально зависимых, не встречаются рабы-мужчины».¹¹⁰ А. К. Кибиров, однако, противоречит свидетельствам, которые ему хорошо были известны, так как одно из них он приводит несколько ранее: «Так, в док. № 57 отец по нужде продает в рабство „на тысячу лет и десять тысяч дней“ своего сына по имени Мубарек-коч».

Было бы правильнее сказать, что рабство в рассматриваемый период не играло существенной роли в Уйгурском государстве. Но отрицать наличие рабов-мужчин — значит отрицать факты, известные нам из деловых документов, и тем самым неправильно подходить к освещению вопроса.

Кроме долгового рабства, плен также служил источником рабов, но уже не играл такой роли, как в более ранний период.

Супружество не было источником рабства, как можно судить по данным источников, хотя могли быть случаи, когда рождались дети у рабов, но это, вероятно, происходило так редко, что не нашло отражения в документах и других текстах.

САЛИ

Сословие буддийских монахов не было однородным. Оно состояло из высшего слоя, занимавшего руководящее положение в монастырях, из среднего, исполнявшего службы, и, наконец, из низшего, положение которого мало чем отличалось от положения зависимых крестьян. Видимо, преждевременно характеризовать все сословия буддийских монахов в Уйгурском государстве. Для этого еще нет материала. Поэтому здесь коротко рассматривается

¹¹⁰ К и б и р о в. 1) Социально-экономический строй Уйгуристана, стр. 85; 2) К вопросу о рабстве.

лишь одна самая низшая группа монахов, называвшаяся сали, или шали. Если мало данных для окончательного решения вопроса, то вполне достаточно, чтобы поставить его перед исследователями социальной истории Центральной Азии и коснуться правового положения низшего слоя буддийских монахов.

В этом плане заслуживает внимания ярлык Елик Кадыра о пожаловании земель и виноградников Мурутлукскому монастырю. В нем несколько раз названы сали. Сведения эти весьма ограничены и на их основании трудно определить правовое положение людей, называвшихся термином сали. Они не всегда находились в монастыре. Видимо, этим обстоятельством следует объяснить оговорку в ярлыке о том, что: «Находящиеся в городе сали по обычаю сангистари не станут лив». Их не могли заставить работать, т. к. ярлык запрещал это: «Силаванти, сали, живущих в городе и в улусе, не обитающих постоянно в Мурутлукском монастыре, сердца их работой не отвлекать». Монастырь отпускал монахов проповедывать веру среди населения, сохраняя за собой все права на всю братию. Сали работали в монастырях, когда находились там. Из приведенных отрывков видно, что правовое положение сали было иное чем других категорий сельского населения Уйгурского государства. Они зависели только от монастыря.

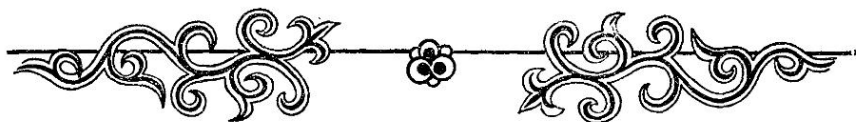
Из примеров видно, что сали должны были работать в монастыре, но принадлежали ли они к числу монахов или же составляли особую группу людей, прикрепленных к монастырю для работы, этого сказать нельзя.

В санскритском словаре сали дано в значении domestик — домашний слуга.¹¹¹ Я склонен понимать текст грамоты в том смысле, что сали были не только домашними слугами в монастыре, но одновременно они обрабатывали поля, виноградники. И если исходить из значения термина сали, которое дано в словаре, то люди, названные этим термином, зависели от монастыря. Зависимость их могла быть двоякого рода. Сали могли состоять из монахов самого низкого сословия, которое выполняло все работы. Они должны были обрабатывать поля, сады, ухаживать за скотом, поддерживать в исправности оросительную систему, выполнять роль слуг в самом монастыре, обслуживая высшее сословие монахов. Их положение мало чем отличалось от крепостных. Лишь немногим монахам из бедных семей удавалось в свободное от тяжелого труда время выучить священные книги и занять видное место, большинству же приходилось оставаться всю жизнь в роли прислужников и тружеников монастырей. И все же люди шли в монастыри, надеясь, что их положение будет более обеспеченное, чем в семье, даже в том случае, если они останутся на

¹¹¹ Sanskrit-english dictionary, p. 1042.

самой низкой ступени монашеского звания. Но не исключена и другая возможность. Сали оставались владельцами своих земель и виноградников, но передавались монастырю. В этом случае крестьяне могли становиться сали и превратиться в зависимых от монастыря и стать его крепостными. Во всяком случае вопрос о сали заслуживает особого внимания при изучении социальной истории уйгур раннего времени.

Надо надеяться, что новые данные позволят выяснить сущность термина и правовое положение людей, называвшихся этим термином.

Глава десятая

ОБЩИНА

Литература, посвященная общественному строю уйгуров, невелика, но и в ней община не рассматривается. Следовательно, при изучении этой важной в научном отношении проблемы неизбежно сталкиваешься с трудностями, обусловленными недостатком данных и слабой изученностью средневековой истории уйгуров. Само собой разумеется, что все вопросы, связанные с общиной у уйгуров в средние века, не представится возможным рассмотреть в полной мере, поэтому следует ограничиться лишь теми, по которым имеются данные в источниках.

Географическая среда, являющаяся одним из постоянных условий материальной жизни общества, была неодинакова на всем пространстве Уйгурского государства. Достаточно сказать, что пространства севернее Тянь-Шаня представляли исключительно благоприятные условия для скотоводства, где земледелие играло незначительную роль. Южнее и восточнее Тянь-Шаня поливное земледелие являлось основным занятием с древнего времени. Именно та часть государства, где было много городов, стала политическим, экономическим и культурным центром. В самом начале X в. столицей Уйгурского государства называется Кочо, хотя Бешбалык, прежняя столица, какое-то время продолжал оставаться летней резиденцией.

К X веку уже сложились нормы обычного права и порядка рассмотрения различных дел. По свидетельству китайских авторов, «подати платят с количества земли серебряной монетой, а кто не имеет денег, платит пенковым холстом».¹ Тот же китайский источник сообщает, что «в каждом городе есть суд народный, суд водопроводный, суд пашенный».² Обычное право предусматри-

¹ Б и ч у р и н. Собрание сведений, т. II, стр. 254.

² Там же, стр. 253.

вало строгое наказание: «За грабеж и воровство положено отсечение одной руки и одной ноги».³

Необходимо отметить, что оазисы, расположенные южнее и восточнее Тянь-Шаня, до прихода уйгуров достигли высокого уровня развития хозяйства и общественных отношений. Ко времени завоевания Гаочана танской империей его территория делилась на 3 области, 5 уездов. Число городов было 22, дворов 8046, а количество населения достигало 38 738 человек.⁴

При изучении общественного строя уйгуров в средние века основными источниками являются древние уйгурские хозяйственные документы. В этих документах имеются термины *budun* и *il*,⁵ служащие отправными вехами при изучении общины в Уйгурском государстве в X—XIV вв.

Филологическое изучение термина *il* В. В. Радловым, П. М. Мелиоранским, В. В. Бартольдом, С. Е. Маловым, Томсеном, Хиртом и др. с должной полнотой сведено в комментарий А. Н. Кононовым,⁶ поэтому здесь следует ограничиться рассмотрением лишь социального содержания термина.

А. Н. Бернштам, занимаясь изучением общественного строя тюрков в VI—VIII вв., при анализе терминов *будун* и *эль* обращается к более позднему документу, изданному В. В. Радловым и С. Е. Маловым.⁷ Он пишет: «Под термином *budun*, по-моему и выступает община. Во всяком случае под этим термином фигурирует община в уйгурских документах».⁸ Автор не ставил целью изучение общины у уйгуров, поэтому ограничился ссылкой на один документ. Перед ним стояла другая задача, а именно — раскрыть характер общественного строя Восточно-тюркского каганата.

А. А. Валитова в кандидатской диссертации «Юсуф Баласагунский и его Кутадгу-билик», рассматривая термины *будун* и *эль*, пишет, что в XI в. автор «Кутадгу-билика» эти термины употреблял в собирательном значении. В Кашгарии, входившей в состав Караханидского государства, термин *эль* употреблялся в значении государства, удела феодального владельца, народа вообще, а *будун* — в значении населения удела, государства.⁹

Особую точку зрения о содержании термина высказал Л. Н. Гумилев. Он пишет, что термин *будун* стоит близко к понятию *демос*, т. е. рядовой состав орды.¹⁰ Определение Л. Н. Гу-

³ Там же.

⁴ Кюне р. Китайские известия, стр. 167.

⁵ В русской литературе нет установившегося написания.

⁶ Кононов. Родословная туркмен, стр. 80.

⁷ Радлов, док. №№ 1, 7, 10, 14, 17, 70, 88.

⁸ Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков, стр. 111.

⁹ Валитова. Юсуф Баласагунский и его Кутадгу-билик, стр. 227—228, 239.

¹⁰ Гумилев. Орды и племена у древних тюрков и уйгуров, стр. 19.

милева имеет другой смысл, чем определение других авторов, он придает ему классовое содержание. Такой подход к толкованию будун неизбежно требует объяснения термина эль, который часто встречается вместе с будун. Ряд авторов (П. М. Мелиоранский, В. В. Радлов, В. В. Бартольд, Томсен, Хирт, С. Е. Малов) термин эль переводил как государство, народ, племенной союз. А. Н. Бернштам видел в эль «объединение аристократии различных племен».¹¹ Следовательно, А. Н. Бернштам в термин эль вкладывал классовое содержание. Но Л. Н. Гумилев не находит достаточных оснований, чтобы согласиться как с теми, кто переводил эль как государство, народ, так и с А. Н. Бернштамом. По мнению Л. Н. Гумилева, «самое близкое к действительности истолкование значения термина эль предложил С. П. Толстов».¹²

Действительно С. П. Толстов в работе «Тирания Аброя» о термине *äl* писал: «Нам представляется наиболее адекватным перевод термином государства в античном понимании этого слова, в политическом, а отнюдь не в территориальном значении. Точнее, гражданская община, или, по прекрасному определению Маркса, „община активных граждан...“». С. П. Толстов продолжает: «С термином *äl* соотносительны термин *budun* — «народ», также наиболее адекватно переводимый латинским термином *populus*».¹³

Объекты исследования у С. П. Толстова и Л. Н. Гумилева были различные по своему хозяйственному, политическому и общественному укладу. Хорезм был центром оседлой земледельческой культуры, а тюрки являлись кочевниками-скотоводами. Поэтому простое отождествление смысла термина может оказаться не во всех отношениях удачным. Уйгуры занимали промежуточное положение между тюрками и Хорезмом.

Обратимся теперь к уйгурским документам и попытаемся подробно рассмотреть, в каком значении термины эль и будун встречаются в них. Анализ терминов эль и будун, по данным документов, дело не такое простое, как кажется на первый взгляд, вследствие того, что оба термина употребляются часто одновременно для обозначения одного понятия.

Приведем примеры, в которых, на мой взгляд, можно проследить сходство терминов и адекватность их значения: «Я, писец Барча-Турмыш, записал трижды точно сказанное эльга будунга. Эльга — это выгодно».¹⁴

Я намеренно оставил пока эль и будун без перевода, чтобы не впасть преждевременно в ошибку при объяснении этих терминов.

¹¹ Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок, стр. 111.

¹² Гумилев. Орды и племена у древних тюрок и уйгуров, стр. 19.

¹³ Толстов. Древний Хорезм, стр. 259.

¹⁴ Радлов, док. № 17.

Будет более правильно путем накопления данных приходить к тому или ному заключению. Причем рассмотрение терминов целесообразнее всего делать в аспекте всего документа, чтобы не переводить термины безоговорочно общиной или же отказаться от такого толкования без учета содержания всего документа. О чем идет речь в рассмотренном документе? Между Ель-Коча и какой-то группой людей существуют определенные отношения, которые обусловлены не только обычаем, но и юридическим правом. Упомянутая группа людей, именуемая в данном случае аль-будун или просто эль, обязана по очереди выделять виноградаря для возделывания виноградника Ель-Коча.

Выделяя своего члена, эль-будун берет обязательство платить все налоги, причитающиеся с выделенного виноградаря. Перед нами выступает под эль-будун или эль некая-то неопределенная часть общества, а организованная в административную единицу. Такой единицей, имеющей право выделить своего члена для работы у Ель-Коча, платить за выделенного все налоги и нести повинности, может быть только община. Следует учесть еще одно обстоятельство. Свидетели от имени эль-будун подписывают определенное обязательство. Для оформления юридического документа нужен коллектив людей, объединенный в ту или иную единицу. Все рассмотренные соображения заставляют считать, что эль-будун в данном случае есть община и когда писец пишет, что «эльга — это выгодно», он имеет в виду общину, а не просто народ. Следовательно, слова эль-будун как вместе, так и в отдельности в данном случае могут обозначать общину.

Если мы обратимся к другим документам, то увидим, что термины имеют то же значение, как и в рассмотренном выше случае. Ниже приводится предписание главам общины. Но в данном случае нам необходимо лишь начало документа, где имеются термины: «Мы, Бек Бука, Бай Бука, Юрук Кыпчак, главам эль-будун наше слово».¹⁵

Здесь, как и в первом примере, эль и будун выступают в значении административной единицы, а не собирательным понятием. Но если учесть, что во главе эль-будун выступают одни и те же лица как в этом, так и в первом документе: Бек Бука, Юрук Кыпчак и Бай Бука, то вероятнее всего, что в обоих случаях мы имеем одну общину. Второй документ подтверждает соображения, высказанные по поводу первого.

Приведем пример, когда эль и будун встречаются не вместе: «Мое Ара Темура слово к Туры Бакшы, твой виноградник эль, употребив силу, передала Инал-Куча. Я с будун встретился...».¹⁶

Здесь имеются оба термина, но даны раздельно и, как можно судить по тексту, обозначают одно и то же понятие. В этом доку-

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, док. № 24.

менте обращаем внимание прежде всего на то, что виноградник, принадлежавший ранее Туры, эль передала новому владельцу Инал-Куча. Хозяин виноградника Ара Темур пишет, что встретился с будун. Следовательно, он не видел разницы между эль и будун. Разумелась одна и та же общность людей. Решение принимает эль, а Ара Темур встречается с будун, чтобы вопрос о винограднике был решен окончательно. Если же существовала разница в понятии эль и будун, то решение эль не могло подлежать рассмотрению будун, поскольку в понятие эль включалось высшее сословие. Решение, имеющее законную силу, может выносить общность людей, объединенных в какую-то единицу. Даже, если писавший употребил слово эль без будун, то он имел в виду не какую-то общность, а определенную группу, связанную между собой правами, обычаями, и т. д. Поэтому не может быть сомнения, что мы здесь имеем дело с общиной.

В одном из документов говорится о семи эль, с которых надлежит собрать кабаз.¹⁷ Здесь нельзя говорить о семи народах, как и невозможно видеть в семи эль семь родов или племен. Ведь речь идет о сборе налога с хлопчатника, значит эти семь эль занимаются земледелием и культивируют техническую культуру, что заставляет предполагать более высокую ступень агрикультуры, чем при первых попытках посева кочевниками зерновых культур для собственных нужд.

Позволю себе привести еще один небольшой, но весьма убедительный документ, в котором сказано о найме пастуха: «В год тигра, пятого месяца, девятого дня Баш Кара переданы рогатый скот, козы. Он будет охранять стадо эль в осеннее время».¹⁸ В данном случае термин эль можно понимать только в смысле сравнительно небольшой общности людей, объединенных между собой, и мне кажется, что такой единицей могла быть только община.

Во всех выше приведенных случаях термины эль и будун содержатся в хозяйственных документах, имеющих юридический характер, и поэтому в них не могло быть отвлеченных понятий. Деловые уйгурские документы дают возможность сказать, что терминами эль и будун обозначалась община. Если же на основании архонских памятников можно было говорить о разделении древнего тюрского общества на эль и будун, т. е. на господствующий класс и простой народ, то ко времени существования Уйгурского государства в Притяньшанье термины стали приобретать значение общины. Эволюция термина происходила постепенно с изменением способа производства и общественных отношений.

¹⁷ Там же, док. № 53/2.

¹⁸ Там же, док. № 68.

Завоевание уйгурами Притяньшанья не повлияло на характер общины, сложившейся здесь к IX в. Анализ документов и отдельных терминов приводит к убеждению, что община состояла из отдельных самостоятельных хозяйств, а сами хозяйства — из малых и больших семей. Главой семьи был отец или же старший брат. Они выступали юридическим лицом как в частных сделках, так и в обязательствах перед государством. Семья получала земельный надел от государства, несла все повинности за эту землю и являлась первичной экономической ячейкой. В документах имеется специальный термин, обозначавший хозяйство (*bar*). Он имел иное значение, чем термин *äv*, который значил дом. Если *äv* обозначал жилое помещение, то *bar* включал весь комплекс жилых и хозяйственных построек, видимо орудий труда, урожай, если он собран, рабочий скот, словом, все, что было в хозяйстве. Некий Сутпак, принимая в сыновья, писал, что приемный сын Турмыш будет иметь полное право на получение равной доли, как и его родные дети, если они родятся, всего, что имеется в доме и в хозяйстве.¹⁹

В другом документе, представляющем сделку на продажу усадьбы и всего недвижимого имущества, читаем, что со дня подписания сделки и получения денег, купивший становится полным владельцем: «*ävga barga*».²⁰

В обоих случаях термины *äv* и *bar* различаются заключившими сделки. Из этих же документов ясно видно, что семья представляла самостоятельное хозяйство с полными правами юридического лица: могла продавать и покупать хозяйство, землю и право на воду. Семья состояла из одного, двух или трех поколений. Не все семьи в общине имели между собой родственную связь. У одних семей эти связи прервались, у других их не было. В ряде документов встречаются термины *iga* и *idi* в значении хозяин.²¹ Мне кажется, появление термина хозяин следует рассматривать как дальнейшее развитие семьи и уйгуров. В большой патриархальной семье глава семьи считается отцом (*ata*), он же был и хозяином всего, что принадлежало семье. Но с появлением малой семьи одного термина оказалось недостаточно. Распорядителем хозяйства мог быть старший брат или сын. В доме могло не быть детей. Но владелец считался полноправным распорядителем строений, земли, скота, нес повинности и т. д. и должен был выступать под каким-то названием не по принципу родства. Следовательно, нужен был новый термин, отражавший в себе иное по-

¹⁹ Там же, док. № 98.

²⁰ Ф э н Ц з я - ш э н. Два вида соглашений на уйгурском языке.

²¹ Р а д л о в, док. №№ 15, 48, 103.

нятие, чем ата, который соответствовал бы новым правовым отношениям. В документах встречаются термины *idi* и *iga*. Их появление, видимо, связано с дальнейшим развитием семьи и семейно-правовых отношений.

Термин *idi* имел значение бог, господин,²² а затем уже стал приобретать значение хозяин. Он является более ранним, чем термин *iga*. Хозяин — глава семьи, а не лично отец, несет ответственность перед идикутом.²³

Но какая же семья была у уйгуров? На этот вопрос не так просто ответить, поскольку прямых свидетельств пока не известно, а косвенные данные крайне ограничены. Бесспорно, что в большой семье (семейной общине), как и в индивидуальной, главой считался мужчина — отец или же старший брат.²⁴

В действительной жизни были малые семьи и большие. Это положение можно подтвердить ссылкой на документы.²⁵ Если мы обратимся к док. №№ 32, 78, то едва ли усомнимся в том, что в них сказано о малых семьях. В одном из них (№ 32) написано, что виноградник отдается тому, кто уплатит долги его владельца. В нем нет ни слова о возможных спорах и претензиях других членов семьи и родственников. Столь важное положение не следует объяснять какими-то случайными обстоятельствами. В другом же (№ 78) речь идет о праве наследства сына.

Поскольку вопрос о семье у уйгуров рассматривается на основании лишь двух документов, то уместно будет сослаться на сделки, в которых сказано об ответственности за выполнение обязательств, если заключивший сделку умрет. В одном случае два человека взяли взаймы хлопчатобумажную ткань и писали, что после их смерти младшие братья обязаны уплатить долг, согласно обычаю.²⁶ В другом случае было взято в долг серебро. Должник писал, что если он умрет, то долг обязан платить младший брат.²⁷ Возможно, в семьях, выступающих в названных документах, было три поколения, но из текстов документов этого не видно, поэтому лично я считаю, что эти семьи состояли из двух поколений.

Анализ некоторых других документов не оставляет сомнения в том, что большие семьи (семейные общины) у уйгуров были. В этом отношении представляет интерес документ, в котором сказано о разделе земли и виноградников после смерти матери. Раздел происходит между двумя лицами. Один из них пишет, что после его смерти законные претензии будут удовлетворены младшим братом, а другой наследник указывает, что после его смерти

²² Малов. Памятники, стр. 379.

²³ Радлов, док. №№ 40, 41.

²⁴ Там же, док. №№ 2, 11, 15, 40, 41 и др.

²⁵ Там же, док. №№ 32, 78.

²⁶ Там же, док. № 34.

²⁷ Там же, док. № 47.

ответственность будет нести сын.²⁸ Если в данном случае раздел земли и виноградников производился после смерти матери (апа), то в этой семье было три поколения, а именно — мать, ее сыновья и внуки. После смерти апа большая семья распалась на малые, и главы этих семей стали старшими по отношению к остальным членам.

В связи с большой семьей у уйгуров следует обратить внимание на документ, изданный Фэн Цзя-шэнем, уже упомянутый ранее. В нем сказано, что Турмыш Тигин продает землю, дом, надворные постройки и воду (право пользования водой для полива) «с долей, причитающейся моему зятю Табмышу». Из документа неизвестно, в силу каких причин зять приобрел право на долю наследства. Возможно, земля в свое время получалась на него или же она была куплена совместно с ним. Право наследства на часть дома, надворные постройки могло быть приобретено участием в их строительстве. Но каковы бы ни были причины этого права, нам важно одно: зять, будучи главой другой семьи, имел право на долю имущества главы основной семьи Турмыш Тигина. Поскольку в документе выступают две моногамные семьи, то мы имеем дело с большой семьей.

В силу того что земледелие велось при искусственном орошении, освоение новых земель было сопряжено с большой затратой человеческого труда целого коллектива в течение длительного времени. В этих условиях выросшая численно семья оказывалась в затруднительном положении. Она стремилась сохранить свой земельный участок и хозяйство нераздельно столько времени, сколько было возможно. Члены семьи, появившиеся после получения земли, могли рассчитывать на земельный участок при очередном наделе. До этого, если своей земли было мало, семья была вынуждена арендовать. И действительно, издольная аренда, судя по документам, получила широкое распространение.

Касаясь формы семьи, следует исходить из форм собственности, поскольку семейная община и моногамная семья представляют определенное единство мужа, жены и их потомства, покоящееся на какой-то собственности. Семейно-общинная собственность продолжала оставаться переходной ступенью от родовой собственности к частной.

Семейная община, появившись на поздней ступени родового строя, сохраняется в классовом обществе в качестве пережиточной формы общественного института, приобретая новые черты, свойственные новому общественному строю.

Семейная община отличалась от моногамной семьи формой собственности и составом своих членов. В семейной общине была общая собственность не только на основные средства производства, но и на остальное имущество, существовало общее производ-

²⁸ Там же, док. № 12.

ство и потребление. Право каждого на определенную долю наследства семейной собственности приводило к тому, что и при наличии главы семьи, выступающем при заключении сделок, сохранялось общинное управление, которое прослеживается в сделках различного характера, в оговорках о том, что младшие братья, сыновья и другие родственники не могут возбуждать спора. Эти оговорки, видимо, делались в силу того, что все члены данной семьи дали согласие на ее заключение.

Права членов семейной общины находили свое выражение не только в оговорках, но и в перечислении родственников, а в иных случаях в указании, что они присутствуют при составлении документа.

В этом юридическом праве членов семейной общины следует видеть права моногамных «малых» семей, главы которых могут стать и становятся частными собственниками; имущество семейной общины при этом делится между моногамными «малыми» семьями, а сама семейная община распадается. В свою очередь моногамная семья может превратиться в семейную общину.

Семейная община существовала среди сельского населения, где форма собственности и характер занятий давали возможность сохранять большую семью более продолжительное время, чем в городах. Семейная община у уйгуров представляла, как и у других народов, хозяйственное единство нескольких поколений близких родственников по линии отца с женами и детьми, в отдельных случаях с зятьями или с обедневшими родственниками.

В хозяйственной жизни семейной общины, в ее материальной обеспеченности имело значение не только количество земли, находившейся в ее владении, но и число рабочих рук и наличие рабочего скота. Члены семьи, которые не могли пользоваться, уходили в монастыри, нанимались в другие семьи или же отдавались в залог.

Коль скоро возник вопрос о семье в составе общины в Уйгурском государстве, то следует коротко рассмотреть термины *tägi* и *uqu*, встречающиеся в документах того времени. Б. Я. Владимирцов при исследовании общественного строя монголов писал: «Для каждого члена древнего монгольского рода сородич был *uqu-uqu* — „потомок, отпрыск данного рода“, следовательно, „родственник, родной, сородич“; между тем как всякое чужеродное лицо было *jad* — „чужой, иностранец“; все, значит, делилось на *uqu* и *jad*». ²⁹ Следовательно, у монголов *uqu* или *uqu* был член рода, а не член семьи, причем только монгольского рода, а не вообще рода. В понятии монгола термином *uqu-uqu* обозначались те, кто имел кровное родство, даже если оно было просто символическим.

²⁹ Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 59.

А. Н. Кононов, издавая сочинение Абу-л-Гази «Родословная туркмен», в примечании пишет, что «уру^h у тюркских народов — род». ³⁰ С. Е. Малов в своем словаре дает слово уруу в значении род, родство. ³¹ Там же дано слово урлуу в значении семья, род. В другом словаре имеется urluу juzlüg — родственники и свойственники. ³²

Перейдем к рассмотрению текстов, в которых имеются эти термины. В сделке на продажу виноградников за холст хозяин виноградника Сада перечисляет тех, кто не должен возбуждать спор с новым владельцем виноградника: «М(a)n Sada у aqam inим uгууm тоүmmsum оүүlüm жүzlүgüm». — «Мои, Сада, старшие и младшие братья, родственники и свойственники, сыновья и близкие родные». ³³ Подобное же выражение имеется в другой сделке на продажу женщины за холст: «Biz Tadmilig Qara Buqa ikägünin aqamuz inimiz urluуmих жүzlүgүmuz. . .». — «Нас двоих, Тедмилига и Кара Буки, старшие братья и младшие братья, родственники и близкие родные». ³⁴

Поскольку в приведенных документах речь идет о праве возбуждать спор на часть имущества, принадлежавшего семье-хозяйству, то, видимо, под родственниками uгуу имеются в виду те, которые сохраняют юридическое право получать свою долю, т. е. члены этой семьи. Следовательно, в документах термин uгуу употреблялся не в широком понимании, а в значении родственника — члена семьи.

Подтверждение этому находим в документе, в котором говорится о выделении людей для обработки виноградника-инджу: «. . .yi-qara, Ming qara ikagu ark joq urluq incü lartyn borluqqa ätläkuş bir arklık kişi bersun» — «. . .ий-Кара, Минг Кара двоим обессилившим из родового инджу для обработки виноградника-инджу одного имеющего силу человека пусть дадут». ³⁵

В данном случае urluу уже нельзя понимать в широком смысле — родовой. Виноградник-инджу и люди-инджу принадлежали одной семье, являвшейся юридическим лицом. Эта была семья какого-то феодала, и род uгуу следует понимать в смысле семьи.

В приведенных примерах имеется другой термин, обозначающий родственников, жүzlүg, но им назывались более отдаленные родственники, чем uгуу. В нарративных источниках термин жүз употребляется и у некоторых других народов, им обозначалась орда, союз племен. В таком случае общее в употреблении терминов в нарративных источниках и уйгурских документах то, что uгуу

³⁰ Кононов. Родословная туркмен, стр. 87.

³¹ Радлов, док., словарь, стр. 302.

³² Малов. Памятники, стр. 438.

³³ Радлов, док. № 13; Малов. Памятники, док. № 13.

³⁴ Радлов, док. № 16; Малов. Памятники, док. № 16.

³⁵ Радлов, док. № 21.

значил более близкое родство, jüz — отдаленное, а в конкретном значении они различались.

В нескольких документах имеется другой термин tägi в значении родственники.³⁶ Для примера возьмем несколько случаев. «Barkınca bar ioq bolsar män Nom Qulynım tägilar» — «до отдачи... если не станет, я Ном Кулы с родственниками».³⁷ В другом имеем то же самое: «man inım Qasugıyn tägilar bilä» — «мой младший брат Кусук с родственниками».³⁸ Точно такой же текст содержится в других документах. Лишь в док. № 29 имеется различие, которое и приводится: «manyn Sämtükü tägi birni bila tägi» — «Мои Сумтуку родственники с нашими родственниками».

Рассмотрение терминов uruı-ırluı, tägi приводит к убеждению, что они употреблялись в уйгурских документах в значении близких родственников.

Итак, термины, прожив длительную жизнь, в новых условиях, когда уйгуры стали оседлыми земледельцами, а на смену родовым и племенным делениям пришли территориальные, приобрели иной смысл, отвечавший более высокому уровню хозяйственного и общественного строя уйгурского народа, создавшего феодальное государство, в котором родовые отношения продолжали оставаться в качестве пережитков.

Община в Уйгурском государстве состояла, как показывают документы, из различных категорий крестьян. В ней были каланчи, инджу, кувак, тутук, кадаш и рабы. Ранее мы рассмотрели различное правовое положение каждой из этих категорий. В свою очередь внутри названных категорий происходил процесс расслоения, поэтому не следует искать в уйгурском обществе соседскую общину, в которой все уравниено. Община развивалась в силу экономического закона. В ней одни богатели, а другие беднели и попадали в зависимость от своих же общинников. Мелкая частная собственность была той основной, на которой возникало два полюса: бедность и богатство.

В правовом и имущественном отношении выделялась общинная администрация: старейшины, ведавшие ночлегом, водой и т. д. В силу своего служебного положения они имели клиентов и пользовались их услугами. Не все члены общины имели равные права. Старейшинами общины становились каланчи, тогда как тутук или кадаш не могли занимать эти должности. Мне кажется, они не имели тех юридических прав, которыми пользовались крестьяне, имевшие свое хозяйство и платившие государственные налоги. Эта

³⁶ Там же, док. №№ 1, 7, 8, 10, 29, 34, 37, 67.

³⁷ Там же, док. № 1.

³⁸ Там же, док. № 7; М а л о в. Памятники, стр. 208.

категория крестьян заключала сделки между собой, выступала в качестве свидетелей и участвовала в решении вопросов, возникавших перед общиной.

Некоторые общинники занимались торговлей или ростовщичеством, давая под процент серебро, кунжутное масло, ткани, лошадей или ишака. Хозяйство, не имевшее ишака, постоянно испытывало зависимость от более зажиточных общинников, обеспеченных рабочим скотом. Животное нужно было для перевозки грузов, для поездки на далекое расстояние, для обработки поля. Кроме того, животные давали навоз для удобрения поля или сада, кожу и продукты.

Выше приводились случаи продажи и покупки земли, аренды садов и участков земли под посев. Все эти данные еще раз подтверждают мнение о том, что соседская община в Уйгурском государстве состояла из различных слоев. Выпасы, водоемы, находившиеся в ведении общины, формально использовались в равной мере, но фактически преимущественно богатыми, имевшими много скота. Одна часть общинников пользовалась благами другой более многочисленной, но мало обеспеченной.

Некоторые члены общины имели рабов, как было показано выше, которых они покупали, продавали, отпускали на волю за выкуп. Естественно, что рабы были у богатых общинников. Рабы не получали земли и тех прав, какими пользовались общинники.

В общине, как и во всем феодальном Уйгурском государстве, существовала иерархия. На верху социальной лестницы находились старейшины и общинная администрация, а на нижних ступенях — тутук и рабы, если они были в общине.

При рассмотрении вопроса о социальном составе общины, видимо, следует иметь в виду то обстоятельство, что большое количество мужского населения уходило в буддийские монастыри. Самый многочисленный низший слой монахов, возможно, сохранял связь со своими семьями. Подобное предположение делается на основании документов, в которых сказано о продаже или же об отдаче в тутук людей монашеского звания (оговорка Елик Кадыра, чтобы в городах и в общинах не задерживали тех, кто состоит в Мурутлукском монастыре).³⁹

Интересы одной группы общинников отличались от интересов другой, но борьба с феодалами объединяла все группы, и община выступала в целом, чтобы сохранить свою самостоятельность и тот минимум прав, который у нее оставался в решении вопросов внутренней жизни. В «Обязательстве общин» можно проследить меры, которые принимали общины, чтобы сохранить себя. Они следят за обработкой всей земли. Община обрабатывала землю престарелых членов и платила за них налоги.⁴⁰

³⁹ Р а д л о в, док. № 88.

⁴⁰ Там же, док. № 22.

Но в данном случае для нас «Обязательство общин» интересно в том отношении, что в нем сказано о бедных общинниках-чига́й.⁴¹ С учетом всех фактов об имущественном неравенстве членов общины в Уйгурском государстве сообщение китайского посла Ван Янь-дэ, посетившего страну в 982 г., что «внутри государства бедных нет»,⁴² следует понимать не в буквальном смысле слова. Смысл этого места доклада Ван Янь-дэ состоит в том, что он не видел нищих. Бедные были, о чем сообщает сам Ван Янь-дэ в своем докладе, когда пишет о том, что «не имеющие средств к пропитанию содержатся на общественный счет».

Соседская община в Уйгурском государстве развивалась в условиях расцвета феодализма потому, что она продолжала оставаться основой производства и не заменялась в этом производстве крупными феодальными хозяйствами.

Мы мало знаем о внутренней жизни общины, в частности о том, как было поставлено управление в ней, собирались ли крестьяне для решения важных вопросов и для выборов администрации. Все эти вопросы будут выясняться постепенно, по мере накопления материала. Уйгурские документы могут быть полезными в освещении отдельных сторон этой проблемы.

В Притяньшанье частное владение землей сложилось очень рано. Поэтому периодических переделов земли не было. Но при этом условии за общиной сохранились многие права, и даже в области землевладения она могла принимать важные решения. Достаточно сослаться на уйгурский документ, в котором сказано: «Твой виноградник община, применив силу, дала Инал-Куча».⁴³ Решение общины было окончательным. Следовательно, община располагала правами в таком важном вопросе, как передача земельных участков.

Вода играла решающее значение для земледелия. Водное право, основанное на обычаях, не было связано с земельным правом. Все споры о водопользовании разрешались в общинах, поскольку в них устанавливался порядок пользования водой для орошения и выделялись люди, ведавшие распределением воды. Лишь после разбора в общине спор переносился выше и подлежал разрешению чиновником государственного аппарата. Известны случаи, когда община посылала в порядке очереди людей отбывать инджу и снимала с них на время работы все налоги и повинности. Видимо, лица, получившие полномочия подписывать бу-

⁴¹ Там же, док. № 77.

⁴² Григорьев. Земледелие К. Риттера, стр. 269.

⁴³ Радлов, док. № 24.

маги от имени общины, имели определенный знак, принадлежавший только данной общине. К такому выводу приводит следующее место одного из документов: «Это знаки наши, названных в документе общин». ⁴⁴ Община была обязана выделять людей, но за ней сохранялось право устанавливать очередность, срок работы, т. е. община определяла все условия несения той или иной повинности. ⁴⁵

Если община играла большую роль в решении вопросов землевладения, землепользования и водопользования, в установлении порядка несения инджу, платежа налогов, то еще более существенное значение она имела в других областях жизни своих членов.

О больших правах общин мы узнаем из текста, условно названного «Обязательства общин». Старейшины общин, расположенных между Уза и Чиртын, писали: «Люди совещались». ⁴⁶ На основании этой фразы можно сделать вывод, что народ обсуждал вопрос и принял решение, которое сформулировано следующим образом: «Если сказали, так и будет. Если один от сказанного в этой бумаге уклонится, то он даст народу сукумлук абад. Тяжелое наказание народа последует». Община наказывала своих членов за невыполнение своих постановлений, имевших силу закона. В тексте «Обязательства» нет оговорки о том, что можно обжаловать решение. Следовательно, община обладала какими-то административными правами, основанными на обычном праве и обычаях (jang). Об этом праве можно говорить на основании некоторых данных документов. В частности, в «Жалованной грамоте» Елик Кадыра сказано: «... пусть братства, государство, общины не принуждают силой работать». ⁴⁷ Здесь речь идет о самом низком сословии монахов, которые могли находиться не только в пределах монастырей, но и в городах, сельских местах в роли проповедников. Ярлык главы государства защищал монашеское братство Мурутлукского монастыря, и община утрачивала свои права в отношении тех, кто имел отношение к этому монастырю. Если потребовался специальный ярлык главы государства в отношении сали, то, видимо, существовало обычное право, в силу которого община могла заставить работать своих членов и тех, кто временно находился на ее территории.

Следует учитывать, что не было законов, регулировавших отношения людей, поэтому обычаи, обычное право, служили основой при разрешении споров, претензий. Чиновники-феодалы, пользуясь обычаями, подчиняли себе крестьян, закабалляли их, превращали в клиентов. Не только беки прибегали к обычному праву,

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, док. №№ 21, 25.

⁴⁶ Там же, док. № 77. — Пока не удалось найти объяснение выражению сукумлук абад.

⁴⁷ Там же, док. № 88.

но и общинная администрация использовала обычаи в целях превращения крестьян в своих клиентов. Обычаи, обычное право являлись универсальными для регулирования отношений между людьми. Ярлыки идикута и предписания высших чиновников касались определенных обстоятельств и не могли распространяться на более широкий круг аналогичных вопросов.

В свете новых данных, полученных из документов, приобретает более определенный смысл сообщение Ван Янь-дэ, послантской империи в 981 г. к Арслан-хану. Французский синолог С. Жульен перевел этот доклад с китайского языка на французский: «Dans L'interieur du royaume, il ny a point de pauvres, ceux qui manquent d'aliments sans ses cours aux frais du public». ⁴⁸

В русской литературе, посвященной уйгурам, первым обратил внимание на это место В. В. Григорьев и дал русский перевод: «Внутри государства бедных нет. Не имеющие средств к пропитанию содержатся на общественный счет». ⁴⁹

Ван Янь-дэ заметил существенную особенность в жизни уйгуров конца X в. Они обеспечивали престарелых и больных. Возможно, в этой связи следует рассматривать неясные места «Обязательства общин». В нем говорится о бедных каланчи, т. е. о плательщиках калана. Представители общин, видимо старейшины, пишут, что «землю, подлежащую обработке, люди засеют», ⁵⁰ и через несколько строк определенно говорят о том, что «каланскую землю нам не уменьшат».

Все цитированные места и текст в целом приводят к выводу, что за возделывание всей земли и за уплату налога общины несли ответственность и заботились о своих членах. Земля престарелых и больных должна была быть обработанной, а сами они обеспечивались питанием.

В общинах сохранялся коллективный выпас скота и коллективное пользование пастбищами. В одном из документов сказано: «Пастуху Баш Кара в осенние дни отдано общинное стадо быков». ⁵¹ Из этого свидетельства можно сделать вывод о том, что общины могли иметь общие выпасы, сохраняли право пасти скот на полях после уборки урожая.

Управление общинами происходило при помощи выделенных ими лиц. Нам не всегда известны термины, которыми называлась администрация общины; о них мы узнаем из многих документов. От имени общин администрация решала все вопросы, связанные с землепользованием, с уплатой налогов, с отбыванием трудовой повинности и т. д. Нередко общинная администрация имела отношение к более частным сторонам жизни людей. Нам известен случай, когда отец, оставляя завещание сыну о праве наследова-

⁴⁸ Julien. Melanges de biographi Asiatique, p. 61.

⁴⁹ Григорьев. Земледелие К. Риттера, стр. 269.

⁵⁰ Радлов, док. № 77.

⁵¹ Там же, док. № 68.

ния, указывал, что завещание хранится у представителей общинной администрации⁵²

Выше мы уже указывали на пестроту социального состава сельской общины в Притяньчанье, что несомненно вело к ее имущественному расслоению. Этому процессу способствовали также малоземелье, стихийные бедствия и т. п. Однако, каким бы воздействиям не подвергалась община, она, изменяясь постепенно, продолжала сохраняться в период расцвета феодализма. Община оставалась не в качестве пережитка, а в роли важного социально-экономического института, в котором крестьянин видел единственное средство защиты от феодального гнета, а государство имело инструмент управления сельским населением. Община, оставаясь под государственной опекой, была той формой общественного устройства, которая сохраняла крестьянину относительную свободу и независимость от чиновника-феодала.

Из сказанного не вытекает, что хозяйственное единство и продолжительная устойчивость общины обусловлены какой-то спецификой ее развития. Главную роль в этом играли уровень развития производительных сил и особенности поливного земледелия.

Феодальное государство стремилось использовать общину в качестве фискально-административной единицы, поскольку в ней была своя администрация, существовало некоторое хозяйственное единство. Государство было заинтересовано в сохранении общины, так как она следила за порядком несения повинностей, за обеспечением проезжающих чиновников продовольствием, фуражом, лошадьми.

⁵² Там же, док. № 78.

Глава одиннадцатая

КУЛЬТУРА И БЫТ

I

При изучении уйгурской культуры следует учитывать не только то, что сами уйгуры создали, но и все наследство этнических предшественников, вошедших составными компонентами в уйгурскую народность.

В богатой культуре, естественно, многое со временем менялось; одни явления развивались, оставались неотъемлемой частью уйгурской культуры, хотя появились они первоначально не у уйгуров, как например бумага, заимствованная у китайцев; другие — забывались: руническая письменность была заменена новой уйгурской, на смену которой пришла арабская; скульптурное искусство оказалось совсем забытым после принятия ислама.

До образования Уйгурского государства в Притяньшанье в конце IX в. уйгуры были кочевниками, а столица их Карабалгасун находилась на Орхоне. И все же кочевников-уйгуров в их орхонский период не следует рассматривать как народ с весьма примитивной культурой. Они были знакомы с поливным земледелием, знали, как возделывать продовольственные культуры и как разводить фруктовые деревья. У них развивалось ремесло.

Значительные сдвиги произошли в духовной жизни уйгуров. В процессе этнической консолидации формировался уйгурский язык.¹ Появилась необходимость осмысления своего прошлого, чтобы последующие поколения знали наиболее важные этапы истории своих предшественников. Об этом говорят надгробные камни, найденные Г. Рамstedтом.² «Селенгинский камень» отно-

¹ Баскаков. Тюркские языки, стр. 40—41, 187—188; Насилов. Язык орхон-енисейских памятников.

² Ramstedt. Zwei uigurische Runeninschriften, SS. 1—9; Малов. Памятники.

сят к VIII в., т. е. ко времени победы уйгуров в 744 г. над Восточно-тюркским каганатом, а «Суджинская надпись», видимо, была написана в IX в. во время поражения уйгуров в 840 г.

Уйгуры имели постоянные связи с Китаем. Их каганы женились на китайских принцессах, взаимные посольства ездили с дарами в Китай и к уйгурам. Уйгуры привлекались китайскими императорами для подавления внутренних волнений. Уйгурам был знаком китайский язык. В их столице Карабалгасуне имелись надписи на камнях на китайском языке.³

Обширные торговые и культурные связи существовали с западом. Согдийские купцы не только постоянно посещали уйгуров, но и населяли города, распространяя среди них свою культуру. В результате продолжительных и постоянных связей уйгуры познакомились с согдийским алфавитом, приняли манихейство, сделав его государственной религией.

Следовательно, уйгуры были подготовлены всем ходом своего исторического развития к восприятию высокой культуры оседлых оазисов Притяньшанья, куда они передвинулись в середине IX столетия.

II

Раскопки развалин древних уйгурских городов дали науке интересный и разнообразный материал о культуре и быте уйгуров. Археологам удалось определить планировку городов, иногда местоположения дворцов, храмов, торговых и ремесленных улиц. По остаткам строений видно, что здания строились двухэтажные, культовые помещения украшались скульптурами и росписью. Но при всем этом слишком мало данных имеется о самих зданиях городов.

Наблюдения над отдельными частями зданий привели к бесспорному выводу, что архитектура городов в ранний период развивалась под влиянием архитектурных традиций Средней Азии и Индии. Культовые сооружения куполообразного характера восходят к среднеазиатским постройкам культового назначения, а ступы — к индийской архитектуре.

Раскопки в Варахше дали большой материал, позволивший высказать мнение о сходстве архитектурных приемов и сюжетов в оформлении зданий городов Кучар, Карашар, Варахши и ряда других.⁴ Сходство сюжетов и приемов возникло в результате культурных связей с народами Средней Азии.

Зарисовки Г. Е. Грум-Гржимайло воспроизводят общий вид храмового сооружения Асса-шар. Оно имело вид крепости. Главное здание Асса-шара состояло из нескольких этажей и кончалось

³ Сборник трудов Орхонской экспедиции; Васильев, Китайские надписи.

⁴ Ш и ш к и н. Архитектурная декорация дворца в Варахше, стр. 225—292.

наверху куполом. От этого здания в обе стороны шли толстые стены, образуя замкнутый неправильный четырехугольник. Внутри двора в стенах находилось большое число ниш со сводчатыми потолками. Стены были везде оштукатурены алебастром. Во двор можно было попасть лишь через одни ворота.⁵

Замечательными памятниками древней культуры оказались комплексы гробниц в Кочо и развалины храма Безеклик.

Безеклик, как полагают, был первоначально манихейским храмовым поселением и лишь позднее превращен в буддийский храм.⁶ Благодаря этому обстоятельству развалины Безеклика оказались богатым музеем манихейского и буддийского искусства. Во время раскопок здесь было найдено большое число различных предметов и фресок. Фрагменты манихейских рукописей, остатки шелковых тканей с рисунками, манихейские хоругви, картины на манихейские и буддийские сюжеты, скульптура и т. д.,⁷ говорят о том, что Безеклик являлся одним из замечательных памятников прошлого по богатству и разнообразию предметов искусства разных стилей.

В литературе принято мнение, что архитектурный комплекс Безеклика был выстроен в IX в.⁸ Однако это положение не подтверждено фактами, оно не согласуется с историческими событиями, имевшими место в этом районе.

Уйгуры завоевали Турфанскую впадину во второй половине IX в. Столица первое время продолжала оставаться в Бешбалыке, и лишь с начала X в. столицей уйгуров стали называть город Кочо.⁹ Едва ли уйгуры могли начать такое большое строительство до перенесения столицы в Кочо, и еще менее вероятным кажется сооружение манихейского храма во время господства тибетских племен. Возможно, следует отнести постройку Безеклика к X столетию, когда уйгуры окончательно закрепились в Турфанской впадине. На картинах А. Лекок различал иранские типы и скифские,¹⁰ поэтому Безеклик мог быть построен до завоевания Турфанской впадины тибетскими племенами в конце VIII в.

Индийское влияние в области архитектуры нашло наиболее яркое выражение в ступах и в пещерных храмах. В Сыркипе сохранилась многоступенчатая ступа, дающая наглядное представление об огромных размерах подобных сооружений и о внешнем оформлении их. Ступа отличалась от храма тем, что в ней не

⁵ Грум-Гржимайло. Описание путешествия в Западный Китай, стр. 295—299.

⁶ Ольденбург. Русская туркестанская экспедиция 1909—1910 г., стр. 44.

⁷ Le Coq. Chotscho, S. 9; Grünwedel. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch Turkestan.

⁸ Le Coq. Exploration archéologique à Turfan, p. 17.

⁹ Грум-Гржимайло. Описание путешествия в Западный Китай, стр. 279.

¹⁰ Le Coq. Exploration archéologique à Turfan, p. 17.

было больших помещений для молебствий. Ступы строились в честь буддийского святого и являлись памятником. Строители ступ рассчитывали на то, что сооружение должно подавлять людей массивностью и внушать им величие и силу божества.¹¹

Среди культовых зданий много было пещерных храмов. Некоторые пещерные поселения имели десятки и сотни пещер. Пещеры строились квадратные и продолговатые, потолки их были пологие и куполообразные. Некоторые пещеры представляли целый комплекс подземных помещений. Стены и потолки украшались картинами и скульптурами. Пещерные храмы не случайное явление, вызванное какими-то обстоятельствами, — это особый архитектурный стиль, существовавший много столетий. Стиль этот подчинялся определенным требованиям. Форма пещеры и вид потолка отвечали целям храма. Для некоторых сюжетов в канонической трактовке нужны были известной формы помещения.

Пещерные храмы было проще строить, чем наземные, прочность стен и потолков считалась исключительно надежной. Пещерные помещения сохраняли более постоянную температуру в течение всего года. В жаркий период времени человек находил в них укрытие от изнуряющей жары. Наконец, пещеры удобно было защищать от противника.

Пещерные храмовые сооружения от наземных отличались главным образом внешним оформлением. Внутренняя отделка и украшения выполнялись в едином стиле.

III

В развалинах храмов было обнаружено большое число групповых и одиночных скульптур, на которых изображались сцены из жизни Будды. С. Ф. Ольденбург, изучавший памятники культуры в Шикшине, Кучаре, Карашаре и Турфане, обнаружил в храмах этих оазисов¹² скульптурную группу «Великой кончины». Сцена «Великой кончины» была распространена в уйгурских храмах. Фигуры сохранились плохо, но их остатки дали основание С. Ф. Ольденбургу высказать заключение, что скульптура своей композицией и трактовкой отдельных фигур примыкает к лучшим образцам гандхарских памятников.

В скульптуре заметна неподвижность поз. Фигуры обычно стоят или сидят в позах, предусмотренных канонам.

Изготовление фигур, как теперь принято считать, производилось в формах. Техника этого производства была не очень сложная. Отдельные части изображений и украшений штамповались в особых формах. Затем готовые части изображаемой фигуры

¹¹ Ольденбург. Русская туркестанская экспедиция 1909—1910 г., стр. 54.

¹² Там же, стр. 6—7.

закреплялись на крестообразном остоле из палок. Головы иногда делались из камня или из известняка. Мелкие детали фигур штамповались или лепились.¹³ В скульптурах мы наблюдаем два влияния: индийское и китайское.

Разный стиль можно объяснить как хронологическими, так и этническими особенностями.

Сходство в материале и способе формовки его, в компоновке отдельных частей фигур и композиций позволили ученым искать аналогии с искусством Дуньхуана. С. М. Дудин высказал предположение, что техника изготовления скульптур была принесена с Востока.¹⁴

Скульптура играла разную роль в архитектурном украшении культовых зданий. В храмах Шикшина она, как и стенопись, являлась декоративным и повествовательным средством. Целевое назначение в свою очередь определяло характер композиций. Они создавались большого размера и посвящались более крупным темам. В турфанских храмах скульптура стала занимать меньше места, стены преимущественно заполнены картинами.

Это изменение вполне объяснимо. Турфанская впадина была завоевана уйгурами, которые не только восприняли прежние традиции в архитектуре и искусстве, но одновременно вносили свое. Громоздкие, подавляющие зрителя скульптурные изображения стали заменяться красочными картинами, привлекавшими яркостью красок.

В скульптурных фигурах большое значение придавалось деталям, подчеркивающим реальные черты изображаемого. Достаточно взглянуть на отдельные детали скульптурной группы в обходной галлерее в Шикшине, чтобы обнаружить стремление художника к изображению именно деталей. Композиция во многих местах разрушилась. В сохранившемся фрагменте резко выделяются складки легкой одежды. Создавая многочисленные складки, художник, видимо, стремился изобразить богатую одежду. Пальцы рук и ног вырисовываются отчетливо.¹⁵ Это же стремление к изображению всех деталей видно в статуе божества¹⁶ и в сохранившихся деталях божеств в Шикшине.¹⁷ С плеч свисают длинные и пышные локоны. Видны три локона с каждой стороны. На груди изображены украшения с ясным рисунком. Длинные ремни, проходящие через плечи, спускаются до живота и скрещиваются здесь. Два ремня от бляхи на животе идут по талии за спину, а другие два поднимаются к плечу выше двух главных. Эти ремни, равно как и бляхи, имеют рисунок.

¹³ Там же; Дудин. Техника стенописи и скульптуры, стр. 71.

¹⁴ Дудин. Техника стенописи и скульптуры, стр. 70.

¹⁵ Ольденбург. Русская туркестанская экспедиция 1909—1910 г., табл. IV.

¹⁶ Там же, табл. VI.

¹⁷ Там же, табл. VII.

Техника изготовления фигурок, основанная на использовании готовых форм, была одинакова как в Шикшине, так и в Кызыле, но наблюдается различие в изображении некоторых деталей. В частности, в шикшинских фигурках заметно стремление к детализации рисунка. При передаче сложной женской прически художник показывает завитки волос так отчетливо, что их как бы ощущаешь. У мужчин борода делалась пышной, красивой, разделенной на две половины с великолепными завитками.

Фигурки Шакъя выполнены с большей детализацией лица. Отчетливо видны зрачки глаз; нос и рот сделаны с подробностями, но зато в одежде их больше чувствуется эскизность.¹⁸

Голова бодисатвы сохранилась не вся, поэтому неизвестно, была ли на ней прическа или головной убор. Однако лицо выполнено тщательно, проработаны все детали. Отчетливо видны глаза с большими черными зрачками, нос и губы.¹⁹

Великолепные фигурки лошадей из глины привлекают внимание своей стройностью. На лошадях имеются хорошие седла. На шее одной сохранились руки. Видимо, человек обхватил шею лошади руками, стараясь удержать, но лошадь стремится вырваться от него. Шея поднята высоко, голова поджата. Другая фигурка лошади изображена в спокойной позе, с вытянутой шеей и опущенной книзу головой. Она покорила человека. Седла и сбруя переданы с подробными деталями.²⁰ Видно, что скульптор был хорошим художником и прекрасно знал лошадей. Фигурки эти были найдены в Минг-ой Кучарского оазиса.

На юго-востоке (Хотан—Лоулан) дерево занимает больше места в искусстве, чем на северо-западе. Чаще встречаются деревянные изделия, в том числе человеческие фигуры.²¹ Здесь художник был свободен от шаблона.

Стремление к детализации скульптурных изображений есть выражение зрелости не только отдельного художника, но и школы в целом. Эскизность не могла удовлетворить зрителя. Нужна была детализация, приближающая к реальному.

IV

Живопись, как и скульптура, являлась частью архитектурного оформления храма, она считалась необходимым архитектурным элементом сооружения. Стены имели большую площадь, которую необходимо было заполнить. На них рисовались божества, эпизоды из легенд о жизни Будды и т. д. Таким образом, стены и

¹⁸ Там же, стр. 6, 10, 69.

¹⁹ Там же, табл. VIII.

²⁰ Stein. Serindia, t. IV.

²¹ Stein. 1) Ancient Khotan, vol. II, табл. LXX; 2) Serindia, t. IV, табл. XXXIV.

потолки использовались в целях проповеди манихейского или буддийского вероучения.

Техника росписи храмовых стен и потолков в известной степени зависела от материала, из которого строились стены. Поскольку стены зданий сооружались из сырцового кирпича, то поверхность их покрывалась слоем обмазки, чаще из глины с соломой. В некоторых зданиях стены выравнивались гипсом. Стены пещер тоже покрывались этими составами. На обмазку наносился рисунок. С. М. Дудин, изучая живопись в пещерах, установил, что роспись сохранялась благодаря сухости климата и тонкому слою краски, который при отсыревании стены осыпался медленнее, чем толстый. Возможно, древние мастера знали это свойство красок и старались наносить рисунок тонким слоем.²²

Живопись отвечала главной задаче, а именно воздействию на посетителей храмов, воспитанию у них сознания божественного происхождения всего живущего и незыблемости мира. Очень ярко эти черты шаблонной живописи проявились в изображении некоторых фигур в храме Безеклика. В проходах на стенах нарисованы по три монаха размером выше человеческого роста. На левой стороне прохода были изображены монахи с индийскими именами на центральноазиатском брахми. На правой стороне прохода было тоже три восточноазиатских монаха. Группы отличались друг от друга лицами, положением рук, одеждой. Индийские монахи были одеты в желтую одежду, а восточные — в фиолетовую. Однако в фигурах внутри самих групп нет разницы. Фигуры эти, а возможно и группы в целом, рисовались по шаблону.

Для большинства рисунков характерны условность, отвлеченность. Человеческие фигуры изображались неподвижными. Эти черты условности были свойственны предметам и даже пейзажам. Композиции отличались известной простотой, часто подробности не загромождали рисунок. В рисунке были два измерения: ширина и длина. Глубина и объем отсутствовали. Но и в этой живописи, развивавшейся под влиянием канонических форм и условностей, иногда заметны попытки освободиться от трафаретности.

В некоторых рисунках можно проследить черты портретности. В них видно стремление отойти от символической условности. В древнем храме Безеклика имеются стенные картины, изображающие типы древнего населения страны.

Некоторые исследователи относят строительство храма Безеклик²³ ко времени политического расцвета Уйгурского государства. Уйгуры в этот период, видимо, еще сохраняли свои взгляды на изобразительное искусство и не перешли полностью к шаблонной живописи.

Уйгурский князь нарисован с цветком в руке, что, вероятно, символизировало мирные стремления. Во всей картине нет дета-

²² Дудин. Техника стенописи и скульптуры, стр. 39—40.

²³ Le Coq. Auf hellas Spuren in Ostturkistan, S. 74.

лей, напоминающих о военной силе. Торжественное обрамление фигуры в виде спадающих занавесей, головной убор в форме суживающегося кверху тюрбана говорят о величии. Лицо спокойное, и князь погружен в мысли о другом мире, его не волнует мир, которым он управляет. Автор, придавая черты спокойствия и величия, видимо, хотел показать божественное происхождение государственной власти и ее незыблемость.²⁴

Стремление преодолеть традицию канонической условности видно в картине, на которой хорошо сохранились фигуры трех мужчин и двух женщин.²⁵ Мужчины одеты в длинные, красного цвета, с различным рисунком халаты на зеленой подкладке. У каждого мужчины на поясе висит кинжал. На головах красивые тиары. Они как будто идут в торжественной процессии. Длинная ветка с цветком символизирует мир. Под ногами лежит ковер с растительным рисунком. Волосы у мужчин черные и длинные, бороды и усы, выражения лиц различные. Эти особенности изображенных фигур позволяют судить об индивидуальности рисунка. Над головами мужчин имелись уйгурские надписи. В момент раскопок сохранилась лишь одна надпись следующего содержания: «buğa s(a)lı tuñuq(?)». Из этой надписи узнаем, что на картине изображен мужчина из знатного рода Сали из города Ходжо. От другой надписи сохранилось лишь начало: «tu...».

Женщины одеты в длинные, закрывающие ноги одежды из гладкой материи золотистого цвета. На воротниках рисунок различных. Руки скрыты в рукавах. Женщины, как и мужчины, держат ветки с цветами. Глаза узкие, раскосые, что говорит о восточноазиатском типе женских портретов. Кожа лица у женщин белая. Черты лица тонкие, в них видно благородство, нос с небольшой горбинкой. Черные густые волосы собраны в красивую прическу, гармонирующую с короной.

Над головами женщин были надписи, на одной из них написано: «ögrünc tigin t(ä) ngrim körki» — «это портрет княгини радости». В картине сочетаются божественное и земное.

В этом же стиле исполнена картина на материи в одном из храмов древнего города Яр, на которой изображена молодая женщина с восточноазиатскими чертами лица и миндалевидными глазами. Здесь нарисована богиня с лицом живого человека. Она сидит на скамейке и кормит грудью ребенка. Женщина изображена в длинном халате свинцово-красного цвета, с вышитым воротником. Голова покрыта красным платком с белой подкладкой. Вокруг головы ореол из желтоватого диска. На шее имеется ожерелье из черных шариков, в ушах серьги.

Вокруг богини играют восемь младенцев, нарисованных уже в стилизованной манере.²⁶

²⁴ Там же, табл. 20.

²⁵ Le C o q. Chotscho, табл. 30.

²⁶ Там же, табл. 40.

Очень характерный рисунок реалистической живописи опубликован А. Стейном.²⁷ На нем нарисованы двугорбые верблюды. Маленький верблюжонок сосет молоко матери. В рисунке имеется эскизность, но художник схватил характерное и передал правдиво, жизненно и с техническим мастерством.

В картинах иногда, видимо, отмечается сочетание канонических сюжетов с сюжетами из реальной жизни. На одной картине, найденной в Яре, изображен Будда стоящим на троне из лотоса, а с левой стороны перед ним коленопреклоненная уйгурская женщина.²⁸ Здесь художник, создавая фигуру божественного Будды, стремился окружить его реально жившими людьми, которых он видел.

Растительность в рисунке занимала большое место. Изображения лотоса в пруду требовала традиция буддийских легенд. В некоторых рисунках встречаются деревья и виноградные гроздья. Наличие этих мотивов в росписи буддийских храмов можно объяснить стремлением художника отобразить местную растительность, которую он часто видит и хорошо знает.²⁹ Наличие виноградных гроздьев в рисунках храмов Сегим-агыза является характерным. Они искусно вплетены в рисунок. Если в первом помещении гроздья разбросаны, то в плафоне второго они являются одним из главных мотивов. На рисунке можно различить черные и белые гроздья.³⁰ Художник располагал гроздья черного и белого винограда в определенной симметрии.

С первого взгляда виден другой стиль в картине, изображающей Будду сидящим на троне из лотоса. Будда окружен ореолом, другой меньшего размера обрамляет лишь голову. Трон Будды как бы возвышается над беседкой, имеющей форму восьмигранника. По сторонам нарисованы еще две такие же беседки меньшего размера. Крутая крыша с приподнятыми немного кверху карнизами, ажурные стенки беседки, лестницы и сама манера рисунка сближают эту картину с картинами Дуньхуана. Будда нарисован восседающим в одеждах из красной, синей и зеленой материи. Пальцы ног обнажены, одна рука поднята кверху. В боковых беседках сидят бодисатвы, а внизу последователи, окружающие Будду, стоят на коленях, сложив ладони и приподняв их немного кверху.³¹ В этой картине видно влияние китайского живописного искусства. Возможно, ее рисовал китайский художник или же уйгур, изучавший китайскую школу живописи. Картина была обнаружена в развалинах Безеклика, испытавшего влияние различных стилей в искусстве раннего времени.

²⁷ Stein. *Ancient Khotan*, vol. II, табл. LXXIX.

²⁸ Le Coq. *Chotscho*, табл. 40.

²⁹ Ольденбург. *Русская туркестанская экспедиция 1909—1910 г.*, табл. XXXVII.

³⁰ Там же, табл. XXXVIII.

³¹ Le Coq. *Chotscho*, табл. 17.

Исследователи архитектуры, скульптуры и живописи древних уйгурских городов выделяют несколько стилей. А. Грюнведель подробно рассматривает все стили и определяет хронологические границы каждого.³² После А. Грюнведела проблеме стилей уйгурских городов посвятил свою работу Е. Вальдшмидт.³³ У этих авторов нет единого мнения о развитии основных этапов в искусстве древних уйгурских городов. А. Грюнведель в своих выводах исходит из того, что в скульптуре и живописи уйгурских городов произошло смешение трех стилей.

Е. Вальдшмидт, занимаясь историей искусства раннего времени, писал, что роспись в храмах и пещерах Минг-ой, Кызыле Кучарского оазиса представляет тохарский период живописи и скульптуры.³⁴ В них сохранились характерные образцы рыцарского периода в развитии искусства древних городов Притяньшанья. Целая глава посвящена рассмотрению лучших образцов росписи из Кызыла, Минг-ой и других мест Кучара. На смену тохарскому искусству пришло уйгурско-китайское, нашедшее отражение в многочисленных памятниках Турфанского оазиса.³⁵ Оба стиля в искусстве: тохарский и уйгурско-китайский являются продолжением гандхарского, который распространился в Центральной Азии со всем комплексом духовной культуры, связанной с буддизмом.

В основе всех стилей лежит гандхарский стиль, характеризующийся наличием позднеантичных элементов. В этом стиле в одних случаях могут преобладать античные элементы над персидско-индийскими, а в других персидско-индийские над античными. Дальнейшее развитие гандхарского стиля здесь в новых условиях привело к тому, что стали появляться рыцари с длинными мечами, отсутствовавшие в античной живописи и скульптуре. Рыцари имеют общее с изображениями на скифских монетах. Гандхарский стиль и сменивший его рыцарский имеются в ряде оазисов, но наиболее ярко прослеживаются в кучарских памятниках. Памятники этого искусства следует относить к более раннему времени истории развития живописи и скульптуры в городах провинции Синьцзян. Не исключено, что источники разных элементов раннего стиля могли быть разные. Если античные и индийские элементы приняты из Гандхары, то и рыцарские могут иметь аналогию в искусстве Средней Азии.³⁶ В живописи древнего Пянджикента наблюдается общее с живописью Кучара и Карашара. По мнению М. М. Дьяконова, живопись городов Синьцзяна моложе среднеазиатской. К раннему периоду он относит роспись Кучар-

³² Grünwedel. Die archäologischen Ergebnisse der dritten Turfan Expedition, SS. 894—897.

³³ Waldschmidt. Gandhara, Kutscha, Turfan.

³⁴ Там же, стр. 49—79.

³⁵ Там же, стр. 78—102.

³⁶ Живопись древнего Пянджикента.

ского оазиса, особенно Кызыла, где в пещерах «художников» «мсай», «меченосцев» имеется сходство с росписью Пянджикента.

Великолепные манихейские картины были обнаружены в развалинах «К» в Кочо. На одной изображены «избранные» в пышной, богатой одежде, в головных уборах, имеющих форму колпака.³⁷ Многочисленные складки одежды говорят о материи высокого качества. Пышность и богатство, по мнению художников, отделяли «избранных» от земных смертных.

На другой картине, великолепной по свежести красок, тоже найденной в развалинах «К» в Кочо, нарисованы люди в белых одеждах. Они сидят, на коленях у них подобие досок с листами бумаги. Волосы черные и длинные, головные уборы высокие и белые.³⁸ Наличие уйгурского текста с титулами ханов говорит о том, что картина была нарисована, когда уйгуры завоевали Турфан. Текст написан черной тушью:

1. Qutluq ilig ... ai t (ä) ngridä.
2. Qut — b. ulmis qut ornamis.
3. Alp. . . (il t) utmis.

После образования Уйгурского государства в Притяньшанье уйгурские художники, восприняв живописное и скульптурное мастерство прежних школ, вводят черты портретности, изображают этнографические реалии, и к традиционной условности примешивается новая струя, идущая от реальной жизни.

Стиль этого искусства особенно сильно проявился в городах Турфанской впадины. Храм Безеклик является наиболее характерным собранием картин уйгурского стиля, но не единственным в своем роде.

В развалинах Яра встречаются хорошо сохранившиеся картины этого стиля.

Нельзя согласиться с А. Грюнведем в том, что этот стиль является простейшим синкретическим, в котором соединялись предыдущие стили.³⁹ Отход от условности и стремление к портретности говорит о новых чертах в изобразительном искусстве, отражающих запросы нового времени. Прежние стили — гандхарский и рыцарский — были восприняты уйгурскими художниками, но они не ограничивались одним повторением старых сюжетов и форм. В картины вносились новые черты, давалось свое толкование. Картины этой группы убеждают в том, что уйгурский живописный стиль не есть простейший синкретизм, его следует рассматривать как дальнейшую ступень развития искусства в Притяньшанье. В нем отразились понимание уйгурскими художниками живой действительности, принципы изображения этой

³⁷ Le Coq. Chotscho, табл. 3.

³⁸ Там же, табл. 5.

³⁹ Gr ün w e d e l. Die archäologischen Ergebnisse der dritten Turfan Expedition, S. 896.

действительности в условиях господства буддизма во всех областях жизни людей и традиция, существовавшая не одно столетие. Естественно, что в таких условиях уйгурское искусство и художники неизбежно продолжали сохранять унаследованное от прошлого, дополняя его новыми чертами, и таким образом создали свой, уйгурский стиль.

А. Грюнведель высказывает свои соображения относительно периодов развития каждого стиля. Самым древним является гандхарский. За ним следует рыцарский стиль. Стиль тюркско-китайский он относит к IV—V вв. Уйгурский стиль, особенно ярко проявившийся в турфанских городах и на востоке до Хами, датируется VIII—IX вв., а после этого начинает господствовать так называемый стиль ламаистской школы, имеющий общие черты с тибетским.⁴⁰

Само собой разумеется, что абсолютной хронологической грани в смене стилей не могло быть, в каждом последующем находили отражение предыдущие, и степень этого отражения могла быть различной. В периодах развития стилей искусства уйгурских городов необходимо обратить внимание на период развития уйгурского стиля, который А. Грюнведель относит к VIII—IX вв. Срок этот очень короткий. Если мы вспомним политические события IX в., то хронологические границы, возможно, следует расширить. В конце IX в. уйгуры нанесли поражение тибетским племенам и заняли восточную часть Притяньшанья до Кучара на западе. Следовательно, после возникновения здесь Уйгурского государства не могло прерваться развитие уйгурского стиля в живописи и скульптуре. Оно получило возможность развиваться более широко, чем до создания государства.

Лишь в XIII в., когда Уйгурское государство признало зависимость от монгольских ханов, ламаизм получил возможность влиять на уйгуров. До этого уйгуры сохраняли политические и культурные связи с Китаем, вели войны с тангутами, поэтому не было прочных контактов с Тибетом.

Ламаистская школа могла оказывать влияние до образования Уйгурского государства в Притяньшанье, а с приходом уйгуров с Орхона, естественно, усилилось появление уйгурских элементов в искусстве. Вот почему развитие уйгурского стиля могло продолжаться до середины XIII столетия. В связи с этим уместно вспомнить высказывание Лекока по поводу мумий, найденных им в развалинах «К» в Кочо. Одна комната была заполнена мумиями в одеждах и головных уборах. Лекок считает, что ужасное событие произошло в конце господства танской империи, когда китайские императоры, желая ограничить влияние буддизма, начали борьбу с монастырями, прибегая к физическому уничтожению буддийских монахов, проявлявших непокорность.⁴¹

⁴⁰ Там же, стр. 896—897.

⁴¹ Le Coq. Exploration archéologique à Turfan, p. 13.

Объяснение Лекока не согласуется с политическими событиями. Танская империя утратила господство над городами Турфанской впадины в конце VIII в. под напором тибетских племен, а меры против буддийских монастырей были приняты в IX в., когда проводилась секуляризация монастырских земель, а огромное количество монахов лишалось звания. В дальнейшем монастырям разрешалось принимать в монахи с ведома государственных властей. Все это могло коснуться буддийских монастырей западных провинций китайской империи, но не Гаочана.

Ужасную трагедию можно связывать с последующими политическими событиями в Турфанской впадине. Во время завоевания Притяньшаня уйгуры были манихейцами, и с их стороны реакция против буддистов могла быть более резкой, чем со стороны китайских буддистов, как предполагает А. Лекок.

С. Ф. Ольденбург, изучавший на месте живопись и скульптуру Кучара, Карашара и Турфана, по поводу основных стилей и этапов их развития ограничился лишь общим замечанием. Разные стили Шикшана привели его к следующему заключению: «Мы считаем преждевременным устанавливать сколько-нибудь точные хронологические границы, пока еще совершенно не обработан материал, вывезенный нашими предшественниками из Китайского Туркестана. В настоящее время легко увидеть разницу хронологическую там, где мы на самом деле, может быть, имеем лишь разницу этническую, так как необходимо помнить, что в Китайском Туркестане сталкивались и существовали рядом самые разнообразные народности. Мы готовы допустить также, что в известной части общины индийской — мы знаем, что в Китайском Туркестане было немало индийских монахов, — или сохранившей индийские предания держалась любовь к старинным образцам и что здесь пользовались старыми формами для штампования новых изображений или же просто копировали старые изображения».⁴²

Работы А. Грюнведела были известны С. Ф. Ольденбургу, однако он не высказал своего согласия с мнением Грюнведела относительно хронологических границ отдельных стилей, равно как и воздержался от возражений. Ему казалось, что наука должна накопить больше фактов об отдельных произведениях, получить более обширный материал из других мест и лишь после этого настанет время, когда можно будет приступить к датировке.

Несмотря на большое число работ, посвященных живописи и скульптуре древних уйгурских городов, еще преждевременно говорить о том, что эта богатейшая область уйгурской культуры изучена достаточно. Трудность состоит также в том, что памятники датированы весьма приблизительно, а некоторые пока условно

⁴² Ольденбург. Русская туркестанская экспедиция 1909—1910 г. стр. 5.

относятся к тому или иному периоду. При отсутствии письменных данных существенную помощь могут оказать раскопки в сопредельных странах, которые позволяют сравнительным путем определить более точно хронологические рамки отдельных памятников древней культуры уйгуров. Раскопки в древнем Пянджикенте явились важным шагом в этом направлении. Они подтвердили мнение о связи монументальной стеной живописи Средней Азии и Кучара с Карашаром в определенный период времени, т. е. в период рыцарского стиля. Но эта удачная аналогия позволяет решить лишь часть вопроса, а именно — относительно времени развития одного из стилей искусства древних городов уйгуров. Вот почему сомнения С. Ф. Ольденбурга, высказанные 40 лет тому назад, еще не рассеяны искусствоведами. М. М. Дьяконов, применяя сравнительный метод изучения пянджикентской росписи с кучарской и карашарской, писал, что искусство городов При-тяньшанья испытало сильное влияние согдийцев в период VI—VII вв.⁴³ В таком случае следует обратить внимание на существенное расхождение между А. Грюнведем и М. М. Дьяконовым в определении времени расцвета стиля рыцарей в искусстве городов Уйгурского государства.

По мнению Грюнведея, рыцарский стиль предшествовал тюркско-китайскому (IV—V вв.), а Дьяконов относит его к VI—VIII вв.⁴⁴

V

Прикладное искусство у уйгуров получило широкое распространение. Сохранились ткани, вышитые шелком, представляющие высокий образец художественного мастерства; известна обувь из материи, украшенная рисунком.⁴⁵ Вышитые ткани, обувь были найдены в Лоулане, Хотане, Турфане (развалины Кочо); головные уборы также украшались вышивками.

В выделке посуды нет большого разнообразия, но заметно стремление украсить ее рисунком. Рисунок наносился на глиняную посуду, на металлическую и деревянную. Он не отличался сложностью. На глиняной посуде имеются прямые линии, ломаные, иногда встречаются кружки или ромбики. Металлическая посуда имела более сложный рисунок, главным образом растительного характера.⁴⁶

В прикладном искусстве дерево играло значительную роль. Найдены деревянные фризы, украшенные резьбой рисунков растительного и животного характера, домашние вещи. Ножки деревянных стульев имеют форму человеческой фигурки, на дета-

⁴³ Живопись древнего Пянджикента, стр. 90.

⁴⁴ Там же, стр. 151—153.

⁴⁵ Stein. Innermost Asia, vol. III, табл. XLIII, LXXXVIII.

⁴⁶ Le Coq. Chotscho, табл. 64.

лях кровати вырезан рисунок.⁴⁷ Встречаются деревянные предметы ритуального назначения великолепной выработки. Точеные вещи имеют сложную форму и поражают тщательностью отделки и сочетанием пропорции отдельных частей этих фигур.⁴⁸

Различные мелкие предметы бытового назначения, и особенно украшения, отличались формой рисунка, аккуратностью исполнения. Для изготовления этих вещей использовался различный материал. Иногда шло дерево, но чаще металл, стекло, кость.⁴⁹ Женские украшения: кольца, браслеты, подвески, серьги — изготавливались из металла, стекла и камня. Здесь проявлялось более высокое мастерство, чем при выделке других бытовых предметов.

Изделия из нефрита вывозились в большом количестве в Китай и частично находили сбыт на местных рынках. Из камня делали печати, фигурки, украшения.

Ковры уйгурских мастеров пользовались известностью в Китае,⁵⁰ поэтому выделка ковров достигла высокой ступени мастерства. Видимо, ковры изготавливались шерстяные и шелковые. Выделка ковров больше, чем другой вид ремесленного производства, была связана с передачей опыта и навыков по наследству. Не только отдельные семьи, но и целые селения ткали ковры. От ткача требовалось умение создавать рисунок, подбирать краски, определять размер ковра для каждого рисунка и т. д. Ковродел — не только ткач, но и художник, и чем выше его художественное мастерство, тем лучше его ковры и тем скорее и дороже их покупают.

Самые различные предметы прикладного искусства, найденные в Хотане, Лоулане, Турфане, Карашаре и даже в Кашгаре, имеют сходство в стиле, форме, материале и т. д.⁵¹ Это обстоятельство говорит о том, что, несмотря на разделение территории Кашгарии между двумя государствами с различной идеологией — мусульманской в Караханидском и буддийском в Уйгурском, быт людей был очень близок.

VI

Уйгурский фольклор раннего времени малоизвестен. Лишь отдельные упоминания встречаются у китайских авторов. Д. Позднеев сообщает, что глава одного гаогуйского аймака Бэй Хоу-ли (IV—V вв.), боровшийся с жузянями, был очень храбрый и пользовался большой известностью. Про него складывали песни, и женщины пели: «Хотим себе хорошего мужа, как

⁴⁷ Stein. *Ancient Khotan*, vol. II, табл. LXX.

⁴⁸ Stein. *Serindia*, t. IV, табл. XXXIV.

⁴⁹ Stein. *Ancient Khotan*, vol. II, табл. LXXIV.

⁵⁰ Maspero. *Les documents chinois*, док. №№ 474, 475.

⁵¹ Stein. 1) *Serindia*, t. IV, табл. CXXVIII; 2) *Ancient Khotan*, t. II, табл. LXVIII; 3) *Innermost Asia*, табл. XLVI—XLVII.

Бэй Хоу-ли». ⁵² В поэме, известной под названием «Хувас», или «Хувадувасин», отражена идея борьбы добра и зла. Бог света, олицетворявший добро, боролся с демонами — носителями зла. Мифологические сюжеты переплетались с историческими. В действительной жизни жужане представляли зло для гаогюйских родов, с ними велась длительная борьба за независимость. В поэме говорилось, что человек должен избегать зла, бороться с ним. Идея борьбы со злом являлась весьма важной для гаогюйцев, на ней воспитывалось молодое поколение для борьбы с жужанями. Но зло можно было победить общими усилиями, поэтому все должны идти за храбрым Бэй Хоу-ли. Поэма носила патриотический характер.

В поэме народ стремился сохранить в своей памяти наиболее важные события истории. Он излагал их в стихотворной форме, чтобы лучше запоминать. В устном творчестве постепенно исторические события заменялись мифологическими, и лишь хронологические границы событий, нашедших отражение в мифологии, продолжали связывать вымышленное с историческим.

Последующие события нашли отражение в легенде об «Огуз-хахе», которая имеется в записи и издана впервые в начале XIX в. ⁵³ Позднее она привлекала внимание ряда ученых, в том числе В. В. Радлова. ⁵⁴ В легенде говорится, что мальчик, один раз вкусив молоко матери, стал просить мяса и напитков. В сорок дней он ходил и играл, пас табуны и охотился. В лесу жил едишорог, пожиравший животных и людей. Огуз-каган убил его и избавил людей от зла.

Далее сказано о том, как Огуз-каган послал людей во все четыре страны света с предупреждением: «Я — каган уйгурский, и я должен сделаться каганом четырех стран света». На владетелей, отказавшихся признать зависимость от Огуз-кагана, он совершил военный поход и подчинил силой. В этих походах Огуз-кагану служил сивый волк. Когда Огуз-каган стал стар, то направил на охоту своих сыновей. Три сына от первой жены направились на восток, а три сына от второй жены — на запад. Первые принесли отцу золотой лук, а вторые — три серебряные стрелы. Огуз-каган сломал лук на три части и подал старшим братьям, а стрелы — младшим, по одной каждому. После этого Огуз-каган разделил свой народ между сыновьями.

Эта легенда относится к тому периоду истории уйгуров, который не зафиксирован источниками. Подобные же легенды содержатся у Рашид ад-дина, Джувейна и Абу-л-Гази, но в их вариантах — больше достоверных событий, чем в уйгурской версии.

⁵² Позднее в. Исторический очерк уйгуров, стр. 20.

⁵³ Dietz. Der neunentdeckte oughurische Cyklop.

⁵⁴ Radloff. Das Kudatku-bilik; Радлов. К вопросу об уйгурах, стр. 21—29.

В легенде об Огуз-кагане вымысел связан с историческим событием, а именно со временем, когда уйгурские племена обрели силу на Орхоне и одержали победу над Тюркским каганатом (VII—VIII вв.).

*
* *

Большим событием в истории культуры уйгуров было появление письменности. Нет точных данных о начале письменности, и лишь наличие письменных памятников в какой-то мере служит нитью, ведущей в далекое прошлое. По ним можно судить о раннем появлении письменности у уйгуров. Едва ли можно с полной уверенностью ответить на вопрос, каким письмом был написан первый уйгурский памятник. В ранний период своей истории уйгурские каганы находились в зависимости от китайских императоров, жаловавших каганам почетные титулы. Постоянно приезжали из Китая послы, и каганы в свою очередь направляли ответные посольства ко двору.⁵⁵ И нет сомнения в том, что при каганах были люди, знавшие китайский язык и умевшие переводить императорские грамоты и писать ответные послания. Однако трудно утверждать, что китайское письмо можно считать первым, которое знали уйгуры.

Возможно, гаогюйские роды, оказавшиеся в Притяньшанье довольно рано, познакомились там и с письмом тохарским, сакским, брахми, сирийским, согдийским.

Несомненно одно, что образование государства явилось важным фактором в развитии уйгурской культуры, в том числе и письменности. Государство нуждалось в упорядочении управления, учета, в сношениях с соседними народами и т. д. Буддийские монастыри являлись очагами распространения грамотности. В них проходило обучение монахов грамоте.

Одним из ранних письменных памятников считается «Покаянная молитва манихейцев» — хуастуанифт. С. Е. Малов полагает, что этот памятник манихейской культуры мог быть создан до принятия ислама в Среднюю Азию, следовательно, перевод на уйгурский язык, написанный уйгурским письмом, можно отнести к V в. н. э.⁵⁶

Известны также ранние уйгурские памятники, написанные руническим письмом на камнях. Они были найдены на территории Монголии Г. Рамstedтом в урочищах Суджи и Шине-Усу.⁵⁷ Шинеусунский относят к середине VIII в., а суджинский — к середине IX в. Оба они посвящены историческим событиям и называют реально живших лиц. Текст шинеусунской надписи посвящен первому уйгурскому кагану Моюи-чуру, при котором уйгурские племена одержали победу над тюркским ханом Озмыш-

⁵⁵ Позднеев. Исторический очерк уйгуров, стр. 18, 20, 22—23.

⁵⁶ Малов. Памятники, стр. 108.

⁵⁷ Ramstedt. Zwei uigurische Runeninschriften.

тигином. После этой победы образовалась обширная уйгурская кочевая империя.

Значение этих надписей состоит не только в том, что они являются оригинальными уйгурскими, но и в том, что в них описываются политические события, при которых была создана уйгурская кочевая империя. Потомки должны знать подробности и чтить имена основателей древнего государства. В создании надписей следует видеть попытку осмыслить важнейший этап истории, а именно — объединение племен, принятие нового самоназвания и образование государства.⁵⁸

После прихода уйгуров в Притяньшань в конце IX в. письменность получила более широкое распространение. Археологическое изучение ранних центров уйгурской культуры дало большое число текстов различного содержания, написанных руническим и уйгурским шрифтами.⁵⁹

Принятие буддизма в качестве религии явилось новым толчком для широкого распространения грамотности среди уйгуров. Значительная часть мужского населения стала уходить в монастыри, где обучалась грамоте, чтобы уметь читать религиозные тексты. Более грамотные монахи знали санскрит, китайский, тибетский языки и переводили с них на уйгурский буддийские трактаты.

Наличие большого числа грамотных подтверждается рядом данных. В дошедших до нас документах имеются имена писавших эти документы, и сопоставление их с общим числом имен, называемых в документах, дает известное представление о соотношении грамотных и неграмотных. Вероятно, не будет большой ошибкой сказать, что около одной трети взрослых мужчин знало грамоту. В составе уйгурских деловых документов имеются хозяйственные записи, в которых вели учет уплаченных налогов, проданного и т. д. Писавшие эти листки не были монахами. Некоторые фрагменты можно рассматривать как упражнения в письме людей, обучавшихся грамоте. Слова на этих фрагментах бытового характера, поэтому можно предположить, что грамоте обучались не монахи.

Судя по остаткам древних монастырских строений, число монастырей было велико. Ван Янь-дэ пишет в своем докладе, что буддийских обителей наберется до пятидесяти.⁶⁰ Потребность в переводной буддийской литературе имела большая. Переводились многие сочинения, преимущественно канонического характера, и сутры.

Наиболее крупным произведением переводной литературы буддийского содержания является сутра «Золотой блеск» (Suvarnap-

⁵⁸ Позднеев. Исторический очерк уйгуров, стр. 50.

⁵⁹ Малов. Памятники, стр. 102—104, 107, 128, 130, 138, 143, 144, 198, 199, 217, 218.

⁶⁰ Григорьев. Землесведения К. Риттера, стр. 268.

rabhasa), имеющая уйгурское название: «Altun önlüg jaruq jalt ruqlu qorta kötrülmis nom iliki atlyu». — «Сияющая золотым блеском, над всеми превознесенная царь-книга».

Перевод сутры «Золотой блеск» на уйгурский язык сделан с китайского Сингку Сели Тудунгом в X в. Это сочинение было широко распространено среди уйгуров, оно неоднократно переписывалось и поэтому до наших дней дошло в разных редакциях.

Основная идея сутры состоит в развитии душеспасительного сюжета в двух легендах. Первая легенда посвящена рассказу о том, как правитель города Инчунь обещал заказать список сутры «Золотого блеска» и пожертвовать его буддийскому монастырю. Искреннее желание и исполнение этого желания избавило Кю-тау от тяжких страданий и болезней. Вторая легенда рассказывает о том же, но в отличие от первой избавляется от болезней и страданий жена начальника селения Ай-ку. В обеих легендах вернувшиеся к жизни мужчина и женщина перестали быть жестокими, не стали убивать животных, мучить людей, а убитые ими животные переселились в мир людей.

В числе других переводов можно назвать «Историю принцев Калынамкара и Папамкара»,⁶¹ имевшую распространение среди буддистов в ранний период. Сохранилось несколько текстов, записанных центральноазиатским брахми.⁶²

А. Стейн в «Сериндии» называет большое число согдийских, тюркских и уйгурских рукописей буддийского содержания, написанных по-согдийски, руническим письмом и уйгурским.⁶³ Часть уйгурских рукописей переводилась с китайского языка, и на некоторых имеются китайские колофоны. Из переводов можно назвать «Vajracchedika», «Vimalakirti — sutra» и комментарий на «Abhidharmakosa».

С. Ф. Ольденбург во время поездки в Дуньхуан собрал несколько уйгурских буддийских текстов. Буддийские сочинения на уйгурском языке были широко распространены в Центральной Азии. Они были известны и за пределами политических границ Уйгурского государства, как например в Дуньхуане, а также у тангутов.

Уйгуры-буддисты стали сторонниками секты пуми, принадлежавшей к школе махаяны — Большая колесница. Эта школа противостояла ортодоксальному течению хинаяны — Малая колесница. Основатели махаяны стремились охватить своим влиянием все народы, чтобы их религия стала всеобщей. Махаяна приспособлялась к верованиям других народов, ассимилировала их, обретая все новые формы проявления.

⁶¹ Huart. Le conte bouddique des deux freres en langue turque, pp. 5—57; Pelliot. La version ouigour, pp. 225—272.

⁶² Воробьев-Десятовский. Памятники центральноазиатской письменности, стр. 280—308.

⁶³ Stein. Serindia, t. II, pp. 924, 925; t. IV, табл. CLXIII—CLXV.

Махаянисты исходили из того, что сам Будда посвятил себя спасению всего живого, поэтому просветление следует искать не только для самого себя, но и помогать всем остальным. Помощь должна заключаться прежде всего в примерном поведении.⁶⁴

Духовный идеал махаянистов отвечал интересам господствующего класса феодалов уйгурского общества. Махаянист обязан был давать обет достигнуть состояния просветления, бодисатвы — «состояние мудрого существования». Руководствуясь совершенной мудростью и любовью, он добивается уничтожения страданий и спасения своей души. Бодисатва освобождает людей от страданий примерным поведением и страдает сам от поступков людей. Достижение совершенства, или нирваны, должно происходить в этом мире. Итак, махаянисты дают верующим надежду на избавление от всех невзгод и несчастий не в борьбе человека с трудностями, а во внутреннем совершенстве. Именно в этих идеалах был заинтересован класс феодалов, светских и духовных, живших за счет труда народных масс. Главная цель — отвлечение народа от борьбы с угнетателями — достигалась успешно. Бедный народ пребывал в смирении.

Изучая буддийские тексты, уйгуры знакомились с буддийской философией. По отрывочным данным можно предполагать, что трактаты школы Sarvastivadin были известны уйгурским буддистам. В развалинах храмов были найдены фрагменты текстов этой буддийской школы.⁶⁵

Находка А. Стейна уйгурского перевода «Абхадхармакоша» («Основные концепции буддизма») Васунбандху, жившего в эпоху наивысшего расцвета буддизма (V—VI вв.), явилась толчком к тому, что Ф. И. Щербатской приступил к изучению этого памятника по тибетскому переводу.⁶⁶ «Абхадхармакоша» представляет руководство и введение в изучение сложных доктрин сарвастивадинов.

Сторонники секты сарвастивадинов утверждали, что все существует во внешнем мире. Предметы не имеют длительного бытия, в каждый момент исчезает и появляется новый объект, который совершенно отличен от предыдущего, разрушившегося. Разрушение ими разумелось сознаваемое и несознаваемое. Первое, когда человек ударом это совершает, а второе — постепенное изнашивание предмета. Момент — не только атом времени, но и само бытие или объект, существующий только в данный момент, поскольку вещь существует и меняется каждую минуту. Мир, таким образом, представляет постоянную смену во времени.⁶⁷

⁶⁴ Чаттерджи и Датта. Древняя индийская философия, стр. 146—151; Синха, Банерджи. История Индии, стр. 82, 83.

⁶⁵ Ольденбург. Русская туркестанская экспедиция 1909—1910 г. Stcherbatsky. Bibliotheca Buddhica.

⁶⁷ Щербатской. Теория познания и логика по учению поздних буддистов, стр. 73—76.

Сарвастивадины выражали материалистическое течение в буддизме и противостояли идеалистическому направлению в буддийской философии. Сочинение под названием «Saddharma — pundarika» является одним из ранних текстов махаянистов-буддистов, в котором отражен период перехода от хинаяны к махаяне. Большая часть книги посвящена доказательству того, что сторонники секты хинаяны вели проповедь буддизма для пользы людей, поскольку великая правда была им не известна.⁶⁸ Сочинение «Prajña — paramita» входит в состав буддийского канона и относится к сочинениям махаянистов.

В настоящее время невозможно сказать, в какой степени философские идеи буддизма развивались уйгурами. Возможно, они продолжали сохранять воспринятые принципы в канонической форме.

Буддийская литература религиозного содержания, господствовавшая в Уйгурском государстве, имела различные жанры: канонические сочинения, легенды, проповеди. Кроме переводных проповедей буддийского содержания, появились и оригинальные. Они посвящались религиозным сюжетам, но в них говорилось о житейском, чтобы проповедь лучше доходила до слушателей. Видимо, к такого рода произведениям следует отнести фрагмент, изданный В. В. Радловым.⁶⁹ В русской литературе эти сочинения назывались «Слова», а в китайской — бэньвэни.

Уйгурские буддисты немалую роль сыграли в распространении буддизма среди тангутов. В монастырях они занимались переводом книг на тангутский язык. Эти факты лишний раз подтверждают распространение грамотности среди уйгуров-буддистов и то, что некоторые из них знали языки соседних народов: китайский, тангутский, санскрит, тибетский.

Когда тангутский император Юань-хао в 1047 г. построил большой монастырь Гаотай в столичном округе, то уйгурские монахи переводили на тангутский язык присланные из Китая книги. В 1055 г. был построен другой монастырь, где тоже уйгурские монахи читали буддийские сутры на китайском языке самому императору Лян-цзю.⁷⁰

Уйгурские документы и другие данные говорят о том, что грамотность среди уйгуров распространена сравнительно широко, многие монахи получили хорошее образование, проповедовали буддизм в монастырях и при императорских дворах других народов, а между тем кажется странным, что до нас не дошли исторические сочинения, написанные на уйгурском языке в тот период времени, когда уйгуры переживали важный этап в своей истории. Созданное в оседлых районах государство оказалось прочным. Сознание этнической общности было развито больше, чем

⁶⁸ 2500 years of buddhism, pp. 159—162.

⁶⁹ Р а д л о в, док. № 43.

⁷⁰ К ы ч а н о в. Государство Си Ся, стр. 19.

в VIII в. И, казалось бы, все эти процессы должны быть отражены в той или иной форме в письменных источниках, но лишь деловые документы восполняют пробел и освещают отдельные стороны жизни уйгуров того времени.

Иной характер получило развитие письменной литературы в западных оазисах Кашгарии, входивших в состав Караханидского государства, где культурным центром стал Кашгар.

В западных оазисах развитие культуры шло под влиянием традиций, господствовавших в Средней Азии. Литература испытывала влияние таджикской и арабской литературы, писатели были хорошо знакомы с лучшими произведениями этих литератур, стремились подражать им. Литературные произведения, созданные в Кашгаре и дошедшие до нас, являются важнейшим вкладом в историю не только уйгурской культуры, но и ряда других народов. Из сочинений, написанных в Кашгаре — наиболее культурном центре того времени, можно назвать несколько широко известных в науке.

Дидактическая поэма «Кутадгу-билик» Юсуфа Баласагунского написана в 1069 г.⁷¹ Автор, создавая ее, имел цель содействовать укреплению феодального государства караханидов, на ней должны были воспитываться знатные юноши, вступающие на путь служения государству. Поэма Юсуфа Баласагунского считалась образцом придворной литературы. Она не имеет фабулы, в ней нет времени действия героев, причинной связи событий. Основная идея — воспитание моральных качеств у правителя и его подчиненных — выражена при помощи рассуждений четырех человек олицетворяющих рассудок, справедливость, счастье и довольство. Личные качества надлежало иметь такие, которые содействуют процветанию народа.

Одновременно с «Кутадгу-билик» было создано другое выдающееся произведение — «Диван Лугат ат Тюрк» Махмуда Кашгарского.⁷² Составитель этого словаря сохранил многие образцы уйгурского фольклора XI в. В звучных народных стихах отражена жизнь во всем ее многообразии.

О печали разлуки пелось:

Продолжая все плакать, я погибал.
Я бередил раны моей печени.
Я преследовал убсжавшее счастье.
В день дождя у меня шла кровь.
Ушел свет моих глаз.

Радость приходит на смену отчаянию, безысходной тоске, счастье встречи радует, и создаются другие песни:

Она пришла ко мне с упреками.
Играя, она приветствовала меня.
Она вытерла слезы моих глаз
И исцелила раны моей печени.

⁷¹ Малов. Памятники, стр. 224—304.

⁷² Там же, стр. 305—315.

Словарь тюркских языков Махмуда Кашгарского представляет подлинную энциклопедию того времени. В нем содержатся богатые и достоверные сведения по тюркским языкам. Фольклорные записи являются исключительно ценными. Большой этнографический и географический материал по ряду тюркских народов, собранный Махмудом Кашгарским, дает возможность ответить на многие вопросы, возникающие перед наукой.

К ранним памятникам относится сочинение, известное в литературе под названием «Тазкире Бограхана».⁷³ Задача автора заключалась в описании великой миссии Бограхана, насаждавшего ислам среди уйгуров. Автор считал справедливым и приемлемым лишь то, что исходит от ислама, все остальное порочно. Насаждение ислама любыми средствами оправдано великой целью, поэтому войны против неверных являются священными. Описание военных походов и сражений занимает большую часть сочинения, лишь иногда делаются отступления, в которых сообщаются подробности о быте людей, о их занятиях.

Не все памятники, написанные в Кашгаре в ранний период, дошли до нас. Иногда мы знаем имя автора и название сочинения от других авторов. Так, например, Джамаль Карши, автор конца XII в., писавший в Кашгаре, в добавлении к арабскому словарю ал-Джаухари дал Прибавление о династиях, об ученых и шейхах, пользовавшихся известностью. Историк XI в. Абу-л-Футуха Абд-ал-Гафире был включен как автор исторического сочинения о Кашгаре. Труд Абу-л-Футуха, видимо, не сохранился, но упоминание о нем Джамала Карши в данном случае важно в том отношении, что можно говорить о развитии различных жанров литературы в Кашгаре в XI в.

VII

Уйгуры в настоящее время являются мусульманами, но в своей истории они меняли свои религиозные верования несколько раз. Смена религий была связана с важными этапами исторического развития уйгуров.

В ранний период уйгуры были шаманистами и анимистами, почитали гром. Китайский автор сообщил об этом некоторые подробности. Гаогюйцы «любят громовые удары. При каждом громовом ударе производят крик и стреляют в небо, потом оставляют это место и расходятся. В следующем году осенью, как лошади пожирсут, опять сходятся на место громового удара; зарывают барана и зажигают светоч с ножом. Шаманка читает молитвы, подобно тому как в срединном государстве при удалении несчастья. Толпа мужчин на верховых лошадях делает множество кругов

⁷³ Рукописное собрание Института народов Азии АН СССР, А. 238; С 547.

около этого места; потом мужчина берет пук ивовых или осоковых ветвей, ставит комлем вверх и обливае кумысом».⁷⁴

Это краткое сообщение о верованиях гаогюйцев — прямых этнических предшественников уйгуров — представляет важный интерес для понимания некоторых идеологических их воззрений в ранний период истории.

*
* *
*

Принятие уйгурами манихейства в середине VIII в. явилось большим событием и несомненно имело прогрессивное значение. Вместе с манихейством воспринимались более высокая культура и письменность. Шаманизм с его родовыми богами уже не отвечал интересам нарождающегося класса феодалов. Силам, стремившимся объединить племена в одно государство, нужен был один бог, покровительствовавший одному государю.

Не следует думать, что после принятия манихейства в качестве государственной религии с шаманством было покончено. Оно продолжало сохраняться у народа. Люди по-прежнему почитали духов, приносили им жертвы, чтили предков, боялись грома. И трудно допустить, чтобы официальный акт со стороны главы государства мог сменить верования, соблюдавшиеся из поколения в поколение. Религия, проникая в среду народа, приспособления своих позиций вынуждена считаться с психологией людей, с их привычками и т. д.

Уйгуры пришли в Притяньшань, исповедуя манихейство, принятое ими в первой половине VIII в., когда они находились на Орхоне.

Тогуз-гузы, по свидетельству Гардизи, исповедовали манихейство. Их хахан принадлежал к динаверийской вере, около его дворца ежедневно собиралось 300—400 человек и громко читало сочинения Мани.⁷⁵ Это свидетельство относится к первому периоду пребывания уйгуров в Притяньшань, возможно ко второй половине IX или к началу X в.

Манихейство исповедовалось более ста лет. Оно оставило заметный след во многих областях культуры. И все же буддизм оказался более сильным, он вытеснил манихейство. Победу буддизма не следует объяснять только религиозными причинами. Они лежат в экономической силе буддийских монастырей, оказавших влияние на господствующий класс Уйгурского государства. Классовые интересы монастырей и каганов совпадали. Буддизм становился орудием идеологического воздействия на народ, а за это каганы-идикуты жаловали монастырям земли, освобождали от налогов и давали другие привилегии.⁷⁶

⁷⁴ Позднеев. Исторический очерк уйгуров, стр. 127.

⁷⁵ Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию, стр. 115, 116.

⁷⁶ Радлов, док. № 88.

Нельзя определенно сказать, когда буддизм проник в Центральную Азию, но народы саки, кушаны, обитавшие на территории Синьцзяна, восприняли буддизм до нашей эры. Первоначально буддизм распространился в Хотане и восточнее к Лобнору, а затем далее на северо-запад в Кучаре, Кашгаре и Турфане. В древних преданиях говорится, что сын Ашоки по имени Кустана насадил буддизм в Хотане. Первый буддийский монастырь в Хотане был выстроен в 211 г. до н. э., и буддизм стал господствующей религией, распространяясь из этого района далее на север и на восток. В ранний период Кучар являлся наиболее важным центром буддийской культуры. Китайские источники III в. н. э. сообщают о том, что в Кучаре имелась тысяча ступ и храмов. Пролетание буддизма в Кучаре продолжалось, видимо, до VII—VIII в., а после утраты военной и политической силы Кучарского оазиса центр буддийской культуры переместился в туфанские города, где ему оказывали покровительство уйгуры. Новый период развития буддизма был не менее успешным, чем кучарский. Многочисленные архитектурные памятники, скульптура, живопись, переводы буддийских текстов на уйгурский язык являются доказательством пышного расцвета буддизма при уйгурах.

Китайский посол Ван Янь-дэ, приезжавший к Арслан-хану в 981 г., писал о том, что имелся храм Мани, в котором служили персидские жрецы, считавшие буддийские канонические книги еретическими.⁷⁷ Буддийских храмов, по его мнению, насчитывалось до пятидесяти.⁷⁸ Следовательно, буддизм в это время играл главную роль в Уйгурском государстве, а манихейский храм оставался лишь для немногих последователей этой веры.

Рубрук тоже пишет об исповедовании уйгурами буддизма и одновременно сообщает о христианах несторианского толка.⁷⁹ Христианство у уйгуров не имело такого широкого распространения, как буддизм, хотя оно не запрещалось. По утверждению того же Рубрука, христианство, исповедовавшееся уйгурами, отошло от ортодоксальных догм православия, и он с трудом в них узнавал христиан. Он пишет об уйгурах-христианах, что они составляли особую секту среди «идолопоклонников». Они в своих храмах ставили изображения умерших предков. Во время молитвы становились лицом на север, опускались на колени и, сложив руки, прикасались к ним лбом. Мухаммед ал-Ауфи в первой четверти XIII в. в Индии писал в своем «Сборнике анекдотов и блестящих рассказов», что среди уйгуров есть христиане и поклоняющиеся солнцу.⁸⁰

Плано Карпини не пишет о буддизме у уйгуров. Он замечает, что «эти люди (уйгуры, — Д. Т.) — христиане несториан-

⁷⁷ Григорьев. Землеведение К. Риттера, стр. 269.

⁷⁸ Там же, стр. 268.

⁷⁹ Рубрук. Путешествия в восточные страны, стр. 105—108.

⁸⁰ Бартольд. Туркестан. Тексты, стр. 99.

ской ереси».⁸¹ Но он, как и Рубрик, сам не проезжал по стране уйгуров, а пользовался расспросными сведениями, поэтому пишет только о христианстве, т. е. о том, что слышал от своих информаторов. Притом следует помнить, что Плато Карпини направлялся на восток папой Иннокентием IV. Опасаясь нового нашествия монголов на Европу, папа имел намерение обратить монгольских ханов в христиан и подчинить своему влиянию. Намерение папы основывалось на слухах о священнике Иоанне, правившем одним из государств Востока. Поэтому естественно, что Плато Карпини стремился искать прежде всего христиан. Его интересовало известие о христианах у уйгуров, о чем он и писал.

Хотя уйгуры длительное время исповедовали манихейство, христианство и буддизм, все же у них сохранялись различные поверья. Тот же Ван Янь-дэ сообщает о некоторых поверьях у уйгуров. Они считали, что, поливая человека водой или брызгая на него воду, можно устранять вредное влияние жары на человека и спасти от болезней.⁸² В основе этого поверья лежит благотворное влияние на организм воды, особенно в жаркий период года. Вода освежает человека, делает его бодрее, и люди замечали, как человек, изнуренный жарой, от воды становился бодрым. Постепенно обливание превратилось в поверье, и люди брызгали друг на друга руками, из серебряных трубочек, специально сделанных для этой цели.

Отмечено и другое поверье. Весной люди ездили в буддийские монастыри на богомолье целыми общинами и во время поездки стреляли из лука стрелами во все, что попадало под руку, считая, что стрельбой заклиняют беду.

В связи с обычаями и поверьями необходимо обратить внимание на обычай захоронения, отмеченный Рубруком. Францисканец собирал сведения о культуре, религии и народных обычаях. Об уйгурах он писал со слов буддистов и несторианцев, с которыми беседовал и вел споры, что «они сжигают своих умерших по старинному обряду и сохраняют прах на вершине пирамиды».⁸³ Какой же старинный обряд имел в виду Рубрук? Многочисленные раскопки захоронений говорят о том, что уйгуры в период пребывания на Орхоне и Селенге не сжигали покойников. В суйских летописях уйгуры известны как теле, о которых сказано: «Умерших они зарывают в землю»,⁸⁴ поэтому обычай сжигания уйгуры не могли принести с собой в Притяньшань. Жившие

⁸¹ Плато Карпини. История монголов, стр. 17—18.

⁸² Григорьев. Землеведение К. Риттера, стр. 268.

⁸³ Плато Карпини. История монголов; Рубрук. Путешествие в восточные страны, стр. 108.

⁸⁴ Позднесв. Исторический очерк уйгуров, стр. 41.

здесь народы тоже хоронили покойников, как показывают раскопки могил.⁸⁵

Возможно, обычай сжигания трупов уйгуры восприняли с буддизмом. Рубрук пишет, что прах сохраняли на вершине пирамиды. Под пирамидой, вероятно, следует понимать ступу. Но был ли этот обычай повсеместным или же он соблюдался только в буддийских монастырях, сказать пока нельзя. Не исключено и такое положение: буддийское духовенство сжигало покойников, а в народе продолжали хоронить по старым обычаям. Обрядовые обычаи и поверья очень живучи, и религия вынуждена мириться с ними, чтобы сохранить свое влияние, а буддизм исповедовавшийся уйгурами, не был ортодоксальным и многое воспринимал из верований и обычаев, бытовавших у народа прежде.

Уйгуры находились на стыке культур китайской и индо-иранской, поэтому уйгурская культура постоянно находилась под влиянием Запада и Востока. От политических событий зависела степень влияния индо-иранской или китайской культуры. С древнейших времен караванные пути, проходившие с Запада на Восток через Таримский бассейн, служили каналами культурных связей, и население, обитавшее на этих пунктах, воспринимало культуру как Востока, так и Запада.

VIII

Путешественники, посещавшие уйгуров, обычно писали о любви уйгуров к музыке. Эту черту замечали и в ранний период средневековья. Видимо, склонность к музыке и веселый нрав всегда были свойственны уйгурам. Китайский посол Ван Янь-дэ писал: «Отправляясь на прогулку, близкую или далекую, никогда не забывают захватить с собою музыкального инструмента».⁸⁶

Эту же мысль высказывает и Марко Поло: «Народ веселый, — то и дело что играют на инструментах, поют, пляшут».⁸⁷ Свидетельства современников важны потому, что они говорят о широком распространении музыки в народе.

Из музыкальных инструментов наибольшее распространение имели биба, род мандолины с четырьмя струнами, и гупь-хэу, гитара с 25 струнами. Кроме этих музыкальных инструментов, упоминается звонкий камень.⁸⁸

На некоторых картинах изображены музыкальные инструменты того времени. Обычно рисовалась биба. Она имела форму

⁸⁵ Хуан Вэнь-би. 1) Гаочан, 2) Тулуфань.

⁸⁶ Григорьев. Землеведение К. Риттера, стр. 268.

⁸⁷ Минаев. Путешествие Марко Поло, стр. 76.

⁸⁸ Григорьев. Землеведение К. Риттера, стр. 267, 271.

мандолины, иногда можно различить четыре струны, которые перебирались пальцами. На грифе видны широкие лады, ясно различается дэка. А. Стейн нашел гриф музыкального инструмента, на котором видны три колка, видимо, инструмент был трехструнный.⁸⁹

IX

О жилищах уйгуров раннего времени мало что можно сказать. Прежде всего жилища кочевников резко отличались от жилищ оседлого населения. Гардизи писал, что тогуз-гузы проживают в палатках.⁹⁰ Но в юртах могла жить лишь часть уйгуров, продолжавших кочевать на джунгарских равнинах, а та часть, которая передвинулась южнее Тянь-Шаня, вела оседлый образ жизни и проживала в домах. И, конечно, уйгуры строили дома такие, какие были здесь у населения до их прихода.

Уровень развития техники, культуры и продолжительный опыт подсказывал людям, какое жилище более удобно и доступно.

Климатические условия несомненно приходилось учитывать жителям Притяньшаньских оазисов при постройке жилых помещений. Жилой дом должен был защищать человека зимой от холода, а летом от непомерной жары. Стены домов делались сравнительно толстыми из глины или сырцового кирпича большого размера, а крыши покрывались глиной. Такие дома не отличались прочностью. Ван Янь-дэ замечает, что в 871 г. выпал сильный дождь и много домов разрушилось.⁹¹

Оба автора, Гардизи и Ван Янь-дэ, пишут о том, как жители летом спасаются от жары в ямах и возвращаются в дома лишь осенью, когда спадет жара. Но, видимо, китайский автор писал это об оседлых жителях, а персидский — о кочевниках. Ведь Гардизи говорит о тогуз-гузах следующее: «Простой народ весь состоит из степняков, живущих в шатрах», а затем замечает, что от жары спасаются в ямах. Конечно, юрта плохо грела зимой и мало защищала от жары летом.

Жилища горожан несколько отличались от жилищ сельских жителей. Археологические раскопки дали возможность установить, что в городах были дома в два этажа.⁹² Городская архитектура сама по себе определяла в известной степени характер постройки. Иногда улицы состояли из домов мастеров того или иного вида ремесла, как например кузнецов, цирюльников и т. д.

Много жилищ делалось в виде пещер в лёссовых толщах.⁹³ До наших дней сохранились такого типа монастырские поселения, создававшиеся рядом с храмами. Пещеры имели ряд преимуществ

⁸⁹ Stein. Ancient Khotan, vol. II, табл. LXXIII.

⁹⁰ Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию, стр. 116.

⁹¹ Григорьев. Землеведение К. Риттера, стр. 267.

⁹² Klement. Nachrichten über die Expedition nach Turfan.

⁹³ Ольденбург. Русская туркестанская экспедиция 1909—1910 г.

ществ. Стены их не промерзали и не выдувались холодными ветрами, в жаркое время были прохладными, а в период дождей не размывались и не разваливались. Строительство их обходилось дешевле.

Об одежде можно сказать, что она отличалась простотой покроя и фасонов. Форма ее отвечала условиям жаркого климата. По свидетельству Гардизи, она была широкая, покрывавшая все тело. Рукава тоже делались широкие, а полы — длинные.⁹⁴ Эти сведения дополняются сообщением Ван Янь-дэ о том, что женщины на головах носили лакированные колпаки — сумача.⁹⁵

Широкая одежда с длинной полрой, — видимо халат. В уйгурских документах не раз называется одежда тун-халат, который был распространен среди населения.⁹⁶ Мужчины сверх халата носили пояс, на котором висел нож, точильный камень.

На картинах уйгурского периода мужчины и женщины нарисованы в халатах.⁹⁷ Надо полагать, художник рисовал такие халаты, какие люди носили в действительности. Халаты эти, как можно судить по рисунку, делались длинными и широкими. Люди предпочитали просторную одежду, и в условиях очень жаркого климата она казалась более удобной, чем узкая.

Богатые и знатные носили шелковую одежду, а самое высшее сословие одевалось в китайскую парчу. Простой народ шил одежду из хлопчатобумажной ткани домашнего производства (боз и кокпу). Ткани эти были грубые, но прочные и стоили дешево.

Буддийские монахи носили одежду желтого цвета. Узкие рукава подпоясывались, а на левое плечо перекидывали плащ, который, спускаясь, покрывал грудь и спину до пояса.⁹⁸ Одежда буддийских монахов неуйгурская. Она была общепринятой в монастырях и сохранилась при уйгурах.

Обувь изготовлялась из кожи и из материи. Подошвы могли быть кожаные, деревянные или матерчатые, но уже прошитые для прочности. Матерчатая обувь делалась из хлопчатобумажной и шелковой ткани. Осадков выпадало очень мало, зима была короткая, а лето длинное и чрезмерно жаркое, поэтому матерчатая обувь имела ряд удобств. Она не сгорала от горячей земли, была легкая и мягкая, простая в изготовлении и стоила дешевле, чем кожаная. Сохранилась обувь шитая и плетеная.⁹⁹

⁹⁴ Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию, стр. 116.

⁹⁵ Григорьев. Землеведение К. Риттера, стр. 268.

⁹⁶ Радлов, док. №№ 31, 32, 38, 42, 51 и др.

⁹⁷ Ле Соq. Chotscho, табл. 30, 40.

⁹⁸ Плано Карпини. История монголов, стр. 107.

⁹⁹ Ле Соq. Chotscho, табл. 63. Stein. Innermost Asia, vol. III, табл. XLVI—XLVII.

О семье и браке у уйгуров в ранний период имеются отрывочные данные, поэтому здесь будут затронуты лишь те стороны вопроса, о которых встречаются сведения в источниках. Брачные обряды, семья неизбежно менялись по мере развития уйгурского общества, в котором семья выступала носителем права собственности. Но недостаток данных не дает возможности проследить процесс развития семьи, какие черты в ней сохранялись от первобытнообщинного строя.

В китайских источниках суйского времени (581—618) сказано, что теле, как тогда назывались уйгуры, были кочевники и «нравы телесцев вообще одинаковы с тукюэскими. Только женятся у них уже взрослые мужчины и тотчас после свадьбы живут в доме родителей жены, ожидая, пока родится и вскормится грудью первый ребенок. Только тогда молодая чета возвращается в свой дом».¹⁰⁰

Возможно, здесь еще сохранялись пережитки матрилокального брака, но они уже уступали место патрилокальному, и, кажется, приведенная цитата говорит о разложении патриархальной семьи у уйгуров, на смену которой приходит моногамная семья. В условиях кочевого быта патриархальная семья меньше разрушалась, чем у оседлых жителей. Большая семья имела большое стадо и могла сохранять за собой лучшие пастбища. Во время перекочевков мужчины такой семьи успешно охраняли скот от баранты. Сбыт продуктов животноводства в большой семье можно было лучше организовать, чем в малочисленной.

К концу IX в., т. е. ко времени создания Уйгурского государства в Притяньшанье, развитие семьи у уйгуров продвинулось далеко вперед и малая семья стала основным институтом. Этот процесс усилился с укреплением частной собственности на основные средства производства. Частная собственность оказывала влияние на развитие правовых норм, на отношение между членами территориальной общины и членами семьи. Семья стремилась сохранить свое право собственности путем передачи имущества по наследству, и моногамная семья стала тем институтом, в котором закреплялось наследственное право. Ф. Энгельс о моногамной семье писал: «Она основана на господстве мужа с определенно выраженной целью рождения детей, происхождение которых от определенного отца не подлежит сомнению, а эта бесспорность происхождения необходима потому, что дети со временем в качестве прямых наследников должны вступить во владение отцовским имуществом».¹⁰¹

Из деловых и описательных источников мы знаем, что в Уйгурском государстве право владения по наследству землей, скотом, домом и всем остальным имуществом переходило к детям. Боль-

¹⁰⁰ Позднеев. Исторический очерк уйгуров, стр. 41.

¹⁰¹ Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, стр. 65.

шая семья в силу ряда причин сохранялась не только у той части, которая продолжала заниматься кочевым скотоводством на севере государства, но и у оседлой, перешедшей к земледелию. В источниках можно проследить семьи, состоявшие из нескольких поколений.

К особым условиям следует отнести недостаток земли. Орошаемая земля была ограничена, и выделение семьи из хозяйства зависело от наличия земельного участка. Наделение земель вновь образовавшихся семей государство производило в определенные периоды, а до этого времени семья, если не имела возможности купить землю или арендовать, не могла рассчитывать на получение собственного участка и вынуждена была оставаться в составе семьи отца. Участвуя своим трудом в создании благополучия семьи отца, новая семья имела право на долю наследства. Едва ли другими причинами можно объяснить тот факт, что в сделках встречаются родственники с различной степенью родства. Обычно в конце сделок (документов) называются сын и дочь,¹⁰² старший и младший братья,¹⁰³ сводный брат,¹⁰⁴ дядя и племянник,¹⁰⁵ зять¹⁰⁶ и кадаш.¹⁰⁷

Перечисление в сделках дядей, племянников и других родственников в числе лиц, имеющих право возбуждать спор, видимо, есть не только традиция оформления документов, но и отражение действительного правового положения членов семьи. В документах обычно сказано, что в случае смерти лица, заключившего сделку, материальную ответственность несет сын,¹⁰⁸ младший брат.¹⁰⁹ В двух документах встречается отступление от этого, и сказано просто «мой человек»¹¹⁰ и родственники.¹¹¹ Документы убедительно говорят о том, что братья жили вместе, в одной семье и власть следовала по старшинству. При отсутствии отца право главы семьи оставалось за старшим братом.

В большой семье сохранялась деспотическая власть отца. Он выступал в качестве главного лица во всех случаях, касавшихся интересов семьи в целом. Перед государством он один считался ответственным.¹¹² Отец вел переговоры, подписывал брачное соглашение.¹¹³ Глава семьи имел право отдать в наем млад-

¹⁰² Р а д л о в, док. № 115.

¹⁰³ Там же, док. № 109.

¹⁰⁴ Там же, док. № 78.

¹⁰⁵ Там же, док. №№ 114, 115.

¹⁰⁶ Там же, док. № 61.

¹⁰⁷ Там же, док. №№ 15, 30, 114, 115 и др. — Подробно смотри о кадаше в разделе «Община».

¹⁰⁸ Р а д л о в, док. №№ 10, 37.

¹⁰⁹ Там же, док. №№ 34, 47, 63, 113.

¹¹⁰ Там же, док. №№ 18, 52.

¹¹¹ Там же, док. № 29.

¹¹² Там же, док. №№ 40, 41.

¹¹³ Там же, док. № 115.

шего брата или сына, отправить в монахи или в приемные сыновья и даже продать в рабство.¹¹⁴

На основании документов можно сказать, что право наследства сохранилось по мужской линии за сыном или братом. Видимо, существовал обычай завещать право наследования. В таком духе можно понимать док. № 78, изданный Радловым, в котором сказано, что после уплаты беку и всех расходов остальное имущество должен наследовать сын и никто другой не может возбуждать спора. В другом случае оговаривается право наследовать землю тому, кто уплатит долги хозяина земли.¹¹⁵

Не всегда имущество доставалось одному наследнику. Сохранились документы о разделе наследства между несколькими лицами. В одном из них делилось движимое и недвижимое имущество, земля,¹¹⁶ а в другом только земля. В нем имеется оговорка о том, что земля делится после смерти старшей сестры.¹¹⁷ Младшие сыновья и братья могли уходить работать по найму,¹¹⁸ но юридическим лицом в этом случае при заключении соглашения выступал отец или старший брат. Младший сын или младший брат могли усыновляться¹¹⁹ или же продаваться в рабство.¹²⁰

При заключении таких сделок указывались близкие родственники. Вероятно, требовалось согласие их на продажу или отдачу в наем.

Основываясь на документе, опубликованном В. В. Радловым,¹²¹ можно считать бесспорным, что у уйгуров существовал стговор. Из документа видно, что при заключении брачного контракта были перечислены вещи, которые невеста должна была иметь. Жених, получив все приданое, давал обязательство не возбуждать спора против отца невесты. Но не только сам жених отказывался от всех претензий, он оговаривал, что его родственники тоже не будут их иметь. Нарушавший данное условие обязан платить штраф.

Выкуп существовал не у одних уйгуров. Ф. Энгельс писал по этому поводу следующее: «Таким образом, в бесчисленном множестве случаев заключение брака до самого конца средних веков оставалось тем, чем оно было с самого начала, — делом, которое решалось не самими вступающими в брак».¹²² Общетеоретические

¹¹⁴ Там же, док. № 57; М а л о в, Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга, стр. 139.

¹¹⁵ Р а д л о в, док. № 32.

¹¹⁶ Там же, док. № 55.

¹¹⁷ Там же, док. № 12.

¹¹⁸ М а л о в, Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга, стр. 132.

¹¹⁹ Там же, стр. 136; Р а д л о в, док. № 57, 98.

¹²⁰ Р а д л о в, док. № 57.

¹²¹ Там же, док. № 115.

¹²² Э н г е л ь с. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Сочинения, т. 21, стр. 81.

положения Энгельса о браке и семье находят полное подтверждение в уйгурском обществе.

В тех условиях, когда отец или глава семьи выступал выразителем воли, выбор невесты или жениха зависел от родителей. Однако женщины у уйгуров имели большую свободу, бывали в обществе мужчин, девушки встречались с юношами, поэтому можно допустить мысль, что практиковалось иногда сватовство по желанию самих молодых людей. Конечно, родители, особенно отец, не всегда давали согласие на брак по желанию дочери или сына. На окончательное решение могло влиять многое, прежде всего имущественное и общественное положение семей жениха и невесты, от этого зависел размер приданого невесты и размер выкупа, уплачиваемого женихом. Бедный жених не мог рассчитывать на женитьбу на девушке из богатой семьи.

Форма документа была устойчивой, по ней можно судить об определенной традиции брачных контрактов. Соглашение представляет сделку двух сторон, так же как при продаже земли, вина и т. д. Если кто будет иметь претензии после письменного соглашения, то он будет платить штраф большому войску, казначею Кочо и самому идикуту.

Подтверждение того, что в Уйгурском государстве выплачивался выкуп за девушку, мы находим в неизданном уйгурском тексте. Из текста выясняется история обеднения человека. В конце концов у него остались деньги только на покупку девушки. («*Man taman tavar ina Kyz altym*»).¹²³

Уйгуры, выплачивая выкуп за невесту, не были исключением из общего положения, о котором писал Ф. Энгельс: «У всех исторически активных, то есть у всех господствующих классов, заключение брака оставалось тем, чем оно было со времени парного брака, — сделкой, которую устраивают родители».¹²⁴

Вполне естественно, что не все браки заключались поговору и по нормам обычного права. Действительная жизнь не укладывалась в установленные нормы. Из уйгурского же документа известен случай вступления в брак раба и рабыни. Здесь не было сторон, заключавших брачное соглашение. Мужчина и женщина вступали в брак по влечению сердца, не получив согласия хозяев. Когда хозяева узнали, то оба приняли решение не разлучать брачную пару, а потребовать у нее выплаты за право быть свободными.

¹²³ Рукописное собрание Института народов Азии АН СССР, $\frac{K4}{638}$,

пакет 8, строки 199, 200.

¹²⁴ Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, стр. 72.

Допустим, что такие браки были исключительно редки, но и в этом случае их следует принимать во внимание, как браки, совершаемые не по нормам обычного права.

Из уйгурских текстов видно, что уплата выкупа за девушку и приданое невесте, обусловленные взаимным соглашением, существовали одновременно. Со стороны жениха или его семьи уплачивался выкуп семье невесты, а последняя давала невесте приданое, главным образом носильные вещи. Такие вопросы, как возникновение калыма и приданого, их природа, в литературе освещались неоднократно, и можно отослать к работе Н. А. Кислякова, в которой рассмотрены различные точки зрения.¹²⁵ Данные об уйгурах ничего нового в этом отношении не прибавляют.

Родство считалось по отцовской линии. Брак был патрилокальный, невеста уходила в дом жениха. При отсутствии наследника по мужской линии, зять мог приходить в дом невесты, но такие браки уже являлись редкими, они вызывались условиями экономического характера.

О положении женщины в семье мы знаем немного больше, чем о замужестве. О большой свободе женщин у уйгуров сообщает Марко Поло. Описывая Комул, он говорит: «Гостям-иноземцам всегда очень рады, женам приказывают исполнять все желания иноземца, сами уйдут по своим делам и дня два-три домой не приходят, а гость там, что пожелает, то и делает с женою, спит с нею как бы со своею женою; поживет в свое удовольствие. И в этом городе, и в этой области жены любятя так, а мужья не стыдятся. Жены и красивы, и веселы, и любят потешиться».¹²⁶ Подобное же положение он отмечает в других городах.

Свобода половых отношений женщин у уйгуров, возможно, объясняется и тем, что уйгуры перенесли в моногамную семью положение женщины в парной семье и эта свобода еще не успела утратиться, как это произошло у тех, кто принял ислам, ограничивающий свободу женщины почти до рабски бесправного состояния.

О Пеине Марко Поло пишет: «Есть у них вот какой обычай: коль от жены муж уйдет на сторону дней на двадцать, жена, как только он ушел, берет себе другого, и по их обычаям это ей дозволено, а муж там, куда пошел, женится на другой».¹²⁷

Другое указание находим у Гардизи. Описывая быт тогузгузов, он сообщает, что «если кто-нибудь совершает прелюбодеяние с девушкой, то ему дают 300 палок и берут с него кобылу и серебряную чашу, весом 50 сатыров серебра. Если кто совершает прелюбодеяние с замужней женщиной, то обоих приводят к царскому дворцу; царь приказывает дать им по 300 палок; за счет

¹²⁵ Кисляков. Семья и браки у таджиков.

¹²⁶ Минаев. Путешествие Марко Поло, стр. 76.

¹²⁷ Там же, стр. 71.

мужчины ставится крытый шатер из нового войлока со всей обстановкой и отдается мужу женщины; после этого женщину, виновную в прелюбодеянии, отдают мужчине, с которым она совершила прелюбодеяние. Муж первой требует от прелюбодея, чтобы он приискал ему жену и заплатил за нее калым. [Все это делается], если прелюбодей богат; если он беден, то ему дают 300 палок и отпускают его». ¹²⁸

Гардизи также пишет о том, что в Хотане «на базаре много блудниц и распутных женщин». ¹²⁹ Однако это другое бытовое явление, которое не связано с семьей. Женщины, о которых пишет Гардизи, не имели мужей, они могли вступать во временные браки с купцами и проезжими. Следовательно, между Гардизи и Марко Поло нет противоречия. Остается расхождение в сведениях о вольности замужних женщин и о гостеприимстве хозяев. Это расхождение, может быть, следует объяснить тем, что сведения могли относиться к разным этническим группам. У одних могла сохраняться не только свобода женщин, но и вольность, а у других запрещалась. Необходимо принять во внимание и то, что Гардизи писал о мусульманах, а Марко Поло о буддистах.

В обычном праве брак выступал как любая сделка, и жена становилась собственностью мужа, и похищение этой собственности, постоянное или временное, должно было вознаграждаться.

В других этнических группах продолжали оставаться обычаи, отмеченные Марко Поло. Обычаи эти могли сохраняться в качестве пережитка как особая форма гостеприимства. Обычное право имело силу, когда женщина сама изменяла мужу и муж считал себя оскорбленным. Если же приезжал иностранный гость, то муж позволял жене все, чтобы со стороны гостя не было обиды на хозяина за плохое гостеприимство.

Такая форма гостеприимства была известна, следовательно, подобное явление у уйгуров не следует считать чем-то необычным. Муж, уступая на время жену гостю, не утрачивал своих прав, гость же одаривал гостеприимного хозяина, и таким образом материальная сторона считалась улаженной.

Гостеприимство возникало естественно из ранних брачных форм. Ф. Энгельс писал об истоках гетеризма: «Отдаваться посторонним мужчинам — первоначально обязанность каждой женщины, — стало впоследствии уделом только этих жриц, как бы замещавших всех остальных. У других народов гетеризм ведет свое происхождение от представлявшейся девушкам до брака половой свободы и, следовательно, также является пережитком группового брака, только дошедшим до нас другим путем». ¹³⁰

¹²⁸ Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию.

¹²⁹ Там же, стр. 119.

¹³⁰ Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, стр. 69.

В этой связи следует учитывать и временные браки. Мужчина, приехавший в город по торговым или другим делам, вступал в брак на время пребывания в данном месте. Перед отъездом он расторгал брак. Обычай временных браков сохранился у уйгуров до последнего времени. Женщина, вступившая во временный брак, не вызывала осуждения со стороны окружающих, она находилась на том же положении, как и женщина, состоящая в постоянном браке.

Необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство. Изменившая женщина, видимо, не всегда паказывалась. Если так было в действительности, то в этом следует видеть еще одно подтверждение того, что брак рассматривался как хозяйственная сделка, в которой жена считалась приобретенной собственностью. Муж, будучи хозяином собственности, был заинтересован в сохранении ее, поэтому сообщение Гардизи об уплате мужу компенсации за изменившую жену, видимо, следует считать как форму уплаты за женщину, являвшуюся собственностью мужа.

Несмотря на уплату калыма, женщина у уйгуров продолжала пользоваться свободой. Она участвовала в увеселениях, сохраняла некоторую независимость в семейной жизни. Юридические права женщины не совсем ясны, но, кажется, она их имела. В некоторых документах в числе лиц, имеющих право на наследство, называется дочь.¹³¹ При отсутствии наследников по мужской линии жена оставалась наследницей имущества.¹³²

¹³¹ Р а д л о в, док. № 115.

¹³² Там же, док. № 12.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уйгурское государство в Притяньшанье было феодальным, но в нем сохранялись пережитки патриархально-родовых отношений. В оазисах, где население занималось земледелием, эти пережитки не играли большой роли, а у кочевников севернее Тянь-Шаня они господствовали. Видимо, различная степень развития общественных отношений позволила А. К. Кибирову высказать мнение о том, что «в период пребывания Уйгуристана в составе монгольского государства происходит окончательное складывание феодальных отношений».¹ При определении общественного строя необходимо исходить из того, что является господствующим. К началу XIII в. большинство уйгуров перешло к оседлому образу жизни и занятию земледелием. Во всех крупных оазисах росли города, развивалось ремесло, расширялась торговля.

Признание зависимости от монголов-кочевников не повлекло за собой изменение в способе производства и общественном строе. Нам известно, что поля не превращались в пастбища, как это было в других странах, города не разрушались, а уйгурские феодалы объявили себя союзниками Чингис-хана и продолжали управлять государством в качестве вассалов. Наконец, следует принять во внимание, что степень развития феодальных отношений у уйгуров была значительно выше, чем у монголов,² а поэтому естественно напрашивается вопрос о том, в какой степени монголы могли способствовать ускорению процесса феодализации уйгуров. Тем более этот вопрос неизбежен, поскольку в первые десятилетия зависимость от монголов носила форму политического союза, в котором уйгурские идикуты, считаясь вассалами монгольских ханов, помогали им в военных походах против Си Ся, Китая и Средней Азии.

¹ К и б и р о в. Социально-экономический строй Уйгуристана, стр. 82.

² Об этом подробно изложено у Б. Я. Владимирцова в книге «Общественный строй монголов».

Феодалные отношения у уйгуров были господствующими до признания Баурчуком зависимости от Чингис-хана.

Анализ конкретного материала приводит к выводу, что монголы после подчинения Уйгурского государства продолжали сохранять прежний способ производства и довольствовались получением дани.

Фэн Цзя-шэн в работе «Периодизация истории уйгуров» подробно останавливается на всех этапах истории уйгуров. Его точка зрения сводится к следующему: до VII в. н. э. уйгуры переживали первобытнообщинный строй. С VII до VIII в. у них был переходный период, а с середины VIII в. начался рабовладельческий период, который быстро сменился феодальным строем. Феодальный период длится с IX до XVIII в.³ Оставляя в стороне общую схему Фэн Цзя-шэня периодизации истории уйгуров, так как этот вопрос заслуживает особого внимания, все же необходимо сказать, что, по его мнению, господство феодальных отношений у уйгуров началось с IX в., т. е. за три столетия до подчинения монголам.

Схема Фэн Цзя-шэня была предметом обсуждения на сессии, посвященной вопросам периодизации истории народов Китая, и никто из выступавших не возражал против его точки зрения о начале господства феодальных отношений у уйгуров с IX в. Следовательно, китайские историки не придерживаются мнения, что господство феодальных отношений у уйгуров окончательно сложилось после подчинения монголам.

В 1950 г. О. Латтимор⁴ издал книгу, посвященную истории уйгуров. Он использовал работы русских и китайских ученых. Автор посвятил специальную главу социальной структуре уйгурского общества. Его мнение о том, что у уйгуров феодализм был до подчинения монголам, не вызывает сомнения и подтверждается новыми данными. Но нельзя согласиться с утверждением Латтимора, что уйгурские племена объединились для борьбы с танской, а затем сунской империей и вот эта борьба, и особенно объединение, были необходимыми условиями развития феодализма. Возникновение крупных государственных объединений имело прогрессивное значение для экономического и политического развития уйгуров, но нельзя искать причину развития феодализма только во внешних военных и политических событиях. Новые общественные отношения возникают в результате развития производительных сил.

Второе положение Латтимора, с которым нельзя согласиться, касается роли географической среды. Он считает, что мелкие государства в Центральной Азии сохранялись долго из-за географических особенностей. Экономические районы развивались изолированно друг от друга и, таким образом, не было условий для

³ Фэн Цзя-шэн. Периодизация истории уйгуров.

⁴ Lattimore. Pivot of Asia, pp. 182, 187.

объединения в крупные государства. Здесь допускается переоценка роли географических условий.

В вышедшей в свет «Истории Монгольской Народной Республики» об Уйгурском ханстве читаем следующее: «В Уйгурском ханстве продолжался процесс феодализации, что нашло свое выражение в борьбе между различными общественными группами».⁵

Если у уйгуров шел процесс феодализации в IX в., когда они находились на Орхоне, то после передвижения их в При Тяньшанье в области древней земледельческой цивилизации развитие феодальных отношений у них ускорилось. Уйгуры восприняли господствовавший здесь способ производства. Этому способствовал также и переход к оседлости. Уйгурская знать получала в феодальное владение земли и пользовалась трудом зависимых крестьян. Конечно, не все уйгуры стали оседлыми и перешли к земледелию. В районах, годных для кочевого скотоводства, последнее продолжало оставаться основным. Произошел своего рода синтез.

Уйгуры, завоевавшие оазисы оседлого земледелия в предгорьях Тянь-Шаня, прошли тот же процесс, что и германские племена при завоевании римской империи. Здесь уйгуры растворились в мелких земледельческих сельских общинах и в городах, имевших между собой слабые экономические связи. В результате одни общинники богатели, другие становились бедными и попадали в зависимость. Отношения между членами общины определялись не родовыми интересами, а земельными, которые были различны в силу имущественного различия и общественной роли общинников. Обедневшие общинники иногда вынуждены были покидать места, где они родились и выросли, где жили их отцы и деды. Поиски работы приводили к зависимости от феодала, некоторые становились дружинниками. Наблюдаются и такие случаи, когда отец или старший брат продает совсем или на время детей, братьев, сестер.

Несомненно большинство членов общины до XII в. продолжало сохранять свою свободу, и процесс закрепощения свободного общинника, хотя уже начался, но более широкий размер принял позднее. Закрепощение крестьян приняло большие размеры в начале XIII в. Чингис-хан, назначая уйгуров на должность даруги, давал им крестьян. Зависимые крестьяне и земля, жаловавшиеся феодалам, назывались термином инджу.

При современном состоянии историографии нельзя дать полную периодизацию развития феодальных отношений, и все же в качестве предварительных выводов можно будет высказать следующие соображения.

1. Феодальные отношения в Гаочане и Хотане стали господствующими к VIII в., большинство крестьян находилось в зависимости от государства и платило ренту — налог за право владения землей. Крестьяне, прикрепленные к феодалам и монастырям,

⁵ История Монгольской Народной Республики, стр. 69.

песли феодальную повинность перед ними. В политическом отношении этот период истории характеризуется раздробленностью. Мелкие феодальные владения представляли самостоятельные государства и вели постоянные войны между собой.

2. После завоевания уйгурами Притяньшанья произошел синтез способа производства, и развитие феодализма у уйгуров продолжалось в тех условиях, которые сложились в оседлых земледельческих районах за многие столетия. И в этот период частное закрепощение крестьян еще не носило массового характера. Число свободных общинников возросло за счет уйгуров, переходивших к оседлому земледелию. Период IX—XII вв. характеризуется образованием крупных феодальных государств в Центральной Азии, в том числе и Уйгурского.

3. Массовое закрепощение крестьян происходит с начала XIII в., когда раздача земель на правах инджу получила большой размах. В 1211 г. Уйгурское государство подчинилось Чингис-хану и вошло в состав монгольской империи.

4. После XIV в., когда перестало существовать Уйгурское государство, у уйгуров начался длительный период междоусобной феодальной борьбы, в результате чего производительные силы пришли в упадок. Постоянные войны отрывали крестьян от работы, оросительные каналы разрушались, и цветущие оазисы приходили в запустение, нарушались нормальные торговые сношения, и ремесло начинало падать. Проникновение ислама сыграло свою роль в истории развития культуры. Заняв господствующее положение, сторонники ислама начали поход против буддизма. Буддийская культура, достигшая высокой степени развития в области письменности, живописи, скульптуры, пришла в упадок. Буддийские монастыри, являвшиеся культурными центрами, захирели и пришли в запустение. Усилились политические, экономические и культурные связи с народами Средней Азии.

Классовая борьба в Уйгурском государстве была. Крестьяне и ремесленники восставали против своих угнетателей, но источники не содержат сведений об этом. Задача историков состоит в том, чтобы выявить все данные, систематизировать их и показать историю борьбы классов как движущей силы развития общества. Классовая борьба, какую бы форму она не принимала, приводила к смене общественного строя. Характер классовой борьбы соответствовал уровню развития общественного сознания уйгуров.

ДОПОЛНЕНИЯ

УИГУРСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Текст

Транскрипция

1. Yt jyl [girmiga] ai 26 man
2. Muksun [Kara] Turmyş Tämürğa bitig birurman
3. Abam jir oýurumça Tämürğa jülüş qlıp qotmyş
4. Čoq aitiga täğini borluqini qa. . .
5. bitig [birur] čin dip. Čin uçun täğini din
6. satyý almyş baş bitigini birip. Bu borluqin
7. čamiş qaraqša joq dip birtym. Mundyň
8. sanýnra man özüň oýlarim
9. Jüzlugum oýluyum kim kim din čam
10. qaraqša qylmasunlar čamlasarlär söz
11. lari man jürümasün. Bu sözga Kura Qytyr tanuq
12. Kuč Tämür Jič Buqa, Togal Qara, Buqa Kara tanuq.
13. Bu nişan man Muksun Qaranin ol. Man Toqta Tojynta
14. Muksun Karaga ajytyp bitidim

Перевод

В год собаки месяца 26 го. Я, Муксу Кара, дал расписку Турмыш Тимуру. Если по обстоятельствам Тимур, землю отняв, получит, то спросят чок, относящийся к винограднику Расписку дам. Спор заявят относительно продажи, главную расписку дал. За этот виноградник в спор не вступаю. Затем я сам, мои дети, мои свойственники и мои родственники никто пусть не спорит. Я спора не сделаю. Этому слову свидетель Кура Кытыр. Свидетели: Куч Тимур, Ич Бука, Тогал Кара, Бука Кара. Это знак мой Мукксун Кары. Я, Тоинта, записал сказанное Муксун Карой.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЗАПИСЬ

Подлинный уйгурский текст записи хранится в рукописном отделе Института народов Азии АН СССР в Ленинграде в составе четвертой коллекции Н. Н. Кроткова. Текст написан на серой бумаге местного производства. Размер листа в длину 289 см, а в ширину 22 см. В. В. Радлов начал работу над текстом, но смерть не позволила завершить ее и опубликовать. Он считал, что текст относится к XIII—XIV вв. Бумага была загрунтована, и текст написан на грунтованном листе. От времени грунтовка осыпается, и текст исчезает бесследно. Это обстоятельство вынуждает издавать текст и сделать его доступным широкому кругу тюркологов. Текст интересен тем, что содержит редкие слова и выражения. Текст состоит из 200 строк. Шифр ^{K4}₆₃₈, пакет 8.

25
 20
 15
 10
 5
 0

The first part of the manuscript
 contains a list of names and
 addresses, which are written
 in a cursive hand. The list
 includes several names, such as
 "John Smith", "Mary Jones",
 and "Robert Brown". The
 addresses are also listed, often
 followed by the name of the
 person to whom the letter is
 addressed. The handwriting is
 somewhat difficult to decipher,
 but the general structure of the
 document is clear.

Лист 2.

47
 48
 49
 50
 51
 52
 53
 54
 55
 56
 57
 58
 59
 60
 61
 62
 63
 64
 65
 66
 67
 68
 69
 70
 71
 72
 73
 74
 75
 76
 77
 78
 79
 80
 81
 82
 83
 84
 85
 86
 87
 88
 89
 90
 91
 92
 93
 94
 95
 96
 97
 98
 99
 100

85
 5-2-2
 75
 20
 59
 60
 65
 70
 75
 80
 85
 90
 95
 100
 105
 110
 115
 120
 125
 130
 135
 140
 145
 150
 155
 160
 165
 170
 175
 180
 185
 190
 195
 200
 205
 210
 215
 220
 225
 230
 235
 240
 245
 250
 255
 260
 265
 270
 275
 280
 285
 290
 295
 300
 305
 310
 315
 320
 325
 330
 335
 340
 345
 350
 355
 360
 365
 370
 375
 380
 385
 390
 395
 400
 405
 410
 415
 420
 425
 430
 435
 440
 445
 450
 455
 460
 465
 470
 475
 480
 485
 490
 495
 500
 505
 510
 515
 520
 525
 530
 535
 540
 545
 550
 555
 560
 565
 570
 575
 580
 585
 590
 595
 600
 605
 610
 615
 620
 625
 630
 635
 640
 645
 650
 655
 660
 665
 670
 675
 680
 685
 690
 695
 700
 705
 710
 715
 720
 725
 730
 735
 740
 745
 750
 755
 760
 765
 770
 775
 780
 785
 790
 795
 800
 805
 810
 815
 820
 825
 830
 835
 840
 845
 850
 855
 860
 865
 870
 875
 880
 885
 890
 895
 900
 905
 910
 915
 920
 925
 930
 935
 940
 945
 950
 955
 960
 965
 970
 975
 980
 985
 990
 995
 1000

100
95

[illegible][illegible]

95
 100
 105
 110
 115
 120
 125
 130
 135
 140
 145
 150
 155
 160
 165
 170
 175
 180
 185
 190
 195
 200
 205
 210
 215
 220
 225
 230
 235
 240
 245
 250
 255
 260
 265
 270
 275
 280
 285
 290
 295
 300
 305
 310
 315
 320
 325
 330
 335
 340
 345
 350
 355
 360
 365
 370
 375
 380
 385
 390
 395
 400
 405
 410
 415
 420
 425
 430
 435
 440
 445
 450
 455
 460
 465
 470
 475
 480
 485
 490
 495
 500
 505
 510
 515
 520
 525
 530
 535
 540
 545
 550
 555
 560
 565
 570
 575
 580
 585
 590
 595
 600
 605
 610
 615
 620
 625
 630
 635
 640
 645
 650
 655
 660
 665
 670
 675
 680
 685
 690
 695
 700
 705
 710
 715
 720
 725
 730
 735
 740
 745
 750
 755
 760
 765
 770
 775
 780
 785
 790
 795
 800
 805
 810
 815
 820
 825
 830
 835
 840
 845
 850
 855
 860
 865
 870
 875
 880
 885
 890
 895
 900
 905
 910
 915
 920
 925
 930
 935
 940
 945
 950
 955
 960
 965
 970
 975
 980
 985
 990
 995
 1000

140
 135
 130
 125
 120
 115

The first part of the paper is
 a list of names of the
 persons who have been
 appointed to the
 various committees
 of the Association.
 The names are given
 in alphabetical order
 of the surnames.
 The first committee
 is the Finance
 Committee, and the
 members are
 Mr. A. B. C. and
 Mr. D. E. F. The
 second committee
 is the Education
 Committee, and the
 members are
 Mr. G. H. I. and
 Mr. J. K. L. The
 third committee
 is the Social
 Committee, and the
 members are
 Mr. M. N. O. and
 Mr. P. Q. R. The
 fourth committee
 is the Literature
 Committee, and the
 members are
 Mr. S. T. U. and
 Mr. V. W. X. The
 fifth committee
 is the Music
 Committee, and the
 members are
 Mr. Y. Z. A. and
 Mr. B. C. D. The
 sixth committee
 is the Art
 Committee, and the
 members are
 Mr. E. F. G. and
 Mr. H. I. J. The
 seventh committee
 is the Physical
 Education
 Committee, and the
 members are
 Mr. K. L. M. and
 Mr. N. O. P. The
 eighth committee
 is the
 Miscellaneous
 Committee, and the
 members are
 Mr. Q. R. S. and
 Mr. T. U. V.

150
 160
 155
 154
 153
 152
 151
 150
 149
 148
 147
 146
 145
 144
 143
 142
 141
 140
 139
 138
 137
 136
 135
 134
 133
 132
 131
 130
 129
 128
 127
 126
 125
 124
 123
 122
 121
 120
 119
 118
 117
 116
 115
 114
 113
 112
 111
 110
 109
 108
 107
 106
 105
 104
 103
 102
 101
 100
 99
 98
 97
 96
 95
 94
 93
 92
 91
 90
 89
 88
 87
 86
 85
 84
 83
 82
 81
 80
 79
 78
 77
 76
 75
 74
 73
 72
 71
 70
 69
 68
 67
 66
 65
 64
 63
 62
 61
 60
 59
 58
 57
 56
 55
 54
 53
 52
 51
 50
 49
 48
 47
 46
 45
 44
 43
 42
 41
 40
 39
 38
 37
 36
 35
 34
 33
 32
 31
 30
 29
 28
 27
 26
 25
 24
 23
 22
 21
 20
 19
 18
 17
 16
 15
 14
 13
 12
 11
 10
 9
 8
 7
 6
 5
 4
 3
 2
 1

190
189
188
187
186
185
184
183
182
181
180
179
178
177
176
175
174
173
172
171
170
169
168
167
166
165
164
163
162
161
160
159
158
157
156
155
154
153
152
151
150
149
148
147
146
145
144
143
142
141
140
139
138
137
136
135
134
133
132
131
130
129
128
127
126
125
124
123
122
121
120
119
118
117
116
115
114
113
112
111
110
109
108
107
106
105
104
103
102
101
100
99
98
97
96
95
94
93
92
91
90
89
88
87
86
85
84
83
82
81
80
79
78
77
76
75
74
73
72
71
70
69
68
67
66
65
64
63
62
61
60
59
58
57
56
55
54
53
52
51
50
49
48
47
46
45
44
43
42
41
40
39
38
37
36
35
34
33
32
31
30
29
28
27
26
25
24
23
22
21
20
19
18
17
16
15
14
13
12
11
10
9
8
7
6
5
4
3
2
1

190
189
188
187
186
185
184
183
182
181
180
179
178
177
176
175
174
173
172
171
170
169
168
167
166
165
164
163
162
161
160
159
158
157
156
155
154
153
152
151
150
149
148
147
146
145
144
143
142
141
140
139
138
137
136
135
134
133
132
131
130
129
128
127
126
125
124
123
122
121
120
119
118
117
116
115
114
113
112
111
110
109
108
107
106
105
104
103
102
101
100
99
98
97
96
95
94
93
92
91
90
89
88
87
86
85
84
83
82
81
80
79
78
77
76
75
74
73
72
71
70
69
68
67
66
65
64
63
62
61
60
59
58
57
56
55
54
53
52
51
50
49
48
47
46
45
44
43
42
41
40
39
38
37
36
35
34
33
32
31
30
29
28
27
26
25
24
23
22
21
20
19
18
17
16
15
14
13
12
11
10
9
8
7
6
5
4
3
2
1

Текст док. № 77

77.

[T. II. № 4].

10
 11
 12
 13
 14
 15
 16
 17
 18
 19
 20
 21
 22
 23
 24
 25
 26
 27
 28
 29
 30
 31
 32
 33
 34
 35
 36
 37
 38
 39
 40
 41
 42
 43
 44
 45
 46
 47
 48
 49
 50
 51
 52
 53
 54
 55
 56
 57
 58
 59
 60
 61
 62
 63
 64
 65
 66
 67
 68
 69
 70
 71
 72
 73
 74
 75
 76
 77
 78
 79
 80
 81
 82
 83
 84
 85
 86
 87
 88
 89
 90
 91
 92
 93
 94
 95
 96
 97
 98
 99
 100

15
 26
 20

Транскрипция

1. taqyqu jyl aram ai alty otuz qa biz Ikiči Tojyn Tuman
2. Adi Jaka, Uqdu, Kimattu, Samiča, Qaisadu, Ingal
3. Jaryči, Asan Qara, Sambun, Altımyş Qara, Čaryr, Umiči
4. Qajsadu bu nišan mänin, ol
5. Qulan, Basan Qyndam, Turči qadaş larin jiba başlap
6. čiqai qalanči budunlar qa Uza tyn baru Čirtyn nin
7. taryq tägi jirin budun tarynyp jir başyn qa qalan
8. tutup budun kinaşıp qalansız quvaq lar qa qalan lyq
9. jirta quvaq qa bersa bermiş jir ga qalan qutup

10. sangik jirni qalanyn tudmatyn säkin berip quvaq
11. qa jaqa syn berip juryr aty maty ärsär bir bu
12. bitik tägi atlanča čyğai budun lar nin küčömur
13. joq üčün qalan lyq jirni ma bizga agsidmatyn
14. sangiik jirni tarip sakın bERMATYN kučamiz jolynta
15. biz bitig ka uda kirmišča budunlar qalyn syz quvaq
16. birla qaip bägka işiga barip sözläsär
17. birla bolup sözläsir biz abam birok bu bitig
18. tägi söztyn qaip sy jatlasar biz budun qa bir
19. suqumluq äbäd berip budun öñ qynyn qa
20. tagar biz bu tamya biz bu bitig tägi atlıq kirmiš
21. ča budunlar niñ ol bu tamya Tojynniñ ol
22. bu bitigni man Tibin budun qa ajytyp bitidym
23. bu tamya man Tuman niñ ol, bu tamya İkiči niñ ol
24. bu tamya man Adi jaka niñ ol buytam a man lqdu niñ ol
25. bu tamya man ingaol

Перевод

В год курицы, месяца эрам, 26-го.

Мы, Икичи Тойын Тумеп Ады Яка, Ыкту Киммату, Семиче, Кайисату, Ингал, Ярычы, Асан Кара, Самбун, Алтмыш Кара, Чарыр Умичи, Кайсату. Это знак мой.

Кулан, Басан, Кынглам, Турчи во главе клиентов (сказали). Бедные каланчи в общинах от Уза до Чиртына землю, подлежащую обработке, люди засеят и с самого начала калан положат. Люди совещались. Бескаланные на кувак (ходят). На каланную землю кувак, если дадут, то на эту землю останется калан. На землю Сангик калан не дают, а секин накладывают. Кувак без вознаграждения отбывать пойдут. Если будет аты маты, то платить. У названных в этой бумаге бедных людей нет сил. Каланную землю нам не уменьшат. Если засеем землю сангикик, то секин не дадут (на эту землю).

Мы бедные бескаланные, внесенные в бумагу последовательно на кувак, разным бекам для работы пойдем.

Если сказали, так и будет. Если один от сказанного в этой бумаге уклонится, то он даст народу сукумлук абад. Тяжелое наказание народа последует. Это тамга наша, в этой бумаге поименованных людей. Это тамга Тойына. Эту бумагу я, Тибин, записал со слов. Это тамга моя Тумена. Это тамга моя Икичи, это тамга моя Ады Яка. Это тамга моя Ыкты, это тамга моя Ингала.

15
 14
 13
 12
 11
 10
 9
 8
 7
 6
 5
 4
 3
 2
 1

Транскрипция

1. Qoin jyl çqsapt ai sakiz otuz qa Murutluk
2. arjadanyq Qadyr bilgä tangri Ilik quty sangikik
3. kirti
4. satqyn alturup
5. d

20
 25
 30
 35
 40
 45
 50
 55
 60
 65
 70
 75
 80
 85
 90
 95
 100
 105
 110
 115
 120
 125
 130
 135
 140
 145
 150
 155
 160
 165
 170
 175
 180
 185
 190
 195
 200
 205
 210
 215
 220
 225
 230
 235
 240
 245
 250
 255
 260
 265
 270
 275
 280
 285
 290
 295
 300
 305
 310
 315
 320
 325
 330
 335
 340
 345
 350
 355
 360
 365
 370
 375
 380
 385
 390
 395
 400
 405
 410
 415
 420
 425
 430
 435
 440
 445
 450
 455
 460
 465
 470
 475
 480
 485
 490
 495
 500
 505
 510
 515
 520
 525
 530
 535
 540
 545
 550
 555
 560
 565
 570
 575
 580
 585
 590
 595
 600
 605
 610
 615
 620
 625
 630
 635
 640
 645
 650
 655
 660
 665
 670
 675
 680
 685
 690
 695
 700
 705
 710
 715
 720
 725
 730
 735
 740
 745
 750
 755
 760
 765
 770
 775
 780
 785
 790
 795
 800
 805
 810
 815
 820
 825
 830
 835
 840
 845
 850
 855
 860
 865
 870
 875
 880
 885
 890
 895
 900
 905
 910
 915
 920
 925
 930
 935
 940
 945
 950
 955
 960
 965
 970
 975
 980
 985
 990
 995
 1000

6. turquči titsu ajaq qa tegimlik japunsu silavanti
7. bašyn silavanti lar qa alp tutup. . . jirlar jaka
8. borluq lar jaka . . . başlap nägü jma isküč
9. tagurtmagu üzä ulam jrlq birturu jrqyta
10. ärmış ol jrlq qy. . . lar da silavanti barnıñ
11. kañul lar jaka iř bolmišin uqa jrlqp Murut
12. luq arjadan jq sangikik borluq jirlarni
13. birla biz in qut tilatu jrlqp äncagatgu il
14. iřsiz bert siz boz siz tintsui siz qylturp
15. bařta biz in qut qa basa ilga ubus qa
16. bujan birsun tip japansu silavanti tojyn
17. silavanti qutdamiřın silavanti nomdař silavanti

18. bujančuq silavanti başın silavanti lar qa jangirtu
 19. tutunup borluq ni jirlarni birla alp
 20. tutup Murutluq arjadanta turquči silavanti
 21. lar niñ kiçiklarni salilarni quvraq tyn
 22. il tin buduntyn iş ga köç ga tartmaqu
 23. qylturu jrlqdmn bu künta inaru Murutluq
 24. arjanan yq biz in qut agdilatip alp tuta
 25. jrlquči sangikik borluq jirlari birla japunsu
 26. silavanti baslap Murutluqta turquči silavanti
 27. lar salilar arksinip kirmiş tuşi Uza
 28. arjadan yq äk dip säbik artimişin kängaşıp

29. išlatnunlar balyq tagy vang(?) janglyq sangisdiri
30. sali bolup liv jymasun lar bu silavantlar
31. bar ärkinča bolar ilansunlar arksinsunlar
32. bolarta kin muni tag ok arjadan ta tabramadyn
33. turquči silavanti lar salilar arksinsun lar balyq
34. ta ulusta turquči quvraq qatilmasun bu turquči
35. silavantilarta salita jma kin balyq ta ulus
36. ta turup Murutluq arjadan yq arksinip
37. tabramadin turqučilar nin, köngül lar jaka iš
38. qylmasun bu Murutluq arjadan nin, borluq jaka
39. qap bert böz jirlar jaka tintsui lar in
40. tsangči aqyčilar almasun ašyly uluq berip
41. qoqpu sy, künčut, kăbăz, bor, čobra başlap irt
42. bert almadyn işküč išlatmasun Murutluq
43. balyq ara syntyn
44. sazun(?) quvraqtyn basyk, tasyk, tutun, quvčur, tudun
45. oti başlap qaip jma iš küč tagurmadyn borluq
46. jaka ökän kăsküčilar, suvči kirmadyn asqu öz
47. um isyq terkuk jma almasun anin bu tuta
48. turqu bitig jrlq berturu jrlq dman

Перевод

В год овцы, месяца чаксапут, 28-го.

Мурутлукского монастыря. Кадыр билге тангри елик куты ... сангакик ... вошел ... относящиеся, живущие ... почтенные ... ученики, почтенные и относящиеся к япунсу силаванти, к главным силаванти пусть полностью возьмут земли и виноградники ... с начала ... пусть не привлекаются к несению трудовой повинности. Постоянный ярлык повелеваю дать, так как ярлыка не было. В том ярлыке ... для сердца силаванти заботы не будет. Повелеваю: Мурутлукский монастырь при помощи сангакик виноградуников и земель пусть заботится о нашем счастье. Повелеваю для спокойствия освободить от трудовой повинности, от берт (от боз), от тинтсун. Пусть молятся за наше счастье и благополучие государства. Япунсу силаванти, туюм силаванти, кудатмыш силаванти, номдаш силаванти, буянчук силаванти, главные силаванти пусть возобновят держание и полное владение виноградниками и землей. Живущих в Мурутлукском монастыре силаванти, маленьких (Малов читает кванг) сами пусть братства (религиозные общины), государство, общины не принуждают силой работать. (Об этом издаю свой ярлык). С этого времени долг Мурутлукского монастыря заботиться о нашем благополучии. Имея ярлык на владение сангакик виноградниками и землей живущие в Мурутлуке силаванти, сами во главе с япунсу силаванти, укрепят свое благополучие. Пусть монастырь достигает понимания и любви. Находящиеся в городе по обычаю сангистари сали не ста-

нут лив. Они силаванти пусть усиливаются. Пусть не знают страданий. В монастыре не живущие и не находящиеся силаванти сами пусть укрепятся. Живущие в городе и в народе пусть не причисляются к братству. Силаванти, сали, живущих в городе и в улусе, не обитающих постоянно в Мурутлукском монастыре, сердца их работой не отвлекать.

С виноградников Мурутлукского монастыря цангчи, акичи пусть не берут малую долю кап, берт, боз, с земли тинтсуи пусть не берут с урожая кокпу, кунджут кебез, бор и чобру и увеличенный берт. Пусть не выполняют трудовую повинность. С самого начала сали, живущие в Мурутлукском монастыре, не привлекаются обмерщиками и счетчиками, братствами к отбыванию трудовой повинности и уплаты басык, тасык, тутун, кувчур, тутун оты. В виноградник пусть не входят окан каскучи, сувчи и пусть не берут аску озум, осук тыркук.

Этот строгий ярлык приказали написать на шелке.

ПЕРЕВОД ДОКУМЕНТА, ОПУБЛИКОВАННОГО В ЖУРНАЛЕ «LISHI YANJIU», 1954, № 1 (НА КИТ. ЯЗ.)

Мне, Турмыш Тигину, потребовалось чао ястук, имеющее теперь хождение в Дату и в Кочо одинаково. Свою пахотную землю со скотным двором с долей, причитающейся моему зятю Табмишу ... с его долей в декументе 80 ястук чжун тун бао чао верно и правильно продал Вапсуду. Эту расписку составили. В день составления я Вапсуду правильно сосчитав дал. Я, Турмыш Тигин, также правильно сосчитав взял. С этого дня мои Табмиша старшие, младшие братья, родственники никто не учинит спора. Если хоть один силу бека, знатной дамы использует и начнет спор, большому войску один золотой ястук представит, бекам барана даст. Слова их пусть не имеют силы. С этого дня винограду, земле, воде, дому, строениям пусть будет хозяином Вапсуду. Понравится сам держит, не понравится другому человеку перепродаст. Спорящий человек пусть будет в убытке. Вапсуду пусть будет без убытка. Это знак мой Турмыш Тигина, это знак мой Савынч Тогрыла. Это знак мой Типуду. Это знак мой Випса. Это знак мой Сынсына. Это знак мой Тулега. Это знак мой свидетеля Тилга Кия, это знак мой свидетеля Тимур Бука, это знак мой свидетеля Тайшанга, это знак мой свидетеля Юлаша, это знак мой свидетеля Окрунч Бука. Я Турбаг написал, согласно сказанному, моим родственником Турмыш Тигином.

Т р а н с к р и п ц и я

1. ...manga Turmiş Tigin-ka taydu
2. -ta yannglay-liy čau yastuy kărkăk bolup. Qočo tagi qočing apəm
3. birlăki. Kūdăgüm tapmiş-qa ülüs-ta tăgmiş gira sūdün yir-larim-ni
4.
5. ... i ülüs bitigi birla sakiz on yastuy čungdung bau čau-qa
Wapsu-tu
6. qa toyuru tom... l... du sat dim bu č... n bitig qilmis kün üza
7. mn Wapsu-tu tükäl sanap birdin mn Turmiş Tigin yma tükäl
sanap
8. aldim Bu kün-tin mińca tapmiş-ning aγ a-si ini-si yăgän taγ ai-i
9. Kim kim ma čam čarim qilmazunlar apam birok arklig băg
10. isi kŭčin tutup čam čarim tilsarbar
11. uluγ sŭŭ-ka bir altun yastuγ bašip il băglaringa ädär-ka
12. ya ... qu hon birip sozlar-i yorimaz un. Bu kŭntin minča bu borlu
13. qa yir-ka suw-qa äw-ka barγ-qa Wapsu-tu arklig bolz-un
14. taplasap özi tudz-un. Taplamasar adin kiši-ka ödkörŭ sadz-un
15. čamlayuci kiši qoor-lu bolz-un Wapsu-tu qoor-suz bolz-un bu nišan
mn Turmiş Tigining ol, bu nišan mn Sawinč Togrilning ol, bu
nišan mn Tipüdüning ol, bu nišan mn Wipsäning ol, bu nišan
mn Sinsinning ol, bu nišan mn Tŭlagning ol, bu nišan mn Tanuγ
Tilga Qia ning ol. Tămir uqa, Taisang, Yolas. Oğrŭnč Buqa
Mn Turba γ Turmis Tigin äkäm-ga Yinčka aydiŭ bitidim.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИНА	— Архив Института народов Азии АН СССР.
ВЗ	— Восточные записки.
ВИ	— Вопросы истории.
ВИМК	— Вестник истории мировой культуры.
ГОСССР	— Географическое общество СССР.
ДАН	— Доклады Академии наук.
ДРАН	— Доклады Российской Академии наук.
ЖМНП	— Журнал Министерства Народного Просвещения.
ЖС	— Живая старина.
ЗИВАН	— Записки Института востоковедения Академии наук СССР.
ЗРГО	— Записки Русского географического общества.
ЗРГООЭ	— Записки Русского географического общества, Отдел этнографии.
ЗАН	— Записки Академии наук.
ЗВРАО	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества.
ИАК	— Известия Археологической комиссии.
ИАН	— Известия Академии наук СССР.
ИАНООН	— Известия Академии наук СССР, Отделение общественных наук.
ИАНОЯЛ	— Известия АН СССР, Отделение языка и литературы.
ИАНК	— Известия Академии наук КазССР.
ИВСОРГО	— Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества.
ИКФ	— Известия Киргизского филиала.
ИОАИЭ	— Известия Общества археологов, историков и этнографов.
ИРГО	— Известия Русского географического общества.
ИРКИСВА	— Известия Русского Комитета изучения Средней и Восточной Азии.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КСИЭАН	— Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР.
НАА	— Народы Азии и Африки.
ПВ	— Проблемы востоковедения.
ПИ	— Проблемы источниковедения.
СА	— Советская археология.
СВ	— Советское востоковедение.
ССИА	— Сборник статей по истории Азербайджана.
СТОЭ	— Сборник трудов Орхонской экспедиции.
СЭ	— Советская этнография.

ТВ	— Туркестанские ведомости.
ТВОРАО	— Труды Восточного отделения Русского археологического общества.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа.
ТИВ	— Труды Института востоковедения.
ТИИАЭ	— Труды Института истории, археологии и этнографии.
ТИИАЭК	— Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР.
ТИЯЛИКФ	— Труды Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР.
ТОВГЭ	— Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа.
ТОЭ	— Труды Орхонской экспедиции.
УЗИВАН	— Ученые записки Института востоковедения Академии наук СССР.
УЗКУ	— Ученые записки Казанского университета.
УЗТНИИЯЛИ	— Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.
ЭВ	— Эпиграфика Востока.
AM	— Asia Major.
AO	— Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae.
BSOAS	— Bulletin of the School of oriental and African Studies, university of London.
CAJ	— Central Asiatic Journal.
CISJ	— Creater India Society Journal.
HJAS	— Harvard Journal of Asiatic Studies.
JA	— Journal Asiatique.
JESHO	— Journal of the economic and social history of the Orient.
JRAS	— Journal of the Royal Asiatic Society.
JSFO	— Journal Societe finno-ougrienne.
JSRLPH	— The Japan science revien literature, philosophy and history.
KCsA	— Körösi Csoma Archivum.
LY	— Lishi yanjiu.
SPAW	— Sitzungsberichte der Preussischen der Wissenschaften, Philhist. Kl. Berlin.
TP	— T'oung Pao.
TAPS	— Transaction of the American Philosophical Society.
UAJ	— Ural-Altaische Jahrbücher.

БИБЛИОГРАФИЯ

Труды основоположников марксизма

- Маркс К. Архив Маркса и Энгельса, т. V. Хронология. Госполитиздат. Выписки 91—1320 гг. М., 1938.
- Маркс К. Британское владычество в Индии. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 9.
- Маркс К. Из рукописного наследства. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 12.
- Маркс К. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 23.
- Маркс К. Капитал, т. III, ч. 2. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 25, ч. II.
- Маркс К. Маркс — Энгельсу. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 28.
- Маркс К. и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 4.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21.
- Коммунистический манифест. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 4.

Рукописные источники

- Архив Института народов Азии АН СССР, ф. 58. Рукописное собрание Института народов Азии АН СССР, А 238.
- Рукописное собрание Института народов Азии АН СССР, С 547.
- Рукописное собрание Института народов Азии АН СССР, С 578.
- Рукописное собрание Института народов Азии АН СССР, $\frac{K4}{638}$.
- Рукописное собрание Института народов Азии АН СССР, кол. Кроткова, ящ. 9, сод. V 1—2, № 1.

Литература на русском языке

- Абдураимов М. Вопросы феодального землевладения и феодальной ренты в письмах Эмира Хайдера. Ташкент, 1961.
- Али-заде А. А. К вопросу об институте инджу в Азербайджане в XIII—XIV вв. ИАз Фан, 1943, № 8; ССИА, вып. I, Баку, 1949 (2-е изд.).
- Али-заде А. А. К вопросу о положении крестьян в Азербайджане в X—XIV вв. ТИИ АН АзССР, т. III, Баку, 1953.
- Али-заде А. А. К истории феодальных отношений в Азербайджане XIII—XIV вв. ИАН АзССР, № 5, 1945.

- Анучин Д. Археологические экспедиции в Восточный Туркестан. Землеведение, кн. III—IV. СПб., 1907.
- Аристотель Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. ЖС, вып. III, IV, 1896.
- Бартольд В. В. Греко-бактрийское государство и его распространение на северо-восток. ИАН, 1916.
- Бартольд В. В. История изучения Востока. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и в России, изд. 2, Л., 1925.
- Бартольд В. В. История тюрко-монгольских народов. Ташкент, 1928.
- Бартольд В. В. К вопросу об уйгурской литературе и ее влиянии на монголов. ЖС, 1909.
- Бартольд В. В. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов. ЗВРАО, т. XXV, вып. 1—4, Пгр., 1921.
- Бартольд В. В. Киргизы (исторический очерк). Фрунзе, 1927.
- Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914.
- Бартольд В. В. Новая рукопись уйгурских шрифтов в Британском музее. ДАН, 1924.
- Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. ЗВРАО, т. VIII, 1893.
- Бартольд В. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943, (2-е изд.).
- Бартольд В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг. Зап. т. I, № 4, СПб., 1897.
- Бартольд В. Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче. СПб., 1911.
- Бартольд В. В. Сообщение об уйгурском документе. Туркестанские ведомости, 1902.
- Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1900.
- Бартольд В. В. Худуд ал-алем. Рукопись Туманского с введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930.
- Баскаков Н. А. К вопросу о классификации тюркских языков. ИАН, ОЯЛ, т. XI, вып. 2, М., 1952.
- Баскаков Н. А. Тюркские языки. М., 1960.
- Баскаков Н. А. В. М. Насилов. Уйгурско-русский словарь. М., 1939.
- Березин И. Внутреннее устройство Золотой Орды (по ханским ярлыкам). СПб., 1850.
- Березин И. М. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. ТВОРАО, т. VIII, СПб., 1964.
- Березин И. Н. Ханские ярлыки. II. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадат-Гирея, изданные И. Березиным. Казань, 1851.
- Березовский М. М. Находки уйгурских рукописей манихейского содержания. ИАК, Прибавл. к 34-му вып., СПб., 1910.
- Бернштам А. Н. Руническая надпись в уйгурской рукописи. ЗИВАН, вып. 7, 1939.
- Бернштам А. Н. Русская и советская уйгуристика. ИАН КазССР, № 85, сер. уйгуро-дунганской культуры, вып. 1, Алма-Ата, 1950.
- Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI—VIII вв. Восточно-тюркский каганат и киргизы. М.—Л., 1946.
- Бернштам А. Н. Уйгурские юридические документы. ПИ, т. 15, Л., 1940.
- Бичурин Н. Я. Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. С приложением карты Монголии и разных костюмов. СПб., 1828.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф). История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф). История Тибета и Хухунора, т. II. СПб., 1833.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Переведено с китайского монахом Иакинфом. СПб., 1829.
- Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трех частях, с картою на трех больших листах. Сочинение монаха Иакинфа. СПб., 1851 (изд. 2, М.—Л., 1950).

- Бичурин Тун цзянь ган-му. Перевод, т. 13, АИНА АН СССР.
- Бобровников А. А. Грамоты вдовы Дармабаловой и Буянту-хана, писанные квадратным письмом. ТВОРАО, т. XVI, СПб., 1872.
- Богословский В. А. Очерки истории тибетского народа. М., 1962.
- Боровков А. К. Учебник уйгурского языка. Л., 1935.
- Боровков А. К. Лексика среднеазиатского тefsира XII—XIII вв. М., 1963.
- Будагов Лазарь. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869.
- Вавилов Н. И. Роль Центральной Азии в происхождении культурных растений. Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции, т. 26, вып. 3, Л., 1931.
- Вайнштейн С. И. Курганы и стела с древнетюркской надписью в урочище Хербис-Баари. УЭТНИИЯЛИ, Кызыл, 1963.
- Валитова А. А. Юсуф Баласагунский и его Кутадгу-билик. Автореферат. М., 1951.
- Валитова А. А. Юсуф Баласагунский и его Кутадгу-билик. Дисс. в рукописи. Библиотека ИНА АН СССР.
- Валиханов Ч. Ч. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. ЗРГООЭ, т. XXIX, СПб., 1904.
- Ван Юн-Син. Исследование об официальной счетной книге повинностей династии Тан, найденной в пещерах Дуньхуана. ЛУ, № 12, 1957 (на кит. яз.).
- Васильев В. История и древности Восточной части Средней Азии от X до XIII в. (с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурженях и монголо-татарах). СПб., 1857.
- Васильев В. П. Китайские надписи на оронских памятниках в Кото-Цайдаме и Карабалгасуне. СТОЭ, вып. III, СПб., 1897.
- Васильев Л. С. Культурные и торговые связи ханьского Китая с народами Центральной и Средней Азии. ВИМК, № 5, 1958.
- Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. II. СПб., 1864.
- Вишневский Б. Н. К антропологии древнего населения Восточного Туркестана. Казанск. муз. вестн., 1—2, Казань, 1921.
- Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
- Воробьев-Десятовский В. С. Памятники центральноазиатской письменности. УЗИВАН, т. XVI, М.—Л., 1958.
- Го Ин-дэ. Вэйуэр шилюэ. Очерк истории уйгуров. Пекин, 1952.
- Горбачева З. И. Тангутские рукописи и ксилографы Института востоковедения. УЗИВАН, т. IX, М.—Л., 1954.
- Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. М.—Л., 1946.
- Григорьев В. В. Землеведение К. Риттера. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Восточный или Китайский Туркестан. Пер., прим. и доп. В. В. Григорьева. СПб., вып. I, 1869, вып. II, 1873.
- Грум-Гржимайло Г. Е. Описание путешествия в Западный Китай, т. I. СПб., 1896.
- Грум-Гржимайло Г. Е. Описание путешествия в Западный Китай, т. II. СПб., 1899.
- Гумилев А. Н. Орды и племена у древних тюрков и уйгуров. Материалы по отделению этнографии, ч. 1. Докл. за 1958—1961 гг., 1961.
- Гумилев А. Н. Удельно-лестничная система у тюрков в VI—VIII вв. СЭ, № 3, 1959.
- Дембо А. И. Земельный строй Востока. Л., 1927.
- Денике Б. П. О памятниках культуры и искусства Турфана. ИОАИЭ, т. XXIX, вып. 4, Казань, 1916.
- Долбежев Б. В. В поисках развалин Бишбалыка. ЗВОРАО, т. XXIII, СПб., 1915.

- Дудин С. М. Техника стенописи и скульптуры в древних буддийских пещерах и храмах Западного Китая. Прг., 1917.
- Дьяконова Н. В., С. С. Сорокин. Хотанские древности. Каталог хотанских древностей, хранящихся в отделе Востока Государственного Эрмитажа. Терракота и штук. Л., 1960.
- Ефремов Ф. Десятилетнее странствование. Под ред., вст. ст. и прим. Э. Мурзаева. Изд. 5. Географиздат, М., 1952.
- Живопись древнего Пянджикента. М., 1954.
- Залеман К. Г. Мусульманские рукописи, вновь поступившие в Азиатский музей в 1909—1910 гг. ИАН, 1911.
- Захарова И. В. Двенадцатилетний животный цикл у народов Центральной Азии. ТИИАЭ, т. 8, 1960.
- Захарова И. В. Материальная культура уйгуров Советского Союза. КСИЭАН, вып. 2, М., 1954.
- Захарова И. В. Материальная культура уйгуров Советского Союза. Среднеазиатский этнографич. сб., 11, М., 1959.
- Заходер Б. Н. История восточного средневековья. М., 1944.
- Зуев Ю. А. Киргизская надпись из Суджи. СВ, № 3, 1958.
- Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв. М.—Л., 1954.
- Ильминский Н. И. Вступительное чтение в курс турецко-татарских языков. УЗКУ за 1861, Казань, 1862.
- (Иннокентий) Полный китайско-русский словарь под редакцией Иннокентия. Изд. пекинской духовной миссии, т. I, Пекин, 1909.
- История Монгольской Народной Республики. М., 1954.
- История народов Узбекистана, т. I. Ташкент, 1950.
- История Тувы, т. I. М., 1964.
- Катанов Н. Ф. О свадебных обычаях тюрков Восточного Туркестана (песни). ИЮАИЭ, т. XII, Казань, 1894.
- Катанов Н. Ф. Приметы и поверья тюрков Китайского Туркестана, касающиеся явлений природы. Сб. статей учеников барона В. Р. Розена, СПб., 1897.
- Катанов Н. Ф. Среди тюркских племен. ИРГО, т. XXIX, СПб., 1893.
- Кафаров Палладий. Си-ю-цзи или описание путешествия на запад. Пер. с кит. с прим. Тр. членов Росс. дух. миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1866.
- Квадратная письменность. М.—Л., 1941.
- Кибиров А. К вопросу о рабстве в Уйгуристане XIII—XIV вв. ТИЯЛИКФ АН СССР, вып. III, Фрунзе, 1952.
- Кибиров А. К. Социально-экономический строй Уйгуристана XIII—XIV вв. (по уйгурским юридическим документам). Автореф. канд. дисс., ИКФ АН СССР, вып. I—IX, Фрунзе, 1950.
- Кизерицкий Г. Хотанские древности из собрания Н. Ф. Петровского. ЗВОРАО, т. IX, 1895.
- Киселев С. В. Древние города Монголии. СА, № 2, 1957.
- Кисляков Н. А. Семья и браки у таджиков. М.—Л., 1959.
- Клеменц Д. А. Заметки к маршруту Чан Чуня. Сб. в честь семидесятилетия Григория Григорьевича Потанина. СПб., 1909.
- Ковалевский Осип. Монгольско-русско-французский словарь. Казань, 1844.
- Козин С. А. Сокровенное сказание, т. 1. Л., 1941.
- Козлов П. К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. М.—Л., 1923.
- Козьмин Н. Н. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. М.—Иркутск, 1934.
- Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.—Л., 1958.
- Корнилов Кашгария или Восточный Туркестан. Ташкент, 1903.
- Котвич В. Л. Образцы ассигнаций юаньской династии в Китае. Из находок П. К. Козлова в Хара-Хото. ИРГО, т. 45, вып. 8, 1909.

- Котвич В. А. О вновь открытых памятниках монгольской письменности XIII и XIV вв. ЗВОРАО, т. XIX, вып. 4, СПб., 1910.
- Куропаткин А. Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879.
- Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
- Кызласов А. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности. СА, № 3, 1960.
- Кызласов А. Р. Средневековые города Тувы. СА, № 3, 1959.
- Кызласов А. Р. Тува в период Тюркского каганата (VI—VIII вв.). Вестн. МГУ, сер. IX, № 1, 1960.
- Кызласов А. Р. Тува в составе Уйгурского каганата. УЗТНИИЯЛИ, Кызыл, 1960.
- Кычанов Е. И. Государство Си Ся (982—1227). Автореф. канд. дисс., Л., 1960.
- Кычанов Е. И. Государство Си Ся (982—1227). М., 1964.
- Кычанов Е. И. Из истории тангутско-уйгурских войн в первой половине XI в. ТИИАЭ АН КазССР, т. 15, Алма-Ата, 1962.
- Лившиц В. А. Согдийский брачный контракт начала VIII в. н. э. СЭ, № 5, 1960.
- Ли Сюэ-хуа Загадка мертвого города. «Дружба», № 15, Пекин, 1960.
- Малов С. Е. Два уйгурских документа. Сб. в честь В. В. Бартольда, Ташкент, 1927.
- Малов С. Е. Изучение живых турецких наречий Западного Китая. ВЗ, т. I, Л., 1927.
- Малов С. Е. Образцы древнетурецкой письменности с предисловием и словарем. Изд. Восточн. фак. САГУ, Ташкент, 1926 (стеклографическое изд.).
- Малов С. Е. Отчет о втором путешествии к уйгурам. ИРКИСВА, № 3, сер. II, 1914.
- Малов С. Е. Отчет о путешествии к уйгурам и саларам. ИРКИСВА, № 11, сер. II, 1912.
- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959.
- Малов С. Е. Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга. ЗИВАН, вып. 1, Л., 1932.
- Малов С. Е. Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика. Алма-Ата, 1957.
- Малявкин А. Г. Китайские источники по истории уйгуров IX—XII вв. ИАНК, вып. 2, Алма-Ата, 1961.
- Малявкин А. Г. Уйгурское турфанское княжество в XIII в. Вопр. истории Казахстана и Восточного Туркестана. ТИИАЭ, т. 15, Алма-Ата, 1962.
- (Марко Поло) Путешествие Марко Поло. Пер. старофранцузск. текста И. П. Минаева. Ред. и прим. В. В. Бартольда. ИРГО, СПб. (6. г.).
- Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.
- Материалы по отделению этнографии, ч. 1. Докл. за 1958—1961 гг. ГО СССР, Л., 1961.
- Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-тегина. ЗВОРАО, т. XII, 1899.
- Минаев И. Забытый путь в Китай. ЖМНП, ССЛXIV, СПб., 1889.
- Наджиб Э. Современный уйгурский язык. М., 1960.
- Насилов В. М. Грамматика уйгурского языка. М., 1940.
- Насилов В. М. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960.
- Обручев В. А. Пограничная Джунгария, т. III, вып. 1. Л., 1932.
- Обручев В. А. Центральная Азия, Северный Китай и Наньшань, тт. I—II. СПб., 1900—1901.
- Окладников А. П. Новое в изучении древнейших культур Монголии (по работам 1960 г.). СЭ, № 1, 1962.

- Ольденбург С. Ф. Исследования памятников старинных культур (Восточного) Китайского Туркестана. ЖМНП, ССЛIII, СПб., 1904.
- Ольденбург С. Памятники Николая Федоровича Петровского, 1837—1908 гг. ЗВОРАО, т. XX, вып. 1, 1912.
- Ольденбург С. Ф. Русские археологические исследования в Восточном Туркестане. Казанск. Муз. вестн., № 1—2, 1921.
- Ольденбург С. Ф. Русская туркестанская экспедиция 1909—1910 г. Краткий предварительный отчет составил С. Ф. Ольденбург с 53 таблицами, планом и 73 рисунками и планом в тексте. СПб., 1914.
- Ольденбург С. Экспедиция Д. А. Каменца в Турфан в 1898 г. ИВСОРГО, т. XLV, 1916, Иркутск, 1917.
- Основные этапы этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Народы Средней Азии и Казахстана, т. 1. М.—Л., 1962.
- Д'Оссон К. История монголов от Чингис-хана до Тимур-бея или Тамерлана. Пер. и предисл. Н. Кузьмина, т. 1. Иркутск, 1937.
- Очерки истории Китая с древности до «опиумных» войн, под ред. Шань Юэ. М., 1959.
- Ошанин А. В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. 1. Ереван, 1957.
- Ошанин А. В. К проблеме этногенеза уйгуров. В кн.: А. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, 1953.
- Пантусов Н. Н. Материалы к изучению наречия таранчей Именного округа, вып. I—IX. Казань, 1897—1907.
- Пантусов Н. Н. Образцы таранчинской народной литературы. Казань, 1909.
- Пантусов Н. Н. Таранчинские песни. ЗРГООЭ, т. XVII, вып. 1, 1898.
- Певцов М. В. Путешествие по Восточному Туркестану, Кун-Луню, Северному окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889-м и 1890-м годах. СПб., 1895.
- Петров К. И. Очерк происхождения киргизского народа. Фрунзе, 1963.
- Петровский Н. Буддийский памятник близ Кашгара. ЗВОРАО, т. VII, 1893.
- Петровский Н. Заметки о древностях Кашгарии. I. Хан Уй. ЗВОРАО, т. X, 1896.
- Петровский Н. Ф. Ответ консула в Кашгаре, Н. Ф. Петровского на замечание С. Ф. Ольденбурга. ЗВОРАО, т. VII, 1893, стр. 293—298.
- Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв. М.—Л., 1960.
- Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX в. Л., 1949.
- Петрушевский И. П. Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья. ИАНООН, № 4, 1937.
- Пигулевская Н. Зарождение феодальных отношений на Ближнем Востоке. УЗИВАН, т. XVI, 1958.
- Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв. М.—Л., 1951.
- Пигулевская Н. В. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956.
- Пигулевская Н. В. История мар Ябалахи III и раббан Саумы. Иссл., пер. с сирийск. и прим. Н. В. Пигулевской. М., 1958.
- Плано Карпини. История монголов. Пер. А. И. Малеина. СПб., 1911.
- Позднеев А. М. Лекции по истории монгольской литературы, читанные в Петербургском университете А. М. Позднеевым в 1896/97 акад. году. СПб., 1897.
- Позднеев Д. Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). СПб., 1899.
- Покровская А. А. Термины родства в тюркских языках. Сб.: Историческое развитие лексики тюркских языков, М., 1961, стр. 43—47.

- Потапов Л. П. О сущности патриархально-феодалных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. ВИ, № 6, 1954.
- Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953.
- Пржевальский Н. М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. Географиздат, М., 1948.
- Пржевальский Н. М. От Кахты на истоки Желтой реки. Географиздат, М., 1947.
- Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Прг., 1916.
- Прокофьев О. Искусство Индии. М., 1964.
- Пэрлээ Х. К истории древних городов и поселений в Монголии. СА, № 3, 1957.
- Радлов В. В. Атлас древностей Монголии. ТОЭ, вып. 1—4. СПб., 1892—1899.
- Радлов. ЗВОРАО, т. XIX, СПб., 1910, стр. XIX—XX.
- Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудатку-билика. СПб., 1893.
- Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, ч. VI, Наречия. СПб., 1886.
- Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, т. 2. СПб., 1899.
- Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, т. 3. 1905.
- Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, т. 4. СПб., 1911.
- Радлов В. В., С. Е. Малов. *Suvarnaprabhasa* (сутра золотого блеска). Текст уйгурской редакции. Изд. В. В. Радлов, С. Е. Малов, I—II. СПб., 1913.
- Рамстедт Г. Перевод селенгинского камня. Труды Троицко-Савского-Кяхтинского отделения Приамурского отд. Русск. географ. общ., т. XV, вып. 1, 1912.
- Рашид Ад-дин. Сборник летописей, т. I—III. М.—Л., 1946—1960.
- Регель А. Э. Путешествие в Турфан. ИРГО, т. 17, вып. 4, 1881.
- Рубрук Вильгельм. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911.
- Русско-уйгурский словарь. Под ред. Т. Р. Рахимова. М., 1956.
- Салахетдинова М. А. Сочинение Мухаммед-Садыка Кашгари «Тазкира и Ходжиган» как источник по истории киргизов. ИАН КиргизССР, т. I, вып. 1 (История), Фрунзе, 1959.
- Сборник трудов Орхонской экспедиции, тт. 1—5, СПб., 1891—1901.
- Синха Н. К., А. Ч. Банерджи. История Индии. М., 1954.
- Советское востоковедение, № 3, 1958.
- Тан Бин-чжу. Город, побежденный пустыней. «Дружба», № 32, Пекин, 1959.
- Тенишев Э. Р. Древнеуйгурские надписи Киргизии. НАА, № 1, 1963.
- Тенишев Э. Р. Еще раз о происхождении лобнорцев. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.
- Тилло А. А. Главнейшие результаты метеорологических наблюдений на станции ... в городе Люкчуне. ИРГО, т. XXXV, СПб., 1899.
- Тихонов Д. И. Восстание 1864 г. в Восточном Туркестане. СВ, т. V, 1948.
- Тихонов Д. И. Древние уйгурские документы — важнейшие источники для изучения общественного строя Центральной Азии. Историографии и источниковедение истории стран Азии. ЛГУ, вып. 1. 1965.
- Тихонов Д. И. Зависимые инджу. ТИИАЭ АН КазССР, т. 8, Алма-Ата, 1960.
- Тихонов Д. И. К вопросу о термине *quvaq* в древнеуйгурских текстах. НАА, № 4, 1964.
- Тихонов Д. И. Налоги и налоговые термины в Уйгурском государстве (Центральная Азия. IX—XIV вв.). УЗИВАН, т. XVI, 1958.
- Тихонов Д. И. Некоторые вопросы внутренней политики Якуб-бека. УЗИВ, т. XVI, 1958.
- Тихонов Д. И. Термины *эль* и *будун* в древних уйгурских документах. Исследования по истории культуры народов Востока. Сб. в честь акад. И. А. Орбели, М.—Л., 1960.

- Тихонов Д. И. Уйгурские исторические рукописи конца XIX и начала XX в. УЗИБАН, т. IX, 1954.
- Тихонов Д. И. Феодалное землевладение у уйгуров в XIII—XIV вв. Тр. сектора Востоковедения АН КазССР, т. 1, Алма-Ата, 1959.
- Тихонов Д. И. Характер народно-освободительных движений в Синцзяне в XIX в. и первой трети XX в. СВ, т. VI, 1949.
- Тихонов Д. И., И. В. Захарова. Уйгуры. Народы Восточной Азии. М.—Л., 1965.
- Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
- Троицкая А. Л. Заповедники «курук» кокандского хана Худояра. Сборник ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, вып. III, Л., 1955.
- Уйгурско-русский словарь. Под ред. Ш. Кибирова и Ю. Цунвадо. Алма-Ата, 1961.
- Уйгуры. Народы Средней Азии и Казахстана, т. II. М.—Л., 1963.
- Франке О. Земельные правоотношения в Китае. Пер. Н. И. Кохановского Владивосток, 1908.
- Фэн Цзя-шэн. Два типа соглашений на уйгурском языке времени юаней. LY, № 1, 1954 (на кит. яз.).
- Фэн Цзя-шэн. Периодизация истории уйгуров. LY, № 8, 1956 (на кит. яз.).
- Фэн Цзя-шэн, Э. Тенишев. Три новых уйгурских документа из Турфана. ПВ, № 3, 1960.
- Фэн Цзя-шэн, Чэи Су-ло, Му Гуан-вэнь. Вэйур цзю ши ляо цзянь бянь. Пекин, 1958.
- Хуан Вэнь-би. Гаочан чжуань цзы. Пекин, 1951 (на кит. яз.).
- Хуан Вэнь-би. Тулуфань каогу цзы. Пекин, 1954 (на кит. яз.).
- Чаттерджи С. и Д. Датта. Древняя индийская философия. М., 1954.
- Шишкин В. А. Архитектурная декорация дворца в Варахше. ТОВГЭ, т. 14, Л., 1947.
- Шербак А. М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961.
- Шербак А. М. Надписи на древнеуйгурском языке из Монголии. ЭВ, т. XIV, 1961.
- Шербатской Ф. И. Теория познания и логика по учению поздних буддистов, ч. II. СПб., 1909.
- Юань-ши. Сер.: Сы бу бей яо, Шанхай, 1935—1936 (на кит. яз.).
- Ядринцев Н. М. Отчет и дневник о путешествии по Орхону и в Южный Хангай в 1891 г. СТОЭ, т. V, СПб., 1901.
- Ядринцев Н. М. Отчет о поездке в Монголию и вершины Орхона. ИВСОРГО, т. XX, вып. 4, 1889.
- Якубовский А. Ю. Арабские и персидские источники об уйгурско-турфанском княжестве в IX—X вв. ТОВГЭ, вып. IV, Л., 1947.
- Якубовский А. Ю. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века XI—XII. КСИИМК, вып. XXVIII, 1949.

Литература на иностранных языках

- Aalto P. Zu den Berlines Turfanfragmenten, T. III, D 322. JSFO, № 61, Helsinki, 1959.
- Agrawala R. Ch. Numismatic data in the Niya kharosthi documents from Central Asia. CISJ, 14, № 2, 1955.
- Амуро. Memoires concernant l'histoire les sciences les arts, moeurs..., t. XIV, Paris, 1789.
- Annual bibliography of oriental studies for 1946—1950. Compiled by j kurata y kawakatsu Kyoto university, june, 1952.
- Annual bibliography of oriental studies for 1959. Kyoto university, october, 1961.

- Bailey H. W. A. Khotanese text concerning the Turks in Kantsou. AM, I, 1, 1949.
- Bang W. Türkische Turfantexte. Berlin, 1934.
- Bang W. u. A. Gabain. Türkische Turfan-texte. I—V. Berlin, 1929—1931.
- Bang W. u. A. Gabain. Analytischer Index zu den fünf ersten Stücken der türkischen Turfan-texte. Berlin, 1931.
- Burrow T. A translation of the kharosthi documents from Chinese Turkestan. London, 1940.
- Bretschneider E. Medieval researches from Eastern Asiatic Sources. London, 1910 (1-е изд., 1888).
- Chavannes E. Documents sur les tou-kiu (Turcs) occidentaux. CTOЭ, IV. СПб., 1903.
- Chavannes Ed. et P. Pelliot. Un Traité manichéen retrouvé en Chine, traduit et annoté. JA, 1911—1913.
- Clark J. Chinese Turkestan, Pakistan, Horizon, II. 1949.
- Clauson G. The name uigur. JRAS, pt. 3—4. 1963.
- Clauson G. Turk, Mongol, Tungus. AM, new ser., vol. VIII, 1960.
- Cleaves F. W. Daruga and Gerege. HJAS, vol. 16, №№ 1—3, 1953.
- Cordier H. Histoire générale de la Chine de ses relations avec des pays étrangers depuis les temps les plus anciens jusqu'à la chute de la dynastie mandchoue. Paris, 1920—1921.
- Deguignes. Mémoire sur l'origine des Huns et des Turcs. Paris, 1748.
- Deguignes. Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares Occidentaux, 4 тома (5 книг). Paris, 1756—1758.
- Dietz. Der neuentdeckte oughurische Cyklop. Berlin, 1815.
- D'Onsson. Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-Khan jusqu'à Timour Bey ou Tamerlan. La Haye et Amsterdam. Les freres van Cleoff. 1834—1835.
- Ecsedy H. Uigurs and tibetans in Pei-t'ing (790—791 dd.). AO, t. XVII, f. 1, Budapest, 1964.
- Emmerick R. E. Syntax of the cases in Khotanese. BSOAS University of London, vol. XXVIII, pt. 1, 1965.
- Gabain A. Altürkische Grammatik. Leipzig, 1950.
- Gabain A. Das uigurische Königreich von Chotscho 850—1250. Sitzungsber. der Dtsch. Akad. d. Wiss. zu Berlin, 1961.
- Golomb L. SVD. Die Bodenkultur in Ost-Turkestan, Oasenwirtschaft und Nomadentum. Studia institute Anthropos, vol. 14, Freiburg, 1959.
- Goubil R. P. Histoire de Gentchiscan et de toute la dinastie des Mongous ses successeurs, Conquerans de la Chine tirée de l'Histoire Chinoise et Traduite. Paris, 1739.
- Grousset R. Histoire de l'Extrême-Orient. Paris, 1929.
- Grünwedel A. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch Turkestan. Berlin, 1912.
- Grünwedel A. Alt-Kutscha. Berlin, 1920.
- Grünwedel A. Bericht über die archäologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter, 1902—1903. Abh. Bayer. Akad. d. Wiss., Bd. XXIV, München, 1906.
- Grünwedel A. Die archäologischen Ergebnisse der dritten Turfan Expedition. Zeitschr. für Ethnol., Ht. 6. Berlin, 1909.
- Du Halde J. B. Descriptions géographique, historique, chronologique, politique et phisique de l'empire de la Chine et de la Tartarie chinoise efer. La Haye, 1736.
- Frye R. N. Tarxūn-Türxun and Central Asia history. HJIS, Cambridge, Mass., XIV, 1—2, June, 1951.
- Hamilton J. R. Les Ouighours a l'époque des cinq dynasties. Paris, 1955.
- Herbert R. J. The Morphotactics of Uigur. Masters thesis, Submitted in 1956, to the Georgetown University Institute of Languages and Linguistics.
- Herrmann Al. Historical and commercial atlas of China. Cambridge Mass., 1935.

- Hoffman H. Die Qarluq in der Tibetischen Literatur Oriens, Bd. 3, № 2. Leiden, 1950.
- Huar M. Cl. Documents de l'Asie Centrale (Mission Pilliot). Trois actes notariés arabes de Yarkend. JA, IV, 1914.
- Huart Cl. Le conte bouddique des deux freres en langue turque et en caracteres ouigours. JA, janv.-fevr., Paris, 1914.
- Ibn al-Athiri. Chronicon, quod perfectissimum inscribitur, ed C. J. Tornberg, vol V, IX, Lugduni Batavorum, 1863.
- Jarring G. Some notes on Central Asian Turkic Place names. Bull. Geolog., vol. XI, Uppsala, 1961.
- Jarring G. Materials to the Knowledge of Eastern Turki. Bd. 43, № 4, 1946; Bd. 44, № 7, 1948; Bd. 47, №№ 3, 4, 1951, Lund.
- Julien St. Melanges de biographi Asiatique. JA, t. IX, 1847.
- Karlgren B. Analitic dictionary of Chinese and sino-japanese. Paris, 1923.
- Klaproth. Abhandlungen über die Sprache und Schrift der Uiguren. Berlin, 1812.
- Klaproth Ju. Ueber die Sprache und Schrift der Uiguren. Paris, 1820.
- Klementz D. Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan, Hft. 1. St.-P., 1899.
- Lane E. W. Arabic-English lexicon, t. V. London, 1874.
- Lattimore O. Pivot of Asia. Boston, 1950.
- Le Coq. Auf hellas Spuren in Ostturkistan. Leipzig, 1926.
- Le Coq A. Chotscho. Koeniglich preussische Turfanexpedition. Berlin, 1913.
- Le Coq. Exploration archéologique à Turfan. La Bibliotheque de vulgarisation du Musee Guimet, t. XXXV. Paris, 1910.
- Le Coq A. Handschriftliche uigurische Urkunden aus Turfan. Turan, 1918.
- Le Coq A. Köktürkisches aus Turfan. SPAW, XLI, 1909.
- Lien-Sheng-yang. Hostages in chinoise history. HJAS, vol. V, №№ 3—4, 1951.
- Loewental. Bobliography of Turc of Central Asia. The Hague Monton, 1957.
- Magakia History of the nation of the archers (the mongols) by Grigor of Akana. Hiterto Ascribed to Magakia the Monk, the armenian text edited with and english translation and notes by Robert P. Blake and Richard H. Frye. Harvard university, 1954.
- Marquart J. Die Chronologie der Alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898.
- Maspero H. Les documents chinois. De la troisieme expedition de sir Aurel Stein en Asie Centrall. Ed. by the Lete H. Maspero. London, 1953.
- Minorsky V. A Soyurghal of Qasim Ibn Jahanghir Aq-Qoyunly. BSOAS, t. IX, 1933.
- Minorsky V. Hudud al-Alam, translated by V. Minorsky. London, 1937.
- Minorsky V. Tamim ibn Bahr's Journey to the Uyghurs. BSOAS, XII, 2, 1948.
- Müller F. W. K. Uigurica. Berlin, 1908.
- Ogasawara N. Seiki bunka keukyū-no genjo. Piokoky university Kyoto Nishihongengi temple. 1960.
- Pelliot P. La version ouigoure de l'histoire des princes Kalya Namkara et Papamkara. TP, vol. XV, Leiden, 1914.
- Pritsak O. Von den karluk zu den Karachaniden. Zeitschr. der Dtsch. Morgenländ. Ges., Bd. 101, Neue Folge, Bd. 26, Wiesbaden, 1951, SS. 270—300.
- Pulleyblank E. G. Same remarks an the Toqur-oghur problem. UAJ, Bd. XXVIII, Hft. 1—2, Wiesbaden, 1956.
- Quatremere. Histoire des Mongols de la Perse par Raschid ed-din par M. Quatremere, text pers, t. 1. Paris, 1836.
- Radloff W. Das Kudatku-bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Balasagun, T. I. 1891.
- Radloff W. Uigurische Sprachdenkmäler. Materialien nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. Malov Herausgegeben, A., 1928 (см.: Раглов, док.).

- Rat chnevsky P. Die mongolischen Grosskane und die buddhistische Kirche. Asiatica, Leipzig, 1954.
- Ramstedt G. J. Mongolische Briefe aus Idikut schahri bei Turfan. SPAW, T. XXXII, Berlin, 1909.
- Ramstedt G. J. Four uigurian documents. In Carl Gustaf Monnerheim, Across Asia from West to East, 1906—1908, vol. 2. JSFO, № 8, Helsinki, 1940.
- Ramstedt G. J. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei. JSFO, vol. 30, 1913.
- Rapson E. J. a. P. S. Noble. Kharosthi inscriptions discovered by sir Aurel Stein in Chinese Turkestan, t. III, transcr. a. ed. by E. J. Parsan a. P. S. Noble. Oxford, 1929.
- Remusat Ab. Histoire de la ville de Khotan. Paris, 1820.
- Research in Japan in history of eastern and western cultural contacts. Its development and present situation, 1957. Japanese national commission for Unesco.
- Richardson H. E. A Tibetan inscription Lha-Khan; and a note on Tibetan chronology from a. d. 841 to a. d. 1042. JRAS, pt. 1—2, 1957.
- Roux J. P. Tängri. Essai sur le ciel-dieu des peuples altaïques. Revue de l'histoire des religions, t. CXLIX, № 1, 1956.
- Samolin W. The Turkisation of the Tarim Basin, up to Qoraqytay: a preliminary survey of the problems involved. Ann Arbor. University Microfilms, 1953, (Publ. 6696) iv 362 p. map facsim. bibl. 345—362, (Hist). Columbia University libraries. East Asiatic library. Columbia University Masters' Essay and doctoral dissertations. On Asia, 1875—1956. N. Y., 1957.
- Sanskrit-english dictionary by sir Monier. Williams. Oxford, 1899.
- Schmidt. Forschungen auf dem Gebiete der Völker Mittelasiens von Jacob Ysaac Schmidt. St.-P., 1824.
- Sinor D. On Turkish buddhism in Central Asia. KCsA, vol. 1, 5, Budapest, 1939.
- Stein A. Ancient Khotan. Detailed report of archaeological explorations in Chinese Turkestan. M. Aurel Stein, vol. I—II. Oxford, 1907.
- Stein A. On ancient Central Asia traks. Brief narrative of three expedition in innermost Asian North-Western China. London, 1933.
- Stein A. Innermost Asia, vol. III. Oxford, 1928.
- Stein A. Serindia, tt. I—V. Oxford, 1921.
- Stein's Manuscripts in türkisch «runic» script from Miran and Tun-Huang. JRAS, january, 1912.
- Stcherbatsky Th. Bibliotheca Buddhica, вып. XX, Пр., 1917.
- Sykes E. Through deserts and oases of Central Asia, by Ella Sykes and Percy Sykes. Edinburg, 1910.
- Takeo A. History of the Uighurs. The Japan science review literature, philology and history, vol. 8. 1957.
- Tatsuro Yamamoto. A Tun-huang manuscript of the sixth century A. D. concerning the Chun-tien land sistem (1) Memoirs of the research department of the toyo bunko (the oriental library), № 18. Tokyo, 1959.
- Tenišev E. Sur le folklore et langue des salar. AO, t. XIV, 1962.
- The Tarikh-i Rashidi of Mirza Muhammad Haidar Dughlat. A history of the Moghols of Central Asia. An engl. vers., ed. with comment., not. a. map by N. Elias, M. Consul. General for Khoroson and Sistan. Traust. by E. Denosson Ross. London, 1895.
- The Turkic languages and literatures of Central Asia. A Bibliography. Compiled by Rudolf Laewenthal. Mouton-Gravenhage, 1957.
- Thi pali text society. Pali-english dictionary, r. VIII, Price, 1925.
- Thomas F. W. Tibetan documents concerning Chinese Turkestan. JRAS, 1927, 1928, 1930, 1931, 1933, 1934.
- Thomas F. W. Tibetan literary texts and documents concerning Chinese Turkestan. London, pt. I, 1935, II, 1951.
- Twitchett D. C. The fragment of the Tang Ordinances of the department of Waterways discovered at Tunhuang. Am, new ser., vol., VI, pt. I, 1957.

- Twitchett D. Hand under state cultivation under the T'ang, some Central Asian documents concerning military colonies. JESHO, vol. 11, pt. 3, Leiden, december, 1959.
- Twitchett D. C. Monastic estates in Tang-China. AM, vol. V, pt. 2, 1956. 2500 years of buddhism. New Delhi, 1956.
- Uighur folk tales. CL 1956, № 3. 121—48 Contents. — Stories about Nasr-din Avanti. — A womans love. — Three treasures. — King of the pomegranate tree.
- Visdelou. Histoire de la Tartarie. Paris, 1779.
- Waldschmidt E. Gandhara, Kutscha, Turfan. Eine Einführung in die früh-mittelalterliche Kunst Zentralasient. Leipzig, 1925.
- Wan Tung-shu. The twelve mukam of Sinkiang saved and revirea. China Reconstructs, vol. XII, № 2, febr., 1963.
- Wittfogel K. A. a. Feng Chia-sheng. History of Chinese society Liao (1907—1125). TARS, new ser., vol. 36, Philadelphia, 1949.
- Yamada N. Fragments of the manuscript, of Tien-ti Pe-yang shen-chou-ching in Uyghur. The Toyo Cakuno reparts of the oriental society, vol. XXXX, № 4, Tokyo, march, 1958.
- Yang Lien-shen. Buddhist Monajteries and four monajraising institutions in chinese history. NJAS, vol. 13, №№ 1—2, 1950.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

- Абруй 186.
 Абу Саид 51.
 Абу Саид хан 25.
 Абу-л-Гази 193, 215.
 Абу-л-Фида 85.
 Абу-л-Футуха 222.
 Адаьгард 137.
 Адар 125.
 Адо-юй 55.
 Айтсу 155.
 Ал-Бируни 78.
 Али 104.
 Али-заде А. А. 129, 163, 164.
 Али-хая 152.
 Алп-Тоғрил 97.
 Алтун-Кара 106, 165.
 Алчек-бавурчи 130.
 Альчамтунь 57.
 Алэ Вар-си 150.
 Амгувак 18.
 Ань Лу-шань 26.
 Ара Темур 187, 188.
 Арканды-Ачки 125.
 Арслан 45.
 Арслан-хан 44, 55, 56, 66, 198, 224.
 Асан Тигин 178.
 Асан 128.
 Атай Сали 140, 141, 152.
 Ат-Кираха 153.
 А... улук 176.
 А-чжо 28.
 Ашик-Темур 130.
 Ашока 224.
 Бай Бука 187.
 Бай Темур (Тимур) 125, 165.
 Ба... лтур 176.
 Бам Сан-шен 18.
 Банг В. 13, 139.
 Банзаров Д. 6.
 Бань-бао 37.
 Баон-хан 29.
 Барроу Т. 10.
 Бартольд В. 7, 23, 43, 45, 52, 74, 104, 127, 129, 134, 148, 149, 163, 185, 186.
 Барча-Турмыш 186.
 Барчин 111.
 Басан 174.
 Баса Тоғрыл 145.
 Баскаков Н. А. 46.
 Баурчук 56, 57, 153, 237.
 Баш-Кара 188, 198.
 Бег (Бек) Бука 19, 187.
 Бедрун 178.
 Бей Хоу-ли 214, 215.
 Березин И. Н. 105.
 Березовский М. М. 11.
 Бернштам А. Н. 13, 17—19, 30, 172, 185, 186.
 Билэгэ 56.
 Бинтунг 13, 175, 176.
 Бичурин Н. Я. 6, 23, 60.
 Богословский В. А. 118.
 Бограхан 222.
 Бодончар 130.
 Болмыш(Булмыш) 142, 144, 169, 170.
 Бренштейдер Е. 6.
 Будагов А. 108.
 Будда 208.
 Букинг 178.
 Булун Ого 142.
 Булу-хан 150.
 Бутуш-Тутук 93.
 Бушачи Буйрук 111.
 Буян Кара 165.
 Валитова А. А. 185.
 Вальдшмидт Е. 209.
 Ван Бур-хдо 18.
 Ван Юн-син 121.
 Ван Янь-дэ 44, 45, 55, 56, 66, 69, 74—76, 127, 149, 196, 198, 217, 224, 228.

Васильев В. П. 23.
Висделу 6.
Виттфогель 56, 87.
Владимирцов Б. Я. 8, 103, 127, 129,
131, 163, 192.

Габен А. 8, 13, 46, 139.
Газан-хан 104, 134.
Гардизи 44, 45, 52, 53, 68, 69,
73—75, 145, 148, 149, 223, 327,
228, 233—235.

Гвегу 18.
Гирей 104.
Гобиль 5.
Гофман Г. 46.
Григорьев В. В. 6, 7, 58, 88, 106, 198.
Грум-Гржимайло Г. Е. 7, 66, 201.
Груссе Р. 7.
Грюнведель А. 11, 40, 209—213.
Гудулу 28.
Гули Пэйло 116.
Гумилев А. Н. 185, 186.

Дадай 153.
Дай-цзун 26.
Дармашири 151.
Дегинь 6.
Джамаль Карши 222.
Джедал-ад-дин 150.
Джувейни 5, 105, 215.
Долбежев Б. В. 44, 63, 78.
Долосы 27.
Дудин С. М. 204, 206.
Дьяков А. А. 12.
Дьяконов М. М. 209, 213.
Дю Гальд 6.

Ел-Бука 110.
Елик 97.
Елик Кадыр 16, 17, 54, 72, 105, 120,
139, 166, 167, 182, 195, 197.
Ель-Коча 132, 133, 165, 187.
Елюй-Даши 56.
Елюй-Чуцай 101.
Енгурунч 110.
Еяч Бука 144.

Жульен С. 198.
Жэнь-цзун 60.
Жэнь Чжи-юань 37.

Захарова И. В. 47, 49.
Зуев Ю. А. 32.

Ибн ал-Асир 5, 107, 175.
Иванов П. П. 99.
Идигинь 26, 27, 117.
Иди Курт 10.
Икичи 161.

Ильчи 124.
Инал-Куча 187, 188, 196.
Инду 90.
Инечи 176, 177.
Инсчки 97.
Иннокентий 225.
Инчиу 218.
Иоанн 225.
Иос-санча 128.
Иркан 53.

Кабичи-Баатур 130.
Кадира 169.
Кадыр 72.
Кадыр билга тангри елик куты... 16.
Кайду 57.
Каймыш Сенгун 125.
Кайтсу тутунг 155, 169, 170.
Кайымту 19, 124, 125.
Кальянамкара 218.
Камбукту-тутунг 169, 170.
Камиса 138.
Кара 132, 165, 193.
Кара Бука 93, 178, 193.
Кара Туюн 132, 165.
Катрмер 105, 128, 129.
Кашмани 59.
Кибиров А. К. 13, 129, 133, 164,
181, 236.

Кизерицкий Г. 9.
Кимсун 177.
Кингдам 174.
Кингсун Аяк 178.
Кин юнг 143.
Кисляков Н. А. 233.
Клапрот Ю. 6, 22, 23.
Клаусон Г. 23.
Клеменц Д. 10.
Козбо Сомаяк 161.
Козлов П. К. 10, 12.
Кокбука 111.
Коке Тимур 151.
Кононов А. Н. 185, 193.
Кордые Г. 7.
Кохановский 12.
Кротков Н. 12.
Куда Быдын 90.
Кулан 174.
Кумар Арслан 97.
Кусенчук 97.
Кусук 194.
Кутая 53.
Кутейба 175.
Кутлак 93, 178.
Кутлак Тимур 93, 134, 178, 179.
Кутлак-хан 103.
Кут-торе 28.
Кучлак-моке-тархан 27, 150.
Куш-Бука 110.

Кырыркус 122.
 Кыты Кара 176.
 Кытыр Кекучи 53.
 Кычанов Е. И. 119.
 Кю-тау 218.
 Латтимор О. 237.
 Лекко А. 11, 40, 47, 202, 211, 212.
 Лен Е. 107.
 Ли Янь-шоу 42.
 Лян-цзю 220.
 Малов С. К. 12—17, 32, 45, 47, 49,
 71, 72, 92, 107, 109, 113, 124, 137,
 138, 154, 155, 160, 161, 169, 170,
 172, 179, 185, 186, 193, 216.
 Малявкин А. Г. 8.
 Мангал 140, 146.
 Мани 223, 224.
 Мансур-хан 51.
 Маркварт И. 25, 44.
 Марко Поло 8, 48, 78, 123, 226, 233,
 234.
 Маркс К. 64, 67, 92, 100, 115, 117,
 118, 129, 150, 186.
 Масперо А. 10, 37, 119, 171.
 Махмуд Кашгарский 25, 47, 107,
 221, 222.
 Мелиоранский М. 185, 186.
 Менгу 10.
 Минаев И. П. 9.
 Манга-Кара 132, 165, 193.
 Мин-цзун 87.
 Могилян-хан 30.
 Моюн-чур 14, 24, 216.
 Мояньчжо 26, 117.
 Мубарек-коч 179, 181.
 Мункэ 59.
 Мухаммед-ал-Ауфи 25, 224.
 Мухаммед-Садык 51.
 Мысыр 19, 125.
 Навои Алишер 50.
 Напъхао 55.
 Ном Кулы 165, 194.
 Ну Шин-юя 143.
 Нюлиндзин 60.
 Обручев В. А. 63.
 Огуз-каган 216.
 Огуз-хан 215.
 Озмыштигин 216.
 Окенджэ 59.
 Окуй 91.
 Оджей Темур 128.
 Ольденбург С. Ф. 11, 12, 137, 203,
 212, 213, 218.
 Онгу 98, 111.

Д'Оссон 6, 153.
 Огуз 176.

Палладий 151.
 Пан гуань дэлэ 27.
 Пан Тэлэ 28.
 Папамкара 218.
 Пелльо П. 7.
 Петр I 133.
 Петровский Н. Ф. 9.
 Петрушевский И. П. 99, 129, 134, 164.
 Пляно Карпини 25, 224, 225.
 Позднеев Д. 6, 22, 23, 27, 28, 60,
 214.
 Пугу-цаун 43.
 Пуллабланк К. 45.
 Пэйло 26.
 Радлов В. В. 6, 12, 14—16, 22, 23,
 29, 45, 49, 71, 80, 91, 92, 108, 109,
 122, 154, 157, 161, 169, 170, 172,
 174, 176, 185, 186, 215, 220, 231.
 Рамstedт Г. 13, 32, 111, 128, 200,
 216.
 Рачневский П. 140.
 Рашид-ад-дин 5, 23, 104, 105, 128,
 215.
 Регель А. Э. 9.
 Роборовский В. И. 10.
 Рубрук Вильгельм 25, 224—226.
 Саади 50.
 Сабу 151.
 Саг Ди лаге 18.
 Сада 193.
 Сай Дянь-чи 150.
 Сайкс Е. 175.
 Салгор 102.
 Салынды 59, 120, 152.
 Самбоду 155.
 Самсам ал-Давле 107.
 Санджар 43.
 Сан Хеви-хдо 18.
 Сан-шен 18.
 Саньинч 121.
 Саума Раббан 8.
 Са Цзы-сы 153.
 Сенгектез Ака 179.
 Си-цзун 44.
 Созбо Шамасена 159, 166.
 Солдабай 123.
 Стейн А. 10, 18, 38, 40, 171, 175,
 208, 218, 219, 227.
 Субутай 25.
 Сумтуку 194.
 Сутпак 155, 156, 189.
 Суякык-Сурья 123.
 Сынгку Сели Тудунг 218.
 Сянь-най 152.

Табмыш 191.
Таинчак 102.
Тайбуту Тулемыш 142, 144.
Тамерлан 6.
Тартыш 144.
Тататунг 152.
Та-ян 38, 136.
Таянч 111.
Таянч Яка 161.
Твитчет Д. 121.
Тедмилиг 93, 178, 193.
Темир-елчи 111.
Темичи 125.
Тенишев Э. Р. 13.
Тилло А. А. 61.
Тимур 25, 104.
Тимур-бей 6.
Тимур (Темур) Бука 104, 110, 124, 125, 150.
Тимур-Кутлук 105.
Тимур Ястук 110.
Титсу 155, 169, 170, 179.
Тоин Чок 176.
То-Лай-ю (Билань-На-ши) 152.
Толстов С. П. 186.
Томас Ф. 10, 38, 124.
Томсен Вильгельм 14, 185, 186.
Тсангу 123.
Тубиак Силавант 155.
Туглук Тимур 131, 165, 166, 173.
Тулук Темур 173.
Тумен Булункай 128.
Тунь моко-тархан 27, 150.
Турмыш 97, 155, 189.
Турмыш Тигин 191.
Турук Адгу Тогрил 97.
Турчи 174.
Туры 106, 132, 135, 188.
Туры Бакшы 187.
Тушуман 102.
Тыншыду 125.

Угэдэй 59, 60, 102.
Угэ Дэлэ 28.
Удей 157.
У-ди 64.
Урк Тогрил 97.

Фэн Цзя-шэн 13, 87, 123, 191, 237.

Хадху 101
Хайдер-мирза 134

Хайдер-эмир 51.
Хала-и-хачи 120, 150, 167.
Хамилтон Дж. 26.
Хирт 185, 186.
Хуан Вэнь-би 13.
Хубилай 140.
Худайдат 134.
Хызр-Ходжа 60.
Хэй Ми-ши 152.

Цзюймо 79.
Цзюэ-ли-бе-во-чи 150.

Чааха-Гамбу 130.
Чан-Чунь 54, 66, 69, 140, 151.
Ченгез 125.
Ченгинтаои Елчи 125.
Чидин 165.
Чинг Темур 128.
Чинган 151.
Чингис-хан 5—7, 54, 57, 59, 65, 102, 105, 120, 130, 140, 150, 152, 153, 167, 236, 238.
Чинтсу 142, 170, 179.
Чинтсу-сыла 169.
Чэн-цзун 60.

Шаванн Э. 7, 10, 35.
Шакья 205.
Шамиз Тачшма 102.
Шмидт Я. 6, 23.

Шербак А. М. 46.
Шербатской Ф. И. 219.

Энгельс Ф. 115, 229, 231, 232, 234.

Юань-хао 220.
Юрук Кыпчак 187.
Юсуф Баласагунский 185, 221.
Юэ-лу Тимур 152.

Ябалаха III мар 8.
Яка-Бука 110.
Якубовский А. Ю. 8, 133.
Янги Булат 109.
Яп Тогрил 177.
Япату 90.
Яр 207.
Ярук 144.
Ятма Паркута 138.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Авучаг 26.
 Азал 45.
 Азербайджан 129, 163, 164.
 Азия 100.
 Аи-ку 218.
 Аксу-Дарья 62.
 А-ку (Дуньхуан) 38.
 Алмалык 58.
 Алтай 23, 28, 46.
 Аньси 146.
 Арал (Азал) 78.
 Арк 78.
 Арканта 15, 20, 132.
 Асса-шар 81, 201.
 Аучжай 26.
- Багдад 107.
 Басгу 22.
 Байянь 28.
 Баркуль 65.
 Басми 26, 46.
 Безеклик 11, 137, 202, 206—208, 210.
 Бейтин 55, 85.
 Бесыма (Бешбалык) 54, 151.
 Бешбалык 44, 78, 85, 86, 184, 202.
 Бокасыкыр (боксыкыт) 26.
 Большой Юбдуз 62.
 Бусын 125.
 Бэй-Шань 7.
- Варахша 201.
 Великое Уйгурское государство 25.
 Восток 118, 144, 163, 204, 225, 226.
 Восточная Азия 11.
 Восточное Закавказье 163.
 Восточное Притяньшанье 7, 19, 24, 34, 39, 77.
 Восточно-Тюркский каганат 26, 31, 32, 185, 201.
 Восточные турки 49.
- Восточный Туркестан 43, 45—47, 50, 51, 61.
 Вэйхэ 24.
- Гандхара 209.
 Гань 146.
 Гань-му-лу 152.
 Ганьсу 42, 171.
 Ганьчжоу 28, 55, 116.
 Ганьчжоуские уйгуры 28, 74.
 Гаогюй 22, 23.
 Гаогюйские орды 216.
 Гаогюйцы 24, 31, 215, 222.
 Гаотай 220.
 Гаочан 13, 34, 35, 37, 45, 56, 60, 65, 68, 69, 72, 73, 75, 77, 121, 185, 212, 238.
 Гаочанский уезд 36.
 Гоби 61.
 Гумуди 63.
 Гунны 5, 6.
 Гучен 63.
 Гэлolu (карлуки) 26.
 Гэлу 28.
 Гэса 26.
- Дальний Восток 7.
 Дандан Ойлик 67, 77.
 Да-ху-кго-вансы 140.
 Десять огузов 24.
 Десять уйгуров 24.
 Джинанджкет 45, 78.
 Джунгария 44, 63—65, 67, 70, 75, 151, 172.
 Динлин 22.
 Долина Юлдузов 62.
 Дуньхуан 11, 39, 40, 121, 204, 208, 218.
- Египет 67.
- Желтые уйгуры 25.
 Жуань-жуане 23.

Закавказье 99, 101, 129, 144.

Запад 164, 226.

Западная граница 56.

Западная Джунгария 59.

Золотая Орда 105.

Идикут-Шари 11.

Иемен 67.

Или 45.

Инай-Янгисар 64.

Индия 129, 201, 224.

Индостан 67.

Иовугэ 26.

Иогачарья 144, 141.

Иологэ 26—28.

Иологэ-ягалакар 24.

Иран 31, 101, 129, 134, 144, 163, 164.

Ирландия 129.

Кавказ 102.

Кадода 159, 161.

Кара-китай 43.

Карабалгасун 26, 28—30, 201.

Каракорум 61.

Караханидское государство 42, 43, 45, 47—50, 80, 133, 185, 214, 221.

Караханиды 8, 56.

Кара Ходжо 56—58, 151.

Карашар 201, 203, 209, 212—214.

Карашарская котловина 62.

Карашарский оазис 11, 70.

Карлуки 28, 45, 46.

Кашгар 8, 25, 46—48, 50, 51, 56, 57, 64, 77, 175, 214, 221, 222, 224.

Кашгар-Дарья 62.

Кашгария 9, 25, 28, 42, 45—49, 59, 61, 62, 64—67, 71, 77, 136, 185, 214, 221.

Кашгарлык 26.

Кашгарское владение 65.

Кидани 55—58, 74, 106, 153.

Киргизы 28, 32, 41, 174.

Китай 5, 7, 45, 55, 56, 58, 59, 66, 75, 80, 86, 87, 101, 109, 121, 130, 140, 141, 143, 145, 151, 152, 172, 201, 211, 212, 214, 216, 220, 236, 237.

Китайская империя 6.

Китайская татария 6.

Китайский народ 59.

Китайский Туркестан 212.

Китайцы 23, 27, 200.

Комул 45, 48, 233.

Корсар (касар) 26.

Кочо 8, 15, 19, 20, 24, 44, 47, 53, 54, 56, 67, 77, 78, 81, 85, 86, 102,

125, 144, 177, 184, 202, 210, 211, 213, 233.

Кочо Кызыл 15.

Кочоский оазис 177.

Кукунор 116.

Кунь-луй 150.

Кустана 224.

Куча 38, 44, 45, 78, 86, 136.

Куча-Дарья 62.

Кучар 11, 39, 41, 43, 48, 51, 68, 69, 77, 137, 143, 201, 203, 209, 211—213, 224.

Кучарский оазис 11, 34, 40, 70, 77, 172, 205, 209.

Куэнь-Лунь 61, 150.

Кызыл 137, 205, 209, 210.

Кюйлоу 26.

Лао 146.

Ли-Си 38, 136.

Лобнор 62, 85, 224.

Лоулан 11, 18, 64, 67, 77, 205, 213, 214.

Луз-Таг 62.

Лукчун 8, 20, 53, 61, 71, 77, 85, 86.

Лукчунский оазис 21, 70, 71, 83.

Лутан 8.

Ляньчжоу 55, 116.

Ляо 55, 87.

Мавераннахр 43.

Мазар-Таг 67, 145.

Макшимигнасур 78.

Малабар 152.

Мануче 104, 163.

Маньчжурия 153.

Минг-ой 205, 209.

Миран 77.

Могулистан 50.

Мокосигэ 26.

Монголия 23, 141, 216.

Монголы 5, 6, 17, 23, 57—59, 100, 103, 105, 120, 127, 129—131, 150, 152, 164, 192.

Монгольский народ 7.

Муртук 16, 137.

Мурутлук 16, 109, 139.

Мурутлук ариядан 107, 109.

Мурутлукский монастырь 16, 20, 72, 120, 139, 182, 195, 197.

Мэй-бэй 146.

Ниндасян 36.

Ния 18, 64, 65, 67, 77.

Ноб 136.

Ойхор 23.

Он-Уйгуры 23.

Ордос 42.

Орхон 19, 23, 26, 27, 29, 41, 43, 68,
117, 200, 211, 216, 225, 238.
Орхоно-енисейские тюрки 30.
Отукен 46.
Пальмира 67.
Памиро-Алтайская цепь 61.
Пеин 233.
Пекин 150.
Пенчул 78.
Передняя Азия 102.
Персия 67.
Петербург 9.
Петра 67.
Поволжье 101.
Притяньшань 17, 20, 21, 34, 35, 38,
40, 41, 43, 44, 53, 79, 86, 115,
117, 118, 124, 171, 188, 189, 196,
200, 201, 209—211, 212, 213, 216,
217, 223, 229, 236, 238, 239.
Притяньшаньские базисы 71, 227.
Пенджикент 78, 209, 210, 213.
Пугу 22.
Раскем-Дарья 62.
Римляне 130.
Россия 12, 133.
Русь 59, 133, 171.
Самга 38, 136, 137.
Сангрик 122.
Сарыкол 62.
Сарыкольская долина 62.
Сары уйгуры 25.
Северный Китай 141.
Северо-Западный Китай 56.
Селенга 29, 68, 225.
Семиречье 28, 43, 56, 86, 134.
Сенгим-агыз 208.
Сеянто 24.
Сикет 78.
Сингрик 161.
Синьцзян 5, 10, 16, 18, 49, 64, 65,
119, 121, 137, 159, 209, 224.
Си Ся 41, 55, 80, 119, 236.
Снежные горы 55.
Согдийцы 19, 31.
Сокою 123.
Срединное государство 31.
Средняя Азия 11, 50, 86, 99, 101,
127, 130, 133, 144, 163, 164, 201,
209, 213, 216, 221, 236, 239.
Суджа 32, 216.
Сучжоу 55, 116.
Суяб 46.
Сыркип 202.

Такла-Макан 62, 66.
Тангут 8.

Тангутские племена 42.
Тангутское государство 43.
Тангуты 23, 43, 56, 59, 74, 80, 87,
116, 211.
Тарим 62, 145.
Таримский бассейн 11, 77, 226.
Татария 6.
Татары 6.
Ташкент 149.
Тейле 22, 24.
Тибет 28, 118, 141, 211.
Тибетские племена 116, 202, 212.
Тибетцы 23, 28, 116, 172.
Токсун 53.
Токуз-гузы 44—46, 223, 233.
Токуз-огузы 25.
Токуз-уйгуры 24.
Тола 68.
Тоску 53.
Тузтау 62.
Тунло 22.
Туркестан 46.
Турки 6, 130.
Турки-карлуки 58.
Туркмены 193.
Турламвюр (кюрламвюр) 26.
Турфан 11, 15, 16, 24, 46, 47, 50,
51, 69, 121, 139, 143, 203, 210,
212—214, 224.
Турфанлык 26.
Турфанская впадина 44, 61—63, 65—
67, 77, 202, 204, 210, 212.
Турфанская долина 62.
Турфанский оазис 9, 10, 11, 13, 15,
16, 44, 66, 67, 70, 132, 137, 209.
Тюрки 22, 23, 24, 32, 186.
Тюркские племена 23.
Тюркский каганат 216.
Тюркский народ 5, 7, 24, 168, 193.
Тянь-Шань 23, 28, 29, 33, 38, 41,
53, 61—63, 65, 68, 70, 117, 136,
172, 184, 185, 227, 236, 238.

Уза 197.
Уйгуристан 49, 129, 236.
Уйгурия 60, 151.
Уйгурская земля 24.
Уйгурская народность 22, 50, 51.
Уйгурские племена 17, 26.
Уйгурский каганат 14, 27—32.
Уйгурский народ 130.
Уйгурский союз племен 45.
Уйгурское государство 8, 9, 14, 17,
20, 21, 25, 26, 34, 35, 39, 41, 44,
45, 47—60, 63, 68, 71—73, 75,
80, 82—84, 86, 88, 91, 92, 94—96,
98—102, 109, 111—113, 115, 116,
118—120, 124, 126, 127, 130,
133—135, 137, 139—141, 143, 148,

150, 151, 154, 156—158, 160,
162—164, 167—169, 171, 174,
175, 179, 181, 182, 184, 188, 192,
194—196, 200, 206, 210, 211, 213,
214, 218, 220, 223, 224, 229, 232,
236, 237, 239.
Уйгурское ханство 238.
Уйгуры 5—9, 12, 14—17, 19—26,
28—32, 34, 41, 43—46, 48, 49,
51; 54—56, 60, 63, 64, 68, 70,
74, 78—80, 87, 98, 105, 106, 116,
117, 118, 126, 130, 140, 141, 146,
149, 150, 152, 153, 167, 168, 172,
173, 177, 184, 185, 189—192, 198,
200—202, 204, 206, 210—213,
216—220, 222—229, 231—239.
Урумчи 41, 56, 63, 65, 68.
Утуркар 26.
Хабцайкетле 62.
Хайдык-гол 62.
Хамн 41, 43, 50, 55, 68, 211.
Хамийский оазис 11, 70, 172.
Ханбалык 8.
Хара-Хото 11, 12, 171.
Харашар 65, 77.
Харашарский оазис 81.
Хасиву 26.
Хиейямвюр (аявир) 26.
Хогорсув 26.
Хаджо 9, 111, 128, 137, 207.
Хойху 23.
Хойхэ 69.
Хорезм 180.
Хотан 8, 10, 25, 38, 39, 41—43, 56,
69, 77, 84, 85, 116, 123, 136,
138, 143, 145, 205, 213, 214, 224,
234, 238.
Хотан-Дарья 62.
Хотанлык 26.
Хотанская область 74.
Хотанский оазис 69, 88, 123, 138,
172.
Хуанхэ 55.

Хувиньсо 26.
Худугэ 26.
Хукоу 38, 136, 137, 143.
Хуэйхэ 22, 23, 29, 55, 60, 69.

Центральная Азия 5—7, 9—12, 20,
21, 24, 25, 30, 33, 41, 43, 53, 61,
65, 67, 68, 84, 87, 93, 116, 124,
127, 143, 146, 150, 171, 182, 209,
218, 224, 237, 239.

Цзинь-лин (Kin-ling) 66.
Цзяннань 140.

Чагатаев улус 59, 60, 151.
Чагатанды 25.
Чанбала 151.
Чжуржени 43, 56.
Чиди 22.
Чиртын 197.

Шамо 61.
Шато 28.
Шачжоу 55, 116.
Шачжоуские уйгуры 74.
Шене-Усу 32, 216.
Шикшин 203—205, 212.
Шэньси 42.

Юаньхэ 22, 24.
Южная Кашгария 50.
Южное Притяньшанье 43.
Юньнань 141.

Ягмвюркар (ябуткар, ябюткар) 26.
Яглакар 26.
Ягма 45.
Ял-Турган 124.
Япония 8, 14.
Яр 15, 20, 53, 67, 77, 78, 81, 85, 86,
110, 208, 210.
Яркенд 15, 50, 51, 57, 64, 77, 84.
Яркенд-Дарья 62.
Яр-Хото 15, 44, 78.

ГЛОССАРИЙ

Адил — справедливый.
Акичи — казначей.
Албан — название налога.
Ал-башу — зависимый.
Ана — мать.
Анизангиз — обрабатываемая земля.
Апа — старшая сестра, родственница.
Арпа — ячмень.
Ат — лошадь.
Ата — отец.

Баг — сад.
Бадыр — мера емкости.
Бакыр — денежная единица.
Басык — название налога.
Батман — мера веса.
Бачаг-таг — по условию.
Башлык акичи — главный казначей.
Башлык бек — главный бек.
Бек — чиновник.
Берт — название налога, выкуп.
Боз — название ткани.
Борлук — виноградник.
Борсу — горох.
Бугдай — пшеница.
Будун — народ, простой народ.

Везирь — министр.

Гул — роза.

Даруга — название чиновника.
Дихан — крестьянин.

Едик — владыка.
Елчи — посол, вестник, чиновник.
Ель (эль) — народ, племя, государство.

Залим — угнетатель.

Идикут — титул правителя.
Ингак — корова.

Инджу — феодально-зависимые люди, феодальное землевладение.

Каб — название подати, мешок.
Кабаз — хлопчатник, вид налога.
Каган — титул правителя.
Кадаш — спутник, клиент.
Калан — название налога.
Каланчи — плательщик налога.
Карабаш — раб, рабыня.
Каула (Кавла) — овощи, название земельного участка.

Коз — орех.
Козы — ягненок.
Коин — овца.
Кокпу — местная ткань.
Кони — мера емкости.
Кориги — заповедник.
Кувак — тягло, повинность.
Кул — раб.
Кунг — девушка, дочь, рабыня.
Кунжут — масличное растение.
Купчур — название налога.
Кури — мера земельной площади.
Курут — название налога.
Кхоз-юл — государственные земли, передаваемые в условное владение феодалам.

Кидын — лен.
Кыз — дочь.
Кыра — пашня, поле.

Огул — сын.
Озум — виноград.
Окан-каскучи — распределитель речной воды.
Онлуг — десятник.

Пахта — хлопок.

Сакин — название налога.
Сали — монашеское звание.

Салыг — название налога.
Сангик (сангикик) — земля, принадлежащая монастырю.
Сатыр — денежная единица.
Сувчи — распределитель воды.
Сык — мера земельной площади.

Табыгчи — почитатель, учитель.
Тархан — почетный титул.
Тарыг — пашня, просо.
Тембин — мера емкости.
Тинтсуи — чиновник и налог.
Торкучи — учетчик.
Тсангчи — казначей.
Тумен елчи — чиновник (глава десяти тысяч).
Тутун — название налога.

Улус — народ, государство.
Улчи — высший чиновник.
Ур — пашня.
Уруг — род.

Хан — титул правителя.

Чачаклык — цветник.
Чу — название пахотной земли.
Япунсу — монашеское звание.
Ясак — название налога.
Нбabs — рента, налог.
Quvana — название государственного налога.
Quvaq — вид повинности.
Suka — название налога.
Togur (Oghur) — название уйгуров.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Введение История вопроса	5
Глава первая. Уйгуры в VI—IX вв.	22
Глава вторая. Восточное Притяньшань накануне завоевания уйгурами	34
Глава третья. Уйгурское государство в Притяньшань	41
Глава четвертая. Земледелие	61
Глава пятая. Города и ремесло	77
Глава шестая. Торговля и ростовщичество	86
Глава седьмая. Рента, налог и повинности	95
Глава восьмая. Землевладение	115
Государственные земли	119
Мелкое крестьянское землевладение	120
Заповедники-кориги	127
Инджу	128
Церковное землевладение	135
Частное землевладение	144
Глава девятая. Феодалы и зависимые	148
Господствующий класс	148
Категории крестьянства	154
Государственные крестьяне	155
Кувак	159
Инджу	162
Тутук	168
Кадаш	172
Рабство	175
Сали	181
Глава десятая. Община	184
Глава одиннадцатая. Культура и быт	200
Заключение	236
Дополнения	240
Уйгурские документы (текст, транскрипция, перевод)	240
Хозяйственная запись (уйгурский текст из 10 листов)	241
Два уйгурских документа из публикации В. В. Радлова и С. Е. Малова, №№ 77 и 88 (текст, транскрипция и перевод)	252
Перевод документа, опубликованного в журнале «Lishi yanjiu», 1954, № 1 (на кит. яз.)	259

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список сокращений	263
Библиография	265
Труды основоположников марксизма	265
Рукописные источники	265
Литература на русском языке	265
Литература на иностранных языках	272
Указатель собственных имен	277
Указатель географических и этнических названий	281
Глоссарий	285

Дмитрий Иванович Тихонов
ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ
УЙГУРСКОГО ГОСУДАРСТВА X—XIV вв.

*

*Утверждено к печати
Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР*

*

Редактор издательства *В. М. Панейх*
Художник *М. О. Разулевич*
Технический редактор *Н. А. Круликова*
Корректоры *Н. В. Лихарева, Г. А. Мирошниченко*
и *Т. Г. Эдельман*

Сдано в набор 24/XII 1965 г. Подписано к печати 16/IV
1966 г. РИСО АН СССР № 156—118В. Формат бумаги
60×90¹/₁₆. Бум. л. 9. Печ. л. 18 = 18 усл. печ. л. Уч.-
изд. л. 19.04. Изд. № 2922. Тип. зак. № 678. М-27663.

Тираж 900. Бумага типографская № 1.

Цена 1 р. 20 к., переплет 20 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука».
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1.

1-я тип. издательства «Наука».

Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
23	1 снизу	C l a u s a n.	C l a u s o n.
24	18 "	ujvur jarihta	uiyur jirinta
47	24 сверху	измерения	изменения
70	21 "	арпа	арпа
99	3 снизу	№ 77	№ 88
107	9 "	кайламлык	кайлалык
139	13 сверху	saliärk synur»	salilar arksynur»
193	15 "	urluymux	urluymuz
225	24—25 "	буддийские	буддийские
258	12 снизу	туюм	туюн
270	3 сверху	Памятники	Памяти
272	6 снизу	A m y o m.	A m y o t.

Д. И. Тихонов. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства.